Крис Сэкнуссемм

ЗЕМНОСВИЛЛ

«Постапокалиптический водевиль ужасов!»

АЛЬТЕРНАТИВА ФАНТАСТИКА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Добро пожаловать в Новую Америку.

Здесь Централ-парк стал последним оплотом «великой цивилизации», штаты выкупаются навечно или берутся во временное пользование, сексуальные эксперименты стали частью корпоративной политики, а трансплантация органов живых людей — унылым бизнесом.

Здесь можно все — и нельзя ничего!

- Крис Сэкнуссемм
  - Жизнь моя — ветер
  - Часть 1
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
  - Часть 2
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11
    - Глава 12
  - Часть 3
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
    - Глава 11

        - Глава 12
        - Глава 13
    - Часть 4 ТЕМНЫЙ УРОЖАЙ
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
        - Глава 12
        - Глава 13
        - Глава 14
        - Глава 15
    - Часть 5
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
        - Глава 8
        - Глава 9
        - Глава 10
        - Глава 11
    - Часть 6 «ДУХОКРУЗЕР»
        - Глава 1
        - Глава 2
        - Глава 3
        - Глава 4
        - Глава 5
        - Глава 6
        - Глава 7
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5

- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49

- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93

- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113

Крис Сэкнуссемм Зейнсвилл

Человек — бог в руинах.

Ральф Уолдо Эмерсон

Жизнь моя — ветер

1838 год. В Америке время гротескных трансформаций. По всему Югу пот и кровь чернокожих превращаются в белый хлопок. Часть Мексики, объявившая себя республикой Техас, присоединится к Соединенным Штатам, что ввергнет их в войну. Пятнадцать тысяч индейцев-чероки идут восьмисотмильной «Тропой слез» в Оклахому, а в штате Нью-Йорк одержимый арифметикой фермер-баптист по имени Уильям Миллер предсказывает конец света через пять лет.

Из этого водоворота возникает один из самых забытых гениев в истории человечества: Ллойд Мидхорн Ситтурд, сын Гефестуса Ситтурда, кузнеца и изобретателя-неудачника с примесью индейской крови шауни (предположительно родня великому вождю Текумсе[1]), и Рэпчер Мидхорн, говорившей на креольском дочери освобожденного камберлендского раба из Джорджии и повитухи с Аппалачского плато.

Зачатый на Большом Змеином кургане, самом высоком из индейских доисторических курганов в штате Огайо, Ллойд появился на свет в городе Зейнсвилл. Его сестра-близнец Лодема вышла из материнского чрева мертворожденной. В то время отец Ллойда, неохотно примкнувший к адвентистскому движению Уильяма Миллера, строил «Ковчег времени», дабы защитить свою семью от последствий конца света, а Рэпчер первой использовала марихуану в лечении деменции и смертельных болезней.

Ллойд — изобретательный вундеркинд. В четыре года он строит миниатюрные воздушные корабли и пишет секретные книги собственными невидимыми чернилами. В пять он проектирует и создает исправно работающего механического бобра.

После «великого разочарования» миллеритов, когда конец света все-таки не наступил, Гефестус перевозит семью из Огайо и поселяется на заброшенной ферме, которую унаследовал в Дастдевиле, штат Техас. Четвертого июля, когда маленький Ллойд ухаживает за алтарем, который он установил в память об умершей сестре, мальчика уносит ураган. Ллойд отсутствует двадцать минут и возвращается ровно на то же место, откуда исчез. На вопросы о том, что случилось, пока он был внутри урагана, Ллойд отвечает, что разговаривал с духом умершей сестры, которая передала ему высшее знание эволюции. Хотя от этих слов отмахнулись как от игры детского воображения, в одном история звучит, бесспорно, правдиво: выдающийся дар Ллойда к изобретательству лишь усилился.

Это его техноколдовство позднее заложит основу победы Севера в Гражданской войне, которой достигли бы много раньше, если бы более верно следовали его идеям. (В его стратегию битвы при Шилохе среди прочего входило подмешивание органического мескалина в запасы воды конфедератов.)

В послевоенное время он экспериментирует с новыми теориями и методами камуфляжа, гипноза и ускоренного обучения, со счетными и переводящими машинами, новыми типами протезов, с использованием природных лекарственных средств в лечении психических заболеваний, с операциями радикальной хирургии, с ранним кинематографом, физикой и управлением погодой. Его гениальность подтачивают лишь патологическое нежелание доводить дело до конца, ненасытная сексуальность и непреходящее чувство вины и потери — он не в силах пережить смерть сестры-близнеца. Эти демоны мучают его и срывают планы, когда его фортуна переживает взлеты и падения — от головокружительных вершин богатства (в какой-то период он содержит школы соколиной охоты и толкования снов в своем поместье Лабиринтия в изолированном горном районе между Блэк-хилс и Бэд-лендс Южной Дакоты) до пропитанных абсентом оргий в захудалых отелях Манхэттена.

Его величайший коммерческий успех — роскошный парк развлечений, известный как «Макропотамия», построенный у слияния трех рек в Питтсбурге. Здесь задолго до знаменитого бруклинского луна-парка впервые появились настоящие «американские горки» — беспрецедентное достижение для того времени. (Это Ситтурд ввел в обиход фразу «Нужно быть сорока двух дюймов росту, чтобы кататься на аттракционе».) В память об урагане Ситтурд окрестил аттракцион «Лодемания», но позднее сменил имя на «Экстаз», следуя Марку Твену, который назвал катание на нем «религиозным переживанием» (одновременно решительно порицая жевание табака).

Острота Твена оказывается пророческой, так как большее количество клиентов начинают сообщать о духовных видениях во время катания на «Экстазе», и этот феномен вызывает серьезное беспокойство у глав религиозных организаций. Напряженность вокруг «американских горок» достигает апогея во время скандального происшествия с тремя школьницами, из-за которого аттракцион вынужденно закрывают. Вскоре следуют несчастные случаи на других аттракционах и их критика в прессе, а также нападения вандалов.

Уничтоженная в результате подозрительного пожара «Макропотамия» отходит в область легенд. Ситтурд много путешествует под различными чужими именами и наконец

становится отшельником, сосредоточившись на экспериментах по селекции и исследованиях в областях, которые мы сегодня назвали бы искусственным интеллектом и роботехникой. Слухи о его изысканиях и успехах сеют панику в рядах «Агентства Пинкертона», и секретные службы порождают легендарное заявление: дескать, одно из его «творений» и было тем анархистом, который убил президента Мак-Кинли во время посещения последним Панамериканской выставки в Буффало в 1901 году, что привело к избранию на высший пост страны Теодора Рузвельта, бывшего соседа и друга Ситтурда по Южной Дакоте.

Усталый и ожесточенный Ситтурд удаляется в Дастдевил, Техас, туда, где его некогда подхватил ураган. Там он восстанавливает алтарь и часовню сестры и основывает общину, посвятившую себя утраченным принципам того, что он окрестил Духовной Надеждой Америки. Он отказывается от любого наименования для своих последователей, но община принимает людей всех рас и (интересно отметить) «всех» полов. Остается неясным, относилось ли это определение метафорически к гомосексуалистам или предвосхитило биотехнологические вариации человечества. (Иначе пришлось бы предположить, что многолетнее употребление наркотиков настолько разрушило его мозг, что он сам не знал, что говорил.) Во всяком случае, сексуальные сношения в этой общине были открытыми, постоянными и, в глазах консервативных соседей, порочными. Тем большей обидой для них стало то, что труженики Ситтурда собрали все почетные «голубые ленточки» на ярмарке штата качеством сельскохозяйственной продукции и скота, не говоря уже о том факте, что у общины было собственное электричество благодаря уникальным ветряным мельницам с двойной винтовой поверхностью лопастей, которые Ситтурд назвал «турбинаторами».

Во время одного из вечеров с купанием в озере и чтением стихов, который позднее был назван «языческим ритуалом с сатанинской подоплекой», отряд вигилантов напал на поселок, поджег здания и попытался повесить Ситтурда на одной из его ветряных мельниц. Страх — а не здравый смысл или порядочность — удержал нападающих от убийства, но потрясение и угроза будущих набегов заставили общину рассеяться. Позднее были сожжены амбары, а также лаборатория Ситтурда, библиотека и экспериментальные делянки. Садки для форели и угрей засыпали известью, работавшие на свином навозе двигатели взорвали, а ветряные мельницы растащили тягловыми лошадьми. Ситтурд остался один — старик в руинах, среди

которых уцелел лишь старый фермерский дом.

Потом, четвертого июля 1913 года, несколько позднее полудня, по остаткам поселения пронесся ураган кроваво-красной пыли и унес все до единой щепы и страницы книг. Ллойд Мидхорн Ситтурд исчез с лица земли, остался лишь алтарь его покойной сестре с надписью:

Сокрытые могут искать,
И потерянные — вернуться.

Часть 1
НАПУГАН ПО ПРИБЫТИИ

Каждый ребенок начинает сей мир заново.

Генри Дэвид Торо[2]

Глава 1
Форт Торо

Рывком придя в себя, он ощутил влажность пасхального вечера. Вокруг него ритуально свисали с сучков куклы и цепочки, и меж резких, будто вырубленных силуэтов дубов можно было различить огромные сияющие шпили и купола и сумрачные, но роскошные жилые дома, словно от нападения закрывшиеся бронированными жалюзи. Рядом вырастали скелетные строительные леса, на которых, судя по роям огоньков, устроились на открытых платформах целые семьи, а отдельные сообразительные или отчаявшиеся личности раскачивались на петлях или в мешках, закрепленных на оттяжках.

В небе, точно проецируемые из-за окрашенных серой туч, вспыхивали пиктограммы и радужные абзацы гипертекста. Часто повторялось слово «Витесса» и слоганы вроде «Эфрам-Зев… нужное настроение в нужное время». Послания гипнотизировали, информация обрушивалась неведомой разновидностью радиации. Потоки новостных лент и гигантские вспыхивающие заголовки «Угроза „аль-Вакии“ по-прежнему сильна…» и «„Зри-соединение“ за полцены…»

Наверное, он стоял тут долго, внезапно разбуженный лепетом фонтана, удивляясь, какие длинные и светлые у него волосы — словно бы светятся в темноте, словно бы из детской сказки, которую никак не вспомнить. Потом до него дошло, что гораздо важнее другое: он не может вспомнить, где он.

Очевидно, в каком-то парке, в огромном саду некоего, заполненного тенями города. Но какого города?

Голос… невнятный и тем не менее неестественно отчетливый, звучащий как будто у него в голове. «Выбрать Манхэттен». Мужской голос, одновременно очень далекий и слишком близкий.

Что значит «выбрать Манхэттен»? Он потряс головой, стараясь разогнать туман. Случилось что-то ужасное. Наркотики, черепно-мозговая травма…

— Не помню, как меня зовут! — сказал он вслух и почувствовал, как сердце при этом тяжело заухало.

Собственная одежда казалась ему странной… хлопчатые свободные штаны синего цвета, гватемальские сандалии, футболка с надписью «Я был на Уолл-наркотике» и сливочная ветровка с логотипом на груди: строительная тачка, из которой поднимается пламя. Судя по грязи и вони, он, наверное,

несколько ночей спал в кустах. Но Манхэттен — в Нью-Йорке, хотя бы это он знает. Значит, он в Нью-Йорке? Но в голову ничего не шло, только что он очнулся, нутром чувствуя опасность. Потом он снова услышал голос и, не поняв, тот ли это, что был раньше, или другой, лихорадочно огляделся. Голос говорил: «…ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня»[3].

«Вот черт, — подумал он. — У меня галлюцинации». Потом вдруг все его существо завибрировало от глубокой тревоги. Кромешная темнота заполнилась звуками. Кто-то или что-то приближалось. Искало его. «Цок-цок» — слышалось эхо, которое его гипернапряженный слух отфильтровал из… из туннеля. Он спрятался в кустах за фонтаном. Перед глазами у него плыло, в голове шумела статика. Он ждал, и от ожидания сводило мышцы.

Наконец они возникли из черного зева: оба верхом, один на крупной гнедой лошади, другой — на каурой. Лошадей защищали синтетические маски и нагрудные пластины, а всадники были в старомодной форме нью-йоркской полиции. Когда фигуры остановились, он увидел, что у них нет лиц. Только плоские маски с прорезями сканеров. Вблизи в натриевом свете скан-маски казались поцарапанными и мутными. С юга доносился стрекот автоматных очередей и ухающая музыка на низких частотах, но в парке было достаточно тихо, чтобы различить эхолоты всадников. Сердце у него подпрыгнуло, когда он ощутил напряженный, странно сладкий животный запах лошадей. Наконец между двумя конными фигурами проскочила вспышка статики. А после они двинулись так же внезапно, как и остановились, подковы выбивали по асфальту неподвластный времени римский ритм, и вскоре грозные силуэты скрылись среди деревьев.

Стоило им исчезнуть, как из-за одного заляпанного граффити валуна выпрыгнула фигура, обмотанная тускло-черной изолентой и в очках ночного видения.

— Везучая твоя задница, — произнес незнакомец, хватая его за руку неопреновой боевой перчаткой.

— Быстрей, быстрей, — кричал провожатый, лавируя в лабиринте из развороченных машин и пугал из колючей проволоки. И те, и другие походили на оригами в сравнении с поднимающимися над парком башнями, бронированные грани которых поблескивали как фасеточные глаза рептилий. — Быстрей, — окликнул провожатый. — Счетчик… Счетчик Гейгера говорит, у тебя скоро расплав случится.

Темнота превратилась в мембрану из падающего на

замедленной скорости снега, вот только снежинки походили на стеклянные лица, болезненно сложные, но прекрасные.

— Ну! — Незнакомец снова дернул его за рукав, и он словно бы провалился сквозь стену прохладного белого света.

Внезапно кругом засновали люди. Он почувствовал, как руку ему обожгло. Потом он упал, и, казалось, падал или опускался бесконечно, словно угодил внутрь смерча, и вокруг него закружили лица и распадающиеся воспоминания. «Ураган, — вспомнил он. — Меня принес сюда ураган».

Когда кружение наконец прекратилось и тела и лица успокоились, он увидел над собой крупную чернокожую женщину, которая, когда взгляд у него сфокусировался, оказалась на самом деле мужчиной в макияже, парике цвета морской волны и длинном африканском балахоне над сапогами из овчины (из голенища одного торчала рукоять «беретты»).

— Мы вкололи тебе «ЗИНО», — сообщило видение. — Постарайся не делать резких движений.

Он лежал на старом топчане в какой-то палатке. Горели свечи. За затянутым пленкой окном между надувными домиками и типи ходили люди. Слышалось слабое завывание аккордеона, в воздухе витал запах марсалы. Над нефтяными баками плясали искры.

— Эй, — раздался голос позади него, и он увидел своего обмотанного изолентой провожатого. Правда, тот уже снял очки ночного видения и оказался не незнакомцем, а незнакомкой, пуэрториканкой лет шестнадцати с куском пересаженной на щеку шкуры — вероятно, побывала в подпольном ожоговом центре.

— Кто ты? — спросил крупный мужчина-женщина.

Надо сосредоточиться. Он никак не мог привыкнуть к своим длинным светлым волосам. На теле у него ни грамма жира, но, несмотря на крепкие мышцы, кожа по-детски гладкая. Ничего не болит, если не считать ужасного жжения, которое он сейчас ощущал спиной. «Так вот от чего я потерял сознание! От боли. От боли в коже». Там что-то есть, но он не мог себя заставить об этом думать. Голова полнилась шорохом голосов… «Последняя надежда…» «Война душ…» А поверх них печаль блюз-гитары, плывущая с ночным ветерком откуда-то издалека — или из глубин его самого.

— Ты знаешь, кто ты? — повторил мужчина-женщина.

Но он не мог ответить. Кто эти люди? Что им надо? Куда он направлялся, когда выпал из урагана?

На встречу с кем-то. Кого-то надо найти. «Есть место, где я должен быть. *Есть кто-то, кем я должен быть».*

— Не страшно, — сказал темнокожий гигант. — Давай

начнем с того, где ты. Ты в Нью-Йорк-Сити. В той части Центрального парка, про существование которой никто, кроме нас, не знает. Мы называем ее Форт Торо. Своего рода убежище, священное место. Себя мы называем сатьяграхами[4], а я Арета Найтингейл[5].

После гигант принес сосуд с отфильтрованной водой и налил ему чашку, все это время внимательно рассматривая его почти белые волосы и устремленные в завтрашний день глаза. В этом ночном госте ему чудилось что-то будоражаще знакомое и одновременно глубоко чуждое. Он был среднего роста и явно меньше среднего веса, но его аура заполняла всю палатку.

Отпив немного, ночной гость спросил:

— А ты…

— Трансвестит? Вот именно, золотко, она самая!

На самом деле выглядел он, вернее, она как бывший полузащитник, изо всех сил старающийся подделаться под богом забытую певицу-диско, Донну Саммер, например.

— Была раньше юристом. Юрисконсультом в самой большой страховой компании мира. Жила в паре кварталов отсюда. Конечно, свои увлечения приходилось держать в секрете. А потом однажды поняла, что нужно выйти из лимузина и впрячься самой. Но это уже другая история. Моя история. Дюймовочка сказала, безопасники дали тебе смыться.

— Какая Дюймовочка?

— Я, — подмигнула пуэрториканка, затачивая лазером герберовский клинок.

— У тебя кто-то на хвосте? — спросила Арета, снова подумав, какие длинные и светлые волосы у этого странного человека, каким он кажется внешне измученным, но полным внутренней силы.

— Я не знаю… не могу…

Взяв детектор, Арета провела по гостю прибором. Устройство зарегистрировало электромагнитное возмущение неизвестной природы.

— М-да, а у тебя есть хоть какие-то догадки, кто ты есть?

— Н-нет. Я… не… — Он оглядел почти теряющиеся в полумраке стены палатки, украшенные безвкусными дешевенькими китайскими веерами, кимоно и страусовыми перьями.

— И ты не знаешь, как тут оказался? — подстегнула Арета.

Светловолосый на минуту задумался. Помимо сумасбродной идеи про выпадение из урагана он помнил лишь, как

рассматривал шприцы в фонтане и как его опалила боль между лопаток.

— Нет, — наконец отозвался он. — Помню только существ на лошадях.

— Мы проведем биосканирование, — объявила Арета. — Психометр Дюймовочки на тебе закоротило. Таких показаний, как на твоей электроэнцефалограмме, мы еще ни у кого не видели. По сравнению с ними пляска святого Вита или отходняк после «Пандоры» просто приступ трясучки. Тебе ничего больше в голову не приходит… вот прямо сейчас?

— Песня, — пытаясь сосредоточиться, ответил светловолосый:

> Я езжу по главной дороге, я — графства линейный монтер,
> И в солнечный день неисправность мгновенно отыщет мой взор.
> Я слышу сквозь ветер, как песней твой голос гудит в проводах.
> Линейный монтер из Уичито — на линии, как и всегда! [6]

На мгновение воцарилась тишина, которую нарушил ворвавшийся в палатку худой юнец с высоким ирокезом.

— Что это было, черт побери?

— Что стряслось? — сразу ожила Арета. — Откуда ты взялся, Широкая Частота?

— Да это же глушение всех частот! Едва не врубило на весь поселок сторожевой рожок Хеймдаля!

— Ты что-нибудь делал? — спросила Арета своего светловолосого гостя.

— Спел… — неуверенно ответил тот.

— Ты его слышала, Дюймовочка?

— Нет, — пожала плечами обожженная пуэрториканка, убирая нож. — У него трип, наверное.

— Ладно, что бы это ни было, больше так не делай, — взмолился Широкая Частота. — Шмон нам сегодня совсем не кстати.

— Успокойся, Частота, — кивнула Арета. — У нас все под контролем.

Парнишка с ирокезом затопал восвояси, за ним последовала озадаченная Дюймовочка.

— Ух ты! — Арета поджала губы. — Вот это оборот. Ты, возможно, не знаешь, кто ты есть, но готова поставить свой парик,

кое-какие интересные люди знают. Ты ведь не против раздеться, а, душенька?

— Зачем? — возмутился светловолосый, и Арета прямо-таки ощутила молнию — выброс адреналина, как у свернувшейся для удара кобры.

— Потому что мы тут многим рискуем, — отрезала трансвестит, нажимая тревожную кнопку, чтобы вызвать Флип-Флопа и Толстого. — У нас тут не курорт, знаешь ли. Это последнее пристанище для многих людей. А теперь раздевайся и дай на тебя посмотреть.

Встав с тюфяка, светловолосый снял одежду. Кожа на спине заныла. Несколько секунд спустя он стоял голый лицом к Арете, у которой отвисла челюсть.

С охапкой припасов в палатку ворвалась Дюймовочка.

— У-ух ты, черт! — воскликнула девушка, даже зажмурившись от удивления. — Это ж…

— Хорошо, но чересчур, — закончила за нее Арета. — И думаю, хватит об этом. Теперь повернись, дружок, давай посмотрим, какие еще у тебя сюрпризы.

Он медленно повернулся, но все равно почувствовал, как пенис хлопнул почти у колена с мясистым звуком, показавшимся ему отвратительным. «Господи Боже, — подумал он, опустив взгляд, — я же монстр какой-то. Как собственное тело может казаться настолько чужим?»

Тут Арета увидела шрамы у него на спине.

— Силы небесные… это!..

— Больно, — сказал светловолосый.

— Но они… Они же! — воскликнула, приглядевшись, Арета. — Знаешь, что там написано?

— «ОТЧЕ, ПРОСТИ ИМ, ИБО О…» На последней «О» больнее всего.

Буквы горели в воздухе у него перед глазами, много отчетливей и ярче, чем гипертекст над парком.

— Вот черт! — выдохнула трансвестит. — Надо прогнать тебя через кое-какие тесты, а потом отвести на консультацию к доктору Будь-Здрав.

Арета протянула ему тренировочный костюм и застиранную толстовку Фордэмского университета[7] и оставила его одеваться. Когда он натянул вещи с чужого плеча, в палатку вошла еще одна девчушка. Лицо у нее было раскрашено в традициях какого-то индейского племени и словно бы мерцало.

— Меня зовут Уиджа, — сказала она. — Поешь что-нибудь.

Голова у него пульсировала болью. Уиджа достала с полки консервную банку без этикетки. Когда она ее открыла, он увидел

крохотных рыб-молотов, ровненьких, одна к одной, и плотно набитых. Вытащив одну, он проглотил ее целиком. Рыбка была маслянистой и пряной, и ему захотелось пить. Он съел еще несколько с ржаными хлебцами и запил парой глотков воды.

В голове у него по-прежнему шелестели голоса. Один словно бы принадлежал диктору с радио. Другие — нечеткие и дружелюбные, как у стариков, рассказывающих истории на веранде, только он не мог разобрать, что они говорят. Выудив из банки еще несколько рыбок, он проглотил и их. Вернулась Арета и вывела его из палатки.

Форт Торо напоминал армейский полевой госпиталь, разбитый среди стоянки паломников и бродячего цирка уродов. Темноту разгоняли факелы, костры и аляповатые неоновые вывески в виде бокалов мартини, танцовщиц и подмигивающих сомбреро. Солнечные батареи возвышались на шестах над палатками и куонсетскими ангарами[8], хотя тут были и другие, более постоянные строения, включая трейлер межрайонной системы перевозок и череду железобетонных «коробок», оклеенных колпаками для колес и коробками от пиццы, опутанных проводами и кабелями, на которых покачивались бумажные фонарики, надувные статуи Свободы и плюшевые Кинг-Конги. Люди всех возрастов и оттенков кожи рассматривали его с любопытством, поднимая глаза от кипящих котлов с супом из мацы или черных бразильских бобов. У многих были импровизированные протезы: гротескные руки-клешни или ноги из стеклопластика, в котором ярмарочными огоньками перемигивалось оптоволокно.

— Это Блестяшка и Пуделиха, — заметила Арета, указывая на двух мускулистых женщин, одну лысую и белую, другую беловолосую и чернокожую. — А там Фреймохват и Голубок. Эй, Детопиво, как твой имплант?

Одних Арета представляла с большими церемониями, будто они были старейшинами племени (Янки-бой и Леди Манхэттен, трясущуюся еврейскую чету под девяносто в шерстяном белье хоккейной команды «Нью-йоркские рейнджеры», и тучного, по всей видимости, умственно отсталого чернокожего по имени Брат Тук, который как будто хотел организовать игру в мяч). Из подсвеченной кострами темноты скалились лица: уродливые или изувеченные. Плакали младенцы.

— Кто это? — спросил светловолосый, указав на четырех мужчин, впряженных в старую повозку, которую облепили индейские детишки.

— Бывшие члены совета директоров «Макдоналдс». Теперь каются. Получили солидные отступные, когда «Культпорация

Витесса» превратила «Макдоналдс» в «Мактрейвишс».

— Не понимаю, о чем ты, — отозвался он. В голове у него, казалось, было сладко, сыро и пусто, будто он принадлежал к иному миру.

— Если ты хотя бы на минуту забыл про «Витессу», тебе, пожалуй, можно позавидовать. К сожалению, никуда не денешься, вспомнишь. «Витесса» — самый могущественный конгломерат в мире. И политическая партия. И религия. Что они еще не захватили, то пытаются контролировать. А мы пытаемся сопротивляться.

Взгляд светловолосого упал на индейского мальчика с мокнущей экземой на щеке. Через плечо у него была переброшена дохлая белка, в руке — духовое ружье, изготовленное из алюминиевого шеста для палатки.

— Вы? Вы пытаетесь сопротивляться?

— Мы. И другие, как мы, — перешла в оборону Арета. — Со временем ты все вспомнишь. «Макдоналдс» был когда-то мощной корпорацией, как «Дисней», «Кока-Кола» и «Майкрософт». Их всех скупила втихаря «Культпорация Витесса», а Уинн Фенсер вообще велел почему-то заменить «Макдоналдс» на «Мактрейвишс».

Названия выжали из памяти лишь тени и шепотки.

— Фенсер прибрал к рукам киберинженерию, генотерапию и нейроструктурирование, — продолжала Арета. — И сказал: «Давайте возьмем самую безвкусную кухню мира и превратим ее в навязчиво популярную». И в одночасье на смену гамбургерам пришли хаггисы.

— А что такое хаггис? — спросил светловолосый, жадно впитывая окружающее: загоны для кур и террасы гидропоники — миниатюрные рисовые поля, сконструированные из баков и желобов.

— Бараний рубец, золотце. С начинкой по выбору.

— Гадость какая!

— Демонстрация силы.

— А кто эта старушка? — спросил он, указывая на седеющую женщину в вампирско-черном балахоне, сгибающуюся под коромыслом с тяжелыми ведрами. Близость жителей Форта Торо словно бы смягчала жгучую боль у него в спине.

— Белуах Шварцчайлд, Председатель Верховного и Мирового суда. Это ее голос стал решающим, позволив «Витессе» слить воедино свои дочерние компании и стать тем, чем она является сегодня.

— Что она тащит? Почему никто ей не поможет?

— Она ассенизатор и работает одна. Работает по собственной воле. И всегда в судейской мантии, которую опозорила.

Женщина споткнулась и упала на одно колено, помои плеснули через край ведра. Светловолосый подошел помочь. От ее одежды воняло. Ее подернутые сединой волосы свалялись колтунами. Осторожно ее подняв, он поправил зловонные ведра на коромысле.

— Не положено! — булькнул с поеденного ржавчиной прицепа мужчина в респираторе.

— Кажется, ты говорила, вы помогаете людям! — вспылил светловолосый, глядя, как печальная женщина снова поднимает на плечо коромысло и, спотыкаясь, бредет прочь.

— У нас есть определенные обычаи и правила, — ответила Арета Найтингейл. — Белуах по собственной воле отказалась от своего поста и богатства. Она может уйти, когда пожелает.

— И куда же она пойдет? — спросил светловолосый, когда судья исчезла между помятой тележкой для кренделей и развороченным «доджем».

Арета не нашлась что ответить и испытала облегчение, когда они подошли к большой военного вида палатке. Там их встретила женщина с длинными темными волосами и очень красными губами. Высоко на ее обнаженной левой груди красовалась татуировка с множеством Мандельброта[9].

— Это Натассиа, — представила ее глава сатьяграхов.

Стены у палатки были из какого-то полимера, и большую ее часть занимали внушительный компьютер и батарея каких-то медицинских приборов. Все было стерильным, как в лаборатории, впечатление портила лишь полка с фиалковым латексным вибратором и початыми бутылками бренди и бенедиктина.

— Покажи ладони, — велела Арета.

Кожа у светловолосого была на удивление гладкой. Одну за другой ему велели положить руки на сканер дентина. Затем темная женщина с яркими губами подкатила сканер сетчатки глаза и заставила светловолосого опустить лицо к нужному месту. От ее кожи исходил пикантный аромат халапеньо. Она заметила явную припухлость у него в паху.

— Просто открой глаза и расслабься.

— Еще мы сосканируем шрамы у тебя на спине, — сказала Арета.

Внутрь просунул голову худой парнишка по прозвищу Широкая Частота. В образовавшуюся щель поплыло позвякивание индонезийских ксилофонов.

— Порядок, можете включать.

Арета кивнула Натассии.

Светловолосый стянул через голову толстовку. Настроив разрешение сканера, женщина запустила его, и все трое

повернулись к главному монитору. Через несколько секунд по экрану побежали ярко-белые буквы, режущие глаз высоким разрешением. «ЛИЧНОСТЬ ЗАЩИЩЕНА… УРОВЕНЬ ДОПУСКА… ЧИСТ».

— Твоя личность под защищенным паролем, — сказала Арета. — Попробуй подняться на уровень выше, Насти.

На прозвище женщина как будто обиделась, но просьбу выполнила.

«ЛИЧНОСТЬ ЗАЩИЩЕНА… УРОВЕНЬ ДОПУСКА… ЧИСТ».

— Попробуй еще на один, — попросила Арета.

Мелькнули те же слова. ЧИСТ…

— Как насчет Засекреченной Информации?

— Вот черт, — присвистнула Натассиа, когда те же слова появились снова. — Что теперь?

— Время связи истекает. Попробуй Неограниченный Доступ.

Устройство «Телепат» издало низкое, усталое гудение. Двадцать пять секунд, тридцать. Минута.

— Пять секунд! — проорал из-за полога Частота.

Экран вспыхнул белым, потом погас — и остались лишь гореть слова: «…ЧИСТ».

— Выключай! — приказала Арета, и Натассиа повиновалась. Но даже с оборванной связью буквы оставались на экране, столь же холодные и неподатливые, как абсолютный ноль.

— М-да. — Арета перевела взгляд с экрана на увечье светловолосого. — Мы только что узнали, что ты очень важная персона.

— То есть?

— Твоя личность держится в строжайшем секрете, и у тебя доступ уровня администратора.

— Не понимаю.

— Ты можешь зайти в «Витессалит» в Миннеаполисе или в любую другую международную штаб-квартиру культпорации. И в Пентагон тоже. И в «Эфрам-Зев Фармацевтика».

— Но я даже имени своего не помню.

Арета вновь вперилась в одинокое белое слово на экране, потом опять поглядела на символы, безжалостно вырезанные на спине светловолосого.

— Пока не вспомнишь… мы будем звать тебя… Чистотец.

— Чист… Отец?

— Для начала сойдет. Но готова поспорить, у тебя есть пароль, может, даже серия паролей, с которыми тебе любая система раскроется.

— Но я их не помню. — Светловолосый со вздохом потер лоб. — Только отрывки из песни. Одной песни.

— Не пой. Просто слова произнеси… И по возможности без выражения. Погоди! Насти, тащи сюда Частоту и Хеймдаля.

Натассиа убежала и вернулась с парнишкой-панком и пожилым мужчиной без ушей. Там, где полагалось быть ушным раковинам, темнели два гнезда портов из дерьмовенького пластика.

— С Частотой ты уже познакомился. А это Хеймдаль, — сказала Арета. — Глава нашей службы безопасности. Слушайте внимательно, вы двое. Валяй, брат. Только помедленнее.

— Я истинный образчик… современного генерал-майора… Информацию получит любой заказчик… будь то животное, минерал или флора…[10], — продекламировал светловолосый.

В палатке воцарилась тишина. Потом с криком «Зараженные данные!» Хеймдаль вдруг упал на колени.

Арета поморщилась.

— Что ты слышала, Насти?

— Что-то про то, как Тутанхамон охотится на золотого гиппопотама, который отождествляется со злым богом Сетом.

— Странно, — пожала плечами Арета. — А ты, Частота?

— *Quand nous ne sommes plus enfants, nous sommes deja morts*[11], — ответил Частота и, разбрызгивая слюну, зашелся дребезжащим смехом.

— Проклятие! — крикнула Арета. — Насти, неси пифагорейский комплекс. И горячее какао!

— Не замай священное — оно освещает! — закричал безухий.

— Все хорошо, — утешила его Арета. — Не волнуйся, пожалуйста.

По счастью, какао принесли быстро. И дозу транквилизатора. Десять минут спустя Частота вспомнил, что не знает французского. Хеймдаль тоже начал успокаиваться, и его речь и дыхание вернулись к норме.

— Нейрологическое программирование, — вынес вердикт безухий, окончательно оправившись. — Криптолингвистика. Где ты этому научился?

— П… по… понятия не имею, — пробормотал Чистотец. Мир поистине сошел с ума.

Арета, умевшая улавливать перемены настроения, позаботилась, чтобы у Чистотца было достаточно какао. Кем бы ни был этот светловолосый, он не походил ни на одного из бомжей, изгоев или шпионов, с которыми сатьяграхи сталкивались раньше.

— Пора к доктору Будь-Здрав. Действие твоего лекарства кончается.

— Ты не сказала, что сама слышала, Арета, — заметила

Натассиа, когда трансвестит уже подошла к пологу на молнии.

— Я услышала слова «Стремись воссоединить бога в себе с Божеством во Вселенной», — ответила бывший юрист. — И это до чертиков меня напугало.

Глава 2
Украденный орган

Чистотца отвели в другую часть лагеря: здесь тоже обитали увечные, но на сей раз полулюди-полумашины.

— Почти на месте, — сказала Арета, радуясь, что Флип-Флоп и Толстый идут за ними по пятам.

Они миновали двух эфиопских мальчиков, охранявших чаны для замешивания теста под пончики: в одном извивались угри, другой как будто кишел пресноводными крокодильчиками размером не больше сардины. Из темноты притащился и проворчал что-то пес.

— Большой Бой Бвау! — рявкнула трансвестит этому дряхлому ротвейлеру, чья голова пряталась под стальным намордником, охватывавшим весь череп.

Одну из передних лап твари заменяла клешня робота, задние лапы были встроены в каркас на колесах, взятый от старой тележки для гольфа. Опустившись на колени, Чистотец погладил мокрые от слюны брылы, но тут вдруг прибежал худой белый человек, опутанный новогодним дождиком и в странном головном уборе из антикварного лотерейного колеса (внутри которого еще подпрыгивали несколько лотерейных шаров из слоновой кости) и завопил:

— Повезло! Повезло! Повезло! Повезло! Каждый тянет за себя!

— Тебя предупреждали не отпускать этого монстра одного, Гроди! — одернула его Арета.

— Еще не тащил, еще не тащил! — пискнул Гроди и запрыгал на месте, от чего в колесе застучали шары.

Чистотец заметил, что, так сказать, головной убор Гроди загадочным образом походил на намордник пса.

— Зачем вытягивать шар?

— Повезло, повезло, повезло… Каждый тянет за себя! — ответил Гроди и встряхнулся, так что зашуршал дождик и загремели шары.

— Ты же видишь, на шарах нет номеров, — прошептала Арета. — По нему не скажешь, но когда-то Гроди был превосходным нейрохимиком, пока не подсел на так называемые «усилители интеллекта».

— Он любит пса, — пробормотал Чистотец, когда худой человечек, по-прежнему громыхая и шурша, исчез среди теней, а Большой Бвау заскрипел следом.

— Пойдем, — поторопила Арета. — Пора познакомиться с доктором Будь-Здрав.

Еще через несколько шагов они оказались у дверей машины «скорой помощи», выуженной изреки Гарлем. Корпус машины проржавел и был прошит пулями, но его подлатали (с изрядной долей воображения), и на крыше красовалась дорогая спутниковая тарелка и мудреное оборудование «Беспроводной Информационной Системы Передачи Интегрированных Данных», в просторечии называемой БИСПИД.

— Что внутри? — поинтересовался Чистотец.

— Мир знаний, — отозвалась Арета. — Уйма глупых идей. Как шляпа Гроди — лотерея. Но, возможно, мы поймем, как тебя лечить.

Она велела ему лечь на носилки и начала подсоединять к его голове датчики. Надпись на потолке гласила: «В случае непредвиденной ситуации вас вернут в ваше собственное тело».

— Больно будет? — спросил Чистотец.

— Боль помогает, дитя. Просто расслабься. Я пришлю кое-кого, когда будешь готов.

Поначалу ничего не происходило. Потом появилось мирное, но отчетливое ощущение, что машина заполняется водой и что он плывет. Потом покачивание превратилось в горизонтальное движение. Скорость возросла, его начало кружить. Все быстрее, все круче, пока он не почувствовал, что сперва растягивается, потом взрывается, и части его разломанного «Я» скользят в черном алмазном воздухе, превращаясь в головоломку-паззл, а та в свою очередь оживает. Картина его пробуждения… Он словно бы скользил по узкому помосту, пока не очутился на сцене лицом к лицу с крошечной старушкой в огромных очках с толстыми стеклами.

— Я есть доктор Буть-Сдраф, — вставая, сказала она с сильным акцентом.

Внезапно из нее лучами брызнул свет, потом, к немалому изумлению Чистотца, она как будто раздвоилась. Из ее тела стали возникать эйдолоны[12] — невероятно детализованные голограммы величайших психиатров и психоневрологов в истории науки: Уильям Джеймс и Фрейд, Адлер и Юнг, Зонди и Скиннер, Павлов и Лурье. Тут собрались представители всех теоретических школ и экспериментальных подходов, от клиницистов и психотерапевтов до прикладников вроде Дж. В. Брейди, сделавшего себе карьеру на том, что награждал язвами пищеварительного тракта мартышек.

Они появлялись один за другим… Делгадо, Райх, Роршах, Стекель, Брока, Гесс, Оулдс, Пенфилд… И когда виртуальная

Аудитория заполнилась, Чистотцу показалось, будто из каждого эйдолона исходит по световому лучику. А затем посыпались вопросы — точно капли дождя, сбегающие по проволоке.

Арета ушла на Информационный Терминал посмотреть, что дало биосканирование истории его физического тела. Когда она вошла, Ищейка-Держалка, глава киберразведки, как раз отключался от Матрицы. Непропорционально большой череп этого крошечного хакера, пораженного гипофизной карликовостью (побочный эффект препаратов против старения, которые принимала его мать), служил вместилищем для мощного мозга. Одет хакер был в белый костюм-сафари из клонированной хлопчато-бумажной камуфляжной ткани, в котором, по его убеждению, выглядел выше. На ногах у него были те же детские «найки», которые он купил в магазине «Ноги атлета» на Таймс-сквер перед тем, как его попытались арестовать за кибершпионаж, что подтолкнуло его уйти в подполье и вступить в ряды сатьяграхов. Коротенькие ручки от кистей почти до плеча покрывала коллекция часов с Канал-стрит[13], по которым он отслеживал нестойкое временное искажение, создававшее над Фортом Торо Зеркальное поле, барьер противовосприятия, прятавший сатьяграхов от внешнего мира. Впрочем, сам малорослый гений втайне считал, что каким-то неизвестным и потенциально опасным образом оно, возможно, сказывается на психологии всей общины.

— По «мясу» есть что-нибудь? — поинтересовалась Арета.

Ищейка выбрался из ДатаКуба, трехмерной киберсистемы, которую сатьяграхи скопировали у «Витессы» и которая позволяла осуществлять полное когнитивное погружение.

— Начальные показатели свидетельствуют, что тело в отличном состоянии и уже тридцать лет как мертво. Объект, названный Безымянный Ферштект[14], родился в травматологическом отделении муниципальной больницы Питтсбурга в тысяча девятьсот семьдесят девятом. Мать — малолетняя проститутка. А теперь самое смешное! Помогавшая при родах акушерка приняла его хрен за рудиментарный отросток, предположительно атрофировавшегося недоразвитого близнеца.

— Очень похоже на нашего мальчика, — согласилась Арета. — И что нам это дает?

— А я почем знаю? — пожал плечами карлик. — Мамаша вышла за некоего Иосифа Сито двадцатью годами ее старше. За ни много ни мало лишенного сана священника. Дала мальчишке его фамилию и христианское имя Пол. Когда Полу исполнилось шесть, мама упала с лестницы и умерла. Следующие два года он

жил с любящим отчимом. Потом в июне восемьдесят седьмого его нашли на ступеньках католической церкви: кровотечение из анального отверстия, следы зубов на пенисе и кое-какие рисунки на спине, которые окружной судебный врач назвал «методичным зверством».

— Дай-ка угадаю. — Арета поморщилась. — Цитата из Библии?

— Дальше — больше. Весь следующий год он провел в больнице, затем его передали приемным родителям. В школе как будто все в порядке, но в девяносто втором его отсылают в интернат для мальчиков «Выдровая роща», где еще год спустя происходит нечто настолько скверное, что его переводят — на сей раз в Лоувелл. Выпустили в девяносто девятом, как раз перед закрытием заведения. Месяц он провел в приюте для бездомных, затем — пожалуйте — на улицы Лос-Анджелеса до того, как его уничтожило землетрясение Йети. Очутился в «Анаконде», борделе для вуайеристов. Почасовые выступления.

— Нельзя не отдать должное. — Арета попыталась улыбнуться.

— Японские клиенты, безусловно, отдавали, — подтвердил Ищейка. — Равно как и его партнерши. Там его нашел один продюсер и снял в эротической авангардной короткометражке под названием «Приап». Мальчишка даже выступал на пару с порнозвездой. Они поженились еще до начала съемок, но во время медового месяца в Вегасе она сыграла в ящик от передоза. Пола лечили от тяжелой депрессии в Центре Энгельберта Хампердинка[15], после чего началась новая фаза.

— Попробую угадать… певец кантри?

— Почти. Вступил в церковь адвентистов седьмого дня, потом в паству ходящих по углям в пустыне Мохаве. В последующие несколько лет перепробовал «Братьев чистоты», сайентологию, розенкрейцерство, «Эмвэй»[16].

— Ничего в своих поисках не пропустил, — заметила Арета.

— Затем он перебирается в Техас, берет себе другое имя и основывает собственный культ под названием…

— Подожди-ка! Я их помню. Он… он… был Осанной? Так вот почему у него такое знакомое лицо. Неужели ты серьезно?

— Верно, Осанна Освобожденный. Он и еще сто человек, в основном женщины, создали коммуну под названием Царство Радости. Самое интересное, что культ обосновался в том самом месте, где в начале двадцатого века уже существовало похожее поселение во главе с забытым гением Ллойдом Мидхорном Ситтурдом.

— Никогда о таком не слышала.

— Я же сказал, что про него забыли, — ответил карлик. — Но на его общину напали приблизительно так же, как на людей Пола… то есть Осанны.

— Срань господня! Осанне поклонялись как богу плодородия! Говорили, он был настолько плодовит, что фармацевтические компании запаниковали, а правые христиане испугались, что Бог действительно на его стороне!

— Или у него в штанах, — отозвался Ищейка. — Они даже объединились с радикальными феминистками. Федеральные власти провели полномасштабное наступление на поселок. Осанна и тринадцать жен внутреннего круга окопались у подножия Священного Стержня, когда явились ребята БКАТО[17] и спецслужб. В него попало тридцать семь снарядов «Проникатель», но когда приземлился вертолет медиков, он был еще жив.

— Ух ты! — присвистнула Арета. — Жутковато.

— Еще страннее то, что все женщины были беременны. Мальчиками.

— И все погибли в единственной вспышке идиотизма!

— Все, кроме одной. Были найдены тела двенадцати младенцев. Или тринадцатая мама в перестрелке сбежала, или эмбрион забрали с трупа, — ответил Ищейка. — И не забывай, что в официальном отчете говорилось, мол, тело кремировали нетронутым, но один репортер Си-эн-эн успел сфотографировать его до кремации, и на фотографии видно, что знаменитый пенис удален хирургическим путем.

— Упырство какое-то! — простонала Арета. — Но что это значит? Неужели у нас труп — без члена, — который якобы кремировали… И этот самый труп расхаживал по Центральному парку? Не постарев? И без следа шрамов от пуль?

— Плюс, по твоим словам, отсутствующий орган снова на месте.

— И судя по его реакции на Натассию, в рабочем состоянии.

— Не забудь о пропавшем младенце. Одного из тринадцати сыновей ведь так и не нашли. И мать тоже исчезла. Ах да, и еще кое-что.

— Господи Боже, что?

— Вот эта информация. Специальное знание. Код «Витессы». Но очень скользкий. Я сумел его проследить, потому что подсунул их системе подлинный код доступа, какой есть у нашего приятеля. Ему дана прямая связь с Джулианом Динглером.

— А это еще кто?

— Ни много ни мало глава отделения «Витесса». «Умное обеспечение дома». Как это ни смешно, базируется в Питтсбурге. Фотограммы в файле нет.

— А и черт с ним, — озадаченно пожала плечами Арета. — Поправь меня, если я ошибаюсь. Самое логичное объяснение нашему нежданному гостю, что его тело было регенерировано из ампутированного пениса, который сохранил… ну, надо думать, тот, кто его отрезал.

— Или выросший сын. Но с этой теорией есть одна загвоздка, — возразил Ищейка. — Невозможно регенерировать ткани так, чтобы у них сохранились благоприобретенные свойства вроде шрамов.

— Пожалуй, ты прав. — На лицо Ареты набежала тень. — Но есть и другое объяснение.

— Что кто-то снова с ним такое проделал? Зачем организации, обладающей такой продвинутой технологией, ввязываться в черную магию со шрамами?

— Туше, — согласилась Арета. — Как ни посмотри, пугает. Но нам и себя нужно прикрыть. Как лучше всего дестабилизировать заложенную в нем информацию?

— Нам нужен ЭНТОМОЛОГ.

— Киберконструкты не должны быть настолько уж безличными. — Трансвестит поежилась.

— Во всяком случае, он работает на нас, — заметил, вводя запрос, Ищейка.

Из прозрачных глубин ДатаКуба возникло огромное загадочное лицо, едва различимое за сеткой на шлеме, похожем на шляпу пасечника. За нитями сетки поблескивали очки в стальной оправе. Голос был зудящим и мягким — как у человека, которому свойственно постоянно потирать руки.

— Чего бы вы хххотели, друзззья мои? У вас есть просссьба?

— Мы хотим, чтобы ты уничтожил кое-какую информацию и отключил функции восстановления, — приказал Ищейка.

— Оооо… — протянул голос из ДатаКуба. — Сссстиранннние. Оттттключччение. Так агрессссивно.

— Ввожу код файла. — Пальцы Ищейки побежали по клавишам.

— Да, вижжжу, — отозвался ЭНТОМОЛОГ. — Ты превзззшошшшел сссебя, друггг мой. Думаю, теббббе помммогли?

— Не важно, — отрезала Арета. — Как, по-твоему, нам это сделать? Послать вирус?

— Эттто более сложжжная фффформа инфффформацццции, чеммм вы привввыкли, друзззья мои.

Сетка на шлеме ЭНТОМОЛОГА превратилась в матрицу сцепленных мух-наживок.

— Это еще что? — охнула Арета.

— Прелесссти, друзззззья мои. Прелесссти, которые я сссоздал. Инфоорганизззззм, который вввы ссстремитесссь подччччинить, нужжжжно сперва зззаманить, нужжжно зззаинтересссовать. Нужжжно поймать. Мы будем ловить на живца.

— Вот черт, — удивился Ищейка. — Это же…

— Чудненненькие конссструктты-мышшшшеловки, чтобы имитировать приоритетное кодирование. Учччиитывая оззззначенный профиль, я дддумаю, мы прибеггггнем к вкуссснекому… Ложнокузнечику!

На первом уровне разрешения «приманка» походила на миниатюрного кузнечика из янтарного геля и тончайших срезов черного бамбука. С увеличением разрешения в тканях насекомого проступали все более сложные наслоения бегущей как ртуть информации, построенной вокруг вредоносного микрокода, который на трехмерном экране отобразился как зазубренный крючок.

— Прелесссть, правда? О да, друззззья мои! Никто никогда не найдет то, к чему вы обращщалисссь, — успокаивающе прошептал ЭНТОМОЛОГ, и лицо за сеткой растворилось, последним исчез отблеск очков в стальной оправе.

Глава 3
Цугцванг [18]

Пока Чистотец отдыхал после «консультации» у Будь-Здрав, Арета сгрузила результаты анализа на терминал в своей палатке. Общие выводы обычно излагала сама доктор Будь-Здрав, что Арету раздражало. Мультикультурность — это одно, но пытаться понять, что лепечет голограмма приземистой немки, — совсем другое. Учитывая, что озвучить выводы мог любой из целого спектра доступных виртуальных конструктов (от Жана Пиаже до Джона Лилли), трансвестит удивилась, увидев на экране хищного афроамериканца в армейской форме.

— Я тебя знаю? — спросила она. — Ты…

— Майор Генри Флиппер Рикерберн, — ответило изображение.

— Флиппер? Это что еще за имя?

— Меня назвали в честь Генри О. Флиппера, первого афроамериканца, окончившего Вест-пойнт, лейтенанта Десятого кавалерийского.

— Вот как? Ты психиатр или психоневролог? — поинтересовалась Арета.

— Я окончил Вест-пойнт и университет Дьюка в Северной Каролине, — загрохотал майор. — Я был одним из первых афроамериканцев, занимавших высокий пост в медицинской службе армии Соединенных Штатов. Я проводил базовые исследования по долговременному воздействию работы в подполье на оперативников разведки. Я участвовал в боевых действиях и занимался частной практикой. Я умер в девяносто восьмом, но еще могу за себя постоять. А ты в своей жизни чего добилась?

Такой ответ выбил Арету из колеи, но ей удалось сдержаться. Даже Юнг, который иногда бывал напыщенным, никогда не переходил на личности. Большинство конструктов вели себя с жутковатой отстраненностью нейродознавателя Роджера Сперри[19], любившего копаться в мозгах у живых кошек.

— На основе чего вы сделали свое заключение? — спросила глава сатьяграхов.

— Я обладаю исключительно обширным опытом военных действий и тайных операций, — ответил майор, выпячивая украшенную орденскими планками грудь. — Человек, проникший к вам сегодня, глубоко законспирирован. Мы можем выдвинуть лишь смутные догадки о его способностях. Но даже они — повод

для беспокойства.

— Например?

— Он узнал «Пятую симфонию» Малера по одной музыкальной фразе. И он как будто знает все до единой ноты «Летучей мыши из ада» «Мит Лоуф». Он прекрасно говорит на санскрите, пали, иврите, греческом, латыни и арабском. Языки, иными словами — кодировочные системы данного типа, для него совершенно прозрачны.

— Но его память…

— Его операционная система не способна локализовать файлы. Он не знает об их существовании.

— Чужой самому себе, — задумчиво пробормотала Арета.

— В буквальном смысле. И тебе следует задуматься почему. В состояния покоя его альфа-ритмы во много раз интенсивнее, чем у эпилептика во время приступа.

— Что-нибудь знакомое?

— Он процитировал Плутарха: «Кто отрицает существование демонов, тот отрицает божественность и разрывает цепь, связующую мир с престолом богов».

— Ну и каков итог? Он… человек? Какая-то новая разновидность искусственного интеллекта?

— Мы считаем, он может быть оружием массового обучения. В одном мы едины: он больше всех нас.

— Больше Аудитории? — охнула Арета.

— Много сложнее, — ответил майор. — Обладает большой мощностью. Гораздо большей скоростью.

— Но он даже имени своего не помнит!

— Возможно, он находится в латентном состоянии и ожидает активации. Возможно, он поврежден. И в том, и в другом случае наших возможностей не хватит, чтобы его вылечить или сдерживать для вашей же безопасности. Вот почему мы заслали разведывательное подразделение.

— Вы послали психозонд? Кто разрешил?

— Я, — ответил майор. — Нашим первым зондом был конструкт типа «Отряд Первопроходцев»[20], вставка малой сигнатуры в кору головного мозга с заданием установить очаги необычайной активности или очевидных повреждений.

— Первый зонд!!!

— Он исчез бесследно.

— И вы послали поисковую бригаду за пропавшим? — вскипела Арета.

— Целью второго зонда был мозжечок.

— Вы пытались захватить контроль над моторными функциями!

— Потенциально враждебного субъекта! Зонд-два был уничтожен. Это было хуже атаки интерферона[21]. Чертовски эффективно.

— А разве это не считается первейшей самозащитой организма? — просипела Арета. — Надеюсь, больше подобных действий вы не предпринимали?

— А чего ты ожидала? — возмутился майор. — Он же крепость. Он себя самого внутрь не пускает. Мы среагировали как военное разведывательное подразделение!

— Слушай внимательно! — взорвалась Арета. — Мне нужен полный демонтаж этого третьего зонда, не то тебя выкинут из Аудитории. Ты с твоими махинаторами хуже всего, что обрушивала на нас «Витесса».

Как только эти слова сорвались у нее с языка, трансвестит похолодела от страха. Самоуверенность майора, радикальный и агрессивный план, осуществленный без авторизации. В прошлом системы защиты Форта Торо уже взламывали, но никогда настолько серьезно. Удар пришелся в самое сердце их технологии. Сложнее ее было лишь Зеркальное Поле, система искажения восприятия, скрывавшая Форт Торо от внешнего мира. Ходили слухи, что ее установила сама Парусия[22], выкрав разработки у «Витессы», в которой возглавляла подразделение исследований и развития. «Демиургент», «ПраШепот», «Зудящая Логика» — ее подвиги становились достоянием легенды, а технические достижения, в разработке которых она участвовала, превращали мифы в реальность. Зеркальное Поле доказывало это ежеминутно. Но теперь… Если враг проник в их систему, на что теперь надеяться сатьяграхам?

— Расскажи про третий зонд.

Лицо майора словно бы перекосило сам монитор.

— Это был секретный боевой зонд, нацеленный на гипоталамус, — наконец признал конструкт. — В его задачи входило использовать существующие ключевые побуждения, такие как секс, а затем прорваться в лимфатическую систему, чтобы взять под контроль гнев и страх. Он исчез, не послав ни одного сигнала, который подтверждал бы проникновение, но оказался более стойким, чем первые два.

— Какая у него продолжительность жизни? Как он самоуничтожается?

— Он этого не делает.

— Ты хочешь сказать, что…

— Да, в конечном итоге он вызывает рак.

— Рак, — медленно и язвительно прошептала Арета. — Ну да, ну да. И последнее. Если его разум зашифрован, и он

настолько могущественен, как вы боитесь… Как вы вообще смогли получить хоть какую-то информацию?

— Нам оставался лишь один способ, — ответил майор.

— Что вы ему ввели? — прошипела Арета.

— «Тиресий»[23].

— Да вы рассудка лишились!

— Он опасен! — возразил майор. — И то, что у него есть какой-то иммунитет к «Тиресию», это доказывает!

— Кому, как не вам, знать, что у «Тиресия» бывают отдаленные последствия! Черт бы вас всех побрал! — закричала, теряя самообладание, Арета.

Вид у майора стал такой, будто он хочет что-то сказать, но Арета закрыла программу и по экстренной связи вызвала Ищейку.

— Доктора Будь-Здрав немедленно в карантин. Контаминация неизвестным вирусом. И никому ни слова, кроме медбригады и кибертехов.

— Но на рекомендациях доктора Будь-Здрав основаны все психологические профили, какие у нас есть, — заскулил Ищейка.

— Спасаем ситуацию, мать твою! — гаркнула Арета и швырнула париком в стену палатки.

Появление белокурой бестии поставило под угрозу все, над чем трудились сатьяграхи, — особенно после зловещей патологии, только что проявившейся у доктора Будь-Здрав. А теперь странный пилигрим на грани психического кризиса. «Тиресий» был самым интересным и самым опасным из когда-либо синтезированных препаратов. Для очень незначительного числа людей, открытых разумом и духом, «Тиресий» служил линзой, фокусирующей волны мозга до мощности лазера. Но для тех, кто страдал депрессией или психозом, «Тиресий» мог дать непредсказуемые, катастрофические последствия. У такого, как Чистотец (а в данный момент Арета вообще не могла бы сказать, знает ли она хоть кого-нибудь на него похожего), реакция может быть чудовищной. Учитывая, как «Тиресий» усиливает возможности психики, его разум может набрать такую силу, что развернет полярность Зеркального Поля. Чистотец может оказаться оружием ужасающей психологической и физической силы.

Нельзя позволить, чтобы кто-то уничтожил наше дело. Даже из гуманных соображений нельзя, думала Арета. Но тогда придется избавиться от Чистотца. Есть ли у них на это право? И куда его послать? Куда они могли бы его послать? Трансвестит пожалела, что рядом нет Парусии Хид. Лишь позавчера она слышала, как двое молодых людей утверждали, что ее вообще не существует. Даже существуй такая Парусия, твердили они, она,

наверное, уже умерла или сидит в тюрьме. Как раз сейчас, когда она нужна больше всего. Поставив «Однажды придет мой принц» Майлса Дэйвиса, Арета отпила какао. Потом связалась с Ищейкой.

— Я занят! — запротестовал Ищейка. — Спасаю систему!

— Продолжай в том же духе, — велела Арета, — но спроси у медбригады, какой самый надежный антидот для препарата «Тиресий».

— Ну да, ну да! — проворчал затырканный хакер. — Еще что-нибудь?

— Да, мне нужны все стратеги в штабе через четверть часа. У нас взведенная, неуправляемая ракета в шахте запуска!

Отключившись, Арета надела флуоресцентный розовый парик. Чистотца она нашла в хирургическом отделении, он покачивался в гамаке в палате, отведенной для приходящих в себя после наркоза.

— Как самочувствие? — спросила Арета.

— Устал, — отозвался Чистотец. — Но кое-что вспоминаю.

— Например?

— Голос мужчины с радиостанции. И Дядю Уолдо. Он собирал сотню паззлов разом… и тетю Вивиан… она любила кроссворды. Но их лиц я не помню.

— Еще что-нибудь?

— Мальчик… в ванной… штаны спущены…

Этот образ наполнил его ужасом и отвращением.

— Тебя, наверное, беспокоят результаты твоих тестов… — начала Арета.

— Это тебя они беспокоят, — поправил ее Чистотец. — Ты их боишься. И меня. Ты собираешься меня отослать.

— Тут многое поставлено на карту, — попыталась увернуться Арета. — Это же движение сопротивления. Мы были очень доверчивы.

— И кому вы сопротивляетесь? — спросил, качнувшись в гамаке, Чистотец.

— Например, «Культпорации Витесса».

— Ну и почему мне нужно уходить? У вас уйма людей, которые искалечены или нуждаются, — возразил Чистотец.

— Иногда нам приходится принимать неприятные решения. Но мне не хотелось бы делать это одной. Поэтому мы попросим совета.

— Разве не ты тут главная?

— Я не стала бы говорить про иерархию, — откликнулась Арета.

— Тогда кто?

— Парусия Хид. Самый разыскиваемый человек на свете. Великий хакер и кудесник из отдела разработок «Витессы».

— Я с ней познакомлюсь? — спросил Чистотец.

— Даже я никогда с ней не встречалась.

— Тогда откуда ты знаешь, что она существует?

— Если бы ее не существовало, власти бы так из-за нее не дергались.

— Любопытный довод. Если чего-то боишься, оно обязательно реально.

— С такой стороны я на это никогда не смотрела. — Арета невольно улыбнулась. — Пошли. Спросим совета у ИИИ-Цзинов. Ты в состоянии встать?

— Надо бы… если мне скоро уходить, — отозвался Чистотец.

Поморщившись, Арета вывела его из бетонного бункера.

Они миновали палатку, в которой несколько человек в комбинезонах переворачивали кататоников.

— Жертвы психологической обработки на условных рефлексах. Это отделение для тех, кто слишком много времени провел в киберсети, мы пытаемся вернуть их в собственные тела и заставить снова взаимодействовать с другими людьми. Дюймовочка с этого начинала. Она заполучила «Зри-связь» и замкнулась на себе, исчезла в собственном киберподсознании. Теперь у нее медиа-флэшбеки… Но у кого их нет?

— У меня, — заявил Чистотец. — Может, в этом моя проблема?

«Если бы», — подумала Арета, когда они входили в другой бункер.

— ИИИ-Цзины вон там, — сказала она вслух, махнув на огороженный прозрачным материалом закуток в середине подвала.

За шелковистыми пеленами лежали рядком на больничных койках три китайца. Вокруг каждого стояли аппараты внутривенного питания и монитор биосканирования, а еще они были соединены друг с другом датчиками, накрывавшими их точно полог.

— Кто они? — спросил Чистотец.

— Идентичные лабораторные тройняшки. Во время одной из атак джихада на клинику, где их изучали, в палату проник нервно-паралитический газ. По слухам, их спасла несколько лет назад Парусия Хид. Почти всю свою жизнь они провели в коме. В отдельной от нашей, но общей для них троих реальности.

— Такое впечатление, что они вообще никогда не вставали с кровати!

— Верно. Они делают только одно: видят сны. Но мы просим

их совета во всех важных решениях.

— Вы спрашиваете трех человечков, которые, по сути, одно и то же лицо и которые всю жизнь спят?

Пропустив вопрос мимо ушей, Арета громко и внятно произнесла:

— Следует ли позволять Чистотцу у нас остаться?

Мгновение спустя тишину нарушил перестук, и принтер выплюнул ленточку бумаги. Оторвав по перфорации, Арета протянула ее Чистотцу.

— «Цена, которую платит за подвижность стрекоза, — в неспособности свернуть крылья». Ну и что это за ответ? С тем же успехом можно бросить монетку. Давай попробуем по-другому: «Моя память вернется?»

— Нет, — оборвала его Арета. — Можно задавать только один вопрос за раз.

Но не успела она вытолкать Чистотца из подвала, как принтер затарахтел снова.

— Ладно…

Арета уже собиралась прочесть, но тут вниз по ступенькам сбежала Натассиа.

— Помнишь странные слова Чистотца? Я кое-что раскопала. Знаешь Старого Фернли? Был когда-то профессором философии в Нью-Йоркском университете. Он сказал, это последние слова Плотина, самого главного среди неоплатоников.

— Спасибо, Насти, — отмахнулась Арета, убирая листок в карман.

Толстый и Флип-Флоп отвели Чистотца в «комнату отдыха», помещавшуюся в мебельной фуре. Дюймовочка и РвиШнур встали неподалеку на страже.

— Поехали, — хлопнула в ладоши Арета, входя в вигвам из неопреновой пленки, который служил сатьяграхам Стратегическим Центром. — Как вы, вероятно, уже знаете, Чистотец не просто подонок с улицы. Согласно одному сценарию, он высокомощный искусственный интеллект, вживленный в матрицу из плоти и крови. Тело когда-то принадлежало главе одного культа, лет тридцать назад его убили федералы. Во время психиатрического обследования доктор Будь-Здрав сделала ему инъекцию «Тиресия». Также в него были запущены три психозонда. Один был уничтожен при внедрении, от остальных двух пока ни слуху ни духу. Эти неавторизованные действия заставляют усомниться в лояльности самого доктора Будь-Здрав. Возможно, он был взломан или заражен каким-то вирусом. Проблему с диагностикой Аудитории и устранение неполадок в них обоих оставим на потом. Главное в другом: вполне вероятно,

что наша система была взломана. Нам придется прибегнуть к процедурам изоляции при любых наших операциях. Во-вторых, необходимо решить, что делать с Чистотцом. Укрывая его, мы, возможно, подвергаем себя риску нападения извне. Но даже если мы избавимся от него, он все равно остается психической бомбой замедленного действия, причем часовой механизм уже запущен. Я считаю, что, как бы нам ни хотелось ему помочь, мы не в состоянии так рисковать. Я проконсультировалась у ИИИ-Цзинов, и их совет это подтверждает.

— Что они сказали? — поинтересовался доктор Квайл, бывший заведующий отделением неврологии в нью-йоркской больнице «Бельвью».

— Цена, которую платит за подвижность стрекоза, в неспособности свернуть крылья.

— Убедительно, — согласился Частота.

— Но это решение слишком важно, и высказаться должны все, поэтому пойдем по кругу, начиная с тебя, Хеймдаль.

Хеймдаль потянулся дернуть себя за мочку уха, потом вспомнил, что у него ее нет.

— Мне бы хотелось, чтобы он остался. Если бы удалось это обуздать… Только представьте, сколько мы выиграем!

Арета кивнула Частоте, ирокез которого завибрировал как антенна.

— Излучение чересчур велико. Слишком опасно.

— Неприятно, но вынужден согласиться, — качнул тяжелой головой Ищейка. — Мы в ответе перед тем, что уже сделано.

— Все странники посланы Зевсом, — вспыхнула Натассиа. — А кроме того, у ИскИнов эрекции не бывает! Так или иначе, его к нам привело провидение.

Следующей заговорила Лайла Крэшкарт:

— За последние два часа уровень психической энергии поселения возрос более чем вдвое. — Ее голос дрогнул. — Еще через два часа ее воздействие начнет сказываться на Поле. Что будет еще через два, вообще неизвестно.

— Воздействие на него «Тиресия» непредсказуемо, — мрачно завершил доктор Квайл. — Возможно, у него случится мозговой штурм, возможно, нет. Единственное лечение — ввести ему какой-нибудь из препаратов забвения. Недавно мы получили «Забвение-6» от «Эфрам-Зева». Он максимально выиграет для нас время, вероятно, даже полностью нейтрализует действие «Тиресия». Рискну предположить, что тогда мы не выпустим во внешний мир ничего опаснее того, что к нам попало.

— Чистотцу угрожает опасность? — спросила Арета.

— Память, возможно, не восстановится. Он может утратить

критически важные функции.

— Иными словами, ему выжжет мозги? Вот черт, ну мы просто герои! — Натассиа закашлялась.

— Остынь, Насти, — приказала Арета. — Ситуация для всех неприятная.

— Для нас, безусловно, — согласился от имени медиков доктор Квайл. — Но я считаю, что «Забвение-6» сведет угрозу до минимума. Есть очень большая вероятность, что амнезия у него не увеличится.

— И почему нельзя накачать его лекарствами и наблюдать за ним на случай кризиса, как мы это делали с сотнями других? — посетовала Натассиа.

— Твое возражение принято, — кисло отозвалась Арета. — Доктор Квайл, возьмите Лайлу и принесите лекарство. Чистотец уходит сегодня вечером. Куда мы его пошлем?

Ищейка кашлянул, прочищая горло.

— Логичной целью был бы Питтсбург.

— Питтсбург! — вырвалось у Хеймдаля. — Это же бесчеловечно!

— С Питтсбургом его связывает долгая история, — объяснил карлик. — Во всяком случае, его физическое «Я». Вполне возможно, кое-какие контакты сохранились и по сей день. Джулиан Динглер, тип, который сейчас возглавляет отдел разработок «Витессы», не может про него не знать. Я бы послал его к Динглеру.

— Господи Иисусе! — пискнула Натассиа. — Пошлем его почтой в «Витессу»! Тот еще подарок!

— Почему-то я сомневаюсь, что «Витесса» одобрит роль Динглера в этой истории, — отозвался Ищейка. — Возможно даже, он втайне на нашей стороне или как минимум работает еще на какую-нибудь ячейку сопротивления. В любом случае нужно вывести его на чистую воду. По мне, Чистотец слишком уж похож на людей с «Проекта Минотавр»: секретное оружие, он же супероперативник, легший на дно. Есть у меня подозрение, что Уинн Фенсер про него даже не знает. Как бы то ни было, у нас цугцванг.

— Это еще что? — недоуменно нахмурилась Арета.

— Шахматный термин. Означает, что игрок вынужден делать ход, даже если это ему не выгодно. Если мы оставим его у себя, то подвергнем риску наше дело. Если отошлем, можем потерять большое преимущество. Как ни крути, мы в проигрыше, но последний вариант все-таки безопаснее.

— А что, если «Витесса» тут ни при чем? — спросил Частота.

— Если правда о Чистотце лежит за пределами «Витессы» и

он уцелеет после «Тиресия», то начинать складывать части головоломки ему лучше всего с Питтсбурга, — ответил Ищейка.

— Это при условии, что мозги у него не превратятся в расплавленную резину, — усмехнулась Натассиа.

— А как насчет Техаса? — задумчиво спросила Арета. — Это еще одна отправная точка.

— Местечко под названием Дастдевил. Там было убито изначальное тело, — объяснил для остальных Ищейка. — Жестоко отправлять его туда.

— Да, но и Питтсбург для него праздником не будет, — возразила Арета.

— Не будет, — согласился Ищейка. — Но там началась жизнь изначального тела, и вообще там кто-то им в последнее время интересуется. Думаю, из-за сочетания того и другого Питтсбург — самый логичный выбор.

— А еще какие-нибудь отправные точки есть? — спросила Натассиа.

— В своей предыдущей реинкарнации он родился в Питтсбурге, там над ним издевались, когда он был ребенком. В тамошних городских приютах он провел все подростковые годы. Потом стал порнозвездой там, где до землетрясения Йети был Город Ангелов, потом больница в старом Лас-Вегасе, где его первая жена умерла от передоза. Позднее он заделался главой культа в Техасе, где в конечном итоге его общину разогнали агенты БКАТО и спецслужб, многие погибли, в том числе и он сам.

— Ну и жизнь! — посетовала Лайла. — Я бы сказала, если собираетесь отправить его в Питтсбург, то хотя бы про остальные места расскажите. Пусть знает всю историю, все, что нам известно. Этим-то мы обязаны поделиться.

— Не будем забывать, что наверняка мы ничего не знаем, — возразила Арета. — У нас только догадки. И, во-вторых, никто не может сказать, что он вспомнит, когда закончится действие препаратов. Но есть и кое-что посерьезнее. Рассказав ему вкратце его прошлую жизнь, мы, возможно, обречем его на частичное повторение.

— Ладно, а как насчет такого? — вмешался Частота. — Давайте изменим ему внешность и отправим междугородным автобусом «Грейхаунд». Служба безопасности там не так досматривает, как в аэропортах. Если подсадим ему «жучка», то сможем проследить его передвижения и посмотреть, что получится. У нас полно пропусков на «Долгий поход по Америке». Всего делов-то: взломаю их систему и активирую один на его имя. На обороте каждого пропуска — карта США. Отметим на ней те

места, которые упоминал Ищейка, и предоставим ему и случаю решать, что он выберет.

— Какая трусость! — вырвалось у Натассии.

— Вовсе нет, — возразила Арета. — Как раз разумно.

— А как насчет Лос-Анджелеса? — вмешался Хеймдаль. — Туда его больше не пошлешь.

— Придется ему обойтись Лос-Вегасом. Значит, договорились. Несогласные есть?

Откликнулась лишь Натассиа.

— Тогда порядок, — сказала трансвестит. — Ты, Частота, разыщи Давай-Давай и Гермеса. Нужно приготовить одежду, еду, деньги, билет на автобус… Да, еще стрижка. Ищейка… Нам нужны инструкции относительно Динглера. И не забывай, что Чистотец, когда приедет в Питтсбург, возможно, ничего не вспомнит.

Ощупав карманы, Арета нашла второе пророчество ИИИЦзинов. «Таракан способен жить без головы девять дней».

— А это что?

— Пустяк, — отрезала Арета. — Я скажу Дюймовочке и РвиШнуру, пусть собираются: будут на подхвате, когда начнем его вывозить.

Глава 4
Приятно уйти

Стратеги и главы групп работали слаженно, но Чистотец бился в путах конфликтующих препаратов: «Тиресий» стимулировал электрические разряды по всему его мозгу, а «Забвение-6» пыталось затянуть его дымкой. В скачках электричества накладывались друг на друга образы. Он видел освещенную свечами ванную… от ужасного света он поперхнулся, к горлу подступила тошнота… женщины держались за руки вокруг каменной иглы… и в зеркале плакал мальчик… разрываемые пулями тела… один осколок вошел ему в спину. А после он очутился в кресле, и кто-то обрезал ему волосы — светлый грязный шелк падал на колени в ртутном полумраке.

— Где Давай-Давай Эскимос? — услышал он крик Ареты, несмотря на люминесцентный парик, как никогда похожей на принстонского полузащитника, а вовсе не на трансвестита.

Чистотцу было жалко волос. Потом его отвели в другую палатку, где выдали белье, носки, джинсы, теплую спортивную рубашку в клетку, ботинки «Рендуинг», пахнущее затхлым длинное пальто из приюта святого Венсана и сумку на ремне. Натассиа плакала. Явился некто по имени Давай-Давай Эскимос или Детка-Аллигатор и оказался девушкой лет двадцати, белой, как фаянс унитаза, и с глазами цвета яичницы. К ней присоединился афроамериканский мальчик лет десяти или одиннадцати, еще более бледный.

— Вы отправляете меня с детьми? — спросил у Ареты Чистотец.

— Давай-Давай забыла об этом городе больше, чем любой инженер-строитель, пожарный, коп или диспетчер вообще знали, — объявила Арета. — Она освободила АНТОСОУ.

— Кто это?

— Автоматически Наводимые Тактические Операционные Системы Ответного Удара. Роботы, сконструированные для работы с выбросами токсинов и нападениями террористов. Всегда полезно иметь друзей в самом низу.

— Пси-уровень все поднимается, но медленно, — доложила Лайла.

— А он кто? — указал Чистотец на призрачно-белого негритенка.

— Гермес — альбинос, — объяснила Арета. — Обыграл начиненную ядами систему защиты и пообщался с хозяином

матрицы Подземки. Он знает каждый дюйм и звено кода, каждый световой сигнал. Но не умеет говорить.

— Скажи ИИИ-Цзинам, что нет лам на Багамах. — Чистотец захихикал.

— Найдите Ищейку. Где остальные припасы? — крикнула Арета, боясь, что мозг Чистотца превратится в слизь еще до автовокзала портового управления[24].

— Иду! — проорал карлик. — Вот тебе инструкции для Чистотца… и личная инфограмма Динглеру.

— Но страница же пуста! — Арета недоуменно вперилась в листок.

— Проявится через несколько часов, — отозвался хакер. — Симпатические чернила на случай, если его схватят на выходе.

— И что ты написал Динглеру?

— «Ждите гостя. Информация для любого заказчика, будь то животное, минерал или флора». Подписано «Полузащитник Вичита»[25]. Послал через пару спутников. ЭНТОМОЛОГ придал ей нечто, что назвал «запахом улья».

— С билетом порядок, — доложил Широкая Частота. — А что на нашу Насти нашло?

Повернувшись, Арета увидела, что Натассиа опустилась на колени и пылко цепляется за руку Чистотца.

Чистотец растерянно провел рукой по остриженной голове, вниз посыпались обрезки волос.

— Нет! — воскликнула Натассиа, попыталась вернуть ему пряди, стала рассовывать по карманам, потом обхватила колени и зарылась лицом в штаны.

— У старой миссис Рубанок была грубо оструганная плоскодонка, не плоская грубость, а просто донка, — хохотнул лысый Чистотец.

— Он сам не знает, что говорит! — воскликнула Арета, радуясь, что подошел с новой дозой «Забвения-6» доктор Квайл.

— Как он вообще может знать, кто он, после того, что вы с ним сделали? — выкрикнула Натассиа, но ассистенты Квайла ее оттащили.

Подкатили приваренную к саням мотоциклетную коляску на шинах от внедорожника. Сзади была узенькая приступочка для погонщика. Давай-Давай привела стаю разношерстных собак. Две дворняжки были совершенно лысыми, со следами какой-то грибковой инфекции. Почти у всех были прокушены уши или отсутствовал глаз. У одной вместо ноги — бионический протез, у другой ног было пять. Однако были тут и два здоровых пса, которые при ближайшем рассмотрении оказались жилистыми, мускулистыми волками, — чудилось, что эти звери случайно

забрели сюда из другого времени и места, из лесов Мэна или степей Азии. Но и первые, и вторые с равной готовностью подставили шеи под толстые ремни черной упряжи. Яичноглазая девушка впрягала тяжело дышащих собак в сани. Чистотец чувствовал, как в голове у него прокатываются волны.

— Вот тебе немного еды и зелени, — сказала трансвестит. — Извини, что не смогли сварганить тебе кредитную карточку, но на нее ушло бы много времени. Записку прочтешь потом. А это билет на автобус. Он действителен в течение трех месяцев, так что можешь ездить сколько пожелаешь. Какое на нем имя, Частота?

— Элайджа Чистотец. По-моему, звучит неплохо.

— Куда я еду? — спросил Чистотец. — Почему мне нельзя остаться?

— Давай-Давай и Гермес доставят тебя на автовокзал, — с огромным усилием продолжила Арета. — Без необходимости ни с кем не разговаривай.

Появилась Уиджа с едой и водой, которые затолкала ему в сумку, а за ней — мерцая и позвякивая, Гроди, а следом, скрипя колесами тележки для гольфа, — Большой Бвау. Возбужденный соседством других собак старый ротвейлер беспокойно принюхивался.

— Повезло! Повезло! Повезло! — закаркал Гроди, а потом, словно бы усилием воли сосредоточившись, наклонил шлем-клетку, полную гремящих шаров, и сказал: — Вытягивай…

Чистотец, подумав, опустил руку в проволочную корзину у него на голове и вытащил один девственно чистый предмет. Шар был таким гладким, словно его слепили из жвачки. Чистотец убрал его в карман. Давай-Давай застегнула ремень мотоциклетного шлема с американским флагом на лбу и махнула Чистотцу садиться в сани. Дюймовочка и парень по имени РвиШнур опрокидывали канистры в баки двух сверхлегких «кавасаки», а под маленьким Гермесом ожил мотоцикл «хускварна» с графитовым корпусом. За спиной у мальчишки висело странное оружие: когда-то это был обрез «мироку», но кто-то любопытно его переиначил.

— Они тоже поедут? — спросил Чистотец, указывая на Дюймовочку и РвиШнура.

— Если можешь, всегда имей наготове отвлекающую приманку и запасной план, — ответила Арета. — Запасного плана у нас нет, но приманки такие, что тронь — обожжешься. Оно и к лучшему: Пила говорит, в туннелях черт-те что сегодня творится.

Брат Тук поднял кусок чахлого газона, открыв внушительный промышленный люк, за которым в темноту уходил бетонный

пандус, способный вместить реактивный самолет. У Дюймовочки на бедре висела русская ручная ракетница «Вымпел», которую она заранее выдержала в растворе фосфора, чтобы добиться ядовито-зеленого лака, устойчивого к ржавчине, а РвиШнур, чьи глаза светились как у истинного амфетаминщика, забросил за спину автомат «шауриг» — феромонно пахнуло смазкой. Все надели очки ночного видения — кроме Давай-Давай, чьим глазам навыкате, казалось, уже не нужна была поддержка электронных симуляций.

— Все о'кей? — спросила Арета. — Тогда прощай, Чистотец.

Дюймовочка и РвиШнур рванули как автоматные очереди, Давай-Давай хлестнула кнутом собак, которые только рады были тронуться с места.

— Закрыть двери! — крикнула, когда они скрылись из виду, Арета. — Все на боевые позиции. Кибертехи, быстро в матрицу. А ты, карлик, скажи Широкой Частоте, пусть врубает АНТОСОУ.

— Не мучь себя, подруга, — утешил ее Ищейка. — Мы все тут в чем-нибудь да виноваты. Какао у меня в палатке?

— Виноваты? — пробормотала Арета, благодарная, что может хоть на что-то отвлечься. — А я-то думала, ты просто калифорнийский шуткарь, который попал в немилость к федералам.

— В немилость, говоришь? — отозвался Ищейка. — Да я бы сейчас мотал от двадцати пяти до пожизненного в Марионе. Что-то мне сомнительно, что я получу Нобелевскую премию, о которой мечтала мамочка.

— Давай не будем о прошлом, — вздохнула трансвестит, когда они подошли к палатке карлика. — Найди все, что возможно, об этих зондах. Пусть мы Чистотца отослали, но не бросать же его на произвол судьбы.

— Не бойся, займусь, — кивнул Ищейка, ставя молоко на бунзеновскую горелку. — Не нравится мне эта история с секретным боевым зондом. Его разрабатывали для джихада. Девизом разработчиков тогда было, дескать, их зонды не ПБ, а только ЕП[26]. Но мы с ЭНТОМОЛОГОМ найдем способ его выкурить.

— Помоги нам Господи, если он когда-нибудь решит напасть на нас, — вздохнула Арета.

— Эксцентричность — лучшая защита от инфильтрации, — уверенно сказал Ищейка. — Сдается, это было очередное озарение Парусии Хид. Конструкт Рикерберна потому и свихнулся, что был слишком косным. Спиральный ум подчинить труднее.

— Как по-твоему, мы когда-нибудь ее увидим? — задумчиво

спросила Арета. — Я хотела сказать — снова. Но ведь ты тоже никогда с ней не встречался, верно?

— Не-а. — Подавая Арете кружку, Ищейка качнул головой-луковицей. — Но я чувствую ее присутствие… Коды — это как… как симфонии Баха. Нет, она — не миф, но мне понятно, почему кто-то так считает.

— Все упирается в веру, — сказала Арета.

— Между вдохновением и самообманом тонкая грань, и мы сейчас балансируем на гребаном острие, — согласился карлик. — Но в одном я уверен. Помнишь родственников, которых упоминал Чистотец? Так вот «Тетя Вивиан» — это название проекта, над которым Ронуэлл Стюарт работал до того, как ушел в «Витессу».

— Ронуэлл Стюарт… Давненько я не слышала этого имени. Как он в конце концов стал себя называть? Вонючка Юла?

— Верно. Старый добрый Вонючка Юла. Еще один забытый гений. Наряду с Парусией Хид он был бы величайшим умом нашего времени, если бы своим не тронулся.

— Только представь себе, что вышло, если бы они объединились! — загорелась Арета. — Он ведь, кажется, пропал?

— Возможно, мы о нем еще услышим. Так вот «Тетя Вивиан» — кодовое название для проекта искусственного интеллекта с целью постоянного и спонтанного шифрования данных в реальном времени. На тот момент передовая наука. Невольно вспоминаешь Сиэтл времен сухого закона. Женщина передает тайные сообщения контрабандистам в своей радиопрограмме «Сказки на ночь для малышей от тети Вивиан».

— И как это относится к Чистотцу?

— Понятия не имею. Но я рад, что мы подсадили ему «жучка».

— Ради него же надеюсь, что тетя Вивиан окажется милой старушкой, которая готовит самое вкусное на свете какао, — сказала Арета.

Глава 5
Гонка по выжженной земле

Поединки в клетках, пение кантора, пряное виндалу — все исчезло, ведь нарастало пронзительное гудение, и коварная дробь тамтамов выбивала призыв к оружию. Какофония сводила с ума собак Форта Торо. Эхо разносило ее, отдаваясь от закопченных кирпичных арок и выложенных плиткой каверн под мегаполисом — неолитный бред японского аниме, мексиканских фресок и прославления смерти китайского мандарина.

Сквозь пелену мучительной головной боли Чистотец мельком видел лабиринты пандусов и навесных мостов, обрывавшихся в кромешную тьму, точно одновременно воздвигались и разрушались дьявольские гробницы фараонов. Все виделось ему словно через плазменную решетку, подернутую тошнотворным метилом фиолетовым. Жестикулировали похожие на мумии тени, уродливые старухи заворачивались плотнее в целлофан и мятые «Нью-Йорк пост»… Фигуры в плащах с капюшонами отправляли нелепые ритуалы, размахивая отбойными молотками… Вонь зияющих сточных канав, октана, кордита… Трупы, вымоченные в керосине и подожженные, чтобы отпугнуть крыс (некоторые вскормленные на радиации мутанты достигали размера питбулей). Вот во что деградировали туннели подземки и канализации, превратившись в кошмар этнографии, где морщинистые и завшивевшие корчились бок о бок, и тотемные утопии трансформировались в гибрид машины и плоти, служа добычей бандам, воевавшим за территорию и человеческие органы.

Этот мир, готовый в любое мгновение сдавить их, сжаться как кулак в латной рукавице, предстояло сейчас пересечь Чистотцу и его провожатым. Собаки сатьяграхов ярились, рычали со злости, ведь недобрые вибрации становились все интенсивнее. Подгоняя упряжку хлыстом, Давай-Давай свернула в туннель, по стенам которого тянулись ржавые, капающие водой трубы. Все дальше и дальше по пищеводу-лабиринту гнала девушка собак, пока они не проскочили через перекресток трубопроводов, а там Чистотец увидел разбитый байк РвиШнура и раздавленный в луже крови «шауриг». Давай-Давай пригнулась как раз вовремя, чтобы проскочить под натянутой поперек туннеля проволокой-пираньей. За ней на земле лежали человеческая кисть и автоматический браунинг. Из темноты появилась, тяня за собой каучуковую нить, Дюймовочка. Обернувшись, Чистотец увидел, как из западного

туннеля с ревом вылетает Гермес. Повсюду вокруг выл и пульсировал глумливый и хриплый вой пластмассовых рожков и барабанов.

— РвиШнура прикончили, — услышал Чистотец крик Давай-Давай.

— Знаю, — махнула «аддером» Дюймовочка. — Он не сдался без боя!

— Пойдем по сто одиннадцатому, потом по подземке до канализации.

— Дерьмо, — скрипнула зубами Дюймовочка. — Если не поезда, то зомби в водостоках сцапают.

— АНТОСОУ на подходе, — отозвалась Давай-Давай.

— Ладно, — бросила Дюймовочка. — По возможности приму огонь на себя.

Издав боевой клич, она обогнула развороченное «желтое такси», где за руль еще цеплялся сожженный труп, зажимая плечом старомодный сотовый телефон.

Гермес газанул на юг, а Давай-Давай свистнула упряжке и помчалась за ним. Глаза волков сияли в темноте. Чистотцу казалось, что он видит блеск этих глаз, словно бы находился впереди них, словно бы его разум обгонял тело и одновременно тянулся за санями… Прочь от баррикад из тележек для продуктов и детских колясок.

Сквозь щебень вокруг, сквозь сухой лед и колючую проволоку, опутавшую сознание, его бомбардировала шрапнель образов. Недолеченные из психушек, нацепившие, как броню, колпаки для колес и дорожные знаки. Лабораторные животные с челюстями морских чертов жмутся у вентиляционных решеток. Раздутые от стероидов тяжеловесы, нагие, за исключением касок и стрингов, качают штанги в гротах, залитых брызжущим неоном.

Но не эти чрезмерно чудовищные картины просачивались в конечном итоге в недра его сознания. Нет. Девочка без ног катится в шипованной покрышке.

А собаки все тянут упряжку, и охотники все ближе и ближе.

Очередь из «Калашникова» разорвала тишину там, где предположительно неслась сквозь темноту Дюймовочка. Раздалась она из сожженной ацетиленовой горелкой люльки, связанной из мясницких крючьев и кошек. Рявкнул обрез, упало и покатилось чье-то тело (собаки и колеса пронеслись по нему, не сворачивая), потом в лицо Чистотцу ударили жар и пыль — мимо просвистел мусорный ветер с поверхности, точно открыли заслонку. Он увидел рельсы подземки… Его разум снова летел впереди саней и отставал, тянулся за спиной у Давай-Давай… Препараты в его организме достигали пика своего действия,

шрамы на спине жгли огнем.

Давай-Давай кнутом погнала собак по служебному проходу вдоль рельсов, где каждые шестьсот футов теплился синий огонек аварийной лампочки. Сзади надвигался экспресс. В свете его фар он разглядел четверку на легких байках. На шлеме одного был пулемет «черный рой», работающий от турбины и готовый залить все кругом горизонтальным потоком стали.

Автоматический, идущий на юг без машиниста поезд почти их настиг, и Чистотец услышал вопль.

— Йе-е-е-е-ха-а-а-а! — пронзительно взревела Давай-Давай, сворачивая упряжку в другой, ведущий вниз под уклон проход, собаки начали спотыкаться в водостоке. Глаза у Чистотца заслезились от вони дезинфектантов и промышленных чистящих средств, которая была хуже дерьма и человеческих испражнений.

По стенам туннеля расцвели вдруг красные точки лазерных прицелов. Из-за поворота вывернули, идя клином, пять джет-лыжников. Гермес выпустил облачко перечного газа из толстой канистры, и, потеряв равновесие, крайний лыжник врезался в клин своих же. Между стен заметалось, но вскоре погасло пламя, лыжники же, как нож, пролетели мимо, и ближайший крикнул:

— АНТОСОУ!

Из жерла еще какого-то туннеля появился обтекаемый черный робот-амфибия на колесах от внедорожника и запыхтел по клоачной реке, отрезая Гермеса от упряжки. Четверка открыла огонь из всех стволов, но АНТОСОУ оттеснил их в глубь туннеля. Тяжело дыша, собаки вытащили сани на сухую дорожку вдоль стены, в калиевом свете стали видны свисающие из вентиляционных решеток руки и гладкий пол, усыпанный гильзами.

Сани перелетали из туннеля в туннель, временами Чистотец мельком видел Дюймовочку и Гермеса, а еще заметил, что ближайшие к нему собаки начинают уставать. Он нутром чувствовал их изнеможение. «Я должен их тянуть, — подумал он. — Это я должен их тянуть». Бешеный лай, и словно бы новые силы влились в ближайших к нему зверей, и пятиногая подгоняла лысое существо впереди себя. Лишь благодаря этому рывку их не настиг град металла из-за спины — их нагнал мотоциклист с «черным роем», на сей раз к нему присоединился безбожный союз татуированных варваров в боевой раскраске под скелеты.

Давай-Давай и так знала, что будет дальше. Собак съедят, ее изнасилуют. Или, может, наоборот. Случайный снаряд подбил байк Гермеса, и альбинос кувырком вылетел из седла, чтобы приземлиться на колени Чистотцу. От удара из кармана пальто выпали деньги, данные ему Аретой. Во тьму туннеля полетели

банкноты.

— Эй, чувак, — крикнула Чистотцу Давай-Давай. — Знаешь, мать твою, сейчас самое время!

Голос донесся к нему будто сквозь облако огня. Он не видел, как исчезли деньги, он ощущал только вес оглушенного ребенка у себя на коленях и запах страха собак. А затем за спиной вновь загудела турбина «роя», и он поймал себя на том, что поет…

> Как летучая мышь из Ада,
> Кроме тьмы, ничего не надо
> Как она, поутру улечу без следа
> Я исчезну, растворюсь без следа.[27]

Слушая гудение турбины, Давай-Давай приготовилась: сейчас разорвет на части. Но когда собаки не разлетелись в кровавые клочья, а ее саму не пронзила боль, она обернулась через плечо и увидела: стена шрапнели гонится за санями, но никак не поспевает. Понемногу злобное облако потеряло скорость и попадало безобидными конфетти, по которым пронеслись, не веря своим глазам, люди-скелеты. «Срань господня!» — подумала Давай-Давай.

— Круто, чувак… А еще что-нибудь умеешь?

Сквозь кислотный туман Чистотец поглядел на ребенка у себя на руках. Потом его вдруг захлестнуло страдание. На глазах у потрясенной Давай-Давай спина седока вспыхнула огнем (девушка поскорей залила его из мини-огнетушителя, который всегда носила с собой), но сперва ее прошил ужасный жар. Потом необъяснимая прохлада. Она оглянулась посмотреть, насколько близки преследователи, и тут все фигуры утратили вещественность. Они уже не были раскрашены под скелеты, они сами стали скелетами. Их машины словно бы превращались в окаменелости и распадались в пыль, их тела блекли в бестелесные татуировки, исчезавшие как завиток дыма из дула старинного пистолета, оставляя — словно подношения варваров — мусор пирсинга.

А собаки все тянули упряжку, и никакого уханья очередей или выстрелов за спиной — и так до самой Сорок второй улицы. Ни одна банда их не подстерегала: ни Мужчины-Гиены, ни Девки-Кураре. Стояла жутковатая тишина, нарушаемая лишь шумом одинокого мотоцикла. К тому времени, когда они прибыли к своей цели, очнулся Гермес. На голове у него вздулась большая шишка, но, когда он выбирался из коляски, Давай-Давай не заметила у него ни серьезного кровотечения, ни колотых ран. Еще удивительнее было то, что на пальто Чистотца даже подпалин не

осталось.

— Как это тебе удалось? — спросила она, но Чистотец не ответил.

«Галлюцинации, мать твою», — подумала Давай-Давай. Но приближающийся байк был вполне реальным. На нем — Дюймовочка с застрявшей в шлеме взрывчатой стрелкой из духового ружья и с раной на ноге от тридцать второго калибра, кровавой розой расцветающей на завязанном наспех бинте.

— Куда они подевались? Где эти сукины дети?!

Выкарабкавшись из коляски, Чистотец рухнул наземь.

— Вот черт! — выплюнула Дюймовочка. — Сам он недотянет. Взваливай его на себя. Надень очки. Все подумают, он под кайфом.

Наверх они поднялись в проулке возле Восьмой авеню. Если не считать Форта Торо, Давай-Давай не бывала на поверхности с тех пор, как ее приютили сатьяграхи, но тем не менее безошибочно потащила Чистотца мимо складных столов китайских закусочных в здание автовокзала. Глаза у него вылезали из орбит за малахитовыми стеклами в очках Дюймовочки.

— Шестой терминал, — сказала она, глянув на табло. — Отходит через две минуты.

Найдя билет Чистотца, она отдала его Дюймовочке для сканирования, а после затолкала назад в карман пальто. К тому времени Чистотец уже пришел в себя.

В толчее балинезийских танцовщиц и сдавленных цыпочек Чистотец отвернулся. Мимо важной походкой прошла эйдолон Тринидад Слейд, гипермодель почти семифутового роста — голая, но с оцелотом на поводке, — она рекламировала духи «Разврат». Шагнув прямо сквозь нее, он забрался в автобус, ностальгично оформленный под пятидесятые годы. Пройдя в хвост, он нашел последнее свободное сиденье.

— Добро пожаловать на «Грейхаунд Америка»! — объявил автобус. — Сегодня наш маршрут будет проходить по Северному Коридору Автоматической Навигации. Пожалуйста, примите к сведению, что в целях вашей безопасности главный салон контролируют видеокамеры, а в туалетах установлены сенсоры. А теперь откиньтесь на спинки сидений, расслабьтесь… «Грейхаунд» отправляется!

Чистотец почувствовал, как завибрировал двигатель, когда управляемый через спутник автобус неспешно покатил к выходу. Потом он увидел фигурку: маленького негритенка с призрачно бледным лицом. Мальчик поднял руку, а за спиной у него вспыхнули колоссальные эйдолоны Таймс-сквера, осыпая его

статикой и проливным дождем пустой информации, известной как «хромовый шум».

Часть 2
ВЫСЕКИ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Безумие единиц — исключение, а безумие целых групп, партий, народов, эпох — правило.

Ницше

Глава 1
Квакерский штат

Город подрагивает как мираж… каждый небоскреб — циклон… бесконечно кружащий, но совершенно неподвижный… а в центре спиралей… светящиеся лифты просверкивают со скоростью мысли…

Он проснулся на сиденье кресла «Грейхаунда», спешащего через темноту в предутренние часы. Голову словно бы недавно обрили. Кажется, кто-то упомянул Вифлеем. Потом женщина заговорила про Питтсбург.

Проверив карманы, он нашел билет «Американ сафари» на имя Элайджи Чистотца, чистый листок бумаги, шарик из слоновой кости и ком светлых волос. Денег нет, но есть сумка с провизией и бутылка с какой-то жидкостью. Волосы похожи на волоски у него на руках, но как они попали в карман? Шарик из слоновой кости и листок так же пусты, как его память. Смяв листок, он заткнул его между сидений. Если не считать города циклонов из сна, на ум приходила лишь серебряная ложка со штампом Панамериканской выставки в Буффало в девятьсот первом. «Наверное, мне дали какой-то наркотик», — решил он и снова осмотрел пропуск. На обороте — карта, но без солидного куска Калифорнии, зато есть девиз «Америка — не страна, а судьба!». Ниже кто-то поставил звездочку возле Питтсбурга, а над точкой возле Амарилло нацарапал «Дастдевил, Техас». И еще нелепое место под названием Лос-Вегас, судя по всему, на новом Западном побережье. Нет, почерк, кажется, не его. Он попытался вспомнить, не связывает ли его что-нибудь с этими названиями, но ничего не всплыло. Помимо циклонов и ложки появился лишь образ мальчика, согнувшегося над унитазом. Мальчик обнажен, горят свечи. Потом он увидел, как луч фонарика шарит по стальным койкам. От этих картин горло сдавило страхом и отвращением. «Что если я совершил ужасное преступление? Как можно всю жизнь прожить с таким дурацким именем, как Элайджа Чистотец, и ничего про это не помнить?» Он уставился за бронированное стекло, пытаясь отыскать смысл в происходящем.

Над трассой громоздились гигантские эйдолоны — голограммы размером со здание, трехмерные, но прозрачные. «Безумие», — подумал он, глядя, как высоченный шотландец грозит задрать килт, а после с похотливой ухмылкой машет вслед автобусу. Как люди с таким живут? Судя по поведению остальных

пассажиров, эти персонажи были раздражающей, но принимаемой как должное частью медиа-пространства и казались нелепыми, поскольку, невзирая на чудовищные пропорции, словно бы сливались с ландшафтом. Чего не скажешь про голоса и образы у него в голове… Обрывки музыки, боль… клочья снов. Иногда из дымки возникал невероятно сложный образ — будто целую стену математических формул ужали до единого иероглифа… Но потом вдруг — пф-ф-ф! — он развеивался как облачко.

Чистотец сосредоточился на своем окружении, пытаясь найти хотя бы что-то знакомое, но увидел лишь беспрестанное мерцание рекламы «Вигвам джекпот» и пульсирующую вывеску, объявлявшую, что до самого большого в мире «У Хауарда Джонсона»[28] две минуты езды. Там, где когда-то пейзаж портили сталелитейные заводы и угольные шахты, а до того зеленели могучие леса, сейчас протянулась размазанная полоса строений-сосулек: бистро, казино, лагеря беженцев, привилегированные поселки за забором на замке и «Пристанища во времени», куда люди приезжали, чтобы жить по законам технологии и морали былых эпох.

Сразу за «УХД» начался проливной дождь, и автобус сбросил скорость.

Через проход две девахи с бритыми скальпами и татуировками-циферблатами показывали на него пальцем. Чистотцу показалось, что они слушали его, пока он спал. «Интересно, что я говорил?»

В Харрисбурге автобус надолго задержали на пропускном пункте (и когда же это возникли пропускные пункты?). Табло-квазар за окном рекламировало местный тир и открытие нового «Бейби-ритуала», а рядом стоял старомодный щит, пустой, если не считать слов…

> Все, что надеешься сохранить в дороге,
> Нужно растерять по пути.
>
> *Вонючка Юла*

Его сознание взорвалось статикой… Возникли слова… «Добро пожаловать в Алхимический каньон, Само-Дакота». Чистотец моргнул, и щит исчез, будто его и не было вовсе. Что это значит? Вонючка Юла… М-да, имя еще более странное, чем Элайджа Чистотец. И что такое Алхимический каньон? И где находится Само-Дакота? Начало жечь спину. «Когда прибудем в Питтсбург, найду врача, — пообещал он самому себе. — Обязательно надо сходить к врачу».

Автобус и машины вокруг снова остановились — из-за

начиненного взрывчаткой грузовика самоубийцы где-то впереди. Поднялось солнце, но небо осталось серым, как дохлая рыба. Промелькнул еще один ископаемый щит.

> Ничто не сравнится с мягким, утешительным шумом
> Рушашейся вокруг тебя цивилизации.
>
> *Вонючка Юла*

На сей раз Чистотец услышал пение на латыни… потом блюз-гитару. Перед глазами поплыли утесы и скалы, но не знакомые, а словно бы с другой планеты. И снова щит как будто растворился в смазанной радуге вывесок и бензоколонок. Ему казалось, он очутился в чужом теле или подключился к чужой передаче. Но от взрыва звука и света в голове у него снова прояснилось. А с ясностью пришел и голод. Порывшись в сумке, Чистотец нашел банку крошечных радужных форелей. Помимо нее там оказалась бутылка с мутной жидкостью, по вкусу напоминавшей сельдерей.

Через автоматизированный пропускной пункт автобус съехал на Пенн-Линкольн-парквей. Мимо потянулись негритянские бары и клубы караоке, а вскоре впереди замаячили усталые шпили вокзала Стил-плаза, кажущиеся карликами в тени местного «Витессалита», «Центра Цуна» и «Банка Бахрейна». На реке в окружении потрепанной флотилии джонок качалась расписанная граффити канонерка с флагом «Хундай». Пожелав всем «Доброго пенсильванского утра», автобус стал зачитывать расписание и варианты пересадок по Квакерскому штату[29]. Чистотец нерешительно направился к вокзалу, спрашивая себя, не ждет ли его кто-нибудь — чтобы встретить или захватить.

Глава 2
Торчок на незнакомых

В здании вокзала пахло карри и хлоркой. Чистотец выжидательно осмотрелся по сторонам, но никто не встретился с ним взглядом. Если не считать метущего пол хариджана[30], низшего робота-уборщика. Чистотец удивился при виде этой машины, смахивающей на насекомое в экзоскелете, но интуитивно понял, что в ней нет ничего необычного, слишком уж она сливалась с линолеумом и литой пластмассой своего окружения. Даже изнуренный никарагуанец, возящий тряпкой перед вывеской «Старбакс» на китайском, выделялся сильнее.

По одну сторону было огороженное пространство, зарезервированное для «Женщин и детей», спонсированное Центрами воспитания детей и подростков «Бейби-ритуал», его реклама уже встречалась ему на трассе. Выгородку охраняли два ярких эйдолона, чьи головы, будь они материальными, касались бы динамиков в потолке. Один представлял собой пышнотелую самку орангутанга, оранжевую, как сливки в томатном супе. Орангутаниха была облачена в венок из полевых цветов и юбку из пальмовых листьев, еще ее окружал ореол из вспышек повторяющегося гипертекста — точно вдруг заговорили дождевые капли. Чистотец так и не понял, видят ли эти слова остальные пассажиры. Там было что-то вроде «Королева Убба Дубба», а еще полезные советы («Будьте добрее к другим существам») и афоризмы («Естество только естественно»).

Ее такой же огромный коллега был селезнем высотой то десяти, то двенадцати футов — в зависимости от того, как двигался и выгибал шею, но последнее он как будто делал маниакально часто. Одет он был в чопорный вязаный жилет и бежевый вельветовый пиджак — такие носили когда-то учителя начальных классов, когда мужчин еще подпускали к детям. В остальном селезень был того оттенка синего, какой оставляет на кармане потекшая шариковая ручка, но его ярко-желтый клюв сиял, словно золотой слиток. Вокруг него в такт идиотскому подергиванию шеи тоже мерцал гипертекст, говоривший «Пожалуйста, ведите себя хорошо!» и что-то про «Селезня Дули».

Чистотец не мог вспомнить, существовали ли в его детстве сказочные герои Убба Дубба и Селезень Дули, но, судя по реакции остальных, они были всем известными и любимыми персонажами, по всей видимости, перекупленными у кого-то «Бейби-ритуалом». Чистотца пробрал мороз по коже при виде

того, как столь огромные мультяшные герои запросто общаются с людьми и перешагивают через мебель. Особенно не по себе ему стало, когда персонажи внезапно наложились друг на друга, а потом вдруг мальчик-астматик в респираторе принялся забегать то в одного, то в другого, а Убба Дубба с Дули только хихикали или морщились, их электрическая окраска на мгновение тускнела, прежде чем к ним возвращалось полное разрешение.

Никто как будто его не ждал и за ним не наблюдал. Он тревожно подождал еще немного, но ничего не произошло, поэтому он решил сходить в уборную и посмотреть, что так жжет на спине. Не увидев ни стрелок, ни табличек, он подошел спросить у робота-уборщика.

— Извините, — обратился он к хариджану.

Робот уставился на него с тревогой, которая сменилась возбужденным беспокойством. Когда устройство ответило, Чистотцу невольно пришел на ум богомол. Но слов он не понял, потому что подкатил вдруг коренастый безопасник, с головы до ног закованный в защитную броню на случай, если понадобится усмирять беспорядки, и рявкнул:

— Немедленно отойдите от устройства! Вы что, правил не знаете?

— Прошу прощения, — сказал Чистотец. — Я хотел узнать, где находится туалет.

— Стоять! — продолжал, грозно размахивая шокером, безопасник. — Что вы сделали?

— Не знаю, о чем вы, — ответил Чистотец и, повернувшись, увидел, что хариджан сложил перед «грудью» пневматические конечности, точно собирался поклониться.

— Ладно! — рявкнул безопасник, отключая хариджана. — Ваши документы!

Чистотец показал ему автобусный билет с фотографией.

— А как насчет имплантата, умник?

— Имплантата? — недоуменно переспросил Чистотец.

— Чип системы идентификации личности гражданина, — фыркнул безопасник.

И единым плавным движением пресек дальнейшие разговоры: убрал оружие, схватил Чистотца за правую руку и потянул на себя — потом оторвал со своей жилетки липучку, открывая плазменный экран, к которому с заученной ловкостью прижал ладонь чужака. Мгновение спустя охранник словно бы пришел в себя… и сконфуженно рассыпался в извинениях:

— Прошу меня простить, сэр. Очень… очень… очень извиняюсь, что причинил вам столько неудобств, — бормотал он, обкусывая каждое неуклюжее слово. — Показаний было

недостаточно. Я подам полный рапорт. Немедленно исправим. Не могу выразить, как мне жаль… из-за этого… Недопонимания.

— Так где туалеты?

— О! Да… вон там. Видите? — указал безопасник и снова включил хариджана, который выпрямился, беспокойно потер пол, а после пополз к выгородке, где плюхнулся рядом с королевой Уббой Дуббой.

Чистотец направился в мужской туалет, который по сравнению с остальным вокзалом казался переполненным. Над держателем с волглыми бумажными полотенцами были вмонтированы камеры безопасности. В одной кабинке — двое мужчин, в другой — мужчина и женщина. Под раковинами спал или лежал в отключке толстяк весом не менее двухсот фунтов. Чистотец подошел к писсуарам. Размер собственного пениса его удивил. «Да у меня, похоже, действительно проблемы с памятью, если я такого не помню!» Повернувшись, он заметил, что привлек чье-то внимание.

Его рассматривал белый подросток с предательской меткой вживленного в мозг имплантата, которую Чистотец уже видел. Одежда на нем была дорогая, но грязная. Лицо женственное: губы увеличены инъекцией коллагена. В одном глазу — модная голубая контактная линза-картинка с Мадонной и младенцем, в другом, налитом кровью и зеленом, — безошибочный наркоманский блеск.

— Самый большой член, какой я видел, мистер…

На Чистотца нахлынуло острое отвращение. Его разозлило, что на него так смотрят… и одновременно он помнил мальчика в ванной.

— Что с тобой такое? — возмутился он. — Ты что, не знаешь, что нельзя заговаривать с незнакомыми людьми?

— Да он торчит на незнакомых, — простонал толстяк и выполз из-под раковин.

Чистотец с удивлением обнаружил, что вши на толстяке просто кишмя кишат.

— О чем это вы? — спросил он.

— Господи, да трахни же меня сильнее! — крикнула из кабинки женщина.

— Он сидит на «Пандоре», — прокашлял завшивевший и отхаркнул в раковину гладкий, как устрица ком, который пополз к стоку.

— Не знаю, о чем вы говорите, — сказал Чистотец.

Женщина забилась в оргазме.

— Он как джанки сидит на сексе. Такие трахаться должны, не то мозги себе вышибают.

— Ну же, мистер, — залебезил мальчишка.

Из кабинки вышла женщина: трусы намотаны на запястье, лицо как у африканского бородавочника. Вслед за ней, шаркая, появился встрепанный глухонемой мужик. Глянув на Чистотца, он набрал на нагрудной клавиатуре:

КАк НА СчЕТ ПОжерТвоВАНиЯ???..

Чистотец коснулся катодного экранчика со следами пальцев, и лицо мужчины перекосил спазм.

##♠♣♥√%&%$$!!!!ΔΩ+ + +??

— Со мной бы так возбудился, — усмехнулась женщина. — Это ты с большим членом? Дай посмотреть.

Чистотец начал выходить из себя. Ему-то хотелось лишь спокойно осмотреть спину, чтобы никто больше на него не пялился.

— Хватит, — сказал он. — Валите все отсюда.

Вшивый подавился смехом. Мальчишка продолжал скулить, а уродливая женщина понюхала свои трусы, потом снова их надела.

— Вот как, мистер Большой Член желает, чтобы мы ушли, а? Да кто ты такой?

— Я не ощипыватель фазанов, но сын Ощипывателя Фазанов, и я буду ощипывать фазанов, пока не придет Ощипыватель Фазанов, — ответил Чистотец и сам поразился страстности собственной тирады, хотя и не понял, что значат его слова и почему он их произнес. Однако на обитателей туалета это подействовало сразу. Все ушли.

Озадаченный происшедшим Чистотец снял пальто и рубашку и, извернувшись, постарался рассмотреть отражение своей спины в зеркале. И увидел буквы, оставленные на коже резаком для картона и паяльником или, может, кислотой. «ОТЧЕ, ПРОСТИ ИМ, ИБО ОНИ».

Он снова оделся.

— Ладно, — сказал он обритому незнакомцу, смотревшему на него из зеркала. — Давай выяснять, зачем, черт побери, мы тут оказались.

Глава 3
Хрен охреневшему селезню!

Проходя через зал ожидания, Чистотец все ждал, что к нему кто-нибудь обратится. Тщетно. Мысль о том, чтобы тащиться в больницу, пугала, поэтому он прислонился к перилам и стал следить за сменой картинок в жидкоплексовом кубе, который вращался и в котором то складывался, то распадался фасеточный глаз, а механический голос твердил что-то про БИСПИД. Рядом с кубом располагался прибор с табличкой «Терминал Зри-связи». По всей видимости, это устройство позволяло подстроить изображение под себя, хотя услуга, кажется, была платной, так как на дополнительном экранчике мерцала надпись «Введите код банковского счета», рядом с ним имелась светящаяся панель с изображением руки; если судить по стычке с безопасником, она позволяла установить благонадежность или кредитоспособность клиента.

Произошел еще один взрыв… в Вашингтоне. В обзорной части возник эйдолон медиа-звезды по имени Винаta Нидху, которая с англинизированным акцентом объявила: «…Еще один взрыв „Тактического отчаяния“ потряс сегодня страну, уничтожив корпус аэродинамических исследований Смитсоновского института…»

Гипертекстовый ореол вокруг нее предлагал «ВЫБРАТЬ ГАРДЕРОБ И СТИЛЬ ДИКТОРА». Затем следовал шквал китайских идеограмм. Потом женщина поглядела на Чистотца и произнесла:

— *Hablo espanol… Falo portugues… Je parte francais*[31]

Вокруг нее закружились всевозможные иероглифы. Индонезийские, корейские — от мельтешения рябило в глазах. Потом вдруг она исчезла, и Чистотец невольно вспомнил свои прежние галлюцинации. Однако любопытно. У него нет ни физического порта, как у некоторых, ни более обычных распространенных коробочек, соединяющих наушники и очки, поэтому он не знал, что сейчас случится, но все-таки подошел к терминалу, положил руку на силуэт ладони и стал ждать. Винаta Нидху появилась снова, но лишь с плохим разрешением. Полился водянистый и светящийся гипертекст.

— Какой вы хотели бы меня видеть? — спросила женщина.

— Отчетливой.

Прозрачная покачала головой, вспыхнули несколько вариантов текста. Гетеро. Лесбиянка. Профессионалка. Провокаторша. Покорная мазохистка. Домина. Интеллектуалка.

— И кто же ты теперь? — спросил он, чувствуя себя немного глупо, что говорит с фантомом… пока не заметил безумную старуху, поглощенную серьезным разговором с Селезнем Дули.

— Гетеро-профессионалка, — фыркнула Винаta Нидху и повела рукой, словно бы говоря: «Разве это не очевидно?»

— Попробуй гетеро-провокаторшу, — отозвался Чистотец.

— Прямая связь осуществляется на ароматическом уровне, — сообщила она. — К тому же частном. Самые популярные ароматы — муссон и калимпонгская орхидея.

Это показалось ему смешным: не диктор, а прямо-таки танцовщица из стрип-бара, которую загоняют тебе в голову.

— Откуда ты взялась?

— Лежащая в моей основе информация находится в базе данных отдела новостей в Чикаго, но визуально меня генерирует БИСПИД-центральная в Миннеаполисе.

В зал ожидания пробралась пара забулдыг погреться. Один мужчина был высоким, краснолицым и сутулым и потому немного напоминал ирландскую трость с загнутой рукоятью. У другого из ноздрей росли волосы, а еще он отчаянно жестикулировал, вычерчивая в воздухе загогулины осыпающимся окурком потушенной сигары. Они пытались держаться как служащие, но от обоих несло выделениями протеина и сухим белым хересом, а еще дезинфектантом общего действия.

— Покажись голой, — сказал Чистотец.

Никчемные мужики выглядели такими потерянными, может, голая красавица их развеселит.

С мгновение эйдолон смотрела на него молча, потом сказала:

— Среди опций общей платформы нет опции «нудизм».

— Я не ощипыватель фазанов, но сын Ощипывателя Фазанов, и я буду ощипывать фазанов, пока не придет Ощипыватель Фазанов, — ответил Чистотец.

Винаta Нидху исчезла, но вмиг появилась снова с поразительной четкостью — голой, если не считать золотой цепочки, с которой свисал крошечный Шива. Теперь внешность у нее стала чисто дравидской. Соски были такими темными, что казались почти пурпурными. Невзирая на все свои неприятности, Чистотец вдруг ощутил укол желания, хотя и понимал, что перед ним всего лишь картинка. Но как не обращать внимания на ее откровенную и изящную наготу? Даже Убба Дубба и Селезень Дули заинтересовались.

Для голоса Королевы Уббы Дуббы смикшировали записи Вупи Голдберг и Дэвида Эттенборо, ведущего добиспидовских фильмов Би-би-си по естественной истории. Получившееся сбивало с толку, но не отталкивало. Звуковой файл Дули был

основан на записях покойного актера Кевина Костнера, вот только в голосе селезня явно слышалась паранойя — следствие того, что у разработчика скрипта случился биполярный нервный срыв.

— Она голая! — закрякал Дули. — Кошмар наяву! Перед всеми и вся. Нагая. Беззащитная.

— Хранительница Земли, — запела Убба Дубба. — Богиня любви!

— Эй! — крикнул один из подоспевших безопасников. — Здесь нудистским дикторам нельзя! Убери эту штуку из общественного вещания.

— Я не знаю как, — отозвался Чистотец. — И вообще мне нужно идти.

— И я с тобой, — подхватила Вината.

Чистотец вышел из области вещания, а за ним по пятам двинулись три эйдолона: нагая богиня, словно бы сошедшая с барельефа в индуистском храме, пухлая орангутаниха-экофеминистка и гигантский синий селезень с психическими отклонениями.

— Куда ты их ведешь? — крикнул безопасник.

— Никуда не веду. Они просто идут за мной.

И уже произнося эти слова, Чистотец понял, что не только они, но еще и несколько человек тоже.

— Идемте, дети, — приказала его свите Убба Дубба. — Давайте все обнажимся, вернемся к тому, чем мы были в Великом Лесу у начала времен.

С этими словами королева консерватизма стянула свой зеленый наряд, который растворился, как гипертекст, и предстала всем длиннорукой, с поросшей волосами грудью — точно толстая рыжуха с гормональными отклонениями, она же — источник ласковой мудрости.

— Ух ты! — воскликнул Дули, снова выдав свое фирменное подергивание шеей. — Это как… Но я-то не могу раздеться. У-у-ух ты!

— Ты и так голый, — заметила Убба Дубба. — Если не считать пиджака и жилетки, которые, честно говоря, тебе не идут.

— Тебе не нравится мой жилет? — Селезня передернуло. — Я на грани полномасштабного системного сбоя… а ты говоришь, тебе не нравится мой жилет… и что… я голый?

— Слушай, Дули, — крикнул один пьянчуга. — Снимай пиджачок и жилетку пидора!

— Кошмар, кошмар! — взвыл Дули и стал вдруг ярче. — Я не голый, как она, — сказал он, указывая на Винату Нидху.

— Нет, — согласилась Убба Дубба. — Тебе кое-чего не

хватает.

— Чччччегггггго? — завопил гигантский эйдолон, и понимание и паника в его взгляде были одновременно уморительными и жалкими.

— Эй, Дули! — крикнул второй пьяница. — Покажи нам хрен!

— Дули! Дули! Дули! — принялись скандировать откуда-то еще.

— Вы хотите сказать… — замялся Дули. — Что я охрененный селезень без хрена?

Огромные голубые глаза селезня расплылись и загорелись, а сам он на мгновение словно бы распался на пиксели. Потом сложился снова — с выражением бесконечного, интуитивного отчаяния на физиономии.

— Теперь мне все ясно! — заплакал он. — Вот почему меня пускают к детям! Я генитально ущербный самец! О стыд! О позор!

— Может, еще не поздно измениться, — предложила Винata.

— В перемене единственное постоянство, — царственно возвестила Убба Дубба.

— До меня только сейчас дошло, — рыдал селезень. — Я постиг истину. Боюсь, я не смогу больше жить.

Опустив руку в карман, Чистотец нащупал странный костяной шарик.

— Может, если уговоришь их… ну, тех, кто тебя создал… дать тебе какой-нибудь прибор, — предложил он, заметив, что вокруг них начинает собираться толпа.

— Ага, пусть дадут тебе член! — заорали хором пьянчуги.

— Ату селезня! Ату бесчленного!

Тут автоматизированный вокзал системы «Грейхаунд» решил, что такого шума с него хватит. Слетелись вооруженные шокерами роботы-безопасники. А перед глазами у Чистотца все словно бы распадалось на части. Нужно выбраться отсюда. Ближайший робохранник увлеченно поливал газом какую-то девушку, и Чистотец незамеченным выскользнул через боковую дверь, пока Дули лихорадочно мотал головой, обещая запаниковавшей толпе потребовать переписки и перерисовки.

— Да, Дули! — эхом прокатывались по вокзалу крики.

— Ату селезня! Ату бесчленного!

Глава 4
Аллеганские свиные

Запах ганджи и тортильи… Над вьетнамским рынком кружат метаново-зеленые письмена… «Больница милосердия, Больница Монтефьоре и Медицинский центр святого Франциска Ассизского прекратили прием пациентов, не имеющих карточки „Витесса“. „Аллеганская Общая“ и „Вест-Пенсильвания“ принимают лишь пациентов с незначительными травмами. Государственные раздачи лекарственных препаратов в порядке живой очереди пройдут сегодня в следующих местах: Лавровый проезд на Польском холме, озеро Пантеровой лощины в парке Шенли…»

Похоже, попасть к врачу будет не так-то просто, сообразил он. А впрочем, может, удастся обойтись речью про Ощипывателя Фазанов? Чистотец понятия не имел, откуда взялись эти слова и вообще почему люди на них так реагируют. Неспешно бредя по Либерти-авеню, он размышлял над этой проблемой, когда заметил пару уже знакомых забулдыг.

— Эй… Не знаете, где бы раздобыть еды… бесплатно?

— Завтрак в клинике «Почем орган» в районе Стрипа неплох. И пока тебя осматривают, можно разглядывать баржи.

— И что там захотят взамен? — спросил Чистотец.

— Да ничего! — Коренастый и волосатый закашлялся. — Во всяком случае, если у тебя голова на плечах есть… хотя, может… может, у тебя есть что продать. Ты здоров?

— Ты хочешь сказать, им нужны органы… В такое время?

Пьянчуги расхохотались.

— Ха, тут у нас призрачное мясо, — пискнул коренастый.

— Тихо, Клайн, он завтрак ищет.

— Что такое призрачное мясо? — спросил Чистотец.

— Тебе лучше не знать, приятель, — ответил худощавый и сутулый. — Просто ищи «Большую Почку». Операции не слишком законные, но проводит их АМА[32]. Даже речные пираты с АМА не связываются. Просто иди вон в ту сторону… Это будет за рынками.

Чистотец помахал на прощание. По дороге ему встречалось множество антиисламских граффити и лозунги какой-то «аль-Вакии», написаны они были арабской вязью на щитах, всех до единого разбитых. С каждым шагом он все больше проникался уверенностью, что уже бывал в Питтсбурге. Но давно… в далеком прошлом. Он вспомнил, что в этом городе снимали первую «Ночь живых мертвецов»… и что здесь родился Энди Уорхолл. На ум

пришли шлаковые отвалы и какая-то католическая церковь. Но что значат эти образы теперь? Наверное, если поесть, станет лучше. Реки Аллегейни и Мононгахила были запружены буксирами и джонками, плавучими казино и всевозможными баржами, на которых разноцветными обувными коробками громоздились контейнеры, а обитателей поднимали наверх в строительных люльках. Он шел мимо.

В квартале Стрип ему бросились в глаза предостережения о чумной язве. Кофейни и модные рестораны здесь уже закрылись, а вот оптовые рынки ожили, защищенные от нищих и мародеров роботами-безопасниками и тренированными собаками-убийцами. Плавучие доки окаймлял муравейник пакистанских и сербохорватских закусочных и прилавков со снедью, которые сейчас только открывались, а на развалинах былых ночных клубов семьи киргизов предлагали кумыс и китайцы тушили обезьяньи мозги в рисовом вине.

Наконец он заметил надувную красную почку размером с пикап, парившую над остовом супермаркета. От подпольной клиники исходила диковинная смесь запахов латекса, формалина и сосисок в тесте. Красным горело электрическое табло: «БЕСПЛАТНЫЙ ЗАВТРАК ПРОДАВЦАМ ОРГАНОВ».

Чтобы попасть внутрь, пришлось пройти через турникет со счетчиком Гейгера, а затем охранник в форме провел по Чистотцу еще каким-то ручным сканером — и все под пустым взглядом безопасника с каменным лицом. В конечном итоге ему махнули проходить в воздушный шлюз. Слабо звякнул звоночек, и внутренняя дверь открылась. Малазийка в белом комбинезоне провела его в приемную, где за порядком надзирала большая улыбчивая плазмограмма с беджем «Доктор Хью Сколько-Дашь». Гипертекстовая подпись под ней гласила: «ПРОДАЖА ОРГАНОВ НЕЛЕГАЛЬНА? КТО СКАЗАЛ? ПОМНИТЕ, ЖИВОТ И ЕСТЬ ЖИЗНЬ», а ниже была еще одна: «Омоложение — вот решение. Мы не просим вашу душу, а предлагаем поработать головой: если у вас есть орган на продажу, мы дадим лучшую цену».

Появились двое мужчин и женщина в белых лабораторных халатах.

— Я доктор Миедо из Лимы, — представился один из врачей. Между белых, как сахарный тростник, зубов у него отравленной стрелкой торчала мятная зубочистка.

— А я доктор Пинджрапол из Калькутты, — объявила, громко шмыгнув носом, женщина. Руки у нее были такие, словно бы их пришили от другого тела, и между пальцами проступала рубиновая сыпь.

— Доктор Шекангуан, — представился китаец и моргнул

тяжелыми янтарными веками.

— А вы откуда? — поинтересовался Чистотец.

— Последнее место работы — «Американская ассоциация планирования семьи» по соседству, — прошипел китаец.

— Вы ведь за *бесплатным* завтраком пришли, верно? — улыбнулся доктор Миедо, то втягивая зубочистку, то снова выталкивая ее языком.

Доктор Пинджрапол хлопнула в ладоши, и две сестры проводили Чистотца за занавеску.

— Отличный образец, — заявила она.

— Да, — кивнул доктор Миедо. — Право первого выбора дадим нашему другу мистеру Брэнду. Посмотрим, что он готов заплатить за чудненькую здоровенькую печень.

— О да! — прошипел доктор Шекангуан.

Медсестры провели Чистотца через батарею диагностических терминалов, после оставили ждать в приемной: по всей очевидности, когда-то это была веранда роскошного плавучего ресторана с видом на реку, но теперь пустые пространства между столбиками затянули прозрачным пластиком. Здесь к нему, трясясь всем телом, подошел дряхлый старичок.

— Г-говяжьи с-сосиски к-кончились. О-остались лишь алаллеганские свиные. В-вкусная с-с-сарделька. К-кровяная к-колбаска, о-очень пии-тательная.

— Кровяную… колбаску! — буркнул Чистотец.

— В чем проблема, Торгол? — спросил, выскользнув из-за пластиковой перегородки, доктор Шекангуан. — Веди себя хорошо, не то лекарств не получишь.

Удаляясь, Торгол трясся так, что казалось, вот-вот развалится на части.

— М-да, — хмыкнул доктор Шекангуан. — Результаты обследования у вас блестящие. Как насчет того, чтобы отложить завтрак и приготовиться к операции? У нас уже несколько покупателей на очереди. Не хотите продать печень или сердце?

— Печень? Сердце? У человека только одна печень и только одно сердце, — ответил Чистотец.

— Вот именно, — улыбнулся доктор Шекангуан, показав зубы ровные, как косточки в маджонге. — Вот почему они так дорого стоят, если, конечно, они у вас здоровые и генетически чистые. Мы гарантируем, что сумма будет выплачена любому лицу по вашему выбору.

— Вы думаете, я хочу умереть? Продать свои органы за деньги? Бред какой-то!

— Ну же, не надо поспешных выводов, — не унимался доктор Шекангуан, похлопывая Чистотца по руке и наливая ему чашку

кофе из термоса.

Чистотец уже собирался отпить кофе, когда заметил, как из кухни выглядывает Торгол. Несчастный трясся так, что рука у Чистотца тоже невольно заходила ходуном, и в результате он плеснул кофе на колени доктору Шекангуану.

— Ох, извините! — воскликнул Чистотец.

Нетвердой походкой подошел Торгол с губкой, пропитанной очень холодной водой, — приложенная к паху доктора, она заставила его издать новый вопль и метнуться в недра клиники.

— Н-не п-пей к-кофе! — брызжа слюной, пролопотал Торгол. — Т-там с-снотворное! С-скорее!

Притащив Чистотца на кухню, он толкнул склизкую дверь черного хода, которая вела в проулок. Чистотец переступил порог и был таков еще до того, как ему пришло в голову задать хоть какие-нибудь вопросы.

— Торгол, — моргнул, входя мгновение спустя в кухню, доктор Шекангуан в чистых штанах. — Тебе и в самом деле не следовало его отпускать. Мы только что договорились о замечательной цене за его органы.

— И-извините, н-но…

— Будет, Торгол, будет, — прошипел доктор, доставая шприц. — Так вот, мы пообещали мистеру Брэнду печень. А мы всегда выполняем обещания.

Глава 5
Сын и тень

Арета Найтингейл сидела у себя в палатке, потягивая кофе и лелея комплекс вины, унять которую не смог даже психостимулирующий парик «гейша». «Жучок», который они спрятали в одежде Чистотца, работал, и Широкая Частота уже доложил, что светловолосый гость сатьяграхов благополучно добрался до Питтсбурга. Да, «Забвение-6» остановило мозговой смерч, но кто знает, какой ущерб оно само причинило? Сейчас трансвестит пыталась представить себе состояние Чистотца и как он отнесется к письму, в котором от него требуют связаться с Джулианом Динглером… Да и не выбросил ли он его вообще?

Она заметила, что деревья, которые еще вчера когтили небо черными алчными силуэтами, сегодня приготовились распустить почки. За ночь дали стрелки с набухшими бутонами нарциссы, которые посадил Гроди. Настроение в Форте Торо становилось все более праздничным. Кем бы или чем бы ни был Чистотец, он не принес вреда сатьяграхам. Во всяком случае, пока. Но странный скиталец определенно разбередил странные мысли.

Раскрыв свою сексуальную ориентацию и сменив имя с Дензеля Фиска на Арета Найтингейл, трансвестит отрезал себе дорогу назад — и уж тем более когда вступил в ряды сатьяграхов. С тех пор и до появления Чистотца Арете удавалось блокировать мысли о прошлом. Она знала, что ее жена Эрата не желает ее больше видеть. Но сын Минсон — другое дело. Особенно если бы мальчик, который уже стал мужчиной, узнал правду.

Минсон Фиск, игравший некогда на валторне в «Струнном квартете Джуллиарда» на концертах в Библиотеке Конгресса, бросил Нью-Йорк и карьеру профессионального музыканта, чтобы стать социальным работником во флоридском городке Форт-Лодердейл, где не только раскрылся полностью (занялся не чем иным, как боксом), но и оказался настолько хорош, что стал гей-символом и прославился на всю страну, когда нокаутировал преподобного Стабби Кенвика, одну из звезд «Христианского шоу-бизнеса», во время благотворительного поединка в «Театре перфоманса имени Джеки Глисона»[33] в Майами. Очнувшись, Стабби обнаружил, что лишился нескольких миллионов клеток мозга, двадцати двух очков в рейтинге и самоуважения. А Минсон Фиск, передав свой выигрыш в фонд исцеления СПИДа, в одночасье стал звездой. С тех пор он подписал контракт с Обвалом О'Флагерти, который устраивал так называемые

эффектные поединки «Бои не на жизнь, а на смерть» с Ксерксом «Труподелом» Макколлумом из нового Царства Солнца в Лос-Вегасе, мегаполисе, вобравшем в себя остатки Лос-Анджелеса и Лас-Вегаса после гигантского землетрясения, известного как Йети.

В нынешнем, пост-чистотцовом настроении Арета вынужденно признавала, что гордится. Сын делает то, чего сама она не сумела и, наверное, никогда не сможет: он верен себе и вдохновляет других. Но набраться смелости выйти на ринг с Ксерксом Макколлумом, угольно-черным костоломом с боен Канзас-Сити, самым высокооплачиваемым борцом мира! У него же на счету сорок пять встреч, сорок пять нокаутов и три смерти жертв!

Арета боялся и радовался за сына, как никогда не боялся и не радовался за себя. Чего бы он ни отдал, чтобы посмотреть бой живьем! Но это безумная мысль. У него слишком много работы здесь, на нем лежит слишком большая ответственность. Слишком многие зависят от его руководства. Но что бы это было за мгновение! Конечно, Минсона вырубят в первые же пять секунд. Вероятно, он заработает неизлечимое повреждение мозга или даже умрет. А может, и нет. Может, и нет! Так или иначе — долг отца быть там. Разве не так? Даже если отец — трансвестит.

Такие мысли точно лесной пожар бушевали в голове у Ареты. Секретная операция. Улизнуть из Форта Торо, добраться в Невадафорнию и увидеть бой! За такое сатьяграхи, вероятно, его выгонят. Скорее всего он никогда не встретится с Парусией Хид. Он может попасть в лапы «Витессы» или федералов (что в общем-то одно и то же). Но это стоит того, чтобы снова увидеть сына (и, скажем, прошвырнуться чуточку по магазинам).

Арета отправилась на поиски Ищейки, но ДатаКуб в информационном центре был пуст. А что, если…

В систему она в вошла с терминала Ищейки, введя мастер-код «плацебо-домино». Этого пароля не знал даже карлик.

В последнем заведенном им файле оказалось письмо Джулиану Динглеру, которое Ищейка набросал для Чистотца, но отправленная самому Динглеру записка почему-то отсутствовала. Странно. Надо будет поговорить с Ищейкой. А пока Арета вошла в матрицу и вызвала ЭНТОМОЛОГА.

Из кибернетической тьмы сложилось лицо за сеткой.

— Доброе утро, друг мой, — засочился мягкий голос. — Ещщщще порыбачччим?

Арета поежилась.

— Тебе известно, что случилось с сообщением, которое Ищейка послал вчера в Питтсбург? С закодированным

сообщением в «Витессу»?

— Впервые о таккком ссслышшшу, — ответил мягкий голос.

Ищейка говорил, что ЭНТОМОЛОГ едва ли не самое мощное их оружие. Если кто-то взломал его, запустил в него вирус или, упаси господи, подчинил себе, сам Форт Торо в опасности. Вернув ЭНТОМОЛОГа в кибертьму, Арета решила при первой же возможности поговорить с карликом наедине.

Глава 6
Шепчущая клетка

Происшествие в клинике доктора Сколько-Даша напрочь отбило Чистотцу аппетит. Следующие несколько часов он бродил среди терминалов вакцинации и адвокатских контор, стараясь держаться подальше от зон карантина. Случилось что-то ужасное… возможно, много чего ужасного. Название «Витесса» казалось знакомым, но что такое «аль-Вакия»? И что за заплатки на людях вокруг? Присмотревшись внимательнее, он увидел на них почти живой отсвет, который исходил от сверхтонких микроплат, плавающих в каком-то похожем на глицерин растворе. В каждой чудилось что-то индивидуальное, и тем не менее все они были соединены между собой невидимыми потоками данных, точно кусочки гигантской головоломки.

Некоторое время он смотрел на реку Аллегейни, гладя шарик из слоновой кости в кармане. Он подумал, не бросить ли его в воду, но не смог себя заставить. А потому швырнул шелковистую пшеницу волос, которую унес ветер. Он попытался сосредоточиться на плане. Как ему достать денег? Кого или что ему тут нужно искать? Проблема заключалась в том, что каждые несколько минут он слышал голоса. Иногда в голове у него словно бы ангелы пели гимны, а иногда звучали неизвестные языки, наводившие на мысль об индейцах и бизонах… о ветре в высокой траве. А потом вдруг голоса стрекотали как обезумевшие насекомые, шуршали как тараканы в алюминиевой фольге. Он улавливал обрывки фраз: «…система подуровней…», «цепная реакция…», «призрак в машине…»

«Может, у меня шизофрения? — подумалось ему. — И мне просто пора принимать лекарство».

Если так, то в этом он был не одинок: прохожие вокруг разговаривали сами с собой. Таких было гораздо больше, чем, на его взгляд, следовало бы. И это тоже казалось загадкой. Пропускные пункты, эйдолоны, роботизованные безопасники, упоминания джихада и катастрофы в Лос-Анджелесе, «Зри-связь» и БИСПИД, похожий на название болезни… И сколько больных и калек кругом! Такое впечатление, что он проспал несколько десятилетий. Как будто все, кто мог себе это позволить, сидели на психотропных препаратах. Эпидемия душевных болезней охватила Америку и, вероятно, весь мир. Но беда в том, что это не объясняло его собственных абсурдных способностей. «В минуты ясности я могу проецировать и контролировать

действительность…»

Он поднял взгляд на рекламное табло «Христианского инвестиционного фонда». Эйдолон Иисуса говорил: «Ибо Я сошел с небес не для того, чтобы творить волю Мою, но волю пославшего Меня». Изречение напомнило ему про карту. «Или, может, это меня проецируют и контролируют, совсем как эйдолон? И как Селезень Дули и компашка на вокзале, я тоже в чем-то ущербный?»

Чистотец как раз обдумывал эту версию, когда на глаза ему попался еще один старомодный щит:

Ошибись со святым, до чертиков напугаешься.

Вонючка Юла

Щит висел не очень высоко, поэтому Чистотец подошел посмотреть, нельзя ли его потрогать, но стоило ему приблизиться, изречение исчезло. Раньше от этих изречений у него путались мысли и кружилась голова. На сей раз перед глазами поплыли зернистые картинки, сворачивающиеся, как старые фотографии в огне. Мужчина возле радиостанции. Женщины на коленях вокруг колонны. Потом мальчик в ванной — и какая-то католическая церковь. Ему смутно вспомнились тетя Вивиан и дядя Уолдо. Но только силуэты, а не лица. От них исходило ощущение тепла и надежды, а еще печали. Он почувствовал, как буквы на спине оживают жаром, и едва не упал на асфальт. В дальнем конце улицы стояла не призрачная, а вполне реальная церковь. Церковь Святого Алоизия[34].

В пустом гулком храме гуляло эхо. Храм словно бы построили для самого большого эйдолона на свете, но он казался старым и мрачным даже в дневном свете, сочащемся сквозь витражные стекла, тусклые от наслоений пыли, так что сами витражи больше походили на испачканные граффити экраны мониторов, чем на окна во внешний мир. Рядками горели свечи. В углу — исповедальня, похожая на терминал «Зри-связи». В крохотном придельчике — фреска Иисуса с изречением: «Кто отдаст жизнь за меня, обретет жизнь вечную». Консоль эйдолона проецировала житие святого Николая Толентинского, благородного защитника детей[35], а за ним — ролик о Кларе Ассизской, покровительнице телевидения. Из боковой дверки вышел священник.

Он двигался с трудом и явно страдал ревматизмом, лицо у него было гладкое и неопределенное, а изо рта пахло изюмом.

— Добро пожаловать к святому Алоизию, — прошептал он. — Я отец Доминик. С вами все в порядке?

— Я… ищу… наставления…

— Ну, извините, но Vati.com в настоящий момент недоступен, сервер рухнул, поэтому Папы Римского сейчас нет. Вчера ночью в нас попала молния. Но…

— Папа Римский?

— Вознесение. Эйдолоническое присутствие. Из-за грозы у нас технические неполадки, но вскоре мы снова будем в он-лайне. Могу я вам чем-нибудь помочь? Или хотите просто помолиться?

Боль опалила Чистотцу спину, перед глазами снова возник мальчик в ванной… зажженные свечи… Потом в глаза ему словно бы ударил луч фонарика, и он начал задыхаться. Запах изюма усилился, жжение в спине стало таким острым, что он буквально видел перед собой буквы.

— Пойдемте, — прошептал отец Доминик, заметив его мучения. — Вот сюда, в исповедальню.

Священник всегда чувствовал себя неуютно, говоря с теми, кто пришел с улицы, но любил хвастаться исповедальней с ее решеткой из прессованного цинка. Она была такой тонкой работы, что отцу Доминику казалось, будто решетка способна удерживать проходящие через нее голоса, а если ее особым образом погладить, может даже воспроизвести признания неверных супругов.

— Как давно вы исповедовались? — спросил священник, когда они оба сели. Уединение и запах прессованного металла его воодушевили.

— Не знаю. Я даже не уверен, что я католик. Но у меня видения, а еще я слышу голоса, — признался Чистотец. — Я вижу маленького мальчика. Свечи… и зеркало.

Даже описывая образы, он чувствовал себя испоганенным, грязным. Сами слова его пачкали.

— Мальчик голый? — спросил отец Доминик.

— Что? Да. И… он стоит, согнувшись над унитазом или столиком… Боюсь, я совершил что-то скверное. Ритуал…

— Расскажи про мальчика, — донесся через решетку тихий голос.

— У него круглые ягодицы.

— А кожа гладкая?

— Что?

— Я про… следы насилия видны?

— Не… нет, — пробормотал Чистотец и снова уловил запах изюма, душок разложения: вонь изо рта и розовая вода.

— И что ты чувствуешь рядом с ним?

— Да не знаю, был ли я рядом! Понятия не имею, кто он и где!

— Но ты его желаешь.

— Нет! Я не трахаю детей. Вы меня слушаете?

Ощутив хриплое дыхание священника, Чистотец вдруг подумал, а не слишком ли внимательно тот слушает.

— Знаете, что я думаю?

— Нет! — пробулькал голос. — Не знаю!

— Вы лжете, — сказал Чистотец, и ему показалось, что он ощущает саму душу старика — словно распухшая опухолью и изъязвленная тухлым плавленым сыром, она сочится к нему через решетку.

— Кто… кто ты такой? — Священник стал задыхаться.

Чистотец с трудом сглотнул, борясь с подкатывающей тошнотой. И словно голос эхом отдался по святилищу, но прозвучал лишь в его голове: «Человек Штормов».

— Кто… кто ты? — воскликнул старый священник, и его голос дрогнул.

— Я не ощипыватель фазанов, но сын Ощипывателя Фазанов, и я буду ощипывать фазанов, пока не придет Ощипыватель Фазанов.

Захлебнувшись вздохом, священник привалился головой к решетке.

— Прости мне, отец… Мне тоже они снятся. Мы так похожи.

— Нет! — вырвалось у Чистотца. — Мы не похожи. Не знаю, как это происходит… но эти сны не мои! А вы, святой отец… если вы заслуживаете так называться…

Вырезанная у него на спине цитата жгла как кристаллики марганцовки.

— Знаю! — взвизгнул старый священник, закрывая дрожащими руками лицо. — Но я же не один такой! Их много… они творят ужасные вещи! Все время! А у меня только порочные мечты!

Чувствуя подступающую к горлу тошноту, Чистотец бросился вон из исповедальни, вышибив по пути какую-то дверь. Снаружи воздух был полон пыли и этанола, но теперь даже как будто освежал. Мимо тянулась вереница кришнаитов. Пристроившись в хвост, он следовал за их песнями и барабанным боем до ближайшего перекрестка, а там в голове у него понемногу прояснилось, и жуткое жжение в спине немного спало.

Посчитав себе пульс, отец Доминик подождал еще немного, удостоверяясь, что странный незнакомец действительно ушел. Потом он услышал необычный звук — то ли шепот, то ли треск. Он толкнул дверь, но та не поддалась. Спокойно, соберись. Мечты о мальчиках… Нечистые мысли сбили его с пути истинного. Забормотав вполголоса молитву, он невольно придвинулся к

решетке. У него возникло странное ощущение: будто стенки исповедальни сдвигаются. Он отер рукавом влажный лоб. Руки у него дрожали. Дверь не поддавалась. Он позвал на помощь. Воздух казался плотным, как старый бархат. Как же исповедальня может сужаться? Это же безумие. И все равно он не мог отделаться от мысли, что стены надвигаются на него. Трудно дышать! Места нет! Но такого не может быть! Вот что бывает, когда слушаешь, как люди облегчают себе душу и раскрывают свои мысли.

Это лишь минутная слабость, совсем не похожая на годы и годы истинно…

«О Боже, — подумал он. — Исповедальня действительно уменьшается… сдвигаются стены…»

— Помогите! — крикнул священник. — Кто-нибудь! Пожалуйста! Простите меня…

Глава 7
Призрачное мясо

Голову Чистотца прошивала боль. Все казалось отвратительным. Изношенным, выродившимся. Пора возвращаться на вокзал и снова в путь. Глухой городок Дастдевил в штате Техас, наверное, мал, а значит, если у него там были когда-то связи, его там обязательно узнают. А если нет, значит, карта ни на что не годится, и придется искать другой план.

Повернув, он направился назад, держа курс на сверкающий «Центр Чунга», но, сам не зная как, вдруг очутился в лабиринте лачуг и стащенных с рельс товарных вагонов. Остовы разбитых машин стояли, опираясь друг на друга карточными домиками, меж выжженными манекенами завесой клубился цветной дым. Женщины всех возрастов сидели, раздвинув ноги, откинувшись на продавленные диваны или на платформы грузовиков, подманивали его усталыми голосами. Ему встречались люди с искусственными конечностями, голые мужчины или мальчики, распростершиеся на капотах машин. Монтажные сети колыхались как паутина, извивались тела… Запах немытых гениталий сродни протухшему салу или гниющей рыбе. Чистотец уже повернулся бежать, как услышал поблизости крик.

За расписанным флуоресцентными граффити мусорным контейнером банда чернокожих подростков раздела белого мальчика. На стреме стоял высокий черный мужчина в парике из оптоволоконного стекла, экранчик у него на гульфике вспыхивал словом «СЛИК». Из-под шубы до полу на росомашьем меху выглядывали носки сапог из кожи эму. На сгибе локтя примостился обрез «моссберг», рядом сидел в напряженно высокой стойке генетически модифицированный канарский мастифф[36].

— Тебе чё надо, шар бильярдный? — спросил мужик.

Тут Чистотцу пришло в голову, что, если прямо сейчас он отсюда не уберется, его убьют. А если уберется, убьют мальчика.

— Да этот педик богатенький, — прохрипел один парнишка. — Чё скажешь? Чё с ним делать?

— Может, руку отрубим и ею его трахнем? — улыбнулся взрослый. — Самоизнасилование, детка.

— Прекратите! — крикнул Чистотец, бросая в мусорный бак кирпич.

— Чё ты лезешь, козел? — нахмурился взрослый. — Тебе-то что, а? Чё, не видишь, что мальчики чувака в порядок приводят?

Сам понимаешь, терапия.

— Прекратите, — повторил Чистотец, чувствуя, как голову ему затопляет жаркая боль. — Сейчас же прекратите.

— Сейчас же? Это ты мне сказал «сейчас же», засранец?

Почуяв свежатину, подростки расступились. Белый выплюнул сгусток крови. А Чистотец вдруг узнал в нем парнишку из вокзального туалета. Контактную линзу с Мадонной тот уже где-то потерял.

— Оставьте его в покое, — велел Чистотец.

Потом боль исчезла, зато стали складываться слова песенки… почему-то ему подумалось, что ей его научили тетя Вивиан и дядя Уолдо.

— Назад, — приказал Чистотец, и один из парней повиновался.

— Ты мне действуешь на нервы, детка, — предупредил взрослый. — А к сэру Слику никто не докапывается. Никто не достает Доктора Двустволку, Главу Росомах. У меня член длиннее, у меня пушка больше, у меня собака злее.

— Во-первых, — сказал Чистотец… и к изумлению подростков распустил штаны.

— Вот это да, мужики! Глазам не верю!

— Матерь божья!

— Во-вторых, смешное у тебя ружьишко.

Сэр Слик поднял «моссберг», но обнаружил, что в руках у него теперь не обрез, а клюшка для игры в гольф, причем дешевенькая.

— Будь я!..

— *El Diablo!*[37]

Слик отшвырнул клюшку.

— А в-третьих…

Чистотец щелкнул пальцами, и, поднявшись, страшный пес сделал несколько шагов и сел у его ног.

Под запаршивевшей черно-полосатой шкурой, которая выглядела так, словно кто-то замешал с грязью тесто из пива с костяной мукой, у бойцовой собаки перекатывались мускулы. Грудь у нее была широкая, как у мандрила, но бояться следовало головы: сдавленный череп с маленькими, торчащими как два бритвенных лезвия ушами, покрытые шрамами брылы в слюнявой пене. Но за тупой жестокостью в тусклых как болотные провалы глазах Чистотец разглядел страдание и страх, которые напомнили ему прячущегося ребенка, мальчика в шкафу, ждущего, чтобы злой дядя прошел мимо. Он протянул руку, и мутант вывалил распухший влажный язык со слабой, но отчетливой железистой вонью крови.

— Ладно. Значит, тебя на испуг не возьмешь.

— Сомневаюсь, что меня хоть на что-то возьмешь. — Чистотец похлопал зверя по голове.

— Кто не боится, становится трупом, — сплюнул Слик.

— Ты уже умирал? — все еще улыбаясь, отозвался Чистотец.

— *Que hacemos!*[38]— крикнул кто-то из банды росомах.

— Ну, брат! — присвистнул Слик, тряхнув щетинящимся стеклом париком, пытаясь вернуть себе утраченный престиж. — Признаю, член у тебя что надо. И крутые фокусы с гипнозом умеешь показывать. Но относительно пушки ты лажанулся, сынок. Пушка у каждого из нас есть!

Подняв свои стволы повыше, росомахи подтвердили его аргумент.

— А теперь опусти белого придурка. Или, может, сам по-быстрому перережешь ему горло? Потому что я собираюсь кастрировать этого гомика. А твое хозяйство отрежу и замариную, а банку с ним приверну себе на капот. Что на это скажешь?

— Таких больших банок не делают, — пожал плечами Чистотец. — А теперь бросайте пушки в мусорный бак и отпустите мальчишку.

— ДА КТО ТЫ ТАКОЙ, ЗАСРАНЕЦ! — завопил Слик.

— Я не ощипыватель фазанов, но сын Ощипывателя Фазанов, и я буду ощипывать фазанов, пока не придет Ощипыватель Фазанов, — ответил Чистотец.

И один за другим чернокожие побросали стволы в бак и отпустили белого. Полуголый, порезанный и окровавленный парнишка побрел куда-то за развороченные машины.

Вот теперь Слик по-настоящему испугался. Ничего подобного не случалось, даже когда он баловался черной магией.

— А сейчас, — сказал Чистотец, — споем песенку. Ее нетрудно запомнить. Но очень тяжело забыть.

В голове у него звучали веселые голоса тети Вивиан и дяди Уолдо, словно учили маленького ребенка считалке.

— Пока только вы, мальчики. Готовы?

Прыг-скок, прыг-скок… бегут зайцы наутек…

Глаза «росомах» остекленели.

— А теперь все вместе! — крикнул Чистотец. — Прыг-скок, прыг-скок… бегут зайцы наутек…

Один за другим «росомахи» присоединялись к хору, пока не сложилась песня.

— А теперь добавим пару движений, — велел Чистотец. — Попрыгаем и похлопаем.

Так и пошло: пение с притопыванием.

Оставшись один, Слик был уже за гранью страха.

— А ты давай разувайся, — приказал Чистотец.

— Т-тебе н-нужны м-мои с-сапоги?

— Просто подумал, что без них ты будешь быстрее бегать.

— Пожалуйста! — проскулил Слик, со лба у него лился пот. Подсвеченный гульфик нелепо задрожал, посыпались искры.

— Кажется, ты обмочил контакты, — улыбнулся Чистотец. — Спорта ради дам тебе фору.

В ответ главарь банды забормотал что-то себе под нос тоненьким обалделым шепотом. Он сорвал прикинутую шубу, сапоги и закоротивший гульфик. Парик он швырнул в мусорный банк, и лампочки в нем со звоном разбились. Тоненько взвизгнув, глава росомах бросился прочь через свалку. Чистотец подождал.

— Что ты собираешься делать? — спросил жалобный голос. — Спустишь собаку?

Это был белый парнишка. Он с трудом натягивал порванную одежду и, хотя уже стер с лица кровь, из нижней, хирургически утолщенной губы сочилась новая.

— Нет, — отозвался Чистотец. — То, что, как думает Слик, гонится за ним, пострашнее нашего пса… и гораздо быстрее.

— Как ты, черт побери, это делаешь?

— Не знаю, — признался Чистотец. — Кажется, мной руководит Господь.

Он попытался представить себе лица дяди Уолдо и тети Вивиан.

— Вот дерьмо, — сказал парнишка. — Мне, наверное… надо тебя поблагодарить. Как… тебя… зовут?

— Можешь звать меня мистер Чистотец. Мне понадобятся деньги и ночлег. Они говорили, ты богатый. Это правда?

— Д-да. — Парнишка кивнул. — Но при себе у меня ничего нет. И ни в один отель тебя с собакой не пустят. Хочешь, поедем ко мне домой?

— Не знаю, — с сомнением пробормотал Чистотец.

— Можешь взять с собой собаку.

Глава 8
Жизнь, которую ты спас

Мальчишка, похоже, знал дорогу через лабиринт, что было неплохо. Бледное солнце садилось, и на свет выбирались все более опасные личности: нацисты, медсестры, монашки, бойскауты.

— Как тебя зовут?

— Уилтон Брэнд, — ответил мальчишка. — Мой отец Кинг Брэнд. Ну, тот самый Кинглэнд Брэнд. Бывший председатель совета директоров корпорации «Американские сталелитейные».

Это имя ничего Чистотцу не говорило.

— Тебе не следует ошиваться в таких местах, — сказал он, когда они проходили мимо клетки, набитой азиатскими девочками.

— А то я сам не знаю! — язвительно усмехнулся мальчишка. — Это все из-за «Пандоры». Сначала я был на седьмом небе. Все меня хотели, я сам чувствовал себя человеком. Потом начался кошмар.

Чистотец оглядывался по сторонам… Калеки без рук или ног бултыхаются в кукурузной похлебке; извиваются затянутые сетками, как салями, толстяки; отчаявшиеся старухи привязаны к колесам. Мастифф глухо зарычал.

— Оставишь пса себе? — спросил Уилтон.

— Не могу же я его просто бросить. И тебя тоже.

— И как собираешься его назвать?

— Уорхолл, наверное. Ты… Тебе, похоже, немного лучше?

— Да. — Голос Уилтона звучал удивленно. — Когда закинешься, ощущаешь ненадолго покой, но не такой…

— А вдруг ты сумеешь соскочить с наркотика, — сказал Чистотец. — Разве тебе нельзя помочь?

— Ты что, с луны свалился?

— У меня проблемы с памятью.

— Хреново. Считается, что наркотики как раз и помогают. Вот откуда взялись заболевание Нанга и синдром возрастающей зависимости от упрощения. «Эфрам-Зев» вечно изобретает болезни. Поэтому «Витесса» и подмяла его под себя: применила стратегию «дизайнерского вируса» из киберпространства к фармацевтике.

— Но почему люди на это клюют? — спросил Чистотец, оглядываясь на женщину с перевязанной головой, которая вела маленькую девочку в нарядном платьице.

— Скоро поймешь, — пообещал Уилтон.

Свалка осталась позади, перед ними открылась длинная мокрая улица с провалами канализационных люков. Миновав несколько кварталов, они увидели бетонный бункер, возле которого мальчишка оставил машину, хотя выражение «машина» не воздавало ей должное. Транспортное средство марки «кочевник» следовало бы назвать гибридом бронетранспортера и полноприводного японского дома на колесах.

— Найди себе чего-нибудь поесть, — кивнул в сторону камбуза Уилтон. — Я наскоро душ приму.

Чистотец опустился на пластмассовый стул, отлитый по форме голой девушки. Внутри бронетранспортера пахло алкоголем, потом и затхлой пиццей. На полу валялись грязные трусы, тюбики крема и различные вибраторы. На Чистотца опять накатила депрессия. Этот неблагополучный подросток напомнил ему мальчика в ванной из его видения (или это было воспоминание?). Вина, страх? Он не испытывал ничего, хотя бы отдаленно похожего на сексуальную тягу, что само по себе принесло огромное облегчение, учитывая чего он только что навидался. Но было что-то еще, что-то, парящее между надеждой и грустью.

Тут ему пришло в голову, что возрастом он годится мальчишке в отцы, и поискал в памяти хотя бы малейшую зацепку, намек, были ли у него дети. Но — пустота. Лишь расплывчатые тени воспоминаний. Тетя Вивиан и дядя Уолдо складывают паззл, разгадывают кроссворды… Залитая закатным светом веранда. Яркие, теплые силуэты лиц расплываются в красноватых лучах.

Он услышал, как низко завибрировала сквозь закодированную стену басовая струна, и встал осмотреть жилище. На стойке лежала небольшая иридиевая шкатулка, крышка которой от его прикосновения откинулась. Внутри покоился кристаллический леденец, похожий на розовый ромбовидный бриллиант, но с липким запахом марципана — доза «Пандоры», наверное. В кухне на полу свалены горой банки пива «Саппоро», окурки русских сигарет, презервативы, а еще порнокомикс, где трахались зомби. За углом он заметил голубую шелковую занавесь, за которой оказалась доска, залепленная цифровыми фотограммами. На некоторых снимках — картинки из детства: торты с дней рождения и катание на каруселях, клоуны и дыни. На каждой мальчик (Чистотец предположил, что это Уилтон) выглядел совсем маленьким и хрупким. Однако большинство фотографий были сравнительно недавними, и главной на них была стройная молоденькая девушка с вьющимися рыжими

волосами. Повзрослевший Уилтон позировал с ней в саду или на катере. Фотографии были полны такого томления и тоски, что душа Чистотца откликнулась болью. Опустив грязный шелк, он повернулся — за спиной у него стоял Уилтон в чистой одежде.

— Я… извини, — начал Чистотец.

— Это Ники. Понимаешь, на самом деле я не голубой.

— Я не собирался лезть тебе в душу.

— И все моя вина, — отозвался Уилтон, словно не услышав его слов.

— Хорошенькая… — сказал Чистотец.

— Она мертва. А я нет, — ответил Уилтон.

— М-да. И потому, что мало пытался, — вздохнул Чистотец.

— Да что ты понимаешь? — нахмурился мальчишка.

— Готов поспорить, она умерла от того же наркотика, который сейчас убивает тебя почти так же быстро, как вина пожирает изнутри, — ответил обритый взрослый.

Уилтон собирался бросить какое-то оскорбление, но осекся на полуфразе:

— Да кто ты такой, мистер?

— Не знаю, — признался Чистотец.

— Что ты есть? — вырвалось у Уилтона.

— Это и меня интересует.

— Хочешь меня спасти? В этом все дело? — Уилтон рассмеялся.

— Уже спас. Однажды.

Уилтон Брэнд как будто не знал, как расценивать это замечание.

— Тебе заплатят. У моих родителей есть деньги. Конечно, с Уинном Фенсером им не сравниться, но они богаты.

— Кто такой Уинн Фенсер? — спросил Чистотец.

— Вот черт, у тебя действительно проблемы с памятью! — усмехнулся Уилтон.

Взяв со стойки плесневелый кусок пиццы, он задумчиво на него посмотрел, потом бросил в раковину.

— Фенсер основал «Культпорацию Витесса». Это самый богатый человек на планете.

Чистотец рассеянно кивнул. Имена из большого мира не слишком его интересовали. Но его беспокоил этот богатый, избалованный, брошенный мальчик, который время и деньги тратил на то, чтобы унижаться перед первым встречным и втайне молиться у самодельного алтаря, пытаясь вернуть утраченное детство и первую любовь, девушку, которую постигла та же судьба, что сейчас подстерегает его. Он заметил, как на губе у мальчишки выступила капелька коллагена. Интересно, а каким он

сам был в этом возрасте? Одиноким? Растерянным? Испуганным? Каким бы ни был ответ, он скрывался за пеленой забвения.

— Пора возвращаться домой, — сказал он.

Мальчишка промолчал, только кивнул на кабину, которая была обустроена как кабина коммерческого сверхзвукового лайнера. Несколько минут спустя они уже пробивались через толпы на мосту через Аллегейни. Эйдолоны, рекламирующие «Мактрейвишс» («Ваш рубец готов!») и «У Чу» («Наше фирменное сегодня: лососевый желудок в пряном сливовом соусе»), колыхались над цистернами с жидким пропаном и поселком на сваях. Питтсбург у них за спиной претерпевал биороботическую трансформацию. Зеркальные башни и цилиндры из тенсурона соседствовали со зданиями много старше — когда-то их назвали бы небоскребами, но теперь они были заключены в строительные леса. В унылых жилых кварталах дома с крутыми, крытыми толем крышами чередовались с трейлерами «Medicin Sans Frontiers»[39]. Нефтяными пятнами расползались блошиные рынки, и на палаточные городки свирепо сияли огнями бронированные роскошные отели и жилые кондоминиумы.

На всех мелких мостах — сплошной затор из машин, и территория форта Дьюкен[40] напоминала застывший во времени апокалиптический караван переселенцев. Взрыв грязной генотех-бомбы, которую «аль-Вакия» заложила на стадионе «Три реки» во время мирового первенства по баскетболу, дал неожиданные плоды: здесь возникли устойчивые к любому климату джунгли, и теперь на кладбище «Клемент» буйствовали гигантские орхидеи и плотоядные растения. Впрочем, это не помешало ни бездомным искать здесь убежища, ни речным охотникам отправляться в рискованные экспедиции. Взгляд Чистотца перескакивал с одного на другое, впитывая новый для него мир.

— Ты правда не помнишь, кто ты? — поинтересовался Уилтон, истошным гудком разгоняя стаю диких собак. — Как по-твоему, кем ты мог быть?

Нет причин лгать, решил Чистотец.

— Сначала мне казалось, что я сбежал из психиатрички, потом — что я какой-то агент, которому промыли мозги препаратами. Что скажешь? Ты ведь, кажется, всякого навидался.

Уорхолл лизнул Чистотца в лицо.

— Ну… — задумчиво протянул Уилтон. — Если не считать врожденного порнопотенциала, я бы сказал, что у тебя задатки охрененного фокусника. Тебе просто не хватает хорошего менеджера.

Мальчишка казался теперь гораздо спокойнее и нормальнее, и потому взрослый лишь с трудом подавил улыбку.

— Не зарывать талант в землю, да?

— Ты сказал, тебе кажется, что тобой руководит Господь?

— Я не знал… не знаю, как еще это назвать, — ответил, снова нахмурясь, Чистотец. Ему показалось неразумным упоминать про тетю Вивиан и дядю Уолдо. Или нечеткий силуэт мужчины возле радиостанции.

— Я в бога не верю, но впервые за неделю слез с «Пандоры», — сказал Уилтон. — Может, ты целитель? Как бы там ни было, спасибо, что мне помогаешь. Я позабочусь, чтобы тебе достаточно заплатили.

— Спасибо, — откликнулся Чистотец. — Но я это сделал не за деньги.

— Тогда… почему?

— Не знаю… — ответил Чистотец, помолчав. — Потому что… я здесь.

— Очередной Спаситель.

От этой реплики Чистотец отмахнулся, но, повернувшись посмотреть на мальчишку, заметил, что лицо у него теперь открытое и расслабленное, что в нем нет ни надменности, ни злобы.

— Вопрос, наверное, в том, какой именно?

Тут они попали в толпу курдских демонстрантов, и Уилтон активировал установленный на крыше водомет, который расчистил им дорогу до самой Трассы. Они направлялись на северо-запад по берегу Огайо. Слева проплыл мрачный силуэт длинного острова. Некогда заросший деревьями приют для десятка мелких ферм, Невилл-айленд на пике своего промышленного расцвета стал адом цементных заводов, коксовых печей и производства искровых разрядников. Сейчас о той поре дождей из пепла напоминали лишь гора чугунных чушек, закрытый щитками остов фабрики пластмассы и бесконечные ряды цистерн из-под токсичных отходов, огородившие станцию «Красного креста» и «Сор и сокровища Фонга».

Поворот направо, и шоссе Блэнберн-роуд привело их через Сивикли-хейтс и холмы в уединенный и укрепленный поселок, ошибочно названный «Папоротниковая лощина». Миновав будку охранника, они попали в лес из молодых дубков и лавров, затем их путь лежал через ржавые чугунные ворота, рядом с которыми мрачно мечтали загаженные птицами гранитные львы и возле которых начиналась длинная подъездная дорожка.

За окнами «кочевника» Чистотец едва-едва различил покосившийся кованый забор и осыпающуюся, увитую плющом стену, которая упиралась в другое, еще более древнее, сложенное из валунов заграждение, — так и кажется, что в дыру между

камнями вот-вот просунется дуло мушкета, быть может, целящегося в ту мифическую белку, которая якобы когда-то смогла припрыгать из Огайо до самой Айовы, ни разу не коснувшись земли.

«Дом» Уилтона оказался огромным разрушающимся викторианским монстром с пряничными бушпритами и башенками, террасами на крыше, куполами, шпилями, каминными трубами и колокольнями. Уилтон направился прямо к конюшне, которую переоборудовали под современный гараж, и, подъехав к воротам, заглушил мотор.

— У меня все еще обе почки на месте, — объявил он, словно в этом было что-то необычное. — Это мой козырь в переговорах со стариком.

— И сколько же лет твоему отцу? — поинтересовался, осматриваясь по сторонам, Чистотец.

Даже в наступающих сумерках было очевидно, что роскошное поместье видало лучшие времена. Траву на теннисных кортах побило морозом, подстриженные в виде животных кусты походили на ежей, а в некогда величественном фанерном зоопарке стоял в тени одинокой антилопы-гну фабричный игрушечный домик.

— Сто двадцать пять или около того. Но его новой жене, моей маме, всего семьдесят, хотя он уверен, что только шестьдесят. Вот почему папино завещание так важно и может быть изменено в любую минуту. Кто в фаворе, получит кубышку и сможет отравлять жизнь всем остальным. А пока папаша заседает в паре советов директоров, курит, пьет и еще способен воевать с Джулианом Динглером.

— Кто это? — спросил Чистотец.

— Глава отдела разработок «Витессы», наш ближайший сосед. По просьбе папы его люди смонтировали у нас в доме компьютерные системы управления электроникой, и теперь у отца паранойя, что Динглер за нами шпионит.

— А это еще что? — спросил Чистотец, когда из сумерек раздался вой.

— Наши мастиффы. Что бы ты ни делал, никогда не ходи один вокруг дома.

Уорхолл рявкнул в ответ и наложил на дорожке большую кучку, от которой пошел пар.

— Не бери в голову, — хмыкнул Уилтон. — Только этим у нас в семье и занимаются!

Глава 9
В глаза глядит бездна

У ворот конюшни-гаража до них донеслись новые отчетливые звуки: электронное гудение и шипение сжатого воздуха. Уорхолл напрягся. Когда в круге света от фонаря наверху возник угловатый силуэт, стало ясно, что это, по всей видимости, части живого человека, встроенные в органически совместимый экзоскелет передвижного робота, впрочем, трудно было определить, где кончается человек и начинается машина. На нем был пиджак из синтетического компволокна и белая рубашка с высоким воротником, на месте лица красовалась маска из полированного хрома, игравшая роль выпуклого зеркала, так что перед говорящим представало его собственное кривое отражение. Если бы Чистотца не отвлек серебристый свет, он предупредил бы робочеловека о собачьем дерьме, а когда полиуретановая нога-платформа наступила на кучку, решил, что лучше промолчать. Уорхолл заворчал.

— Придержите животное, не то все получат по стрелке из лазера, — раздалось из-под маски.

— К ноге, Уорхолл, — позвал Чистотец.

— С чего ты взял, что я говорил о собаке? А ты где был, чудик? Кровь сосал?

— И тебе добрый вечер, Хупер, — отозвался Уилтон. — Надеюсь, ты удовлетворил мамочку?

— А это кто? — требовательно спросила, указывая на Чистотца, маска. — Твой новый дружок? Я думал, ты собирался вернуться на путь истинный.

— Этот человек спас мне жизнь, — с ноткой гордости объявил Уилтон. — Он сегодня переночует у нас.

— Вот как? — отозвалась маска. — Что ж, Старик Курилка дает сегодня званый обед. Последняя сводка по Завещанию. Эрнст со страху наложил в штаны и отказался прийти. Шансы растут, а? Аперитив ровно в семь в библиотеке. Не явишься — без штанов останешься. И не дай бог, я услышу, что из-за собаки возникли какие-то проблемы.

С шипением пневматики человек-машина удалился, чавкая собачьим дерьмом на подошве.

— В наше время так трудно найти функционирующую прислугу, — усмехнулся Уилтон.

— Кто это был? — спросил Чистотец.

— Хупер, наш дворецкий и мамин любовник. Хупер был

начальником смены на папином заводе, пока не попал меж двух автоматизированных конвейеров, у которых возник конфликт программ. Папина компания не смогла выплатить страховку, поэтому папа велел своему личному врачу, специалисту по реконструкции Хью Сколько-Дашу, восстановить что возможно, а потом пригласил малого жить у нас. Теперь Хупер трахает мою мать. Понимаешь, я ребенок из пробирки. Одна ее замороженная яйцеклетка бог знает какой давности, и немного старой папиной спермы.

— Значит… твоя мать… она вторая жена твоего отца?

— Пятая. Его первая жена погибла в автокатастрофе, а моего сводного брата Эйнсли наполовину парализовало. Ее кремировали, а урна с прахом стоит в кабинете отца.

— Что случилось со второй женой?

— Сделали чучело, оно тоже у него в кабинете. Третью жену заморозили, она в тайном хранилище на территории поместья, ждет, когда ее оживят.

— А четвертая?

— Возможно, еще любит папу. Подозреваю, он продал ее органы после «болезни», которая вдруг обрушилась на нее в Рио.

— И… и вы все живете здесь вместе?

— Это еще не все. — Уилтон подмигнул. — Задолго до того, как моя мама Равенна вышла замуж за отца, она родила тройню. Тройняшек. Они лет на сорок старше меня. Ты со всеми познакомишься. Хупер вроде сказал, сегодня званый обед? Так вот званый обед у нас каждый вечер, и последняя сводка по Завещанию тоже.

Уорхолл выразил глубокую гортанную озабоченность, и Чистотец его поддержал. Если бы не нужда в деньгах, он предпочел бы попытать счастья на берегу реки.

— А кто такой Старик Курилка? — спросил он Уилтона по дороге к особняку, похожему на безумный кукольный домик, напичканный галогенными софитами.

— Папа. Он один из последних великих заядлых курильщиков. И заядлых пьяниц тоже. Вот почему для него вечно шерстят городское дно в поисках новой печени. Нынешняя, кажется, уже четвертая. Но не забудь называть его Человеком из Стали или в крайнем случае Стальным Королем. Так его называли, когда он был главной шишкой в «Американских сталелитейных».

— И мы сейчас пойдем к нему?

— Нет. Пожалуй, нам лучше действовать постепенно, — отозвался Уилтон. — Пойдем сперва поищем приключений в мире Эрнста.

— Кто это?

— Еще один сводный брат. Ему за сто перевалило. Его родному брату Эйнсли девяносто с чем-то, и лет восемьдесят он уже не встает с кровати. Папа в Эйнсли души не чает. Оплатил несколько сотен операций, переоборудовал целое крыло дома в изолированную телестудию, из которой через камеры и мониторы просматривается все поместье. Но сколько бы его ни резали, меня он все равно до чертиков пугает, поэтому я стараюсь общаться с ним через мониторы.

— Так ты не видишь его лица? — спросил Чистотец.

— Ну нет, но оно… э… идет с помехами, как лица тех, чью личность скрывают.

Уорхолл снова заворчал — точь-в-точь собака Баскервилей.

— Уорхоллу с нами можно? — спросил Чистотец.

— Почему нет? — рассмеялся Уилтон. — Лишь масла в огонь подольет!

Чтобы добраться до крыла Эрнста, им пришлось пересечь пришедшее в негодность бугристое поле для крикета и болото на месте площадки для боулинга. Извилистая дорожка привела в бесплодный фруктовый сад, откуда через топкое поле для поло они попали к сгоревшей обсерватории, преодолели шаткий мостик над вонючим рассадником лихорадки и очутились у бывшего домика смотрителя, теперь укрытого шатром для фумигации.

— Ага, — сказал Уилтон. — Они, наверное, в Призме Похоти.

На первый взгляд, Эрнст Брэнд казался бесполезным и праздным джентльменом лет шестидесяти, хотя Чистотец скоро догадался, что бесчисленные препараты и хирургические операции скрывают его возраст. Семьдесят пять, возможно. Но сто? Одет он был в парусиновые штаны, кашемировый свитер и мягкие шлепанцы, на запястье — швейцарские часы «Патек Филипп». Эрнст неумело смешивал себе мартини у переносного мини-бара в вестибюле стеклянного здания, походившего на гигантскую люстру конструкции Фрэнка Ллойда Райта.

— Познакомься, это мистер Чистотец, — сказал вместо приветствия Уилтон. — Он спас мне жизнь.

— У меня сегодня праздник, — отозвался Эрнст. — Я объявил бойкот званому обеду. Торндайк[41] готовит предобеденный пунш, потом свежих раков в выдержанном шардоне и шоколадный мусс, глазированный куантро с толикой ледяной польской водки.

Чистотец почувствовал укол головной боли. Вот перед ним человек, чей младший брат (не важно, родной или сводный) только что привел домой человека с улицы и утверждает, что тот

спас ему жизнь, а он говорит про раков?

Эрнст повел их в глубь дома. Там их ждали древние гигантские папоротники и несколько стеклянных конструкций, оказавшихся моделями зданий. В самом большом красовался аквариум, полный саламандрами-амфибиями всевозможных расцветок.

— Аксолотли, — объяснил Эрнст Брэнд. — У ацтеков они ассоциировались с возрождением, уродствами и близнецами. Мне они нравятся тем, что саморегенерируют, иными словами, до конца жизни могут оставаться на стадии подростка. А еще, конечно, удобная способность отращивать конечности.

— Что в этом коробе? — ледяным тоном спросил Чистотец.

— Присмотрись внимательней, — махнул Брэнд. — Природа обожает камуфляж.

— Они живые!

— Водяные палочники, выловленные за Пуэрто-Мальдонадо, терзаемой лихорадкой деревушкой на заболоченном притоке Амазонки. А эта, — продолжал он, постучав по террариуму, — разве она не похожа на инопланетянина?

— Мистер Брэнд, — начал Чистотец, — у вашего младшего брата тяжелая наркотическая зависимость, которая его убьет, если ему не будет оказана помощь.

— Это двоякодышащая рыба! Датируется каменноугольным периодом. Земля тогда была совсем не та, что сейчас. А теперь пойдем к бассейну.

Уорхолл заинтересовался двоякодышащей рыбой.

— Начинаешь понимать? — без обиняков спросил Уилтон.

— Что с ним такое? — прошептал в ответ Чистотец.

— Ему диагностировали СРС, синдром рассеянного сознания. Он такой с автокатастрофы, после которой Эйнсли стал калекой. Папа тогда совершенно зациклился на Эйнсли, а представление о собственном «Я» у Эрнеста распалось, и он утратил представление о своей ценности. Болезнь сказывается на том, как он воспринимает действительность. Сейчасу него навязчивая идея, что телебригада с БИСПИДа вот-вот приедет снимать фильм о его жизни. Он устраивает нам экскурсию. Его психиатр считает, навязчивые идеи помогают ему думать, будто он все это заработал.

— А он заработал?

— Как же! Это все папино. Кроме мамы, тут настоящих денег никто десятилетиями не зарабатывал. Во всяком случае, пока. Мама была звездой «Загона игривых телок». Потом выступала в шоу — «И Жюстиция для всех». Играла там судью-хохмачку с огромными титьками. Сейчас она снова звезда, играет Пугливую в

«Содрогайся и ори». Она разработала собственные коллекции модельной одежды и аксессуаров. Но будь осторожен. Она на строгой диете из водки и «риталина» и готова трахать все, что движется.

Брэнд провел их через вращающиеся двери в выложенное плиткой помещение, где перед ними предстал плавательный бассейн в экзотическом обрамлении. Воздух здесь был сырым и спертым. Из-за валунов из песчаника и обломков черной пористой лавы вставали огромные влажные папоротники-пустоголовики. Подняв глаза, Чистотец увидел несколько павлинов, устроивших себе гнезда на стеклянной крыше снаружи. Время от времени они испускали протяжные кошачьи крики одиночества.

Дальше они прошли к саунам и минеральным источникам. Там из плавучего гроба встала женщина в цельном цветастом купальнике, которую Эрнст назвал Джоселин, и со стонами начала поливать себя из душа.

— Создание тьмы. Жена… прошлый брак, — пояснил Эрнст, выставив перед лицом ладони наподобие камеры для съемки в три четверти. — Трагедия повредила ее рассудок. Но я открыл ей сердце, предоставил убежище. Говорят же: альтруизм — побочный эффект крупного мозга. — Он подошел взять крупный план. — Мы жили на полуострове Кейп-Код. Давным-давно. Храбро решили предпринять вылазку в большой мир. Она познакомилась с молодым хирургом, глаза у него были как у Пола Ньюмэна, а пресс — как стиральная доска. Джоселин окрутила доброго доктора, вышла за него в тот же день, когда нас развели. А потом настал день, когда почва ушла у нее из-под ног. Оказалось, добрый доктор не оканчивал медицинский институт! Он был даровитым дилетантом, который прекрасно играл свою роль, да что там, просто жил ею, пока не запорол операцию и пациент не умер. Семья покойного наняла частного детектива. Он раскопал всю подноготную доктора, а семья вытащила ее на свет. К несчастью, Джоселин забрала себе в голову родить от своего доктора ребенка. Странный вышел ребенок. Напоминал мне потто, призрачного лемура из Западной Африки. Впрочем, все шло неплохо, пока доктора не вывели на чистую воду. А потом шок разоблачения, стресс из-за гражданских и уголовных исков, не говоря уже об утрате роскоши и привычного образа жизни, довели его до отчаяния. И посадив ребенка в нагрудный рюкзак-«кенгуру», он спрыгнул с крыши «Бостон Дженерал».

Они собирались продолжить экскурсию, когда Джоселин сняла купальник и начала себя гладить.

— Где твой бэбик, милая? — спросил Брэнд. — Ах вот он! — Со вздохом он выловил из бака пластмассового голыша с пустым

личиком, черты которого словно бы смыла морская вода. — Очередной политкорректный суррогатный младенец. Любые следы этнической принадлежности «обезврежены», и, разумеется, лишен пола.

Щелкая языком, Джоселин забрала у него мокрую куклу, и через еще одни вращающиеся двери они прошли в вольер для бабочек, где с потолка до пола свисали сети, так что стеклянные стены и пол словно терялись за паутиной. Посреди вольера стояла молодая женщина с гигантской синей бабочкой-зальмоксом на плече.

Брэнд просиял.

— Рейчел, любовь моя.

На вид Рейчел было лет двадцать пять, одета она была в широкие штаны на подтяжках и белую рубашку из рогожки, стратегически расстегнутую, чтобы показать внушительный бюст. Уилтону она уделила слабую улыбку, Чистотца исследовала откровенно оценивающе — особенно ниже пояса. Бабочка, взмахнув крыльями, улетела.

Шеф-повар Тордайк звякнул в колокольчик, и все перешли в столовую, где их ждала гигантская серебряная чаша для пунша с фруктовым варевом, от которого несло ромом.

— А теперь тост! — провозгласил Эрнст Брэнд.

Налив себе чашку, Чистотец сказал:

— Да, тост! За Уилтона, который вернулся из мертвых. И да поддержат его все на пути выздоровления!

На лице Эрнста Брэнда улыбка «в камеру» сменилась недоумением. Бригада операторов БИСПИДа развеялась как дым. Никаких интервьюеров — перед ним стоял остриженный налысо человек, которого он впервые видел и который только что произнес тост в его зимнем саду.

— Тут пьют за МЕНЯ! — загрохотал он, лицо у него побагровело. — За МЕНЯ! И кто вы такой, черт побери?!

— Я не ощипыватель фазанов, но сын Ощипывателя Фазанов, и я буду ощипывать фазанов, пока не придет Ощипыватель Фазанов, — ответил Чистотец. Тут ему пришло в голову, что, возможно, и этой фразе его тоже научили тетя Вивиан и дядя Уолдо.

От этих его слов Эрнст уставился в чашу. Он не мог глаз оторвать от своего отражения. Борода исчезла, да и все признаки старения тоже. Его лицо напоминало лицо куклы Джоселин, лишившись и черт, и самой тени личности, исказившись почти до пустоты. Подняв голову, Эрнст издал сдавленный вопль, от которого задрожали все до единого стекла. На крыше заскреблись павлины. Один, неловко взмахивая крыльями, взлетел и рухнул

через стекло, упав на керосиновый обогреватель, который тут же взорвался, пламя пыхнуло в вольер для бабочек. От взрыва покачнулся один из гигантских аквариумов, и остальные повалились как домино, разлетаясь каскадами осколков, льющейся воды и бьющихся плавников.

Тут вошла, размахивая политкорректной куклой, которую держала за руку, совершенно голая Джоселин и рявкнула:

— Это не мой ребенок!

Куклу она швырнула в чашу с пуншем, от чего во все стороны полетели стекла, потом подошла к павлину с окровавленным оперением. Подняв обмякшую тушку, она прижала ее к себе так, что голова на сломанной шее перекинулась ей через плечо.

— Мой ребенок мертв, — сказала она.

Глава 10
Единственное благо

Сразу после странного кризиса, вынудившего Эрнста и его маленький клан искать убежище в домике смотрителя, Уилтон и Чистотец поспешили удалиться. Уорхолл отказался уйти из Призмы Похоти, пока не сожрет двоякодышащую рыбу, которой лакомился, не принимая во внимание тот факт, что это его собственный предок камнезойского периода. В результате Уилтон убедил Чистотца, что псу будет гораздо лучше провести ночь в конюшне, куда они принесли ему воды и скромный ужин. Чистотец, начавший привязываться к своему жизнерадостному другу, расстался с ним неохотно и, уходя, посмотрел за стену вокруг поместья Человека из Стали на окна его соседа Джулиана Динглера. Дом у соседа был большой и в настоящее время как будто пустовал.

Хлопнув по плечу, парнишка оторвал его от невнятных мыслей и повел в главную резиденцию Брэндов, но Чистотец так старательно вытирал ноги в прихожей, что пропустил, куда же пропал Уилтон, и внезапно очутился один среди латунных плевательниц и полых слоновьих ног для зонтиков.

Миновав холл, он оказался в Тихоокеанской Комнате. Если не считать хорошо законсервированной рыбы-велоноса, шкур патагонских гуанако и морских котиков, главной ее достопримечательностью был забальзамированный туземец с островов Гилберта в полном боевом облачении, которое состояло из доспеха из кокосовой стружки, копья с наконечником из акульего зуба и похожего на свиное рыло шлема из кожи иглобрюха.

На карнизах жужжали камеры видеонаблюдения. Потом он различил и другие. Кто-то тяжело дышал. Или плакал? В соседней комнате. Чистотец толкнул дверь, и та распахнулась. Помещение за ней загромождали тренажеры, расставленные на натертом сосновом паркете. На скрип двери повернулась женщина в облегающем трико, ее отражение метнулось по зеркальным стенам, как будто старея с каждой панелью.

— Извините… — вырвалось у Чистотца, когда он сообразил, что перед ним, вероятно, нынешняя хозяйка дома. Ему вспомнилось предостережение Уилтона.

— Не стоит, — отмахнулась женщина и приказала: — Просто дайте мне бутылку с водой.

Она сделала большой глоток из бутылки «Индийского Гоа»,

нахмурилась и тут же выплюнула жидкость.

— Кто налил ананасовый сок в мой «Ананасовый сок»?

— П-прошу прощения?

— Я уже сказала, не стоит!

Она сорвала с себя пропотевшую лайкру, обнажив необыкновенных размеров выпирающий бюст.

— Только пощупайте. Такое впечатление, что в них залит бетон, правда? Я засужу скотину, которая со мной это сделала. Раньше я была красивой. А теперь только посмотрите!

Чистотец не знал, что сказать, но, впрочем, и к лучшему, потому что она сделала еще глоток, и ее настроение изменилось.

— Хочешь почесать мою киску? — спросила она детским голосом. — А? Перепихнемся по-быстрому прямо тут, на полу? Давай же. Не могу больше принимать эти таблетки. Ты не смотри, что я пью. Он-то пьет, потому что умирает, но уж я-то останусь трезвой… останусь худой… престарелым дамочкам будет кому подражать! Я не престарелая! Я чертовски красивая женщина! Просто хирурги при пластической операции облажались.

Она подняла гантель. И принялась бить ею зеркала. Когда со всеми было покончено, она рухнула на тренажер «гребля», чтобы перевести дух, вот тут-то Чистотец совершил ошибку, отведя взгляд. Она стартовала и схватила его за штаны прежде, чем он успел среагировать.

— Уж хоть что-то я получу! — рявкнула она, срывая с него белье. Пенис Чистотца с готовностью встал — зрелище как будто ее ошарашило.

— Вот черт! — крикнула она и рухнула на пол, где забилась в конвульсиях. Чистотец еще никогда не видел, чтобы далеко не молодая женщина с гигантскими грудями, извиваясь, стягивала потное трико на натертом паркете, засыпанном битым стеклом.

На пике приступа она приподнялась, вывернулась и укусила Чистотца за левую руку: от резкой боли он непроизвольно взмахнул правым кулаком. Раздался хруст, с каким обычно ломается челюсть, и дама тяжело рухнула на колени, а комнату заполнил голос — вроде тех, что неугомонно зудели у него в голове.

— В чем разница между монашкой и женщиной, сидящей в ванне? — хмыкнул голос. — А? У одной душа полна надежды. У другой дырка — пены.

— Что?

— Я люблю мистера Уипи!

— Кого? — переспросил Чистотец и попытался одновременно отыскать глазами динамик и привести в порядок одежду, потом вспомнил: Эйнсли!

— Слышал когда-нибудь про «Теннесси Тукседо», мультик двадцатого века? — ответил голос. — Пингвин-хохмач. У него есть кореш Чамли, тупой, но милый морж. Они впутываются в неприятности, и им приходится обращаться за помощью к Финеасу Дж. Уипи, Человеку, Который На Все Знает Ответ. В каждой серии мистер Уипи достает свою Потрясающую Трехмерную Доску и объясняет что-нибудь из области науки, что может выручить Теннесси и Чамли. Понимаешь…

Тут в тренажерный зал ворвался Хупер и, схватив за ноги, потащил женщину по полу.

— Берегись человека за занавеской, — посоветовал голос.

— Какой занавеской? — спросил Чистотец.

— Это шутка, — откликнулся голос. — Ты в шутках не силен, да? Где берут безногую черепаху?

— Не знаю, — пожал плечами Чистотец.

— Там, где ее оставили.

— А где ты сам?

— Дервиш сказал: «Куда бы ни повернулся, везде увидишь лик Господа».

— Почему я тебя не вижу?

— Мисс Пигги разбила монитор. А вот тебе еще. На суку сидело десять птичек, охотник выстрелил в одну. Сколько осталось?

— У него был обрез… или винтовка?

— Какая разница, — отрезал голос. — Сколько птиц осталось?

— Н-не знаю, — неуверенно протянул Чистотец. — Д-девять?

— Десять птиц на суку, и мужик в одну стрелял. Ни одной не осталось. Все улетели. Возвращается Хупер. Выйди за дверь и поверни налево. Понял?

— Повернуть налево, — пробормотал Чистотец, под ногами у него скрипело битое стекло. В голове крутилось только «Ну да, конечно… Все улетели».

Расфокусированное лицо Эйнсли следовало за ним по комнатам особняка, появляясь в крохотных мониторах, которые вспыхивали, когда в стенах раздвигались скрытые панели. Чистотец хотел найти Уилтона, чтобы объяснить, почему сломал челюсть его матери. Потом услышал знакомое шипение и глухое позвякивание металлического корпуса Хупера и почувствовал запах собачьего дерьма, а потому поспешно спрятался за буфетом.

Позвякивание удалилось. Впереди лежала развилка, и перед Чистотцом оказалось три двери на выбор. Выбрав среднюю, он переступил порог комнаты, которая поначалу показалась ему детской, но обернулась баром. Наклоняясь над бильярдным

столом, здесь стояла пергидролизная блондинка шести футов росту в костюме из розового шифона. У нее была легкая щетинка брюнетки и мужские манеры — налитый до краев коньячный бокал размером с аквариум для золотых рыбок лишь усиливал это впечатление. Вторая фигура была облачена в пастельную куртку из ткани «акулья шкура» с мятыми льняными брюками и сапогами из чешуи ящерицы-рыбозуба. Волосы второго игрока были затянуты в хвост, и сидел он в глубоком кожаном кресле, поставив между ног бутылку виски «Шивас».

Чистотец решил, что это, наверное, сводные братья Уилтона (невзирая на розовый шифоновый костюм); его догадку отчасти подкрепил третий человек, исключительно толстый и в дредках, одетый в джинсы и застиранную футболку «Грейтфул Дед» и булькающий кальяном.

— Ну и? — сказал Розовый Шифон. — На что ты нацелился?

— Нацелился?

— Не разыгрывай дурака! Я говорю про притязания по завещанию. По Завещанию!!!

— А, — протянул Чистотец. — Мне на него плевать.

— Вот видишь! Он знает про Завещание!

— А что такого с этим Завещанием? — спросил Чистотец. — Вы что, не видите, что дом вот-вот рухнет вам на голову?

Об этом они словно никогда не задумывались, поскольку все трио хором проскандировало:

— Победитель получает все! Одно Завещание — получатель один. Один подарок, и ты господин.

— Ты новый охранник Старика?

— Вид у него как у продающего органы!

— Если Старик получит новую печень, я хочу новое сердце! — заявил Ящеричные Бутсы.

— Отвали, — буркнул кальянщик. — Моя очередь на почки.

— Понятненько, — сказал Розовый Шифон. — Тебя наняла наша мать?

— Ты трахаешь нашу мать?

— Нет, — уверенно отозвался Чистотец. — К вашей матери я и пальцем не притронусь.

— Значит, ты ее видел!

— Меня привез Уилтон.

— Ты трахаешь Уилтона?

— Нет. Просто помогаю.

— М-да. Не слишком-то умно с твоей стороны. Одно Завещание — один получатель.

— Плевать мне на Завещание! Я пытаюсь помочь Уилтону слезть с «дури».

— Слезть с «дури»? — Ящеричные Бутсы прищурился. — Да мы же его только что подсадили.

— Заткнись! — рявкнул Розовый Шифон.

— Что ты сказал? — переспросил Чистотец.

— Ничегошеньки.

— Надеюсь, я ослышался.

— Заткнись.

— Надеюсь… Ради вашего же блага надеюсь, что вы ничего этому мальчику не сделали.

Розовый Шифон глянул в зеркало во всю стену и увидел, что у него отрастает щетина, а заодно понял, что дело принимает дурной оборот.

— Нет!

— Кто ты такой? — спросил Ящеричные Бутсы, не понимая, что такого увидел в зеркале Шифон. — Чего тебе надо?

— Помочь вашему сводному брату. Меня зовут Элайджа Чистотец.

— Я… я Саймон(а), — выдавил(а) Розовый Шифон, думая, что эта галлюцинация, наверное, следствие гормональных препаратов. — Тот за кальяном — Олвин. А здесь у нас король всех фигляров, посланец из жуть-мира шоу-бизнеса, Теодор.

— Сам дурак, — ответил ему Теодор, а Чистотцу объяснил: — Наш(а) Саймон(а), пророк-неудачник Фруктового Барбекю, неустанная проповедница экологически чистых бургеров с кенгурятиной, вдохновительница быстрозамороженных салатов для микроволновки. Только сейчас она опять переметнулась, чтобы стать «Профессором Цыпа»! Бесхолестериновые жареные цыплята, приготовленные по секретной научной формуле. Пряный вкус, но без крупицы соли.

— Как она… он этого добился? — поинтересовался Чистотец.

— Как раз об этом в шоу «Америка сегодня утром» его и спрашивали. Знаешь, что она ответила? Ничего.

— Заткнись, Тео. Я подам на тебя в суд за клевету, и ты проиграешь.

— Жареные куры никогда не будут здоровой пищей, вот почему их любят!

— Еще одно слово, и я звоню адвокату, — пригрозил(а) Саймон(а).

— Почему? Потому что «Профессор Цыпа» самая большая жаба на маленьком болотце?

Саймон(а) плеснул(а) Тео в лицо коньяком.

— А вот теперь я тебя прищучу.

— Из-за чего сыр-бор? — не понимая, спросил Чистотец.

— Во франшизах «Профессор Цыпа» тайком подают лягушек.

Знаешь, как говорили в старину: «На вкус как курятина»? Так вот это правда. Только проблема в том, что их покупают гораздо хуже, чем цыплят. Особенно цивилизованные люди, которым можно доверить не-цифровых домашних животных.

— Сейчас ты у меня получишь, Тео, — пригрозил(а) Саймон(а).

Рука метнулась в карман Теодору и с хирургической точностью выхватила титановый пузырек. Отвернув крышку, Саймон(а) выплеснул(а) тонкую взвесь с запахом как у чая сучонг. Заорав, Теодор бросился на ковер и самозабвенно начал слизывать и вдыхать оседающие частицы.

— Все видели? — указал(а) Саймон(а). — Полижи-ка это, ковровый! Не пропусти ни одной драгоценной капельки. Трудно поверить, но когда-то Тео был подающим надежды кинорежиссером. Потом стряслось кое-что неприятное… Правда, Тео?

Голову Чистотца прошило вибрирующей болью, потом огнем обожгло спину — словно кто-то выводил буквы на ней ментолом.

— Тео слишком скромен, чтобы рассказывать, а еще занят обсасыванием ковра, но, коротко говоря, он собирался снимать эпохальный фильм — полномасштабную порнуху, но с настоящим драматическим сюжетом… Самый разнастоящий, мать его, авангардный фильм. Он назывался «Приап»… и у него даже была звезда, молодое дарование. Но мистер Динозаврий Хрен отказывался сниматься в гребаной картине, если только главную женскую роль не дадут его девчонке. Вот только возникла одна загвоздка: наш миленький Тео узнал, что девушка беременна. Он попытался от нее откупиться… ну, чтобы она сама откланялась. Но не успел он это сделать, как любящая чета связала себя узами в Вегасе, а это означало, что Тео понадобился альтернативный план.

— И что случилось? — Ментоловый жар усиливался.

— Попросту говоря, мой братишка полетел в Вегас и устроил так, чтобы у молодой жены всегда под рукой был неограниченный запас одного весьма сомнительного препарата.

— ЗАТКНИСЬ! — заорал Тео.

— Твой брат ее *убил?* — спросил Чистотец, а леденящее жжение понемногу распространилось по всей спине.

— О, не надо хвалить нашего Тео! У него кишка тонка. Но, отвечая на твой вопрос, — да, девчонка и младенчик умерли. Однако план вышел боком. Мистер Хрен с горя ушел из проекта. Без него финансисты якудзы, которых нашел Тео, тоже свалили. Они хотели получить назад свои деньги, но Тео уже все спустил на кокаин. Тогда они сказали: «Нет проблем, возьмем твою

голову». Тео пришлось, поджав хвост, сбежать домой и приложить свои кинематографические таланты к зоо-порно.

Чистотца стошнило на бильярдный стол.

— О черт, мужик! — воскликнул кальянщик. — Ты у нас совсем как у себя дома!

— Я никогда не снимал зоофилию! — заскулил с пола Тео, когда в комнату ворвался Хупер.

— Слушайте внимательно! — заскрипел через маску человек-машина, не замечая блевотины. — Всем почистить перышки и через двадцать пять минут быть в библиотеке. А ты, лысый, иди за мной.

Вытерев рот, Чистотец поглядел на братцев с отвращением.

Глава 11
Вечеринка «Профессора Цыпы»

Хупер громыхал по коридорам, точно автомат с «кока-колой», который никак не желает выдавать банку. Наконец они добрались в крыло Уилтона. Мальчишка сидел, подключившись через «Зри-связь» разом в уругвайское кукольное шоу «Гэльский мини-футбол», транслируемые из Виннипега[42] всеамериканские мульт-комиксы с названием «Ребята, которые любят телок, которые любят девок (которые родили детей от мужиков, которые сидят в тюрьме за убийство женщин)» и новости по БИСПИДу. Увидев Чистотца, мальчишка отключил прибор.

— Куда ты запропал?

— Познакомился кое с кем из твоей семьи, — отозвался Чистотец, тошнота и гнев начали понемногу спадать.

— Дерьмо. С кем из них?

— С твоей матерью. Со сводными братьями… Хотя одного скорее надо называть сестрой.

— Саймон(а). Он начал мужчиной, потом заделался женщиной, но не справился, поэтому переключился назад, потом не сумел быть мужчиной, так что опять попытался стать девчонкой, но от гормональных препаратов у него обмен веществ сбился, да и в голове перепуталось: у него проблемы и с сексом, и с мочеиспусканием, да еще с психикой не очень. Но ты не думай, он и в инь-янь сечет, и вообще у него диплом Гарвардской школы экономики, а еще ему принадлежит «Профессор Цыпа».

— Знаю, — откликнулся Чистотец, который не мог решить, трогательной или печальной считать легкую гордость в тоне Уилтона, но не нашел в себе сил рассказать ему про грязные делишки сводных братьев. — Что в новостях?

Уилтон тронул иконку-голлограмму, и в трехмерной проекции появился Кавсей Овузу, африканец в элегантном костюме английского покроя, чтобы поведать об обезглавливаниях и кастрациях в Тегеране.

«А вот сейчас наша самая странная история за день, которая поступила не откуда-нибудь, а с питтсбургского вокзала „Грейхаунд“, где фурор произвели эйдолоны БИСПИД — диктор Винаta Нидху, а также Королева Убба Дубба и Селезень Дули из „Воспитательного центра Бейби-ритуал“. Все три эйдолона нарушили заложенные в них протоколы, совершив спонтанные поступки. Действия Селезня Дули были наиболее странными. Славящийся неуверенностью в себе синий селезень расстроился

из-за своей сексуальности или отсутствия таковой, что привело к требованию перерисовать его, наделив „полностью функциональными гениталиями“. И, кажется, события в Питтсбурге не единичный случай. По словам Сэндерса Лугвича, главы студии „Созидательность“, из которой вышли Убба Дубба и Селезень Дули, поведение питтсбургских эйдолонов сказалось на всей сети, оказав воздействие на клоны этих персонажей по всему миру.

На экстренном совещании совета директоров „Бейби-ритуала“ было предложено раз и навсегда стереть Дули, но это может повлечь за собой много более серьезные проблемы. Доказательство тому — выступление группы детей-энтузиастов в Конкорде, штат Массачусетс, которые сегодня вышли на нудистскую демонстрацию за спасение Дули. На пресс-конференции маленький Ариэль Стурт заявил: „Мы не считаем, что Дули должен умереть только потому, что хочет пиписку“. Дальнейшие демонстрации в поддержку „Дули + Хрен“ планируются завтра в Цинциннати, Мэдисоне и Лос-Вегасе, а также по всей Европе и Тихоокеанскому региону».

— Твоих рук дело? — спросил Уилтон.

— Не знаю, — честно ответил Чистотец.

— Хм. Может, свет выходит из-под спуда.

— Только вот хорошо это или плохо?

— Тебе просто нужен хороший гамбургер, — парировал Уилтон и повел Чистотца в смежную комнату с гигантской двуспальной кроватью и ковром из шкуры белого медведя весьма аутентичного вида. — Стаскивай одежку и померь вон тот пингвиний костюм в шкафу.

— Ты хочешь одеть меня… под пингвина? — Чистотец нахмурился.

— Я говорю про смокинг! — фыркнул Уилтон и пошел приводить себя в порядок.

Раздевшись, Чистотец поглядел на себя в зеркало от пола до потолка, на мгновение испугавшись, что и оно тоже экран, через который, возможно, смотрит Эйнсли. Рассказанное Саймоном(ой) про Тео вызывало одновременно ужас и омерзение. У него было такое чувство, будто он вот-вот заплачет, но единственная влага сочилась за окнами.

Отмытый Уилтон помог ему облачиться в смокинг и повел в библиотеку, где они застали Человека из Стали, возившегося с устройством, которое походило на моторизованную доску для серфинга на колесах (с независимыми передним и задним приводами, рычагами управления и полочкой под кислородные баллоны, еще на нем имелись пепельница, мини-бар и стойка для

внутривенного питания, куда был залит коктейль из прозака, «бомбейского джина», мегавитаминов и толики бензедрина для вкуса). Лицо Брэнда-старшего было испещрено мушками дермадисков и ожогами противораковой лазерной терапии. Его густые белые волосы стали результатом хирургической операции, в ходе которой в кожу были вживлены попеременно луковицы волос человека и арктического зайца. Одет он был под суперромантичного голливудского героя Кэрри Гранта и туфли из шкуры ламантино. В одной руке он держал египетскую пахитоску, в другой — сигару. На шее у него висел ошейник электронного синтезатора голоса. На мониторе в углу Чистотец мельком заметил искаженное помехами лицо Эйнсли.

— Мое дитя, — пояснил Человек из Стали, будто сын у него был только один. — Сегодня вечером его развлекает Хупер, наш дворецкий. Моя жена к нам не присоединится. К несчастью, она ударилась головой о зеркало.

В дверь позвонили, и прибыли мистер и миссис Хэлло, последняя представилась словами «Моего первого мужа засосало в самолетную турбину — совсем как чайку».

Без жен или прочих спутников явились трио братцев: Олвин и Теодор, довольно нелепые в смокингах, и Саймон(а) — более элегантная в маленьком черном платье от Шанель. В следующем госте Чистотец узнал улыбчивого доктора Хью Сколько-Даша из клиники органов. Говорил доктор с техасской гнусавостью, красовался свеженанесенным загаром и явился в сопровождении пациентки, с которой официально спал (то есть не только, когда она была под анестезией), — аппетитной англосаксонкой чуть за тридцать по имени Джудит Бизли, на которой красовалась брошь-бумеранг с мелкими перемигивающимися светодиодами и почти ничего больше.

Затем явились Пэддиартоны. В свои сто двенадцать Джош был самым старым живым другом Кингленда Брэнда. Пластические операции скостили ему больше полувека, и все равно бывший председатель совета директоров «Химплекса» удивительно походил на стаффордширского терьера с гниющими гвоздями вместо зубов. Его недавно выписанной из Таиланда жене едва исполнилось девятнадцать, и одета она была в вечернее платье оттенка водорослей с огромным декольте и ожерелье из жемчужин размером с перепелиное яйцо. Завершала список приглашенных мелкая интеллектуалка различных ток-шоу и профессиональная обедальщица по имени Тина Локон, которую доставили самолетом из округа Колумбия. Хупер не появлялся, хотя, вероятно, недавно проходил через комнату, так как в ней витал запах собачьего дерьма. Так или иначе, проводить гостей в

обшитую дубом столовую выпало Человеку из Стали, который, прибыв на место, позвонил в крошечный хрустальный колокольчик и зловеще-металлически проквакал:

— Сегодня позвольте предложить вам здоровую и экономичную нью-эйдж альтернативу, кажунское фирменное от «Профессора Цыпы».

Саймон(а) застыл(а) как громом пораженный (ая), когда горничная по имени миссис Стовингтон начала с каменным лицом заставлять комнату картонками из «Профессора Цыпы». Теодор позаботился, чтобы основателю сети закусочных досталась лишняя порция его прославленной обезжиренной кормежки.

После основного блюда Чак Хэллоу попытался заинтересовать собравшихся извлечением дыма из сигарет, а доктор Сколько-Дашь романтично распространялся о возможности создать родовое увечье у младенца, например, девочку с крыльями. Какое упоение, роскошь пластической хирургии — растягивать и вживлять кожу, реструктурировать кости и мускулы, а после применить интенсивную гормональную терапию. Синие глазки так и сверкали.

— Разумеется, мы могли бы пойти по пути органотрона и роботизировать ее, — сказал он, что вызвало дискуссию о роботехнике и ее эволюции из конструирования кукол-автоматов.

— В тысяча пятьсот семьдесят четвертом году в башенных часах Зальцбурга кукарекал механический петух, — объявила Тина Локон. — А в восемнадцатом веке гений Вокансон изобрел механическую утку, которая могла крякать и плескаться в воде. Существует легенда об украшенной драгоценными камнями гусыне, которая умела летать и которую создала тайная гильдия баварских игрушечных дел мастеров.

Рассказ про петуха, утку и гусыню напомнили миссис Хэллоу о ее первом муже, которого засосало в самолетную турбину — совсем как чайку.

Доктор Сколько-Дашь заговорил о конференции в Лос-Вегасе, посвященной самым последним разработкам в области препаратов, повышающих интеллект, и новой серии секс-программ.

— Нам прислали *бесплатный* пробный образец, — усмехнулась Джудит Бизли. — Грузится довольно долго, но уж как пойдет, так пойдет!

— Верно, — подмигнул Сколько-Дашь. — Создают атмосферу. Например, оба вы подростки и катаетесь в бархатных стеблях на августовском ржаном поле.

— Достанете мне копию? — прохрипел Человек из Стали.

— С этим новым мыслесофтом нужно быть поаккуратнее, — сказал добрый доктор. — Если не оплатил подписку, ничего хорошего не жди: только-только собираешься кончить, как твоя партнерша вдруг становится жирной или вообще умирает. Приходится давать разработчикам номер счета, чтобы программа снова запустилась как надо.

— Есть еще новый финский софт на мифологические темы… Ну, знаете, как Зевс и Леда, — подлила масла в огонь Тина Локон.

— О-о-ох, — поежилась Джудит. — Мне бы, пожалуй, не хотелось заниматься сексом с быком.

— С лебедем, — поправила Тина Локон.

— Как лебедь может трахнуть женщину? — спросил(а) Саймон(а).

— Как кто-то может принять лягушатину за курятину? — каркнул Теодор.

— Заткнись! — ответил(а) Саймон(а).

— Не я придумывала миф, — отозвалась Тина Локон. — Просто рассказываю. Перед тем как обрюхатить Леду, Зевс обернулся лебедем.

— Моего первого мужа затянуло в турбину. Как чайку, — напомнила всем миссис Хэллоу.

— А сейчас тост, — возвестил Человек из Стали.

Толкнув локтем Чистотца, Уилтон прошептал:

— Неужели жизнь их ничему не учит?

Появилась миссис Стовингтон с охлажденной бутылкой шампанского, затем внесла поднос с бокалами, открыла бутылку и налила.

— Сегодня мы празднуем два события, — загудел Человек из Стали. — Во-первых, доктор Сколько-Дашь раздобыл для меня новую печень. Во-вторых, сегодня я перепишу завещание и хочу отметить, что Эрнст предпочел не явиться. Мой сын Эйнсли остается получателем номер один, но с удовлетворением сообщаю, что мой приемный сын — или дочь — поднялся на второе место благодаря своим достижениям в компании «Профессора Цыпа».

— Браво, Цыпа! — воскликнула миссис Хэллоу, и Саймон(а) поклонился(ась), Теодор и Олвин ядовито улыбнулись.

— И давайте выпьем… за мою печень, лояльность Эйнсли и скромные попытки Саймона(ы) заработать себе на жизнь…

— И за мистера Чистотца! — добавил Уилтон.

Человек из Стали срыгнул шампанское в тикового цвета декольте молодой миссис Пэддиартон.

— А ЗА НЕГО МЫ ПОЧЕМУ ПЬЕМ?

Откашлявшись, Чистотец заговорил:

— Я не ощипыватель фазанов…

— Пожалуйста, не надо, — вмешался Уилтон. — Позволь мне. За тебя, мистер Чистотец, и да найдешь ты, что ищешь.

— Какой еще щипатель фазанов? — пожелала знать миссис Хэллоу. — Моего первого зашошало в шамолет… Как ту шайку.

Вскоре после тоста Уилтона праздник угас. По дороге к такси Тина Локон станцевала пьяный вальс с самурайской броней, а доктор Хью Сколько-Дашь совершил неприятное открытие, что миссис Хэллоу намочила себе волосы. Остальные гости откланялись: Олвин, Теодор и Саймон(а) строем разошлись по своим комнатам, а Человек из Стали покатил на доске к лифту, который унес его в просторы, каковые он делил с Неврастеничкой и телестудией Эйнсли.

Уилтон даже пожалел, что прервал Чистотца. Ему было интересно, что на сей раз последует за «фокусом» лысого, но он слишком устал. Впервые за несколько недель ему не приходилось отчаянно бороться с галлюцинациями, приступами тошноты или горячечной похоти. Он чувствовал себя опустошенным, но чистым.

— Вот вся наличность, какая у меня есть, — сказал он, когда они вернулись в его апартаменты. — Спасибо еще раз.

— Мне не нужны все твои деньги, — отказался Чистотец.

— Ты их заслуживаешь, — ответил мальчик. — Ты творишь чудеса. Самые настоящие. Не знаю, как у тебя это получается… но ведь получается. А кроме того, так у меня будет меньше соблазнов. И меня не вытащат в конце концов обезглавленным из реки.

— Просто будь честен с самим собой, дружок. Извини, если слишком уж снисходительно получилось.

— У тебя — нет. Выспись хорошенько. Утром я отвезу тебя на вокзал.

— Идет, — ответил Чистотец, пожимая протянутую руку, потом обнял Уилтона. Это вышло само собой, неловкий, инстинктивный жест, и испуганный мальчишка обнял его в ответ — впервые за несколько месяцев он прикасался к кому-то не под действием «Пандоры».

Той ночью Уилтон спал крепко и снов не видел… чего не скажешь об остальных. И уж конечно, не о Человеке из Стали, которому снилась пересадка печени, вот только почему-то операцию производили на лице. Физиономия у него шла рябью (совсем как у Эйнсли, словно бы все клетки превратились в пиксели) и, болезненно расплываясь, постоянно мутировала. Проснулся он под шум кардиографа в спальне и закурил. (Его

затранквилизированная супруга обреталась в своих отдаленных апартаментах, челюсть ей подвязал один из ассистентов Сколько-Даша.) «Господи, — подумал Стальной Король, — мне ни за что снова не заснуть». Перебросив тело на доску, он покатил в личную Комнату Отдыха.

Чистотца одолела усталость, и, переодевшись в собственную одежду, он упал на кровать, но не смог пробиться за пелену снов в глубокую тьму. Всю ночь напролет он корчился в смерче рваных образов. Он видел призрачный город и хибару старой радиостанции… а потом вдруг играл с дядей Уолдо и тетей Вивиан, но не мог разобрать их лиц. Ему почему-то казалось, что его мать мертва, а отец заправляет евангелической радиостанцией… «Прошу, яви мне Свое лицо…» — произнес он и увидел мальчика в ванной… а затем в зеркале перед ним вспыли — как в аквариумах Эрнста — три лица… китайцы… пытаются с ним заговорить. Проснулся он перед рассветом под жуткие звуки.

— Вот черт! — выругался он вслух. — Уорхолл!

Бойцовый пес, вероятно, сумел выбраться из конюшни, потому что Чистотец отчетливо слышал, как он гавкает в ответ на рык мастиффов. Надо бы его найти, сообразил он и выпрыгнул из кровати — лишь чтобы попасть ступней прямо в пасть белому медведю, где она намертво застряла.

— Черт! — рявкнул Чистотец.

На газоне вот-вот начнется собачий бой не на жизнь, а на смерть, а он сражается с дохлым медведем! Придется разбудить Уилтона. Но когда Чистотец заглянул в соседнюю комнату, мальчик дышал так глубоко и ровно, что у него не хватило духу его потревожить, поэтому он зашаркал по коридору, таща за собой шкуру и понятия не имея, где находится входная дверь, и все это время страшась наткнуться на механического дворецкого в зеркальной маске.

Рычание становилось все злее, потом он разобрал странный шум — точно саундтрек пустили задом наперед. Затем тишина. Добравшись до эркера, он выглянул на лужайку. В бариево-серебристом тумане едва виднелся силуэт Уорхолла. «Господи, — подумал Чистотец. — Он уже вырвал горло несчастным мастиффам и теперь тащит куда-то тушки, чтобы в укромном месте их сожрать!» Повидав свое чудовище в действии, он никоим образом не собирался вмешиваться сейчас. Он уже повернулся идти в свою комнату и миновал стекло, показавшееся ему зеркалом, но тут на нем возникло и пошло волнами гигантское лицо.

— Все белые медведи левши.

— Это ты, Эйнсли? Ты меня напугал. Я… мне не спится.

— Все белые медведи левши!

— У меня нога в белом медведе застряла!

— Все белые медведи левши. Чем больше креветок ест фламинго, тем розовее становится.

— С тобой все в порядке? — спросил Чистотец. — Твой голос… что-то случилось?

— Чем больше червей, тем больше барсуков, — произнес в шипении помех голос.

— Я пойду за помощью, — отозвался Чистотец и повернул в коридор, все еще таща за собой медведя.

Он хотя бы знал, где расположен лифт: студия калеки должна быть где-то в этой части дома. В конце коридора он заметил отблеск света слева. Запах Человека из Стали густо витал в воздухе: отмершие клетки кожи, виски и темный табак, замаскированные галлонами лосьона после бритья «Королевская яхта». Дверь была приоткрыта. Сжав в кармане шарик из слоновой кости, Чистотец подобрался поближе.

— Эйнсли? — прошептал он. — Эй?

Он подкрался поближе, хотя медведь очень мешал, цепляясь зубами за щиколотку. Вонь Человека из Стали усилилась. Хромовая маска дворецкого лежала на антикварном столике у двери, рядом с ней — ошейник электронного голоса. Человек из Стали в пижаме из итальянского хлопка, раскинувшись на доске для серфинга, курил две сигареты разом. Под ногой Чистотца скрипнула половица.

— Ага. Ты раскрыл мой маленький секрет. — Человек из Стали повернулся, его голос никак не походил на синтетические трели и перханье.

— Вы? — переспросил Чистотец, переводя взгляд с маски на тело робота. — Но почему?

— Некогда тут был настоящий Хупер, — тяжело дыша, ответил Человек из Стали и, выплюнув сигареты, раскурил сигару. — Мне пришлось поселить его у себя и предоставить осмысленную работу, и все из-за страховки по суду. Но он не работал. Единственное, что было у него в рабочем состоянии, находилось между ног. Вот он и стал обрабатывать мою жену. Думаю, маска и роботизированные протезы ее возбуждали. Однажды, когда ему меняли смазку, я примерил маску и залез в его экзоскелет, и так потрахался, как жена уже десятилетия мне не давала.

— Но разве ваша жена не заметила…

— Мне помогли. — Пустив облачко дыма, Человек из Стали опустил руку в карман пижамной куртки. Раздался скрип, как при открывании автоматических ворот города, и пах у него начал

набухать — дряхлому финансисту это явно служило поводом для большой гордости. Вот только поднявшись, оно тут же начало сдуваться. А потом снова подниматься…

— М-да… — протянул Чистотец. — Наверное, действует на нервы.

— И вы это *мне* говорите! — вышел из себя Человек из Стали. — Боюсь, если она когда-нибудь протрезвеет, то узнает правду. Этот чертов скелет начал сбоить, и гарантия давно кончилась. Сколько-Дашу он достался от одного араба, который умер во время операции на сердце. Устроил мне чертовски хорошую сделку, но чинить его та еще докука.

— А нельзя просто принимать лекарство?

— Лет пятьдесят или около того. А потом лучше обзавестись новым хозяйством.

Гидравлический имплантат Человека из Стали по-прежнему то поднимался, то опускался.

Чистотец взял со стола синтезатор.

— Это вы носите, чтобы замаскировать голос?

— А еще потому что у меня рак горла.

— Ну и… что случилось с настоящим Хупером? Вам понадобились новые легкие?

— Нет доказательств нечистой игры! — отрезал Человек из Стали.

— Готов поспорить, нет вообще никаких доказательств. И даже ваша жена счастлива при условии, что у нее достаточно водки.

— И камеры, — добавил Человек из Стали. — Видеокамеры тоже большая подмога. Хупер дал мне еще один способ собирать сведения о наследниках.

— О ком? Ах да, о вашей семье. Значит, под маской вы за ними шпионите?

— Нечего изображать из себя святошу! Все они проныры проклятые!

— Но не Уилтон.

— Он наркоман и извращенец. Я и цента бы ему не доверил!

— Это потому, что Теодор и Саймон(а) подсадили его на «Пандору».

— Вот о том я и говорю! Жрите раненых, закапывайте стариков! Откуда вам знать, каково это — пятьдесят лет жить, думая, что каждый следующий день твой последний?

Чистотец отчаянно старался высвободить ногу из пасти медведя и наконец, резко пнув, откинул проклятую шкуру. Пролетев через комнату, она ударилась о вазу эпохи Минь и сбила ее на пол. Упав, ваза эффектно разлетелась на куски, и из

нее посыпалась какая-то сажа.

— Это была моя первая жена. И бесценная ваза! — Человек из Стали сглотнул. — Но, полагаю, теперь это не важно. Просто сделайте свою работу.

— Я… Прошу прощения, какую еще работу? — неуверенно переспросил Чистотец.

— Ну как же! Убить меня, конечно. Разве не для этого выписывают наемных убийц?

Глава 12
Яростивость

— Можете сколько угодно разыгрывать дурака, но убийцу вам из меня не сделать, — отрезал Чистотец. — Я здесь лишь потому, что мне показалось, что у Эйнсли больной голос. Помните Стойкого Эйнсли? Главного получателя по завещанию?

— Вероятность успеха нападения с целью придушить у гепарда-одиночки варьируется от десяти до сорока процентов, — монотонно загудел Эйнсли.

— Мне бы хотелось с ним познакомиться.

— Нет.

— Представьте меня, и я ни словечка не скажу, что вы Хупер.

— Нет. Пожалуйста.

— Иначе я не уйду. Клянусь. Тогда все узнают.

— Вот… черт, — застонал Человек из Стали.

Подавшись вперед, он послал доску для серфинга в соседнюю комнату. Один ее угол бы затянут белой тканью — в целом походило на фосфоресцирующий кокон.

— Откиньте занавес.

— Эйнс… ли? — начал Чистотец, но осекся, увидев перед собой пустоту.

— Он не здесь, он вознесся, — вздохнул Брэнд и разразился рыданиями, от чего ритмичное вздутие и опадание имплантированного пениса стало смехотворнее.

Голос произнес:

— Почувствовав опасность, бобры бьют по поверхности воды хвостами, давая знать остальному семейству, что нужно прятаться в укрытие.

— Не понимаю.

— В его базу данных включен полный текст классического труда Л. Г. Моргана «Американские бобры и их хатки». Вот! — взвыл отец. — Это все, что осталось от моего сына! — Он указал на батарею компьютеров. — Эту систему разработал Динглер, наш сосед. Он — гений. Сволочь, но гений. Мы решили пустить помехи, искажающие изображение, чтобы семья не узнала.

— Эйнсли не… не болен? Он мертв?

— Тело мертво, — признался Человек из Стали. — Но его… личность… живет в этой системе, а теперь он умирает у меня на глазах. Тогда было искалечено тело, сейчас — разум.

— Сердце у взрослого жирафа размером с баскетбольный мяч, — заявил Эйнсли.

— Кибердеменция, — шмыгнул носом Человек из Стали. — Динглер запустил в систему вирус, вызывающий прогрессирующий синдром Аспергера, и активировал его, когда я отказался принять его в члены элитного гольф-клуба, президентом которого являюсь.

— И когда вы в последний раз играли в гольф?

— Двадцать два года назад. Но суть-то не в этом.

— Тщательно отслеживайте нормальное, чтобы засечь патологию, — загудел Эйнсли.

— А его нельзя… нельзя…

— Отключить? — спросил отец. — Да. Но я еще не готов. Какой горький конец! Посмотрите туда, — сказал Человек из Стали, указывая за окно.

Переведя взгляд, Чистотец увидел, как ворота конюшни бешено хлопают на ветру. Значит, вот как выбрался Уорхолл.

— Динглер увязал воедино его систему с системой управления домом. Кое-что я отключил, но в глобальные процессы вмешиваться не решаюсь. Хорошо еще, что у этой части дома своя компьютерная система…

— Подождите минутку, — прервал его Чистотец. — Я думал, Эйнсли был искалечен…

— Восемьдесят восемь лет назад. А ведь у него была яростивость! — разревелся Стальной Король.

— Что это? Болезнь?

— Нет!!! Это исключительно американская черта. Неутомимость, жажда победы. Эйнсли был воплощением Америки.

— Но когда он на самом деле умер?

— Восемьдесят четыре года назад, — прошептал Человек из Стали.

— Что?! Вы хотите сказать, что все это время он был мертв, а семья считала его живым?

— Я не нашел в себе сил отпустить его! Я не мог жить без мысли, что однажды оставлю все ему. Знаю, вам не понять.

— Да уж, — согласился Чистотец. — Ваше переодевание в Хупера и так понять трудно. Но это уж чересчур. Как вам удалось держать такое в секрете?

— Ну, — постарался завладеть ситуацией Человек из Стали, — горничным и медсестрам платили, чтобы они рассказывали байки. Еще я использовал забинтованные манекены. Мне монтировали компьютерные изображения. В какой-то момент я даже нанял чревовещателя. Понимаете, люди любят тайны, и мало кому интересно смотреть на монстра.

— Которого тут вообще не было! Вы построили лабиринт, и

все пришли к логичному выводу, что в нем кто-то прячется!

— Прогресс не стоит на месте, и с каждым годом я мог делать все больше.

— И Уилтон считает фокусником меня! Эйнсли — не просто трагический призрак вашего любимого сына, он — программа круглосуточного аудио-видео-наблюдения.

— Но поставьте себя на мое место, — упорствовал Брэнд. — Я много трудился, чтобы это построить. Я не родился богатеньким, как они. Когда я был маленьким, на улицах в полдень фонари горели!

— Вы так и не выросли, мистер Брэнд. Вы прибегли к извращенному трюку, чтобы дурачить свои домашних, манипулировали ими больше полувека. Ваши глупые игры разрушили личность Эрнста. А Уилтону, здоровому и умному парнишке с большим будущим, так не хватает любви и самоуважения, что он вот-вот покончит жизнь самоубийством. И если кто-то из них хотя бы вполовину так алчен, как вы утверждаете, это вы их такими сделали. Гоняетесь за органами, стравливаете друг с другом детей! А самое ужасное, что вы преуспели в том, чтобы заморочить им голову. Они не только верят в существование Эйнсли, они верят в существование наследства, которое может кому-то достаться.

— Откуда вы знаете, что его нет? — надулся Человек из Стали. — Мне принадлежит сорок процентов акций «Профессора Цыпы»! А Саймон(а) даже не знает.

— Так это и есть та награда, из-за которой весь сыр-бор?

— Плюс антиквариат!

Человек из Стали толкнул двойные двери мадагаскарского эбенового дерева с ручной резьбой. В одном углу стояла очень реалистичная восковая кукла стареющей королевы красоты с бокалом мартини.

— Моя вторая жена, — пояснил Человек из Стали. — Спасибо таксидермисту с Аляски.

Когда дряхлеющий промышленный магнат заскользил на своей доске мимо, одна из трубок внутривенного вливания за что-то зацепилась, и на пол упала, трепыхаясь, фотография. Чистотец поспешно за ней наклонился. На ней был изображен уже престарелый, но еще не обрюзгший Человек из Стали с новорожденным младенцем в голубой пеленке.

— Это вы и Уилтон!

— Отдай! — рявкнул Человек из Стали, вырывая у него снимок и пряча в потайной карман пижамной куртки. — Лучше я вам кое-что важное покажу.

Брэнд-старший провел его в соседнюю комнату, у дальней

стены которой стоял защищенный лазерами сигнализации стеклянный короб.

— Вам известно, что в Южной Америке обитает разновидность сома, способная схватить с ветки мартышку, когда стая спускается к реке на водопой? Экспедиция Теодора Рузвельта одного такого поймала. Когда его вскрыли, то в желудке нашли обезьянку. Это та самая обезьянка.

— Та самая?

— Мумифицированная, — прошептал Человек из Стали. — Подписана самим Тедди.

— Теодор Рузвельт расписался на обезьяне?

— Присмотритесь внимательней…

Чистотец расхохотался.

— Прекратите! Никто не смеется над Кинглэндом Моррисом Брэндом!

В этот момент искусственный пенис Человека из Стали завращался, и Чистотец покатился со смеху. Остановился он лишь, когда в нос ему уткнулось дуло винтовки «Харпес-Ферри».

— Ну и что вы собираетесь делать?

— Запереть тебя в подвале и вызвать доктора Сколько-Даша. А тогда я получу не только новую печень, а еще и сердце, легкие… Кто знает? Может получиться настоящий шведский стол, — злорадствовал Человек из Стали.

При виде того, как вращается член Стального Короля, Чистотца осенило.

— Чтобы обмануть жену, пожалуй, понадобится кое-что получше.

— Заткнись!

— А вот если бы вы могли его контролировать. Если бы могли сами решать, когда он поднимется и как надолго, и вообще научились бы этому вращательному движению так, чтобы самую чуточку в нужный момент, могли бы стать весьма популярным.

— Что ты такое несешь?

В голове у Чистотца гудели голоса. Напевно переговаривались тетя Вивиан и дядя Уолдо, ласково, терпеливо — как говорят с маленькими детьми или животными… «МОЖЕМ МЫ ЕГО ПОЧИНИТЬ? ДА, МОЖЕМ!»

— Могу починить, — сказал Чистотец, и в голове у него возникла картинка…

Человек-тень у передатчика богом забытой радиостанции, вещающей из города-призрака. Спускаются сумерки, и подсвеченные буквы К Р М А вспыхивают ярко, как вывеска мексиканского ресторана, и мужской голос произносит: «А теперь посвящается…»

Голос потерялся за ветром, но песня звучала отчетливо.

— Я верну вам подобие мужественности и достоинства, — сказал Чистотец, — и гораздо за меньшее, чем запросил доктор Сколько-Дашь.

— Чушь! Как?

— Какая вам разница, если он заработает?

— Учитывая, сколько ты знаешь, я не могу позволить тебе тут ошиваться.

— Учитывая, сколько я знаю, ничто не заставит меня остаться. Вы дадите мне немного карманных денег, отмените заказ на почку и согласитесь никогда больше не пересаживать себе органы. Никогда.

— Но это значит…

— Смерть. Со временем. Как конец жизни, но не смерть стиля жизни.

— Но…

— Я не закончил. Вы сделаете все, что потребуется, чтобы финансировать Уилтону программу реабилитации, и будете поддерживать его, как бы тяжко ему ни пришлось. Далее вы отключите Эйнсли и устроите официальные поминки, которые раз и навсегда положат конец фарсу.

— Но…

— Я не закончил. Вы попросите прощения у Эрнста. Вы сделаете его и Уилтона своими наследниками, у вашей жены и так есть собственные деньги. Потом вы попытаетесь привести в порядок этот дом, чтобы вам было что оставить помимо мучительных воспоминаний.

— Слишком уж многого ты просишь, — уперся Человек из Стали.

— Все или ничего, — отозвался Чистотец.

— Знаешь, что я тебе скажу, — выдохнул Человек из Стали. — Превратим-ка мы это в состязание. Если победишь, будь по-твоему. Если проиграешь, сам пойдешь на запчасти.

— И что это за состязание? — поинтересовался Чистотец.

Стальной Король натянул высокие ботфорты и куртку из тюленя в роспуск, протянул Чистотцу доху и мокасины, а после вывел на балкон. На предутреннем холодке с реки поднималась стылая вонь сечуаньской стряпни с примесью аромата свиных ножек-барбекю, различные запахи сливались в странную симфонию — точно какофония звуков, какие выдувают из покрытых хлорвинилом труб поселенцы возле дамбы. Взгляд Чистотца скользнул по поместью. Под балконом между двух куп распускающих почки пирамидальных тополей лежала прогалина, заполненная рядами снеговиков, расставленных как шашки на

гигантской доске. Солнце еще только позолотило край неба, и фигуры отбрасывали темно-синие тени.

— Не поздновато для снеговиков? — спросил Чистотец.

— Никогда не умел их строить, когда был ребенком.

— Неспособность учиться?

— Нет! — нахмурился Человек из Стали. — Все потому что район у нас был бандитский. Местные банды всегда их разбивали! Поэтому теперь они у меня круглый год. Конечно, в теплую погоду их надолго не хватает — зато вырастают как цветы. Присмотрись внимательнее — и поймешь, что это снегови́чки.

— Господи! — Чистотец прищурился. — Это же… ваша жена… Неврастеничка!

— Ага, — усмехнулся Стальной Король. — Однажды, когда она лежала в отключке, Эрнст сделал с нее слепок. Я считаю это терапией.

Человек из Стали сорвал брезент с автомата для практики подачи мячей в бейсболе. Включив питание, он зарядил автомат маленькими капсулами с флуоресцентной краской. Потом прицелился вдоль длинного пластмассового ствола, точно это было зенитное орудие, и открыл огонь по застывшим репликам своей жены. Свистели и разбрызгивались пятна краски. Белая еще минуту назад снеговичка понемногу стала превращаться в вишневое мороженое.

— Так вот, — сказал он. — Цель игры — набрать как можно больше очков попаданиями, но набирать их следует в каждом ряду. Тебе синий и желтый. Мне — красный и зеленый. У каждого по три попытки.

Подойдя к пушке с краской, Чистотец дал залп, превратив одну из «неврастеничек» в ежевично-синюю, двух других — в желтых, как аскорбинка.

— Неплохо, — снисходительно похвалил Человек из Стали, потом отвоевал себе пару очков попаданием в голову и в плечо в заднем ряду. Чистотец ответил на это двумя синими в сердце, но его третий снаряд — капсула желтой краски взорвался в воздухе.

— Не повезло, — хихикнул Стальной Король и очередями по диагонали прошил еще три девственные фигурки. — Теперь тебе нужно попадать с каждым выстрелом, иначе выйдешь из игры. Что там за шум?

Чистотец склонил голову набок. Откуда-то доносились рычание и чавкающие звуки. Из-за угла дома появился что-то жующий Уорхолл.

— Это мой пес.

— Что он там ест?

— Боюсь, останки ваших собак, — признал Чистотец.

— Что ты несешь? — возмутился Человек из Стали.

— Ваши мастиффы. Когда ворота конюшни раскрылись, Уорхолл выбрался. Произошла стычка. Уорхолл победил.

— Но мастиффы же нереальны! — воскликнул Человек из Стали. — Я уже много лет как от них избавился. Мастиффы такие кучи накладывали! Размером с коровью лепешку!

— Но… но как же звуки? Они просто…

— Поставленная на повтор звукозапись. Нужно, чтобы люди думали, будто у тебя большие злобные собаки, это же логично с точки зрения безопасности… но действительно их держать — полная чушь!

— Не могу поверить! — воскликнул Чистотец, а Уорхолл, подняв глаза на балкон, счастливо тявкнул. — Но если он не порвал одну из ваших собак, то кого же он ест?

— Господи милосердный, надеюсь, это не миссис Стовингтон! Никто, кроме нее, не умеет управляться с микроволновкой! Откуда он идет?

— Из псарни мастиффов. Он принял рычание за вызов.

— О нет! — застонал Человек из Стали. — Он, наверное, нашел тайный склеп, где заморожена… была заморожена моя третья жена! Я положил ее туда, так как решил, что никто туда не сунется. Там есть плита в брусчатке, если на нее надавить…

— Что ж, вкусная она или нет, — задумчиво протянул Чистотец, — псу, кажется, понравилась.

— Вот черт! Напоминает мне собрание акционеров в семидесятых. Но теперь внезапная смерть, а я первый…

Человек из Стали прицелился в девственно чистую снеговичку — и тут из-за угла неспешной трусцой выбежал человек в спортивном костюме. Выстрел Стального Короля прошелся мимо, и краска приземлилась на руку статуи, которую он уже подбил раньше.

— Проклятие!

— Кто это?

— Джулиан Динглер. Мой треклятый сосед и заклятый враг!

Мужчина приблизительно одних лет с Чистотцом остановился и поднял глаза на балкон, пытаясь понять, что происходит. Потом важно подошел к одной из неподстреленных снеговичек и обильно на нее помочился. Фигуру он окрасил ярко-желтым, а закончив, повернулся и хлопнул себя по заднице.

— Сволочь! — вскипел Человек из Стали, на виске у него забилась жилка. — Убирайся с моей земли!

Джулиан Динглер отломал руку снеговички, слепил из нее снежок и продемонстрировал такую подачу, которой позавидовал

бы любой игрок высшей лиги. Ледяной снежок попал прямо в лицо Стальному Королю, и тот повалился на контрольные рычаги доски для серфинга. Она поехала бы прямо через перила, если бы Чистотец не поймал ее за стойку для внутривенного вливания.

Чистотец помахал соседу Стального Короля. Динглер помахал в ответ — на мгновение тучи прошил луч солнца. Потом и луч, и бегун в спортивном костюме исчезли, а ржавые перила, скрипнув, прогнулись под доской Человека из Стали.

— Путь на небо, старпер, — сказал Чистотец. — Одно Завещание — один господин.

— Н-нет! Не надо, — заскулил Человек из Стали. — Только не так!

— Почему нет? Ты разобьешься, как твоя ваза! Возможно, внутри у вас одно и то же!

— Пожалуйста! — захныкал разлагающийся магнат, а потом вдруг взревел: — Сдаюсь! Ты победил! Чини мой имплантат, и я сделаю все, что ты хочешь. Клянусь!

— Ладно, — сказал Чистотец и втянул доску назад на балкон. — Покажи мне деньги. И я выполню обещание.

Они вернулись в дом. Брэнд сопел и гнусавил. Из-за лысого чужака разваливался его мирок. Старик подкатил к своей зачученной жене, расстегнул на ней молнию и, запустив руку внутрь, стал нашаривать банкноты.

— Ты в ней наличность держишь? — не удержался Чистотец.

— Когда рядом Теодор, сейфам доверять нельзя. Я же говорил, эти дети — хитрая свора. Ладно, вот твои баксы. А теперь подкрути мои гайки.

Старик разложил на столе бумажки. В голове у Чистотца снова запели дядя Уолдо и тетя Вивиан. Потом появился радиочеловек. Потом наступила золотая тишина, а из нее возникла песня.

— Знаю, это покажется странным, но ты слышал песню «Будь у меня молот»?

— Что? — взвизгнул Брэнд.

— Будь у меня молот, стучал бы я вам. Стучал по утрам и по вечерам. Стучал бы здесь и стучал бы там. На всю страну стучал бы я вам. Стучал бы об опасности, стучал бы ради ясности. Любовь и единство выковал бы я вам, стуча по утрам и здесь, и там.

— Слушай, — простонал Стальной Король. — Ты уделал меня по всем статьям. Моя жена одержима мыслью с тобой переспать. Мой младший сын хочет быть похожим на тебя. Зачем унижать меня дальше?

— Я не шучу, мистер Брэнд. Просто попробуйте, — сказал

Чистотец и действительно вдруг испытал глубокую жалость.

Как Уилтон, в котором он мог бы найти сына или мальчика, каким сам, вероятно, когда-то был, так и Человек из Стали вдруг предстал перед ним отцом, которого он не помнил или которым еще мог бы стать.

— И как это работает? А нельзя найти песню, которая была бы… не такой глупой?

— Не выйдет, — оторвался от горьких мыслей Чистотец. — Не знаю, как это работает, но для вас песня свое сделает. Пойте громко, пойте гордо.

К немалому своему унижению, сломленный старик выдавил слова, и к столь же большому его удивлению, имплантат перестал вращаться и успокоился.

— Попробуйте его поднять, — предложил Чистотец.

— «Будь у меня молот… стучал бы я вам…»

— Видите?

— Работает! — восхитился Брэнд. — Работает!

— Тогда вам пора отвезти меня на автовокзал. Меня кое-что ждет. То ли свидание с судьбой, то ли просто остановка в погоне за химерой.

— О чем это вы? — недоуменно спросил Брэнд.

— Я потерял память, — ответил Чистотец. — И я на пути открытий.

— Ну, одно предостережение я уж точно могу тебе послать: я целую вечность как не садился за руль. Нам обоим будет гораздо безопаснее, если ты возьмешь такси.

— Нет, мистер Брэнд. Вам пора выбираться из скорлупы и снова увидеть мир. Собирайтесь. Я только захвачу свои вещи и попрощаюсь с Уилтоном.

Спустившись на лифте в вестибюль, Чистотец нашел парадную дверь и свистнул Уорхолла. Вместе они заглянули к Уилтону, но мальчик еще спал, не проснулся, даже когда Уорхолл залез к нему на кровать. Во сне лицо Уилтона разгладилось, и, несмотря на разбитую губу, он снова выглядел ребенком. «Может, его кошмары позади», — подумал Чистотец, осторожно возвращая на столик деньги мальчика. Ему хотелось остаться, опекать Уилтона, но он знал, что должен уйти.

— Хорошенько о нем заботься, Уорхолл, и себя береги, — прошептал он. — Я на тебя рассчитываю.

Бойцовый пес лизнул ему руку. Мягко прикрыв за собой дверь, Чистотец в коридоре натянул собственные ботинки и пальто.

Человек из Стали не преувеличивал. За последние сорок лет он не управлял ничем, помимо своей доски для серфинга, и

вообще не ездил дальше конца подъездной дорожки (надо признать, довольно длинной), поэтому путешествие из «Папоротниковой лощины» в город на «бентли» его жены не обошлось без душераздирающих коллизий. Но на Чистотца это как будто не подействовало.

— Слушай, — сказал Человек из Стали, когда они наконец добрались до центра города, — откуда мне знать, что имплантат не перестанет работать, когда ты уедешь?

— Вам придется мне довериться, — ответил Чистотец.

— Но ты даже не помнишь, кто ты! — пожаловался Брэнд-старший.

— Зато вы помните только то, кем были, — возразил Чистотец. — А вот я знаю кое-что о том, кто я сейчас… и я свое слово держу. Но если когда-нибудь до меня дойдет, что вы не помогли Уилтону или снова пытаетесь добывать себе органы…

— Усек. — Король Стали вздохнул.

— У вас есть семья, которую вам полагается оберегать, а не пожирать. Ах да, и позаботьтесь об Уорхолле.

Дряхлый бизнесмен уже собирался уехать, когда его вдруг пронзила острая тоска.

— Подожди минутку, — взмолился он. — Ты не… ты не… подумывал… остаться?

— Мне казалось, вам не терпится, чтоб я уехал.

— Я… передумал.

Чистотец сжал в кармане шарик из слоновой кости.

— Нет.

— Но почему? Ты ни в чем не будешь нуждаться. Никогда!

— Один большой званый обед, а? А как же «Поедаем раненых»[43]?

— Все изменится, — настаивал бывший Стальной Король.

— Не сомневаюсь, — ответил его гость.

— Только подумай, сколько всего мы могли бы добиться… вместе! — вдохновенно воскликнул Брэнд.

— Вам что, нужны новые фокусы?

— Нет. — Лицо и тон Человека из Стали изменились совершенно. — Разве ты не понимаешь? Ты — тот сын, которого я искал все эти годы.

— Сыновей не ищут, мистер Брэнд.

— Да нет, ищут! — воскликнул Брэнд. — Если ты лидер, этим ты и занят. Ты ищешь сыновей и дочерей — и партнеров. Вот в чем заключается жизнь.

Чистотец задумался об узах, которые как будто связали его с Уилтоном. Возможно, Человек из Стали отчасти прав.

— Извините, мистер Брэнд, — сказал он наконец. — Мне

нужно идти. У вас есть отличный сын, если только вы его отыщете. И я думаю, внутри вас еще живет неплохой человек. Будь вы тем, каким могли быть, вам не понадобилась бы моя помощь.

— Значит… это… прощание?

— Пожелание удачи.

Печально кивнув, Человек из Стали сгорбился и зашагал к «бентли». Чистотец смотрел ему вслед, пока машина не скрылась из виду. Хотя бы на ночь у него почти была семья. Теперь он снова один, если не считать голосов в голове, которые умолкли. Он пошел на вокзал.

Хариджан натирал пол. Перед «Старбакс» возила тряпкой лаоска. Ни Уббы Дуббы, ни Селезня Дули нигде не было видно, только голограмма возле зала ожидания для детей и женщин, которая гласила: «Спонсировано Воспитательным центром „Бейби-ритуал“: Единственно верный способ начать жизнь».

Подождав немного, он сел в автобус и, спотыкаясь, добрался до свободного места рядом с румяной белой женщиной, волосы у которой торчали во все стороны, как иглы дикобраза. Закрыв глаза, он снова увидел город смерчей. Зеркала завивались спиралями, но одно вдруг превратилось в окно, из которого на него взглянула странная юная девушка. Она подняла руку — совсем как Джулиан Динглер. Открыв глаза, Чистотец заметил за окном автобуса группу демонстрантов в поддержку Селезня Дули. В первых рядах шагала пара вчерашних пьянчуг. Механический голос «Грейхаунда» поздоровался с севшими в Питтсбурге пассажирами и выехал на бесплатную трассу. На выезде Чистотец увидел очередной эксцентричный щит, и голова у него словно бы взорвалась болью.

— С вами все в порядке, сынок? — спросила соседка. — Может, хотите горячего какао?

Часть 3
УБИ ДУБИ[44]

Мировые религии — это эякуляция нескольких человек с чересчур богатым воображением.

Ральф Уолдо Эмерсон

Глава 1
Кое-что неоткрытое

— С вами все в порядке? Вид у вас такой, будто вам не помешало бы какао.

Он оглянулся.

— Мы уже в Питтсбурге?

— Вы в Питтсбурге сели, — ответила женщина.

Он задумался, что же помнит. Ах да, Уилтон, Уорхолл, Человек из Стали. Но что он делал в Питтсбурге? Карта. Он ездил туда, чтобы разыскать ключи от своего будущего. Весь кошмар обрушился на него разом.

— Я Эдвина Корн, — улыбнулась женщина, протягивая ему пластиковый стаканчик с какао.

— С-спасибо. — Он отпил. — Мое… меня… зовут Элайджа Чистотец.

— То еще имечко! — усмехнулась она. — Наверное, проблем у вас с ним!

Чистотец поежился. На данной момент груз действительно казался непосильным. Снаружи бокситовое небо давило на землю, а туристический автобус «Духокрузер» вибрировал через пустоши, которые пришли на смену клеверным лугам и полям ржи, а те в свою очередь вытеснили заводы из бетона и стекла и сами уступили место бактериологическому разрастанию жилых домов, ашрамов, лагерей беженцев, полей для гольфа, биолабораторий… Он попытался вспомнить, что же было написано на придорожном щите, когда его голову заполнила статика… и вздрогнул, когда Эдвина Корн заметила:

— Древние греки и римляне чистили зубы кусочками ткани, покрытыми толчеными головками мышей и кротов. Они считали, что контакт с костями крепкозубых животных укрепит и человеческие зубы тоже. Забавно, правда?

Чистотец решил, что скорее омерзительно.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я стоматолог… как я и говорила. Или была когда-то раньше.

— Ох, извините… Я задумался.

— Не страшно. — Женщина с улыбкой похлопала его по колену. — Вкусное какао?

— Да, — ответил Чистотец. — Так… Вы стоматолог?

— Была. Участковый стоматолог для нескольких Прибежищ Времени. Два поселения Новых Пуритан и Брук-фарм II.

— А что такое Прибежище Времени?

— Да вы, похоже, отстали от жизни! — хмыкнула Эдвина и посмотрела на него испытующе. — Там люди живут так, как раньше. Как в прошлом. Или, во всяком случае, стараются. Но не желают терпеть неудобств, когда речь заходит о медобслуживании или стоматологии. Однако на жалованье держать постоянных приличных врачей дороговато, поэтому «прибежища» заключают сделки с такими, как я. Но теперь с меня довольно, я отправляюсь в паломничество, начинаю новую жизнь. Иду по следам Зейна Грея[45]. Только что побывала там, где он играл в баскетбольной команде университета Пенсильвании.

— По следам кого?

— Зейна Грея! Изобретателя Американского Запада! Это же самый продающийся автор всех времен и величайший в мире рыбак! Сколько авторов попадает на обложку «Поля и ручья»?

— Зейн Грей?

— Он просто бог! — объявила, хлопнув себя по мясистой ляжке, Эдвина. — По продажам его книги сравнялись с Библией! В его честь назвали подвид рыбы-парусника. Я сама рыбачу. Бывала на побережье Кона, во Флорида-кис. Вытащила там трофей, за который получила двенадцатый разряд. Неплохо для толстухи вроде меня, а?

— Неплохо, — неуверенно согласился Чистотец, не зная, как полагается в таких случаях отвечать.

— Но самую крупную я поймала в Бухте Островов в Новой Зеландии! В ловле марлиня разбираетесь? Уйма народу считает ее жестокой и даже близко не подойдет. Я тоже так считала, пока сама не попробовала. Всю свою жизнь я была добра к животным, а потом сломалась и подсела на рыбалку по-крупному. Вот почему я еду автобусом. Я ведь на пенсии, поэтому надо экономить, где можно.

— Вы собираетесь попасть в Новую Зеландию на «Грейхаунде»?

— Не-а, моя следующая остановка Зейнсвилл, Огайо! — оглушительно загудела Эдвина. — Его родной город. Я увижу, где он рыбачил ребенком, а оттуда поеду в Супрайс-вэлли, чтобы поселиться в коммуне Зейна Грея.

— Коммуне Зейна Грея? — переспросил Чистотец.

— Это сообщество единомышленников, посвятивших себя изучению жизни и творчества ЗГ. Там есть исследовательские группы, проводятся чтения, кинофестиваль и рыболовные экспедиции!

— Понимаю, — выдохнул Чистотец.

— Но кое в чем эта жизнь далеко не новая… — почти

прошептала она.

— Не новая? Почему?

Эдвина еще больше понизила голос.

— Потому что я думаю, что в прошлой жизни была Зейном Греем. Вы верите в прошлые жизни?

— Я… наверное, — сказал Чистотец, полагая, что к этому его обязывает нынешняя ситуация.

— Мой бывший считал, что у меня синдром Ширли Маклейн[46], но домашний диагностикон показал, что психически я совершенно здорова.

Автобус подъехал к контрольно-пропускному пункту Западная Виргиния и там остановился. Двери открылись, и вошли две странного вида белые женщины. Пассажиры сразу настороженно подтянулись.

— Эх! — горестно пробормотала Эдвина.

— В чем дело? — спросил Чистотец. — Кто они?

— Инквизиторы «Витессы», — прошептала в ответ стоматолог на пенсии. — У вас неприятности?

— Не знаю… Какое у них право останавливать автобус?

— Не забывайте, «Витессе» принадлежат дороги и тюрьмы.

— Что? — удивленно прошептал Чистотец.

Эдвина уставилась на него во все глаза.

— Думаю, вы действительно из Прибежища Времени. «Витесса» скупила все дороги и тюрьмы, а это прямая дорога — простите мне каламбур — в правительство. Разве вы не знали? Черт, корпорация купила бы права на английский язык, если бы считала, что сможет получить роялти.

— Да, верно, — пробормотал Чистотец, глядя, как по проходу, проверяя удостоверения и билеты, к нему приближаются странные фигуры.

Выглядели женщины как профессиональные игроки в гольф, но по реакции остальных пассажиров можно было подумать, что объявилось гестапо. За несколько рядов до Чистотца они остановились возле негритянки средних лет с прилизанными волосами и в ярко-синих очках. Она оказалась первой, чьи бумаги они не просканировали. Испуганная тишина расползлась по салону как нервно-паралитический газ.

— Волета Кинсайд? — спросила одна инквизиторша. — Вы у нас в списке. Нарушение условий досрочного освобождения. Это так?

На лице Волеты выступили капли пота, она принялась охлопывать себя, дергать себя за волосы и царапать ногтями лицо.

Вся сцена переполнила Чистотца отвращением и гневом.

— Что они с ней делают? — прошептал он Эдвине, чье румяное лицо затуманилось.

— У нее имплантат в мозгу, — так же шепотом ответила стоматолог. — Она сидела в тюрьме.

— Что с ней будет?

— Расцарапает себя до смерти, если они захотят.

Чистотцу было невыносимо смотреть, как несчастная подергивается и царапает себя. Завозившись в кресле, он уже было приподнялся, но Эдвина схватила его за рукав и прошипела:

— Не смейте! Сомневаюсь, что они ищут именно ее, но если у нее имплантат, она, возможно, заслуживает того, что с ней происходит.

— Стоп, — сказала инквизиторша, и Волета перестала себя царапать. — У вас восемь часов, чтобы связаться с вашим советником по досрочному освобождению, или вас ожидает полное помутнение рассудка. Вам понятно? Впредь не пытайтесь покинуть округ Аллегейни.

— Но у моей дочки вот-вот ребенок родится, — возмутилась было Волета, но вовремя осеклась.

Инквизиторы подняли глаза, обшаривая взглядами лица других пассажиров. Вскоре они заметили Чистотца. Он почувствовал, как рука Эдвины сжалась у него на локте, когда они, уже не утруждаясь останавливаться у прочих кресел, придвинулись.

— Вы вместе? — спросила та, что была одета в пастельно-розовый пиджак.

Чистотец собирался сказать «нет», чтобы не впутывать Эдвину, но она уже успела ответить «да» и протянула руку для сканирования.

Инквизиторы переглянулись, но руку Эдвины не взяли и не произнесли ни слова. Повернувшись, они поплыли назад по проходу, и с минуту тишину в салоне нарушало лишь хныканье Волеты.

— Спасибо, — сказал Чистотец, как только инквизиторы и Волета вышли из автобуса, и тут же об этом пожалел. Так ведь можно подумать, будто ему есть что скрывать. «А может, и правда есть?» — закрался неприятный вопрос.

— Чудом проскочили. — Эдвина похлопала его по руке. — Как по-вашему?

Вот теперь Чистотец по-настоящему встревожился. Дружеское расположение к соседке сменилось вдруг подозрениями. Инквизиторы, вполне возможно, искали именно его (но тогда почему оставили его в покое?). Что, если сеть, которой он так боялся в Питтсбурге, накрыла его здесь? Как бы то ни было,

соседка пытается у него что-то выведать.

— Что-то вид у вас взбудораженный, сынок, — сказала Эдвина. — Хотите еще какао?

— Нет… нет, спасибо, — отозвался он, и тут мимо проплыл очередной придорожный щит с изречениями Вонючки Юлы.

> Размер клетки пропорционален твоей надежде.
>
> *Вонючка Юла*

А милю спустя еще один:

> Безопасность клетки пропорциональна твоему страху.
>
> *Вонючка Юла*

Как и прежде, буквы растворились, а ведь поначалу выглядели такими плотными и непреложно существующими. И снова он услышал голоса, и перед глазами у него замелькали образы: на сей раз фрагментов текста. Ролло Мей[47], Иоанн Креститель, Кришнамурти — философские идеи и религиозные символы… дзенские лучники, кресты, цветки лотоса, белые розы. Что ему со всем этим делать? Откуда они берутся? Он попытался представить себе человека, который решил назваться Вонючка Юла. Может, щиты ему только чудятся? Или они находятся в чьем-то чужом информационном поле, в которое он случайно попал? Ему хотелось спросить у Эдвины, видела ли она их тоже, но после приступа паранойи не мог этого сделать.

А потом его осенило. Тетя Вивиан держала в солонке зернышко овса! Она подарила ему светящийся в темноте зеленый череп, полный жвачки! Это он помнил совершенно четко и ясно, и простые образы его ободрили.

— Простите… простите, если я что-то сделала не так, — сказала Эдвина. — Просто мне показалось, от этих инквизиторов добра не жди.

— Все в порядке, — пробормотал Чистотец.

Дядя Уолдо любил собирать паззлы, а тетя Вивиан — разгадывать кроссворды. Они жили в Южной Дакоте. Там было крыльцо, где они сидели долгими летними вечерами! И еще что-то. Что-то важное. Он все еще не мог сфокусироваться на их лицах, но ощущал их очень реально. Наверное, его воспоминание о Герметическом каньоне — лишь путаница мест. Господи, было же что-то… Что-то помимо мальчика в ванной. Это семья. Но живы ли еще родные?

«Сикрузер» все катил в глубь в Огайо через поля, похожие на то, где давным-давно застрелили Милашку Флойда[48]. За окном мелькали крематории и пагоды, показался одинокий бирманец, идущий за плугом, который тянул як. Когда они прибыли в Зейнсвилл, Чистотцу стало грустно при мысли о том, что придется расстаться с Эдвиной. Она пыталась о нем заботиться, а он отблагодарил ее подозрениями. «Интересно, где моя настоящая мать», — вдруг спросил он себя.

— Спасибо… за какао.

— Не за что, сынок, — ответила Эдвина. — Знаю, я бываю излишне любопытной. Но стоматологи хорошо разбираются в людях и их настроениях, и нетрудно понять, что ты в беде. Послушай, Зейн Грей как-то сказал: «Во всем есть нечто неоткрытое. Найди его».

— Именно это я и собираюсь сделать.

Они попрощались, и автоматизированный автобус снова запыхтел по дороге. Проснулся Чистотец в Колумбусе, когда в кресло рядом с ним плюхнулся пожилой белый господин. Автобус тащился в веренице «вакеро» и «мишима» (и на электродвигателях, и на двигателях внутреннего сгорания), бок о бок с моделями в стиле ретро, вроде «хеннепинс» и «ЛаСалле». На некоторых мигала реклама «Тошиба лэнд» или «Буддистских пещер Кентукки». Одна кроваво-красная надпись гласила: «ДЖОН ДИЛЛИНДЖЕР ЖИВ И БЫЛ КЛОНИРОВАН».

— Вот откуда я родом, — тяжело и мокротно просипел старик. — Из Мурсвиля, штат Индиана. Великий город Музеев. Я Уайат Доув. Назван в честь великого Уайата Ирпа[49]. Позвольте представиться, Уайат Т. Доув, мотиватор.

— Мотиватор? — переспросил Чистотец, рассматривая собеседника, который был одет в поношенный костюм цвета корицы с бледно-голубым галстуком. «Неужели он как-то связан с инквизиторами?»

— Ну, сейчас в это уже трудно поверить, но было время, когда вы бы про меня знали. — Старик прищурился. — Меня сравнивали с Тони Робинсоном[50]. Если вы интересуетесь маркетингом, увеличением продаж или такими проблемами, как карьерный рост или обслуживание клиентов, вы просто обязаны про меня знать. Нет? Вот черт! Слышали про латеральное мышление? Ну, так я изобретатель диагонального мышления. Книгу про это написал. Бестселлер номер один целых два дня подряд! У меня была яростивость. Вы, вероятно, даже не знаете, что это такое.

— Нет знаю, — отозвался Чистотец. — Это исключительно американская черта. Способность никогда не сдаваться и держать

ноги по ветру. То есть я хотел сказать — нос.

— Вот именно! — блеснув глазами, подтвердил старикан. — Хорошие были деньки! Для начала я атаковал слушателей анекдотом. Потом ударял по ним парой цифр: например, заполучить нового клиента стоит в пять-шесть раз дороже, чем удержать старого, или удовлетворенный клиент похвалит вас семерым, а неудовлетворенный пожалуется шестнадцати. А потом я рассказывал им про «АСПИРИН».

— От головной боли?

— Адаптируемость, Самоотдача, Пробивная сила, Инициатива, Работоспособность, Интерес, Несгибаемость. А потом — про «ЯИЧНИК»: то есть Яркая Индивидуальность, Честность, Новаторство, Идейность, Креативность. Но тебе я скажу, что всегда срабатывает. Три Каменщика.

— Каменщики? — переспросил Чистотец, спрашивая себя, зачем вызывать каменщиков на семинар по мотивации.

— Идешь ты по дороге и видишь трех каменщиков. Подходишь к одному, у которого раствор брызжет во все стороны, и спрашиваешь, что он делает, а он отвечает: «Разве не вишь? Кирпичи кладу». Ты киваешь и подходишь ко второму, который работает очень аккуратно, а на твой вопрос отвечает: «Ба, да я строю стену!» Наконец, идешь к третьему, который выглядит счастливее всех. И знаешь, что он тебе скажет: «Я возвожу собор!» Ну, разве не красота? Но волшебство улетучилось, — закончил он с глубоким вздохом. — Я сбился с пути истинного. А потом в Форт-Уэйне в Индиане… упал с Лестницы Лояльности.

— Как с фургона колонистов на переходе? — не удержался от колкости Чистотец.

— Если бы! Нет, понимаешь, я вставал и кричал: «Самая древняя форма маркетинга — орать!», а потом шептал: «Но разумный подход основан на умении слушать». Нужно обращаться к конкретным клиентам и устанавливать личные доверительные отношения — с уймой дополнительных вторичных ценностей и горами УППов и ЧМЭВов — Уникальных предложений по продажам и Чем-мне-это-выгодо. Потом я забирался за сценой на гигантскую лестницу. В общественных центрах и отелях всегда есть огромные стремянки, — из них получается отличный реквизит. Я говорил о том, что чувствуешь, доверяя кому-то свой бизнес, поднимаясь с ним по Лестнице Лояльности. О том, как тебе боязно, какой ужас ты испытываешь. И иногда мне действительно бывало страшно. Но я знал, что меня поддерживает мощь диагонального мышления. Пока не стал трахать Линди. С ней я познакомился в Литтл-Рок, — продолжал великий мотиватор. — Она танцевала топлес в забегаловке возле

Суданского квартала. Лишь один раз мы с ней изобразили тварь о двух спинах, и я уже больше не мог выбросить ее из головы. Меня пригласили в Форт-Уэйн, и вот там-то я пал. Рухнул на сцену, и вся королевская конница, вся королевская рать уже не могли меня собрать.

— Очень жаль, — сказал Чистотец, а про себя задумался, не такая ли участь постигла дядю Уолдо: разъезжает бесцельно на автобусах по стране, одинокий и никому не нужный.

— Может, мне не следовало отдавать рати и коннице все, что у меня было, — попытался улыбнуться мотиватор. — Жена от меня ушла. Переломов у меня было столько, что врачи считали, я уже больше не встану. Диагональное мышление доказало, что они ошибались, но как мотиватору мне пришел конец.

Эти воспоминания так потрясли Доува, что в Индианаполисе Чистотцу пришлось вывести его из автобуса — и помог он старику прежде, чем осознал, что делает. В зале ожидания на вокзале ощущались напряжение и тревога, будто вот-вот должно что-то случиться.

Глава 2
Состояния сознания

А в Центральном парке Арета все больше теряла покой, разрываемая возбуждением от того, что скоро сбежит посмотреть на поединок сына в Лос-Вегасе, и беспокойством из-за событий в Форте Торо.

Работа над доктором Будь-Здрав шла полным ходом. ЭНТОМОЛОГ заслал разведчиков в Аудиторию. По счастью, основные проблемы как будто ограничивались доктором Генри Флиппером Рикерберном, который встроил свою диагностическую матрицу в «Блокатор» типа «Скорпион». ЭНТОМОЛОГ опознал его как «Уксусник» — блок программ, разработанный отделом подрывных технологий «Витессы» в Амстердаме. Арета этим бы удовлетворилась, но Частоте понадобилось перепроверять каждый шаг Инсектоида. После стычки из-за исчезнувшего послания Динглеру трансвеститу нужно было вести себя как никогда осторожно, к тому же она никак не могла выкроить время для разговора с глазу на глаз с Ищейкой.

Разумеется, устранение неполадок в докторе Будь-Здрав ничем Чистотцу не помогало. Урон уже был нанесен. Арета удивилась, узнав, что их загадочный гость покинул Питтсбург почти сразу по прибытии. Вероятно, он направился в Техас. Разговаривал ли он с Динглером? Маловероятно. Нехватка информации выводила из себя, особенно если учесть бегство эйдолонов с автовокзала и его воздействие на весь «Бейби-ритуал» и «Витессу». Такое странное событие, которое окрестили «Просветлением Селезня Дули», трудно было не связывать с Чистотцом. Оставался вопрос, что еще он может выкинуть.

Форт Торо охватила весенняя лихорадка, и с каждой минутой его обитатели становились все резвее и игривее. Пора наращивать мощности по сбору информации, даже, это разрушит часть барьеров подсаженного Чистотцу «жучка» марки «Кузнечик», сделав его более уязвимым для сканирования.

И все еще никаких сведений от «Отряда Первопроходцев», но секретный зонд военной разведки, который нацелили на гипоталамус, еще двигался и посылал слабый, нерегулярный сигнал. Больше всего беспокоило то, что все данные с «Кузнечика» складывались на мониторе в резкие скачки психической энергии. Ищейка вывел на экран диаграмму мозга Чистотца вкупе с результатами рентгеновского сканирования и

наложил их на карту Америки. Скачки напряжения замерцали по экрану как магнитные бури, разыгравшиеся над Средним Западом. Проанализировать данные вызвали доктора Квайла и Лайлу Крэшкарт.

— Вот тут перед нами, — говорила, водя лазерной указкой, Лайла, — секундные вспышки беспокойства, граничащего с паранойей. Мерцающие бесцветные пятна здесь могут грозить серьезными психическими расстройствами.

— Они вызваны «Тиресием»?

— Сомнительно, — внес свою лепту доктор Квайл.

— После приема «Забвения-6» образование подобных грозовых фронтов крайне маловероятно. И учитывая, какие данные поступают с тех пор, как Чистотец уехал, можно — с осторожным оптимизмом — утверждать, что структурные повреждения минимальны. Но боевой зонд — другое дело. Видите возмущения вот здесь? Это — область сексуального влечения, и тут формируется массивный фронт. Налицо очаги сексуального возбуждения, страха и гнева пугающих масштабов. А это — карта Америки, поверх которой Ищейка наложил диаграммы. Как вы видите, активность в сознании Чистотца отражает происходящее в стране в целом.

— Вы хотите сказать, его сознание — микрокосм Америки? — удивилась Арета.

— Тут важен масштаб, — поправила Лайла.

— Не понимаю, — пожала плечами трансвестит.

— Речь идет о том, что выделяемое мозгом Чистотца электричество не просто пропорционально электричеству в стране, а равно ему. Неужели не ясно? — раздраженно бросил Ищейка, водя взад-вперед пальцами по батарее часов у себя на запястье.

— Нет, — сказала Арета, — то есть да. Но не понимаю, как это возможно.

— Не могу объяснить, — отозвался невропатолог. — Но если подобные данные будут поступать и дальше, мы окажемся в том же положении, в каком были, когда отослали Чистотца.

— О чем это ты?

— Взгляни на карту. Что, если бы несколько землетрясений разом обрушилось на Западное побережье, несколько лесных пожаров — на горные штаты, несколько цунами на Восточное побережье, если бы по югу проносились торнадо, а на Среднем Западе бушевали ураганы? И все одновременно?

— Я бы сочла это гневом Божьим.

— Нам всем известно, что есть некая точка, в которой связаны человеческая психика и наша физическая среда

обитания. Чистотец как раз и может быть такой точкой, трансформатором, способным усиливать психическую энергию.

— С какой целью? — удивилась вслух Арета.

— Может, он — новая система оружия? — предположила Лайла. — Как бы то ни было, если эмоциональный хаос в нем и дальше будет нарастать, он окажет серьезное воздействие не только на тех, с кем будет контактировать, но и на весь континент. Возможна цепная реакция на таких уровнях, о которых мы даже не задумывались. И нельзя забывать про юнговские архетипы сознания. Только представьте себе взрыв бомбы в коллективном бессознательном.

— Психические бомбы с механизмом замедленного действия, культурные катаклизмы, гигантский селезень, который требует себе член, и человек из прошлого, у которого сознание размером с Америку. Корпоративных юристов учат улаживать совсем не эти проблемы, — пожаловалась Арета. — Как по-вашему, он о собственных силах знает?

— Я бы предположила, что сознание у него более ясное, чем когда мы его видели, но не готово контролировать способности такого масштаба, — ответила Лайла.

— А что, если им управляют на расстоянии? — спросила Арета.

— Возможно… отчасти. Но он сопротивляется. Это объяснило бы кое-какие показания приборов, но не все. Мы знаем, что боевой зонд тоже оказывает свое воздействие.

— Где Чистотец сейчас?

— В Индианаполисе, — ответил, поднимая глаза от часов, Ищейка. — И если он направляется в Дастдевил, то ему придется самому искать, на чем туда добираться — например, через Клинтон или Амарилло, — потому что в маршруте автобуса такой остановки нет.

— У нас есть какая-нибудь информация о том, что его там ждет?

— Исходя из того, что я получил в матрице, следует, что там еще прозябают остатки любовного культа. Парки трейлеров и бомбоубежища тоже обитаемы, — ответил карлик. — Учитывая тамошние реалии, это скорее одичавшие хищники. А также в округе есть несколько сект безбрачников.

— Ваши рекомендации? — спросила, обведя взглядом собравшихся, Арета.

Повисло молчание, которое прервал наконец, снова глянув на часы, Ищейка:

— Пытаться установить местонахождение зонда — все равно что искать группу снайперов в горах Афганистана. Но чтобы

функционировать, он должен генерировать сигнал, пусть даже слабый и рваный. Сейчас мы его отслеживаем. Если сможем засечь постоянный, то по нему найдем и источник, а тогда воспользуемся Зеркальным Полем, чтобы, усилив, послать назад.

— Что это даст?

— Взорвет зонд.

— Вместе с мозгом Чистотца!

— Просто идея, — пожал плечами карлик. — С тех пор, как он появился, мы только и делаем, что пытаемся предотвратить катастрофу.

Арета хлопнула крошку-гения по плечу и с властностью старшего прокурора на процессе заявила:

— Прежде всего надо выжать побольше из «Кузнечика». А потом попытаемся добраться до «Отряда Первопроходцев».

— Что у тебя на уме? — спросил доктор Квайл.

— Мне нужно больше информации. Плюс зонд «ОП», возможно, даст нам возможность управлять им на расстоянии или хотя бы воздействовать.

— Если, конечно, боевой зонд не уничтожит его первым, — возразил Ищейка.

— А если попытаться перепрограммировать боевой зонд?

— Он взорвется, как суперновая.

— А если атаковать его при помощи «Отряда Первопроходцев»?

— Взорвется, как яйцо в микроволновке.

— Тогда сделаем вот что. Большему риску, чем сейчас, Чистотца подвергнуть уже невозможно, а боевой зонд скорее всего не ожидает нашей атаки. Так пусть Широкая Частота за него возьмется.

— Есть и другой возможный вариант, — заметил доктор Квайл. — Не альтернативная стратегия, а скорее вспомогательная. Пошлем кого-нибудь за Чистотцом. Ведь «Кузнечик» не чета живому свидетелю, а это будет беспрецедентный шанс для науки. Я вообще не уверен, правильно ли мы поступили, отпустив Чистотца.

— Восхищаюсь вашей преданности науке, док, — улыбнулась Арета. — Но нельзя рисковать вами, Лайлой или даже Ищейкой в такой миссии.

— Вот спасибо, — фыркнул карлик.

— Ну… — Арета кивнула, думая про своего сына, «Поединок Жизни» в Лос-Вегасе и про то, что Чистотец, возможно, направляется как раз туда. — Думаю, сначала нам нужно попытаться собрать побольше информации. Лайла, вы с доком вернетесь к обычным делам. О показаниях «Кузнечика» мы будем

держать вас в курсе. Если появятся какие-то идеи — сразу ко мне.

Отослав Квайла и Лайлу, трансвестит намеревалась поговорить с Ищейкой о сообщении Динглеру и возможных проблемах с ЭНТОМОЛОГОМ. Но было видно, что карлик чем-то расстроен, и Арета даже спросила себя, а не знает ли он больше, чем говорит. И все еще никакой весточки от Парусии Хид, ни слова ободрения или критики. Вообще ничего. Как ни крути, решение улизнуть в Лос-Вегас далось трансвеститу нелегко, а при возможном крахе системы безопасности осуществить его будет просто невозможно. Но время поджимает.

Глава 3
Зловещие гармонии

Когда мотиватор зашаркал по своим делам, Чистотец сжал в кармане белый шарик и оглядел вокзал. Хариджан мыл пол. Перед «Старбакс» возила тряпкой гаитянка. Терминал «Зри-связи» был закрыт на «техобслуживание», но в кубах жидкоплекса жестикулировали до-эйдолоновые дикторы: Джон Катц, в прошлом «затейник» программы «За день до Завтра», и Бетани Квим, некогда ведущая «Постоянного развлечения». Инквизиторов нигде не было видно, но в здании вокзала витала тревога. Угроза исходила не от восьмидесятилетнего старика в летнем костюме цвета гуавы с удочеренной двенадцатилетней камбоджийкой, и не от сестер «Благодати Снизошедшего Евангелия», и не от бородатого раввина или паралитика в инвалидном кресле-каталке. Нет, повинны в ней были мужчины, одетые как водевильный квартет: в красно-белые полосатые костюмы, аккуратные галстуки-бабочки и соломенные канотье, с нелепыми тросточками в руках. Если при виде инквизиторов пассажиры покорно вжимали головы в плечи, то водевильный квартет внушал почти ужас. Особенно когда Чистотец сообразил, что этих типов пятеро. Несмотря на различия в телосложении (от массивного баса до сухощавого фальцета), у всех были одни и те же черты лица, одни и те же усики! Он почувствовал, как они нацеливаются на него — своего рода магнетизм насекомых.

Один отошел сторожить автобус Чистотца, который, к досаде последнего, тут же отъехал. Еще один встал у главного входа с явным намерением его перегородить, остальные трое начали постукивать тростями об пол и прокашливаться, будто собирались запеть. Люди зажимали уши руками. Мозг Чистотца заполнили статика и страх. Он не знал, что делать. И самое странное: невзирая на растущую панику, он почувствовал, как на него накатывает ненасытное сексуальное влечение. «Я теряю контроль над собой», — подумал он. Заболела голова, буквы, вырезанные на спине, снова начали жечь. Раввин метнулся в уборную. Типы в красно-белых полосатых костюмах и соломенных канотье запели:

> Девчонки Буффало, разве не выйдете сегодня вы, сегодня вы
> Девчонки Буффало, разве не выйдете сегодня вы
> Танцевать при свете луны.

Но за песней Чистотец слышал единое жужжание электронной саранчи:

Скажи, что у тебя на уме.
Когда будет слишком поздно, узнаешь.
Нерешительность — твой единственный выход.
Сомнение побеждает все.

Разом вскочив, сестры Благодати ответили на это парой тактов из «Иисус — наш ответ», но стоило им затянуть псалом, как тенор указал на одну из них тростью, и женщина разразилась пронзительным воплем — на щеке у нее начал проступать ожог второй степени. Сестрицы сели и принялись утешать раненую, чей плач теперь, заполняя вокзал, перекрывал ритмичное постукивание тростей, с которым водевильные типы начали надвигаться на Чистотца.

«Может, пусть они просто меня заберут, — подумал Чистотец. — Это положит конец бегству и поискам». Но в глубине души он сознавал, что сама мысль сдаться если не неприемлема, то весьма неразумна. Кто-то ведь снабдил его картой. Возможно даже, это были дядя Уолдо и тетя Вивиан. Как ни крути, нужно завершить начатое. Ему не положено сдаваться. Если он так поступит, то кого-то подведет — может, свою семью, а может, нечто большее. На вокзале воцарилась тишина, только гаитянка все шуршала тряпкой.

— Мы пришли за тобой, — произнесли хором одноликие.

Чистотец уже собирался сказать им про Ощипывателя Фазанов, когда из-за колонны с мягким шипением гидравлики вдруг появился хариджан.

— НЕ МОЖНО, — пропел он искаженным статикой голосом.

К троим подошел четвертый, и квартет разом ударил тростями в пол и снова стал настраиваться на гармонию. Сестры Благодати, да и все остальные тоже, кроме парализованного, отступили подальше.

Клоны надвинулись на Чистотца.

— Мы пришли за тобой!

— БЕГИ! — прогудел Чистотцу хариджан.

Баритон замахнулся на робота тростью, но тот оказался быстрее и подвижнее, чем можно было ожидать. Вырвав у противника трость, он обрушил ее сперва на руки, потом на ноги баритона. Полосатая фигура выгнулась, но не успел хариджан добить врага, как на него набросились остальные клоны:

механическое тело закачалось и заискрило.

— БЕГИИИИИИИ! — завизжал робот Чистотцу.

Между глаз тенору вонзилась стрелка лазера, а мгновение спустя сама его голова полетела с плеч. Чистотец глянул в ту сторону, откуда был произведен выстрел, и увидел облокотившегося о колонну раввина, который целился из пистолета-переростка. Выстрел привлек внимание остальных, которые уже изготовились запеть, когда — к изумлению Чистотца — паралитик выпрыгнул из инвалидного кресла, выставив перед собой что-то вроде акваланга, который плюнул вдруг пурпурно-зеленым соком. Уже в воздухе жидкость изменила текстуру, превратившись в желеобразную массу, которая налипла на жилеты певцов. И почти тут же задымилась.

— Сваливаем! — завопил весьма подвижный паралитик и подтолкнул Чистотца к двери.

Попавшая в певцов жидкость, по всей видимости, разъедала их заживо. Пятый бросился было на раввина, но его схватила за ногу клешня хариджана. За порогом вокзала паралитик толкнул Чистотца на пассажирское сиденье такси, за рулем которого оказался чернокожий с висячими усами. Раввин нырнул в открытое окно спереди, и машина сорвалась с места, но пятый клон все-таки успел броситься на багажник и забраться на крышу.

— Бля!!! — взвыл водитель. — Фальцет!

Послышался новый звук — удары тела о металл, и Чистотец увидел, как из-за багажника появляется голова баса. Вот уже и сам бас подтянулся на багажник — кислота пожирала нижнюю часть его тела, превращая в скворчащее зеленое месиво.

— Гони! — завопил паралитик. — Нужно их сбросить, пока нас не отрезали!

Завизжали тормоза, и такси сбило рикшу, который как раз на двух скрипящих шинах поворачивал на Кэпитал-авеню. Стекло безопасности сзади пошло трещинами, и за ним возникла пустая похотливая ухмылка киборга. Паралитик окончательно выбил стекло и изо всех сил врезал басу, который все-таки удержался на багажнике. Трость фальцета взрезала лазером крышу, точно консервную банку, и — что еще хуже — два смертельно опасных, разъедаемых кислотой робота запели:

— Милая Адель…

Чистотец слышал слова, но за мелодией различал другие, произносимые слепыми термитными голосами:

— Разведслужба «Витессы». Ответный удар всеми средствами. Никаких переговоров. СДАВАЙТЕСЬ ИЛИ УМРЕТЕ.

Машину бешено бросало с одной полосы на другую, биомеханоиды продолжали атаковать с безмозглой яростью

насекомых. Где-то позади выли полицейские сирены, и фальцет поджег салон термолучом из своей трости. Выхватив из складок длинного лапсердака жутковатый с виду ручной гранатомет, раввин дал очередь. В груди фальцета возникла дыра, заодно оторвался кусок крыши с зазубренными краями — по счастью, он улетел и обезглавил баса.

Водитель вдавил тормоз, и фальцет потерял равновесие, но зацепился тростью, и термитный голос булькал:

— СМЕРТЬНИСМЕСТАПОЕДАНИЕМОЗГАСПАСЕНИЯНЕТ.

А после соскользнул вниз, его затянуло под колеса, и такси проехало по нему.

Машина с визгом свернула влево, на Мичиган-авеню, проносясь по объединенному студенческому городку университетов Индианы и Пердю. Чистотец услышал гул вращающихся лопастей, с юга приближалась «черная стрекоза». Водитель нажал несколько клавиш, и на жидкокристаллическом экранчике в приборной доске появилась карта. Неимоверным усилием фальцет вырвался из-под колес и начал колотить в стекло со стороны пассажира, а машину занесло на тротуар. Разлагающийся киберпевец все нудел свое, но уже без тени смысла. Наконец паралитик выбрался через зияющую в крыше дыру и отцепил трость. Издав невнятный вопль, фальцет снова исчез под колесами. Чистотца же терзал вихрь противоречивых стимулов и импульсов. Все желания, потребности и способности словно бы пробудились разом, совершенно его парализовав, а машина все неслась вперед, уходя от погони.

— Ладно, — сказал, срывая лицо, паралитик. — Скажи, пусть запускают обманки.

Проявивший внезапно невиданную прыть паралитик под лоскутами латексной маски оказался женщиной, к тому же рыжей. Кивнув, водитель нажал какую-то кнопку на панели управления, потом сдернул усы и стянул шевелюру, — как и лицо рыжей, она была бутафорской. Раввин тем временем лишился шляпы, пейсов и бороды. Все трое похитителей оказались женщинами.

Внезапно справа заурчал вдруг черный «Серджио элиминатор 2000», в руль которого вцепилась гигантша-маори в кольчуге, позади нее сидела привязанная ремнями фигура — вылитый Чистотец. Мгновение спустя появилась разбитная блондинка в шлеме викингов верхом на грохочущем «харлее». К седлу у нее был приторочен обрез «ремингтон», и за ней тоже сидел некто, похожий на Чистотца. Следом в клине возникли два киноварно-красных гоночных «кавасаки», а на каждом — по невысокой щуплой женщине в полном кевларовом комбинезоне и

обтекаемом шлеме, и за каждой сидело по кукле-Чистотцу.

— Слушайте, — приказала рыжая. — Мы заедем под мост, и тебя пересадят на один из байков.

— Куда вы меня везете?

— Скоро узнаешь, — ответила та, что была раввином, невысокая женщина с настороженными глазами хомячка и прической как ершик для унитаза.

Весь конвой втянулся в укрытие под мостом, но «стрекоза» зависла на расстоянии выстрела.

— Вот он.

Рыжая указала на большой хромированный «Циклон 1500», который как раз подвела валькирия с кулаками как окорока и с флагом конфедератов на шлеме. За поясом у нее был внушительный нож в ножнах, а в наплечной кобуре — «ругер блэкхоук». Как только Чистотец вышел из машины, она сорвала с сиденья позади себя куклу, одетую как он, и «раввин» с водителем затолкали ее в машину, которую тут же начали поливать бензином.

Мгновение спустя Чистотец уже ехал на заднем сиденье мотоцикла, а его игрушечного двойника лизало пламя. Весь конвой тронулся с места клином из пяти мотоциклов. Вертолет тут же их заметил, но помедлил и завис над мостом, когда два байка отделились, а после влились в клин несколько минут спустя. Мотоциклы неслись вперед, а Чистотец изо всех сил цеплялся в сиденье, ведь клин переходил с полосы на полосу, распадался и сходился снова и так пролетел через автоматический пропускной пункт, от чего по обе стороны, внося свою лепту в хаос, заголосили тревожные сирены. Мысли у Чистотца путались, голова начала кружиться, но байк вдруг притормозил у обочины. В воздухе пахло индонезийским томленым рисом. Разбитое стекло в витрине придорожной забегаловки было залеплено полосами серебристого промышленного скотча, которые складывались в морскую звезду.

— Эй, парень, — окликнула его валькирия, от которой, как только сейчас сообразил Чистотец, и впрямь пахло ветчиной. Повернувшись, она протянула ему отороченную мехом маску. — Надень вот это, не то Дикси рассердится.

Мотоциклы снова тронулись с места, но теперь без спешки петляли по проулкам и проездам в какой-то промзоне. Наконец деваха остановилась. Раздался скрежет отодвигаемой стальной двери. На него навалилась прохладная тишина с гаражной вонью. Заглушив мотор, деваха велела ему слезать. Он услышал шорох других моторов. Рядом, скрипнув тормозами, остановился еще один байк.

Его начали обыскивать две пары рук. Покрепче сжав в кулаке шарик из слоновой кости, он вынул руку из кармана. Обыск продолжался, одна ладонь задержалась ненадолго на его эрекции. Он услышал щелчок металлоискателя, потом мягкое гудение.

— У нас тут «пассажир», — объявил гортанный женский голос.

— Так я и думала, — ответил другой. Чистотцу показалось, что он доносится с соседнего байка. — Сними его.

Чистец почувствовал слабое покалывание за правым ухом, точно сорвали крохотную болячку.

— Ты знал, что тебе подсадили «жучка»? — спросил властный хрипловатый голос. — Да еще с мониторингом мозговых волн?

— Нет, — честно ответил Чистотец.

— Поймай одного из наших голубей, Дасти, и закрепи устройство на нем, а после отпусти, — приказал голос и снова обратился к Чистотцу. — Прости, но тебе придется раздеться, нам нужно посмотреть, нет ли в твоих вещах еще чего-нибудь. Да, кстати, мы вкололи тебе слабый транквилизатор, чтобы успокоить.

Чистотец испытал большое искушение рассказать им про Ощипывателя Фазанов. На него волнами накатывала паника, но в промежутках между ними интуиция подсказывала, что, невзирая на неловкую в целом ситуацию, ему едва ли грозит опасность.

Когда он снял трусы и остался голым, последовало приглушенное испуганное бормотание. Кто-то заперхал, будто его тошнило, женский голос выдохнул:

— Надо же!

— Повернись, — велел все тот же властный голос.

Он подчинился, и снова повисло почти симфоническое молчание.

— Кого-то он мне напоминает, — прошептала какая-то женщина.

— Да уж, показал так показал, — задумчиво протянул властный голос. — Снимай повязку, слепой мальчик, и постарайся опустить оружие.

Последовали смешки и общий вздох, когда Чистотец осторожно снял отороченную мехом маску и моргнул. Он стоял посреди старого гаража с высоким потолком, смотровыми ямами и гидравлическими домкратами. В усиленные сеткой окна со стальными решетками пробивался бледный отсвет асбестово-голубого неба. С высоты человеческого роста помещение озирал прикрепленный к стене вождь краснокожих в полном головном уборе, под ним красовалась надпись «КИКАПУ МОТОРС».

Вокруг стояли сплошь женщины. На одних были перья, на

других меха, на третьих провода, и у всех ритуальные шрамы, пирсинг и странные татуировки. А еще биохирургические модификации. У очень пригожей белой — жесткие костяные отростки на голове, похожие на зарождающиеся рога. У другой — бивни. Но взгляд Чистотца приковала испанка с хвостом. Хвост был голым и блестящим, но выразительным, по тону несколько светлее неприкрытой одеждой кожи. Он торчал из темного хлопчатого стрейч-комбинезона и загибался знаком вопроса.

На раздвижной двери, через которую его сюда привели, имелся логотип: серебряная тачка, из которой вырывалось розовое пламя. На нескольких женщинах были синие комбинезоны механиков с тем же логотипом над сердцем. Одна из тех, кто его обшаривал (в переносице у нее торчала поперечная косточка), махнула ему одеваться. Натягивая свои вещи, Чистотец незаметно опустил в карман белый шарик.

Самая примечательная из всех женщина оказалась почти рядом с ним — это ей принадлежал властный голос. Она сидела на вильчатом погрузчике, таком же розовом, как огонь в тачке. По бокам погрузчика выступали роботизированные клешни, а сзади имелась вращающаяся гидравлическая лебедка. Голова женщины была обрита налысо, если не считать дерна блондинистых волос на макушке. Изящное пенсне только подчеркивало крупные черты мясистого лица. Вся ее одежда состояла из металлической сбруи. Между маленькими грудями, соски которых были проколоты золотыми английскими булавками, висел на золотой цепочке какой-то предмет. Поначалу Чистотец принял его за тыкву, но, присмотревшись внимательнее, понял, что это засушенный скальп — мужской. Обе ее ноги обрывались чуть выше колена, культи скрывались в колпачках из анодированной стали, таких же розовых, как пламя на логотипе. Пошарив на приборной доске погрузчика, она нашла сигару. Симпатичная лесбияночка с личиком озорного пикси дала ей прикурить. Бандерша-калека пыхала сигарой, пока конец не затлел красным, а после выпустила череду колец, которые медленно поплыли к индейцу.

— Меня зовут Лепесток Ликорицы, — сказала она. — Я здешний большой босс кампуса, а это «Дамский клуб Кикапу»[51].

Чистотец почувствовал, что статика у него в голове сходит на нет — начинал действовать транквилизатор.

— Что за штуки за нами гнались? — спросил он.

Лепесток Ликорицы поглядела на рыжую, которая сейчас стояла возле женщины с профилем как у муравьеда.

— Их называют педантами, — ответила рыжая.

— Органические роботы, — пояснила Лепесток Ликорицы. — Разведка «Витессы».

— Почему они за мной гнались?

— Этого нам не сказали. Нас проинструктировали любым способом снять тебя с автобуса и вывести из здания вокзала.

— И от кого исходили инструкции?

С полминуты Лепесток Ликорицы молча посасывала сигару.

— От Парусии Хид, нашей создательницы и попечительницы. Правду сказать, мы нечто большее, чем просто байкерский клуб лесбиянок. Мы — ячейка сопротивления и, где можем, ставим палки в колеса «Витессе». Не знаю, почему ее служба безопасности у тебя на хвосте. Нам известно лишь, что ты обладаешь необычными способностями и что у тебя проблемы с памятью. И конечно, что тобой заинтересовалась Парусия.

— Кто она? — спросил Чистотец. — Можно с ней увидеться?

Эхо разнесло бормотание по всему гаражу.

— Она сама с нами связывается, когда считает нужным, — ответила наконец Лепесток Ликорицы.

— Это она дала мне карту?

— Про карту мы ничего не знаем. Нам сказали лишь, как ты выглядишь и что тебя разыскивает «Витесса».

— И что теперь? — спросил Чистотец. — Я… узник?

— Нет. Но нам велено обеспечить твою безопасность, пока Парусия с нами не свяжется. А пока попытайся расслабиться.

Две плоскозадые азиатки на роликах прикатили тележки с чайниками, фарфоровыми чашками, вазой ярко-розовых тюльпанов и мелкими канапе и печеньями.

— Мы всегда устраиваем настоящее английское чаепитие, — объявила калека-бандерша. — Но поосторожнее с сандвичами с огурцом.

Несколько женщин рассмеялись. Чистотец постарался собраться с мыслями. Он вспомнил, что с ужина у Человека из Стали ничего не ел.

Со знанием дела понюхав заваривающийся чай, Лепесток Ликорицы подняла голову, и по ее лицу скользнуло недоумение, которое быстро сменилось раздражением. Она открыла один из чайников, чтобы осмотреть содержимое.

— Кто сегодня заваривал? — набросилась она на своих товарок.

— Я… мэм, — ответила молодая негритянка в широких шелковых шароварах и красном бюстгальтере.

— Турмалин! — закипая от ярости, обратилась к ней бандерша. — Тут ведь кокейча и «черный порох». И то, и другое — зеленый чай. А мы всегда подаем зеленый в смеси с черным!

— Я… Простите… — зазаикалась Турмалин. — Мне очень жаль!

— ЖАЛЬ? — взвилась бандерша. — Покажи, насколько тебе жаль.

Спустив шелковые шаровары, Турмалин наклонилась перед погрузчиком. Лепесток Ликорицы заворковала, надевая на левую руку варежку из норки, и начала нежно ласкать кожу негритянки. С каждым прикосновением мягкого, почти влажного с виду меха Турмалин, выгибаясь как кошка, все выше задирала задницу. А Лепесток Ликорицы потянулась за старинной дубинкой из тростника. Ее она вставила в одну из роботизированных клешней. Не переставая ласкать гладкие ягодицы норковой перчаткой, она замахнулась несколько раз на пробу. Тростник засвистел, разрезая воздух быстрее и сильнее, чем могла бы размахивать дубинкой человеческая рука. Чистотец увидел, как лицо девушки скривилось в предвкушении.

— Тебя это, кажется, и возбуждает, и возмущает, — сказала Чистотцу Лепесток Ликорицы. — Ты не знаешь, пытаться ли тебе спасти Турмалин, или дать событиям идти своим чередом. Любопытная дилемма, верно?

Голова у Чистотца запульсировала болью. В гараже воцарилась мертвая тишина, нарушаемая лишь скрипом в соседнем боксе. Он сжал шарик, пытаясь расслышать голоса стариков, но они к нему не пробились.

— Ницше сказал: «Мало кто рожден для независимости». Ты достаточно силен.

Чистотца пробил пот, он задрожал. Запах Турмалин заполнил его ноздри. Клешня робота жужжала, поднимая тростник, точно палец, который лизнули, чтобы проверить ветер.

— Не доводи меня… — выдохнул он.

— Да кто ты такой, чтобы мне приказывать? — усмехнулась калека-бандерша. Было в чужаке что-то, просто вынуждавшее ее утверждать свою власть.

— Я… я не ощипыватель фазанов… Я сын Ощипывателя Фазанов, — задыхаясь, выдавил Чистотец. — Но я буду ощипывать фазанов… пока не… придет… Ощипыватель Фазанов.

Клешня с дубинкой взметнулась, но замерла. Он прямо-таки видел, как на коже у девушки выступили мурашки. Лепесток Ликорицы попыталась опустить клешню вниз, но механизм заклинило. Зато ожила другая, ее зажимы защелкали, как кастаньеты, и вот эта клешня сдернула бандершу с ее насеста. Гидравлическая лебедка сзади погрузчика приподнялась и подвесила Лепесток Ликорицы на крюк. Когда бандерша была сорвана со своего передвижного трона и грубо поднята в воздух, ее искореженное тело показалось еще более нелепым в сравнении с совершенством Турмалин. Лебедка повернулась, и зажим

схватил бандершу за культю, так что она закачалась вниз головой, и пар из заварочного чайника затуманил стекла пенсне. Ожила и поднялась клешня с дубинкой. Ее размахрившийся конец, зашелестев, пощекотал колечки в английских булавках, потом постучал по скальпу, клок в котором почти свесился в молочник с девонширскими сливками, и несколько раз повторил всю операцию сначала.

— И что ты теперь думаешь про независимость? — поинтересовался Чистотец.

— Думаю, ты мог бы обмакнуть меня как пакетик с чаем, — пробулькала Лепесток Ликорицы — ее голос так и не утратил властности. — Но для этого надо захотеть. Иначе для чего еще власть?

— Не знаю, — признался Чистотец. — Но не для того, чтобы стоять и смотреть, как страдает кто-то беспомощный.

— А если они хотят наказания? — поинтересовалась Лепесток Ликорицы, поднимая клок из молочника.

— Вставай, — велел он Турмалин. — Одевайся.

— Она этого не сделает, — отозвалась Лепесток Ликорицы. — Она моя игрушка, моя рабыня. Турмалин, — велела она, — отшлепай себя изо всех сил.

— Перестань, — приказал он, когда лебедка шевельнулась. — Не то окажешься в лимонном пае.

— Видишь, какое удовольствие? — сказала Лепесток Ликорицы, высовывая язычок лизнуть осквернённые сливки.

Чистотцу показалось, с ним вот-вот случится припадок.

— Я хочу, чтобы ты ублажила его ртом, Турмалин. Поняла меня?

— Да, мэм, — сказала, выпрямляясь и переступая через шаровары, Турмалин.

— Нет… — только и смог выдавить Чистотец, но уже сам не знал, что хочет этим сказать.

Он почувствовал, как быстрые пальцы расстегнули ему ширинку. Потом теплое дыхание.

— Что ты делаешь?!

— Демонстрирую противоречивую природу подчинения и власти. Я вишу как подбитый дюгонь, но контролирую ситуацию.

В боксе царила полная тишина, но от того лишь отчетливее слышалось странное поскрипывание в отдалении.

— Видишь, какое удовлетворение приносят подчинение и власть? — прошипела Лепесток Ликорицы.

Ожил моторчик погрузчика, устройство развернулось, раскачивая Лепесток Ликорицы. Погрузчик замер, крюк обломился, и Лепесток Ликорицы полетела в сгрудившихся

байкерш, ее пенсне разбилось о стену. Затем зажимы опустились и раздавили стол, так что чай «черный порох» закапал на полированный хром, и повсюду разлетелись брызги сливок и начинки от пирога.

Глава 4
Инструкции вождя краснокожих

После того, как Чистотец отключился, у Лепестка Ликорицы и дам из «Кикапу» появился шанс привести себя в порядок и прибраться в гараже. Подхватив под мышки и за ноги, Волосатая Мэри и Валькирия отнесли его к задней стене гаража, в огромную пещеру парковки. Рыжая, которую звали Карна, подошла поговорить с Лепестком Ликорицы. Свою бандершу-обрубок она застала в одной из смотровых канав, где та курила сигару — без колпачков на культях и в огромных бифокалах взамен разбитому пенсне.

— Даже не знаю, с чего начать, — сказала Лепесток Ликорицы. — Когда я работала на федералов, то всяких чудиков с пси-способностями насмотрелась. А потом еще видела, чем наделила своих орангутангов «Витесса». Но будь я проклята…

— У тебя был оргазм, как и у всех нас, — закончила за нее Карна.

— Оргазм? — выдохнула с дымом Лепесток Ликорицы. — Да я в жизни так не кончала. Его подавленный гнев и раздвоенность словно вызвали ураган психосексуальной энергии. И он сумел спроецировать, залить — прошу прощения за каламбур — ее нам! Куда там согнутым ложкам и даже остановленным пулям. Неудивительно, что Парусия хочет прибрать его к рукам.

— Как, по-твоему, отреагирует Кокомо? — поинтересовалась Карна.

— Никак! Она с ним не встретится! И даже если встретится, она настолько погружена в собственный мир, что вообще ничего не поймет.

— Однажды она из него может вырваться, — возразила Карна.

— Что ты хочешь этим сказать? — нахмурилась Лепесток Ликорицы, гася сигару в одном из своих колпачков.

Карна заметила, что под двойным подбородком на шее бандерши остался след от цепочки, на которой когда-то болтался скальп.

— Однажды она очнется и поймет, где очутилась.

— Я себя не стыжусь, — буркнула Лепесток Ликорицы. — Но Кокомо лучше вообще не знать, что он был здесь.

— И что ты собираешься делать? Мало шлема виртуальности, ты в клетку ее посадишь?

— Не надо ерничать, детка, это тебе не идет. Будь у тебя

дочь…

— У меня была дочь. Или ты забыла?

Из смотровой ямы выглянула Сити-Сью.

— Нам сообщение.

Лепесток Ликорицы активировала гидравлический подъемник, который вознес их на основной уровень.

— Хочешь, чтобы я ушла? — спросила Карна.

— Нет. Однажды тебе, возможно, придется приглядывать за этим сбродом. Тебе пора привыкать к Парусии. А то поначалу пугает.

Карна запрыгнула на подъемник, и Лепесток Ликорицы подкатила к стене под неоновым Индейцем. Карне уже давно не давало покоя подозрение, что Лепесток Ликорицы это и есть Парусия Хид, что их отсутствующий главарь — лишь вымысел, к которому бандерша прибегла, чтобы сцементировать вокруг себя банду байкерш. Странным казалось уже то, что никто Парусию своими глазами не видел, а она, казалось, доподлинно знала всю подноготную «дам». Но сейчас, под Индейцем перед ней, трудно было не поверить в реальность далекой, но вездесущей подпольщицы — ведь в боксе вдруг сгустилась атмосфера беспокойства, и Вождь Кикапу на стене преобразился.

Неоновые трубки ностальгичных цветов мороженого, складывавшихся в изображение индейца, вдруг заполнились кристаллами, сам рисунок усложнился. Краски стали ярче и запульсировали беспокойным светом, пока Вождь не вышел из стены: лицо, руки, затем и все тело ожили, а потом вдруг индеец беззвучно спрыгнул на пол. Девятифутовый флуоресцентный эйдолон с широкими плечами и развевающимися боевыми перьями смотрелся гигантом рядом с Лепестком Ликорицы и Карной. Он вышагивал с преувеличенным мужским высокомерием, его краски мерцали гейгеровским эквивалентом статики, но когда он заговорил, голос оказался женским и знойным — ни дать ни взять воркование старлетки из забытого кинофильма.

— Передаешь бразды правления?

— Делюсь браздами правления, — отозвалась Лепесток Ликорицы.

— На вокзале вы были неряшливы и привлекли внимание «Пантеона Витессы».

— Извини, — залебезила Лепесток Ликорицы и только тут заметила на полу клубничину в шоколадной глазури, как-то ускользнувшую во время уборки.

— Еще хуже была твоя выходка здесь. Он вам не игрушка. Он мне нужен для лечения.

Клок волос на голове у Лепестка Ликорицы встал дыбом от статического электричества, исходящего от флуоресцентного гиганта.

— Когда он придет в себя, проверьте уровень психической энергии. Если потребуется, приведите его в равновесие «Пифагором». Утром его нужно будет основательно накачать транквилизаторами, чтобы убедиться, что он получил полную дозу «Гегеля».

— Да, мэм. — Лепесток Ликорицы дрожала и отводила глаза, усиленно и сосредоточенно рассматривая клубничину в шоколаде.

— Завтра в десять утра положите его в гроб — в один из старых, получше. И пусть Марта Одно Племя и Фэнни Энни отвезут его на катафалке в похоронную контору Джеймса Уиткомба Райли на кладбище «Кроун-Хилл». Позаботьтесь об отвлекающих маневрах. Если их там не встретят, пусть Энни и Марта свяжутся через общественный коммуникационный центр с мотелем «Сумасшедшая Лошадь» в Рейпид-Сити, Южная Дакота, и попросят мистера Мидхорна из шестого номера.

— Да, мэм, — кивнула Лепесток Ликорицы.

Вождь перестал мерцать и вышагивать, потом вдруг застыл, разлетелся, точно витраж, на множество разноцветных брызг — только вот на полу не осталось осколков. Огромный неоновый индеец вернулся на свое место на стене, словно никогда его не покидал. Лепесток Ликорицы послала погрузчик вперед и самыми маленькими щипцами подняла клубничину. Жар Вождя растопил шоколад.

Глава 5
Просторно внутри

Чистотец потерял сознание, когда в нем взвихрился ураган. Он успел почувствовать, как страшная мощь подхватывает его и взрывается. После не было уже ничего, что поддержало бы его, и он провалился в черноту… кружась в обрывках воспоминаний или сна… Светящийся в темноте пластмассовый череп, полный жвачки… Мужчина и радиовышка… Мальчик в ванной… Паззлы… Женщины.

Придя в себя, он обнаружил, что лежит на топчане в грузовом контейнере на подземной стоянке «Дамского клуба Кикапу». Голова болела, но была ясной. Когда его не осматривали и не шептались над ним, рядом стояли на страже Рок-айленд-герла и гигантша-маори по имени Хака, обе перепуганные и слегка пристыженные от того, какое испытали удовлетворение. Но герла проголодалась, а Хаке понадобилось в туалет, поэтому Чистотец ненадолго остался один. Он поднялся с топчана. Выхода с подземной стоянки он не обнаружил, но тут было пустынно и тихо. Он заметил еще несколько грузовых контейнеров. Стены стоянки и контейнеров пестрели картинками-граффити: байки, животные, голые женщины.

Тут он услышал скрип, который уже привлек его внимание раньше, и пошел на звук. Так он оказался у дыры, выбитой в кирпичной кладке. Через зарешеченные окна пробивался смутный отблеск света, и Чистотец догадался, что на улице, наверное, почти стемнело. Скрип все манил его. Ступив в соседнее помещение, он увидел настоящие качели с детской площадки, установленные на пятачке искусственного газона. Они и издавали тот самый скрип, а на них раскачивалась худенькая женщина, с силой отталкиваясь ногами и взмывая ввысь. Одета она была в старомодный верблюжий сарафан поверх белой креповой рубашки, из-под него торчали коричневые с белым кожаные туфли, но возраст ее невозможно было определить, так как голова скрывалась под сферическим шлемом — в пузыре из термопласта, прошитого оптоволокном.

— Прошу прощения, — окликнул Чистотец, решив, что, возможно, напугал незнакомку.

Она все раскачивалась. Он еще несколько раз тщетно попытался привлечь ее внимание, пока ему не пришло в голову, что из-за шлема она, вероятно, вообще слепа и глуха к тому, что происходит вокруг. Он подобрался совсем близко, но, не обращая

на него ни малейшего внимания, незнакомка все продолжала взмывать и отталкиваться. Когда качели вновь опустились, он схватил цепь. Девушка застыла, не долетев до газона, ее тело задергалось, как марионетка с обрезанной нитью. Чистотец отпустил качели.

Цепь завернулась, и качели занесло вправо, так что девушка ударилась коленом о стойку. Она упала с качелей и застряла бы, зацепившись шлемом за толстый резиновый черный ремень, если бы Чистотец не бросился вперед и не поймал ее. Он был рад, что привлек наконец ее внимание, но расстроился, что из-за него она ушиблась, и осторожно опустил ее на искусственный газон. Худенькое тело совершенно скрылось в складках сарафана, виден был лишь шлем, на поверхности которого мигал красный огонек.

— С тобой все в порядке? — спросил он. — Извини, что так вышло.

Он постучал по шлему. Незнакомка несколько раз судорожно вздохнула, потом снова затихла. Решив, что шлем, наверное, закоротило, Чистотец попытался его снять. Наконец шлем отошел с едва слышным хлопком, и Чистотец уловил запах жимолости.

Девушке можно было бы дать лет двадцать — если бы не гладкое, удивленное лицо ребенка, который только что натянул через голову свитер. Как и Чистотец, она была обритой наголо, а глаза у нее были ярко-зеленые.

— Ты настоящий? — спросила она.

Чистотец даже не знал, как ответить.

— Я не знал, слышишь ли ты меня. Я не хотел, чтобы ты ушиблась.

— Режим ожидания, — приказала девушка-девочка и замерла.

— Ожидания чего? — спросил Чистотец. — С тобой все в порядке?

— Я тебя видишь, но не могу тебя сказать, — ответила она и прижала руки к голове, точно унимая боль.

Чистотец озадаченно заглянул внутрь шлема. Прокладки под шею и затылок были изготовлены из киберкожи, под которую впрыснули пенку, имелся также дыхательный фильтр. Еще спереди были две раздельные полусферы со сверхчувствительными, тоненькими, как ресницы, дерматодами. В узкой ленте, которая приходилась на лоб, складывались в сложный геометрический узор сотни разноцветных игл кристаллов данных. Чистотец разобрал слабую музыку и голоса, словно внутри были заключены люди, и, присмотревшись внимательней, увидел, как пульсируют светом соты крошечных портов. Он надел шлем на себя. На мгновение все погрузилось в

темноту, и глаза ему защипало, словно в них попала хлорка, а затем потекла информация. Биржевые сводки по курсам акций и оптовым ценам, некрологи, данные об уровнях загрязнения и обновлении трансгенных существ, а еще репортажи о нырянии в вулканы и гонках на яхтах класса «Дракон», о воздушных состязаниях, где мужчины, привязанные к гигантским воздушным змеям, пытались перерезать друг другу канаты. Перед глазами у него заколыхалось цунами готовых раствориться и сложиться заново образов. Но когда взаимосвязи уже начали распадаться, он сосредоточился на последних новостях о Селезне Дули. Голос Джонни Катца бубнил:

— Знаменитый синий селезень продолжает творить собственный миф. В серии явлений Дули по всей Америке и остальному миру у Селезня зафиксированы зачатки гениталий — по утверждению комиссии аниматоров и зоологов, внушительных пропорций. Сэндерс Лугвич, глава студии «Креативность», создавшей Дули, заявил, что не может представить себе, какие факторы вызвали загадочную трансформацию нарисованного персонажа.

«Бейби-ритуал», дочерняя компания культпорации «Витесса», обратилась в судебные инстанции. Тем временем представители «Христианской нации» и «Воинства Солидарности Американской семьи» жгут куклы гигантского селезня, а также взяли на себя ответственность за взрыв начиненной гвоздями бомбы, взорвавшейся в «Воспитательном центре» в Спартанбурге, который унес жизни четырех сотрудников и их семей, выступивших в защиту Дули. Общественное движение «Хрен Селезню» уже провозгласило погибших мучениками за идею.

В дополнение к этим проблемам компании ее управляющий директор Радинка Грубер была уволена по личному распоряжению Уинна Фенсера. Учитывая накал страстей и внимание общественности, подыскать замену Грубер оказалось непросто, и в рядах самого «Бейби-ритуала» никто не вызвался занять ее место. Единственным добровольцем изо всей «Витессы» оказался глава отделения разработок и развития Джулиан Динглер. В ответ на вопрос, что подвигло разработчика «Умных услуг для дома» встать у руля крупнейшей в мире компании по производству всего, что может понадобиться детям, мистер Динглер ответил: «Именно так люди проявляют себя во время кризиса».

Чистотец почувствовал, как с него срывают дерматоды, — ощущение было такое, словно обламывались занозы.

— Он не под тебя настроен! Идиот!

Шлем с треском раскрылся, и он снова очутился в гараже,

моргая, чтобы привыкнуть к слабому свету.

— Позаботься о Кокомо! — рявкнула кому-то Лепесток Ликорицы. — А ты тащи сюда психометр!

Опустив взгляд на круглый шлем, Чистотец увидел большую дыру — как от лазера.

— Я… я не хотел причинять ей вред. С ней все в порядке?

— Шлем настроен под волны мозга Кокомо, — бросила Лепесток Ликорицы. — Это очень дорогое терапевтическое устройство, а ты его испортил.

— Извините, — забормотал Чистотец. — Я заплачу.

— С тобой все в порядке, девочка моя? — обеспокоенно спросила Лепесток Ликорицы.

— Не всегда же получаешь, что хочешь, — ответила девушка.

— Каковы показатели? — спросила Лепесток Ликорицы.

— В норме, — доложила женщина по имени Фэнси-Нэнси.

— Слава богу, — вздохнула Лепесток Ликорицы, а после, повернувшись к Чистотцу, угрюмо объяснила: — Это моя приемная дочь Кокомо. У нее образопатология. Шлем напрямую стимулирует мозг и подает контролируемый поток, чтобы она не ушла в себя еще глубже.

— Я его видишь, но не могу его сказать, — весело вставила Кокомо.

— Иди сюда, душенька, — заворковала Лепесток Ликорицы. — У тебя ничего не болит?

Тут Чистотцу пришло в голову, что под детским костюмчиком скрывается роскошное женское тело.

— У нее голова полна загадок, — гордо объяснила Лепесток Ликорицы, а молодая женщина издала звук, словно мотор заводится, а после повернулась вокруг себя и захихикала.

— В чем разница между монашкой и женщиной, которая сидит в ванне?

— У одной душа полна надежды, у другой дырка — пены, — улыбнулся Чистотец.

Вид у Кокомо стал счастливый и капризно-недовольный одновременно.

— Это было грубо, Коко. Загадай ему другую, — потребовала Лепесток Ликорицы, а про себя удивилась, какой открытой кажется девушка, в каком она ясном сознании, и это ее напугало.

— Где найти безногую черепаху?

— Там, где ее оставили, — ответил Чистотец, и во взгляде девушки засветилось восхищение.

— На ветке сидело десять птиц, и охотник выстрелил в одну. Сколько осталось?

— Ни одной. Все улетели.

Кокомо помешкала, рот у нее приоткрылся, а после она издала звук переключения передач на байке и, подлетев к нему, сунула обе руки в его карманы.

От такой бесцеремонности Чистотец было заерзал, но замер, когда услышал в голове голос, которого там не было раньше. Голос был женский. Он говорил: «Кто этот мальчик в ванной? Не бойся, дружок».

Сжав его инструмент, дьяволенок с малахитовыми глазами усмехнулась и завиляла бедрами, попискивая:

— Уби-дуби! Уби-дуби!

Чистотец вырвался — и тут же почувствовал, как она выхватила у него из кармана шарик из слоновой кости. Охнув, он увидел, как девушка запихнула шарик в рот. В ее зеленых глазах светилось странное знание. Больше всего ему хотелось выбросить руку и сжать ей горло, чтобы помешать ей сглотнуть, но не успел он дотронуться до прекрасной шейки, как она взяла его пальцы и заглянула ему в глаза. Зрачки у нее походили на крошечные торнадо, заключенные в зеленый кристалл ирисов. Повернув его руку ладонью вверх, она выплюнула в нее белый шарик, теплый и влажный. И уже сжимая его пальцы на сокровище, легонько их лизнула.

— Ну? — спросила Карна на ухо Лепестка Ликорицы.

— Заткнись! — рявкнула, давя сигару, бандерша.

Глава 6
Запеканка с полтергейстом

Повреждения шлема были налицо, но трудно было определить, насколько они велики. Очевидным оставалось одно: информационные каналы совершенно заполнил Селезень Дули, который превратился во всепланетного кумира. Неистовая сексуальность прорвалась во всей обойме эйдолонов «Витессы» — как среди «людей», так и среди мультяшных персонажей. Рейтинги иных программ воспарили, тогда как акции других обратились в прах. И так необъяснимый феномен продолжал сотрясать культпорацию «Витесса».

К обеду Карна одела Кокомо в штаны одалиски, шелковую рубашку и пепельно-блондинистый парик. Лепесток Ликорицы этого не одобрила и с обиженной гримасой устроилась боком на своем подъемнике. Девушка же внезапно вышла из своей скорлупы, и теперь, когда эта скорлупа разбилась, Лепесток Ликорицы размышляла, а уместится ли Кокомо в нее снова.

— Знаешь стишок про Фуззи Вуззи? — спросил Чистотец, и девушка с усмешкой хлопнула себя по коленке в точности как Эдвина Корн. — «Фуззи Вуззи был медведь, Фуззи Вуззи не знал, как умереть. Фуззи Вуззи не ведал про джакузи, у Фуззи Вуззи не было волос на пузе».

— «Оола бола, кикамо. Ты пойдешь в кино, я съем эскимо», — пропела в ответ она, но за словами детской песенки Чистотец услышал другое: «Господь ведает сущее не потому, что оно существует. Оно существует, потому что Он его ведает».

Карна пристально наблюдала за гостем, думая о судьбе, которая ждет их всех. Увидев ожившего Вождя и подобострастно покорную Лепесток Ликорицы, она уже не могла цепляться за теорию, что бандарша-калека и есть реальный лидер, скрывшаяся за хитроумной маской. А теперь открылось, что Парусия Хид (или что-то вроде нее) действительно существует и что у нее есть какие-то планы на Чистотца. Карне было не по себе. Такой неуверенности и смятения она не испытывала со дня смерти дочери.

Обед подали на длинный стол. Запеканка с тунцом и розовый лимонад. Чистотцу пришло в голову, что ему могли подсыпать что-то в еду, но он был так голоден, что съел бы и навоз. Вспышки боли и все возникающие, расплывающиеся картинки с новостных каналов лишь подпитывали опасения, что у него поврежден мозг. Тем не менее способность понимать скрытые слова педантов или

Кокомо не казалась симптомом увечья. И сама теория увечья не объясняла его пси-способностей, впрочем, он и не считал их своими. Они возникали в момент сексуального возбуждения, гнева или страха. «А хоть что-то я могу контролировать? — спросил он себя. — Смог бы я сдвинуть вилку? Или кусок хлеба?»

Дикси потянулась через стол положить себе добавки. Но когда она подняла ломоть, то обнаружила, что к ее локтю прилип кусок хлеба. Чистотец улыбнулся. Кокомо моргнула. Он заметил, что Лола как раз собирается отпить лимонада.

— Не сомневайся, — предложила Кокомо. — Это в порядке вещей.

— Дерьмо! — выругалась Лола, когда лимонад промочил ей пах.

— В чем дело? — спросил Чистотец совершенно спокойно, даже с долей веселья.

— Я это он, и ты это он, и ты это мы, и все мы вместе.

Волосатая Мэри выронила стакан.

— Черт!

— В чем дело? — нахмурилась Лепесток Ликорицы. — У нас тут не детский сад!

— Сколько раз можно вычесть шесть из тридцати? — спросила Кокомо.

— Хватит загадок! — распорядилась Лепесток Ликорицы.

— Один, — сказал Чистотец. — Потом это будет уже не тридцать.

Он заметил, как Хака тянется к запеканке, и осторожно отодвинул блюдо подальше.

— Что пускает то стрелу, то слезу?

Блюдо дернулось назад, и Хака плюхнула огромную лапищу прямо в подливу.

«Странно, — подумал Чистотец. — Это не моих рук дело».

— Я сказала, хватит загадок, — проскрипела Лепесток Ликорицы.

— Лук, — ответил он.

Тарелка Сэди-Лэди опустела, теперь на ней лежала только вилка. Чистотец начал осторожно вращать ее по часовой стрелке.

— Снова фокусы? — взорвалась Лепесток Ликорицы.

Заскользив по тарелке, вилка вдруг завращалась против часовой стрелки.

— Пожалуйста, довольно трюков, — попросила Лепесток Ликорицы.

Кусок запеканки полетел ей прямо в лицо.

— Это не я, — взмолился Чистотец.

— Не ты? — вскипела Лепесток Ликорицы, стирая со щеки

подливу. — Тогда кто же?

Ярко-зеленые глаза Кокомо блеснули, в них светилось заговорщицкая радость.

«Господи… — пронеслось у него в голове, — да мы же два сапога пара».

Но что это за пара?

Глава 7
Надежда предателя

Когда перед сном Карна заглянула к Лепестку Ликорицы, глава дамского клуба уже оправилась настолько, что давала распоряжения Марте Одно Племя и Фэнни Энни. Увидев Карну, она прервалась.

— С тобой все в порядке? — спросила рыжая.

— Точно так же я чувствовала себя, когда очнулась на консервном заводе в Хобокене и обнаружила, как меня обработали «тонги», — проворчала Лепесток Ликорицы, указывая на свои искалеченные ноги. — Насколько я понимаю, ты тут же приняла меры.

— Она отдыхает. Пси-показания дают обычный для нее уровень искажений. Ему дали транквилизатор.

— Я хочу, чтобы он исчез отсюда, Карна. Завтра Марта подгонит катафалк. Чем скорее мы от него избавимся, тем лучше.

— Возможно, — кивнула рыжая. — Но как быть с Кокомо? Ты же не думаешь, что все будет как прежде?

— Когда он исчезнет, она вернется к норме.

— Но ее норма — аберрация. Когда она в «норме», то потеряна в собственном сознании. С ним она способна общаться. И мы узнали о ней кое-что, о чем даже не подозревали.

— О чем это ты?

— Не знаю точно. — Карна вздохнула. — Но Кокомо здесь не место. Во всяком случае, сейчас. Как бы болезненно ни было это признавать.

— Болезненно? — просипела Лепесток Ликорицы. — Болезненно, это когда твои ноги суют в мясорубку, а в тебе такое количество амфетамина, что ты даже отрубиться не можешь. Не рассказывай мне про боль. И не делай глупостей, не то клянусь, Карна, как бы я тебя ни любила, я тебе покажу, где раки зимуют. Оставь в покое Кокомо и выполняй наш план, согласно инструкциям.

Карна кивнула, хотя и понимала, что пути назад уже нет. Ни Чистотец, ни Кокомо не созданы для того, чтобы их передвигали как фигуры на шахматной доске. И вообще подобные манипуляции — в духе «Витессы» и ни к чему хорошему не приведут. К тому же, учитывая способности этой парочки, такой подход может оказаться очень и очень рискованным. Что, если пси-способности Кокомо не отражение тех, какими обладает Чистотец, если она всегда была ими наделена, а он их только

пробудил? Как тогда она среагирует завтра утром, когда обнаружит, что его увезли? Карна позвонила своему бывшему, отправив сообщение прыгать между пустыми квартирами, машинами и явками — через его систему защиты ложных адресов и удостоверений личности. А после пошла проверить, как дела у Чистотца.

Ему было не по себе (по правде говоря, от лишней третьей или четвертой добавки запеканки), но когда он увидел Карну, его глаза загорелись.

— С ней все в порядке?

— И почему мне кажется, что ты спрашиваешь не про Лепесток Ликорицы? — парировала Карна.

— Наверное, ты телепатка, — ответил Чистотец, и рыжая улыбнулась.

— Не держи на нее зла. У Лепестка Ликорицы синдром Бентворта и военный психоз, в целом синдром калеки. Но Кокомо мирно отдыхает. С ней все будет хорошо. Сегодня с ней слишком многое случилось. Ты так воздействуешь на всех, с кем сталкиваешься?

— Вроде того, — признался Чистотец.

— Какие у тебя планы? — прошептала, утягивая его за колонну, Карна.

— Я собирался дождаться и выяснить, что обо мне знает Парусия Хид. Но я хочу продолжить путешествие, дойти до конца по карте. Моя следующая остановка — Техас.

— Кто дал тебе карту?

— Понятия не имею, — ответил Чистотец. — Даже не знаю, куда ей полагается меня привести. У меня лишь обрывки воспоминаний… Я даже не уверен, что они мои собственные. Но у меня есть карта, и, что бы ни затевала Парусия, я хочу дойти до конца.

Карна грустно улыбнулась. Этот странный человек, который временами казался таким знакомым и много старше своих тридцати лет, а то вдруг таким же нетронутым и ребячливым, как Кокомо, разбередил в ней удивительные чувства, а ведь она думала, что давно их утратила.

— Хотя теперь, когда устройство слежения исчезло, тебя не так легко будет найти, ты не можешь снова сесть в автобус.

— Пойду пешком, если потребуется, — ответил Чистотец.

— Не в этом дело. Парусия приказала, чтобы завтра тебя забрали.

— Куда?

— Окончательной цели я не знаю, но тебя тайком вывезут в гробу. Мы заправляем конторой, которая для непосвященных

выглядит как похоронное бюро. Учитывая, что кладбища сейчас на подъеме, это неплохой бизнес. Одно из нескольких наших прикрытий.

— В гробу? — застонал Чистотец. — Но мне нужно в Техас!

— А что там в Техасе?

— Понятия не имею. Но если я туда не попаду, то никогда не узнаю… и это, возможно, само по себе ответ.

— А как же Кокомо?

— Она поедет в Техас… и дальше?

— Насколько мне известно, она никогда не бывала дальше собственного мозга. Но, думаю, с тобой отправится хоть на край света. Вы каким-то образом связаны.

Чистотец на мгновение задумался.

— Кажется, ты права. Я… я вижу в ней себя.

— Ты ведь будешь о ней заботиться? — спросила Карна. — У нее, возможно, есть какие-то способности, но ей все равно нужна помощь. У нее может случиться рецидив. Может… кто знает?

— Что тебе о ней известно?

— Лепесток Ликорицы когда-то была агентом ФБР. Работала под прикрытием, но произошел какой-то провал. Когда она выздоравливала, случай свел ее с Кокомо, и она ее удочерила. Это все, что мне известно.

— Если ты хочешь, чтобы я…

— Я сама не знаю, чего от тебя хочу. Знаю лишь, что если девочке где-то и место, то только рядом с тобой. А дальше вам самим придется разбираться.

— Я о ней позабочусь, — пообещал Чистотец.

И его тон внезапно убедил Карну. Она отвела его назад к матрасу в грузовом контейнере.

— У тебя есть деньги?

— Да, — отозвался Чистотец.

— Я позвонила моему бывшему, — сказала Карна. — Думаю, он тебе поможет.

— Почему?

— Из-за меня, — ответила рыжая.

— А почему ты хочешь помочь?

— Честно говоря, не знаю. Просто мне кажется, что так будет правильно.

— Вот видишь, — улыбнулся Чистотец, — у тебя тоже есть карта, даже если ты не знаешь, что она значит. А чем занимается твой муж, твой бывший муж?

— Для прикрытия он — проповедник секты пятидесятников, но на самом деле перевозит контрабандой людей. Совершает поездки в Мексику. Вскоре должен поехать снова. Если он еще не

отчалил, то он — твой билет отсюда. Он мог бы переправить тебя через границу.

— Но карта ведет не туда, — возразил Чистотец.

— Теперь тебе придется думать не об одном себе. Если пришлось бы выбирать между картой и ей, кого бы ты выбрал?

— Не могу ответить. У меня такое ощущение, что я родился всего пару дней назад. Решения я буду принимать на каждой развилке, когда на ней окажусь.

«Господи Всемогущий! — подумала Карна. — Я, наверное, сошла с ума, раз выпускаю в мир двух столь опасных невинных, тем более что за ними будет гнаться „Витесса“», но вслух сказала:

— Ладно. Как ты, наверное, догадался, тебе дали успокоительное, поэтому слушай внимательно. Завтра утром я дам тебе средство, расслабляющее мышцы, чтобы создалось впечатление, будто ты и вправду под транками. Тебя вывезут через туннель, который ведет к похоронной конторе, и положат в один из гробов на нашем катафалке. Мы всегда используем обманки. Я поведу как раз такой катафалк, вот только скажу Марте и Фэнни, что планы изменились. Кокомо придется положить в тот же гроб заранее.

— А что будет с тобой? Когда все откроется, тебе придется несладко.

— Да уж, — согласилась рыжая. — Буду действовать по обстоятельствам. Возможно, Джейкоб переправит через границу и меня тоже. А ты, когда очнешься, будь готов ко всему.

Глава 8
Самоволка

А в Форте Торо вступал в свои права экстаз: буйно распускались цветы, птицы с маниакальным усердием строили гнезда, а люди откровенно трахались как кролики или, как это теперь называлось, «играли в Дули».

Господи, думала Арета, и за этим тоже стоит Чистотец? Это не походило на истерию после «Пандоры», которая приносила лишь муть и деградацию, пока не наступит отупение от усталости. Это было массовое воскресение физического счастья. Арета чувствовала себя тем более одинокой и в результате тем более неудовлетворенной. С ее прошлого романа прошло почти два года, два года, посвященных саботажу каналов информации, снятию нейропрограммирования и выхаживанию наркоманов в абстиненции. А теперь еще приходится барахтаться в сущей гормональной топи — тоже мешает в работе. Ей не давал покоя предстоящий великий Поединок, и время от времени сердце у нее уносилось в небеса. Что чувствует, о чем думает сейчас сын? Он же собирается выйти на ринг с Ксерксом Макколлумом Труподелом! Время на исходе, а Арета еще не составила внятный план, как попасть на Западное побережье. Помимо обычного риска, какой связан с уходом из Форта, чтобы попасть на авиарейс, придется пробраться через плотный сфинктер службы безопасности «Витессы». С какой радостью они прищучат участника Сопротивления ее ранга! Она подумывала, не сесть ли на автобус, но, учитывая новости из Индианаполиса, это казалось не слишком удачной идеей. Как и следовало ожидать, в новостных сводках по БИСПИДу подробности замалчивались, но, как заключили в Форте Торо, там вышла та еще заварушка. Арета нисколько не удивилась, узнав, что Чистотцу помогает какая-то организация. По стране, да и по всему миру было разбросано множество ячеек Сопротивления. Возможно, как раз одна из них и «создала» Чистотца. Как бы то ни было, чем больше Арета думала о том, как добраться в Лос-Вегас, тем более очевидным становилось, что все сводится к деликатной проблеме его жены (а ведь всякий раз, вспоминая о ней, Арета начинала сомневаться в своем поле). Один агент сатьяграхов, недавно убитый в Бруклине, собрал украдкой кое-какую информацию для самого трансвестита, поэтому ему было известно, что Эрата все еще живет в их старом доме на углу Восемьдесят первой и Риверсайд-драйв. Больше про ее жизнь он ничего не знал, но жена как будто

никуда не делась. Он не виделся, даже не разговаривал с ней с тех пор, как ушел к сатьяграхам, а заодно и в подполье. Скорее всего она его просто пристрелит, как только увидит, — и в глубине души он даже чувствовал, что, возможно, этого заслуживает. Но он не знал, кому еще довериться.

И в дополнение к этим проблемам оставался еще «фактор голубя». Только они попытались составить ясную картину того, что происходит с их изгнанным гостем, как основное окно информации вдруг захлопнулось. Теперь их сведения ограничатся крохами с боевого зонда или «Отряда Первопроходцев» — когда и если удастся войти в контакт. Географическое местонахождение придется устанавливать по данным со спутников — а это означало бросить вызов разведке «Витессы».

Потом начала обретать форму смутная мысль. Пока лишь как отговорка, чтобы запудрить мозги остальным. Но звучала она неплохо. И лучше всего то, что не Арета ее придумала. Ее предложил доктор Квайл. Чтобы знать, что творится с Чистотцом, нужно иметь своего человека как можно ближе к нему, так сказать, на месте. До сих пор оставалась вероятность, что он оперативник под прикрытием, у которого что-то отказало, но если бы «Витесса» заранее о нем знала, он не добрался бы до Питтсбурга. Попытка перехвата состоялась не сразу, и одно это подразумевало, что в их рядах есть доносчик «Витессы» — вероятно «крот», повинный также в сбое виртуального конструкта Рикерберна. Но ясно было и другое: Чистотец обладает необычайными способностями. Даже унесенный голубем «Кузнечик» зафиксировал какое-то локализованное пси-событие масштабов землетрясения.

— Не иначе как Чистотец, — заметила карлику трансвестит.

— Ты права! — откликнулся, хрустя коротенькими пальцами, Ищейка. — Какой же я был дурак! Чтобы его обнаружить, нам не нужны зонды. Нужно лишь установить очаги наиболее сильных возмущений психоэнергии, там-то он и окажется!

— Но искать его придется через спутники «Витессы». Большой риск.

— Нам не обязательно находиться в системе постоянно, — возразил Ищейка. — Зачем нам все время отслеживать его местонахождение, если мы и так его обнаружим, когда захотим?

— Думаешь, «Витесса» не сделает то же самое?

— Нет, их разведка пока не понимает, с чем имеет дело. Я хочу сказать, мы сами не понимаем. Их стратегия скорее всего будет такова: отправить своих агентов к тому месту, где его засекли в последний раз, и попытаться определить, на что он способен. Их козырь — боевой зонд, если, конечно, они про него

знают. Если он посылает постоянный сигнал, они смогут прикончить Чистотца.

— Господи! — простонала Арета. — Есть же еще шанс, что «Отряд Первопроходцев» его перехватил.

— Как я и говорил, будет бойня, — пожал плечами карлик. — На мой взгляд, у нас только один козырь на руках — прости мне каламбур, — карта. Если память у него еще не восстановилась, а вполне возможно, у него вообще никаких реальных воспоминаний нет, — кроме нее, ему не за что уцепиться.

Арета вновь испытала укол совести от того, что отослала Чистотца, даже если это было сделано для сохранения всей колонии. А следом пришла мысль про Лос-Вегас. Нечестно не говорить, что она уходит. Это подорвет мораль Форта, вызовет у сатьяграхов паранойю. Логичнее всего было бы рассказать Ищейке, но у трансвестита опять не хватило духу. Пока карлик ни словом не обмолвился ни о сыне Ареты, ни о предстоящем суперпоединке, но у него было отличное чутье на такие вещи.

Но вот если оставить Ищейке записку, мол, поехала за Чистотцом (можно даже упомянуть, что по приказу Парусии Хид), это будет провернуть гораздо проще. Карлик едва ли в ней усомнится. И если Арета обернется за пару дней, все будет в порядке.

Радикальный шаг. Неосмотрительный. Но она готова пойти на риск. А если Парусия Хид узнает и захочет снести ей голову, что ж, она и на это готова. Она служила долго и верно, ничего не прося взамен. Сатьяграхи стали ей родными, но она не могла жить с дырой в сердце из-за отсутствия настоящей семьи. Пора исправлять карму, и остается лишь надеяться, что еще не слишком поздно. Но она никак не могла найти рациональное объяснение, почему один вопрос не дает ей покоя: проблема лазутчика в их рядах. Пора поговорить на эту тему с Ищейкой, и подаваемый на стену из мониторов блок новостей дал ей такую возможность.

— Странное дело. Динглера повысили до главы «Бейби-ритуала», — как бы вскользь заметила Арета.

Карлик остановил кадр с Динглером на пресс-конференции и перетащил его на рабочий стол своего монитора.

— Слишком уж большое совпадение, — согласился он.

— Есть какие-нибудь соображения, почему Чистотец с ним не встретился? Я давно хотела тебя спросить, но слишком многое на нас навалилось, и все времени не было.

— Откуда мы знаем, что они не встречались? — ответил вопросом на вопрос карлик, увеличивая разрешение.

— М-да, не знаем. Но Чистотец слишком быстро уехал из

Питтсбурга. Будь в этой истории замешан Динглер, от их встречи хоть какой-то результат был бы.

— Динглер замешан. Еще как замешан, нам это известно из базы данных. Но как именно, вот в чем вопрос. Посмотри-ка сюда.

С этими словами карлик загрузил портрет Чистотца в полный рост, поверх которого наложил результаты сканирования скелета. Рядом он поместил фотографию Динглера и выровнял размер и плотность обоих изображений.

— Жаль, что у нас нет более ранней фотографии Динглера, — заметил он.

— Ух ты! — вырвалось у Ареты. — Ну и сходство.

— Я бы сказал — родственнички, а?

— Они как будто одних лет. Как братья.

— Вот только Чистотец всю свою жизнь был мертв.

— А значит, Динглер…

— Потерянный сын Пола Сито, то есть Осанны Освобожденного. И возраст совпадает с тем, когда папочку убили федералы.

— Если это правда, мы, вероятно, сможем найти доказательства. ДНК или еще что-нибудь.

— Не обольщайся, — возразил Ищейка. — Динглер не поднялся бы так высоко, не будь у него хороших связей.

— И все равно это не объясняет случившегося в Питтсбурге или, точнее, того, что там не случилось. Ты ведь послал ему кодированное сообщение о прибытии Чистотца? — спросил Арета.

— А еще дал инструкции самому Чистотцу. Ты же там была!

— Просто проверяю!

— Не надо меня проверять! — обиделся карлик. — Я мастер своего дела.

— Знаю, знаю. Что новенького о докторе Будь-Здрав?

— Завтра прогоним последний антивирус, да и прочих багов половим, но нам понадобится доброволец. Поймать какого-нибудь пустоголового в туннелях?

— Ты же знаешь, что я ненавижу вивисекцию!

— Не хочешь же ты, чтобы кто-то из наших остался с омлетом вместо мозгов?

— Делай, что знаешь, — махнула рукой Арета. Трудно было не задуматься о том, что из Ищейки вышел бы гораздо лучший лидер: блестящий интеллект плюс практическая жилка.

— А как с ЭНТОМОЛОГОМ?

— А что с ним?

— Никаких проблем?

— Ты хоть какие-то симптомы видела? — спросил карлик.

— Нет, но я не работаю с ним так тесно, как ты.

— Ты хочешь сказать, с ним что-то не в порядке?

— Ладно, давай не будем играть словами, среди нас есть саботажник. Мы уже видели, что он или она сделал с Рикерберном. Кто следующий?

— Кажется, я нашел способ поставить ловушку. — Карлик понизил голос.

— Ловушку? — переспросила, заинтересовавшись, Арета.

— Не беспокойся, ты первой узнаешь результаты. Но чем меньше ты будешь знать сейчас, тем естественнее будешь вести себя потом. Предоставь все мне.

— Не знаю, что бы мы без тебя делали, Ищейка.

— Ну, по счастью, и не узнаете, — усмехнулся карлик. — Я никуда бежать не собираюсь.

Арета постаралась выдавить улыбку и тут же испугалась, что у нее получилась настороженная гримаса, а потому улизнула в свою палатку, упаковала небольшой рюкзак, а после решила, что нужно взять еще пару туфель и, разумеется, аксессуары под стать. Потом села сочинять записки. Она собиралась скопировать все на «Стратега», но передумала. Карлик был ее ближайшим доверенным лицом и, по общему согласию, заместителем. Арету переполняло беспокойство, ее мучили дурные предчувствия, она слишком хорошо сознавала, сколь рискованна ее ситуация, сколь ненадежен план, если его вообще стоит называть таковым. Но повернуть назад уже не могла. Ведь есть еще шанс увидеть сына и вернуть семью. Хотя бы на одно мгновение. Поставив временный блок прямой связи с палаткой карлика, она схватила сумку.

На территории Форта Торо имелся тайный проход в туннели, который когда-то показал ей ее наставник Дэнни Джинесон. У входа Арета помедлила. Она понятия не имела, что случится в ближайшие несколько дней, и теперь, когда она собиралась покинуть колонию, ей впервые пришло в голову, что, возможно, она вообще не сумеет вернуться. Ей вспомнились головокружительные планы и сумасбродные операции, которые проворачивали сатьяграхи. Нынешняя ее была, пожалуй, самой отчаянной из всех. Она изо всех сил прислушалась, спрашивая себя, не наблюдает ли за ней кто, но разобрала лишь скрип колес Большого Бвау, который катил за сумасшедшим Гроди.

Прошла будто бы целая вечность, прежде чем она выбралась через люк канализации в Риверсайде и увидела фигуру, вернее, ее половину, которая, перебирая кулаками, катила на старом скейтборде. Огни города, запах реки, само ощущение места были знакомыми и одновременно казались сном. На краю парка она остановилась освежить макияж и добавить духов, надеясь ими

замаскировать вонь туннелей. В свете витрины закрытой парикмахерской как могла поправила растрепавшийся парик. И тем не менее, когда она случайно уловила свое отражение в гелевом зеркале, ее ждал неприятный сюрприз. В Форте Торо она считала себя экзотической чернокожей красавицей. А из зеркала на нее посмотрел бывший полузащитник по пути на конкурс двойников, и Арета вновь засомневалась, какого он пола.

Когда наконец он набрался смелости прийти к своему прежнему дому, возникли новые проблемы. Дома ли сейчас жена? И как он попадает внутрь? Как ему проскочить мимо охранников и камер?

Скорчившись за припаркованной на противоположной стороне улицы машиной, он постарался оценить ситуацию. По тротуару расхаживали безопасники, киборги-охраноиды, но в подъезде самого здания, кажется, пусто. Странно, ведь его дом был одним из многих с общим двориком. Внутрь попадали через бронированный туннель, этакое сочетание шлюза, рамки металлоискателя и монитора радиации. Но сначала надо было пройти через кабинку с видеоэкраном и интеркомом, здесь же имелись панель с кнопками и экранчик распознавания сетчатки глаза. Если он назовет имя жены, автоматическая дверь, возможно, откроется, но внутри ему придется или заговорить с ней через интерком, или молиться, что она не поменяла шифр замка. Если она не поменяла шифр, он сможет сам попасть домой и постучаться в ее дверь: порог собственной квартиры гораздо лучше подходит для мелодраматического воссоединения. Арету одолевали сомнения. Что, если она спит? Что если она с другим? Столько было всего, о чем ему не хотелось думать. Сделав глубокий вдох, он подхватил с тротуара сумку и, стараясь по-женски покачивать бедрами, двинулся через улицу. Подойдя к кабинке, он активировал сенсор движения, и на тонюсеньком экране над дверью появилось бесполое лицо неопределенной расы.

— Ваше дело?

— Я пришел… к Эрате Фиск, — ответил Арета, стараясь привнести былую уверенность юриста в женский тембр.

— Здесь нет никакой Эраты Фиск, — ответило электронное лицо и исчезло.

Арета застыл как громом пораженный. Нет никакой Эраты Фиск? Все его безрассудные планы — или отсутствие оных — пошли псу под хвост. Вот черт! Тут ему пришло в голову еще кое-что. Он сделал шаг к двери, и лицо возникло снова.

— Я хотел сказать Эрата Прауд, — произнес он. — Я ее… родственник.

— Она дала вам свой код?

— Да, — ответил Арета, молясь, чтобы она его не поменяла.

— Поскольку вы не предупредили о своем приходе и не значитесь в списке одобренных посетителей, должен вам сообщить, что этот разговор записывается в целях безопасности. Когда вы окажетесь внутри, у вас будет две попытки ввести верный код. Если будет введен неверный код, камера автоматически герметично закроется, и будет выпущен парализующий газ. Будут извещены охраноиды, и вам будет предъявлено обвинение в попытке преступного проникновения в частные владения. Вы понимаете данные условия?

— Да, — с заминкой пробормотал Арета.

«В омут головой!» — подумал он, когда бронированная дверь открылась, а после захлопнулась за ним с безнадежностью раковины моллюска. Панель для введения кода потребовала, чтобы он предъявил для сканирования имплантат с удостоверением личности. Широкая Частота давно уже подправил его имплантат как раз на случай подобных ситуаций. На первое время контактные линзы сумеют обмануть даже монитор сетчатки глаза — но все его будущее зависело сейчас от кода. Сменила ли его жена, как сделала это с фамилией? Зачем бы? Ей самой никогда не приходилось им пользоваться. Дрожащими руками он ввел буквы «О-Т-К-А-Ж-И-С-Ь-О-Т-Ф-А-Н-К-А». Этот пароль они придумали, казалось, целую вечность назад, когда вместе ходили на старомодные курсы танца фанк. Арета ждал, сердце у него даже не смело стучать.

Наконец раздался протяжный сигнал, и внутренний барьер ушел в пол. Арета облегченно выдохнул. Но теперь ему предстояло истинное испытание: разбудить посреди ночи жену и попытаться объяснить, почему он не мертв и почему хочет, чтобы она помогла ему попасть на Западное побережье, где он собирается посмотреть, как их сына измочалят на глазах у огромной аудитории и еще двух миллиардов зрителей, которые станут смотреть бой по спутниковым каналам. Сердце стучало у него в ушах, когда он крался через дворик.

Кто-то дома был, в этом сомневаться не приходилось. Приблизившись к двери, он услышал барабанный бой и монотонное пение. Ну надо же! Ведь стены в их квартире фактически звуконепроницаемые. В воздухе витал запах благовоний, возможно, марихуаны. Он различил несколько разных голосов. Что, скажите на милость, там происходит? Когда он звонил в дверь, его охватило такое любопытство, что он забыл, что открыл в себе гомосексуалиста и ушел в подполье, исчез из жизни жены, которая теперь считает его умершим. Он снова

нажал кнопку звонка. Барабанный бой сделался громче. И вдруг его перекрыл другой звук. Как будто кудахтанье. Он опять позвонил. Откуда в его доме взяться курице?

В комнате за дверью вдруг стало тихо. Он знал, что на него смотрит камера наблюдения.

— Эрата, — позвал он. — Это я. — Тут горло у него сжалось, и он не смог продолжать.

Наконец дверь распахнулась, и на Арету буквально выплыло плотное облако дыма, паров джина и пота. Представшая перед ним женщина действительно была его женой — и одновременно не была ею, во всяком случае — не той главой отдела маркетинга, которую он знал. Она раздалась в ширь и как будто обмякла, одета была в черное и лавандовое, а на голове у нее были накручены яркие шелковые шарфы. Гремели многочисленные ожерелья из ракушек и бусы. Комнату — их гостиную — переоборудовали, и теперь в середине стоял гигантский шест, расписанный кружащимися фигурами. Тут было полно людей, облаченных в длинные хламиды, полосатые пиратские штаны и соломенные шляпы. По стенам висели разноцветные бисерные флаги. Ценные шерстяные ковры исчезли, и паркет теперь украшали сложные узоры из муки и овсяных хлопьев, а в самой их середине полуголая женщина с перемазанным кровью лицом прижимала к себе трупик курицы.

— Эрата? — охнул Арета.

— Денцель? — переспросила женщина. — Живой!

— А ты…

— Я мамбо.

— Кто?

— Жрица вуду. Денцель? Ден-цель?..

Глава 9
«Гроб качается хрустальный…»

Чистотец вновь погрузился в водоворот образов, но уже не один. Он было подумал, что фигурка в ванной — это мальчик, но потом понял: нет, девочка, одновременно древняя, и еще не рожденная, и меняющая облик словно облако пыли. Потом она вдруг превратилась в Кокомо. Они были едины, и ураган уносил их, завихряясь, глубоко в прошлое и далеко в будущее. Он чувствовал смесь запахов промышленного дезинфектанта, плоеного атласа и аромат жимолости, а когда открыл глаза, его путешествие из ока тайфуна в собственное тело завершилось. Он снова оказался в своей старой одежде и лежал в гробу.

В таком же гробу была спрятана и Кокомо — под ним. Он ощущал ее присутствие. Тетя Вивиан и дядя Уолдо подарили ему однажды крохотный гробик с мексиканским «прыгающим бобом», казалось, будто кто-то стучится о крышку и хочет выбраться — разумеется, так оно и было: внутри боба в гробике сидела личинка мотылька, которая, стоило ее нагреть, шевелилась и заставляла двигаться боб. Он годами про него не вспоминал. Не мог даже сообразить, когда в последний раз думал про гробик. Он прислушался, выискивая голос Карны, но до него донеслось лишь сообщение по БИСПИДу:

«Питтсбург, штат Пенсильвания, где два дня назад развернулись нашумевшие события вокруг сексуального пробуждения Селезня Дули, сегодня утром был снова потрясен объявлением о зарождающейся империи „Профессор Цыпа“. Кинглэнд Моррис Брэнд, давно ушедший на покой бывший председатель совета директоров переживающей тяжелые времена корпорации „Американские сталелитейные“ и приемный отец основателя и президента компании „Профессора Цыпа“ Саймона (в настоящее время Симоны) Чуппа, впервые за десять лет появился на публике во время пресс-конференции, на которой объявил, что его приемный сын уходит со своего поста на заслуженный отдых. Отказавшись как-либо прокомментировать слухи, что Симона и два его (ее) брата недавно пережили нервный срыв вследствие чрезмерного употребления наркотиков, Кинглэнд Брэнд указал, что одной из новых ступенек в маркетинговой платформе „Профессора Цыпы“ станет большее внимание к нуждам общества, особенно в отношении больниц для наркоманов, образовательных программ и тренингов по изменению образа жизни. „Мы установим новый стандарт

корпоративной гражданской ответственности“, — заявил мистер Брэнд. Мистер Брэнд, чей некролог за последние двадцать лет несколько раз ошибочно публиковали средства массовой информации, также отмел предположение, что его решение встать у руля „Профессора Цыпы“ продиктовано старческим маразмом или горем из-за внезапной смерти его второго сына Эйнсли, инвалида детства, который скончался вчера ночью. В ответ на вопрос, к каким именно маркетинговым стратегиям намерен прибегнуть „Профессор Цыпа“, дабы стать одним из самых видных игроков на рынке продуктов быстрого приготовления, мистер Брэнд сказал: „Мы пойдем прямо в „Чу“ и „Мактрейвишс“ с новаторскими и даже экзотическими блюдами. Мы введем смелые, космополитичные блюда на основе лягушек, улиток, змей и белок. Мы станем первыми, кто предложит не только „пряные лягушачьи ножки по-каджунски“, но и „двоякодышащую рыбу в кисло-сладком соусе“. И это только начало“.»

Кто-то отключил новости.

Чистотец испытал прилив гордости за Человека из Стали. Может, от его визита в Питтсбург все-таки был прок?

Он чувствовал близость Кокомо, чувствовал, как ее разум пробуждается от седативного дурмана. Между ними существует мощная пси-связь. Не понимая, в чем она заключается, он ощущал ее силу. Карна что-то спросила, в ответ раздался голос Хаки, и обе они обратились к Марте Одно Племя, но гаитянка ни одной не ответила. Потом появилась герла по имени Фэнни-Энни. Чистотец не смог разобрать слов. Может, так нас слышат умершие? Тут он почувствовал, как сознание Кокомо поднимается в его собственное. Ей было страшно.

Две женщины подняли и погрузили гроб. Хлопнула дверь катафалка. Мгновение спустя завелся мотор. Даже пусти он сейчас в ход мантру Ощипывателя Фазанов, он все равно лишь устроит аварию. Придется ждать. Минуты зависали, и Чистотец задумался, а не вкололи ли ему препаратов больше, чем показалось сначала. Внезапно перед глазами у него побелело, исчезли все звуки, кроме ревущей в голове статики.

Машина остановилась, и Хака спросила что-то у Карны, и снова Чистотец не разобрал слов. Карна ответила. Хака завопила. Катафалк опять тронулся, на сей раз поехал быстрее. Опять остановка, и Чистотец услышал, как открывается задняя дверь. Он почувствовал, как за гроб взялись несколько пар рук, выкатили его по полозьям и опустили на землю. Крышка поднялась, и он зажмурился от яркого света, но потом все-таки разлепил веки. Над ним склонился мужчина с кислой миной, в чопорном черном

костюме с розовой гвоздикой в петлице — Карна в маскировке. Чистотец покрутил головой, разминая шею. Одетая в похожий костюм фигура лежала на пассажирском сиденье старого катафалка-«мерседеса».

— С ней все будет в порядке, — кивнула Карна. — Скорей. Остальные близко.

Чистотец попытался встать, оглядывая окружающее и столпившихся вокруг людей. Один был крупным негром в длинном балахоне, который, однако, не скрывал наползающие друг на друга татуировки. Рядом с ним стояли кубинка с азиатскими глазами и лишенная бедер пероксидная блондинка в марлевой маске, казавшаяся, невзирая на блестки на веках, исхудалой и больной. Остальные двое оказались парой геев: один молочно-шоколадный, другой — белый, как кодеин.

Катафалк остановился у забора нефтезавода «Феникс» к северу от Лик-Крика. От мусорных костров в лагере беженцев неподалеку поднимался черный дым. Дома здесь состояли из ящиков или листов гофрированного железа, сложенных в вигвамы. Возле привязанной цепями к кипарису собачьей будки копошились дети-мутанты. Рядом с катафалком стояла видавшая лучшие времена тяжелая фура, на боку у нее жирными золотыми буквами значилось: «…КАРАВАН ХАРИЗМА — Центр Богослужения Духовного Боя, Хантингтон, Западная Виргиния». На ступеньке кабины сидел черноволосый мужик с римским носом, в сапогах с железными набойками, штанах литейщика и черной косухе.

Сорвав половое покрытие катафалка, Карна выпустила пошатывающуюся Кокомо, на которой оказались парик а-ля Клеопатра, серьги, похожие на спутниковые тарелки, и лоснящаяся куртка баскетбольного клуба «Пейсерс» поверх джинсов и переливчатой рубашки. Как только девушка заметила Чистотца, ее лишайниково-зеленые глаза заблестели жизнью, и она задвигала бедрами в безошибочной имитации «уби дуби».

Нахмурившись, мужик с патрицианским носом спрыгнул со ступенек фуры и подошел ближе.

— Это Кокомо… — пробормотала Карна. — И…

— Чистотец, — закончил за нее Чистотец.

Морщины на лбу патриция собрались теснее.

— Джейкоб, — сказал он.

— Отвезешь их туда, куда им нужно в Техасе? — спросила Карна.

— Если доберемся так далеко, — невыразительно ответил Джейкоб. — Сажай их в кузов, Печеньице, — обратился он к здоровяку-негру.

Негр махнул Чистотцу и Кокомо следовать за ним.

— А ты? — окликнул Чистотец Карну. — Ты с нами поедешь?

— Нет, — качнула головой рыжая. — Моя карта ведет в другом направлении. Позаботься о ней.

— Обязательно! — крикнул Чистотец. Кокомо висла на нем, целовала его. — Спасибо.

— Один бог знает, что с ними случится, — занервничала Карна, как только парочка исчезла в кузове.

— Я их отвезу куда надо, — сказал Джейкоб. — Ты тоже могла бы поехать.

— Надо же кому-то отвечать за исчезновение девушки.

— Тебе ничего не грозит? После такого-то?

— Ты что, правда за меня беспокоишься?

— Иначе не спрашивал бы.

— А ты? С тобой все будет в порядке?

— Ты что, правда за меня беспокоишься?

— Беспокоилась и буду беспокоиться, Джейк.

— Я не вернусь.

— Знаю.

— Ты уверена… ты не… не можешь?

— Единственное, в чем я уверена, Джейк, это в том, что была не права, виня тебя в смерти Мириам. Ты сделал то, во что верил. А мне горе застило глаза. Прости меня.

— Еще извиняешься! — вздохнул Джейкоб. — Если бы я позволил ее лечить… она была бы жива. Мы, возможно, расстались бы, но она была бы жива. Я…

— Ты верил, что Господь о ней позаботится. Возможно, именно это и произошло. Ее смерть могла нас сблизить, а я воспользовалась ею, чтобы сбежать. Прости меня, Джейк.

— Я… прощаю, — ответил Джейкоб, шмыгая носом от дыма с мусорных костров. Адамово яблоко у него дернулось, но на сердце было легко — как не бывало уже многие годы. — Береги себя.

— Ты тоже, — ответила Карна и поднялась на цыпочки, чтобы его поцеловать.

Фура стартовала с ревом, в облаке песка и мусора. К хижинам притащился смуглый мужик на начальной стадии болезни Нанга, с разнесенным из обреза трупиком то ли зайца, то ли собачки. На помощь ему подползла закутанная в вуаль женщина. Карна как раз садилась за руль катафалка, когда пришла в себя Хака. На сей раз рыжая вкатила товарке укол, а не удар карате в живот, но действие получилось сходное. Как только тело Хаки обмякло, Карна, ухнув от натуги, погрузила ее в гроб. К тому времени одичавшие начали проявлять любопытство, поэтому она

вытащила из-под сиденья ручной гранатомет «дарк рейн» с плечевым упором.

Нефтезавод был давно закрыт, но его башни еще грозно маячили на фоне мышьячно-серого неба. Карни спросила себя, кто успеет первым: «Витесса» или ее бывшие друзья, как в реве байков объявились Валькирия и Ичико-Личико. Валькирия держала наготове «ремингтон».

— Глупая затея, подруга, — рявкнула она.

— Я и не думала, что ты поймешь.

— Тихо пойдешь, или тебя тут прикончить?

Карна подумала, как просто было бы снести Валькирии голову потоком металла, едва спустив курок, и бросила гранатомет Личику. Она знала, что могла бы поехать с Джейкобом, вероятно, ей даже удалось бы сбежать. Но новая жизнь для нее не началась бы.

Сопровождающие отвезли ее в похоронную контору кружным путем.

В фойе, выставив захваты погрузчика, ждала Лепесток Ликорицы.

— Предательница! Неблагодарная шлюха!

Карни вздохнула — настороженно, но не испуганно.

— Тебе следовало сбежать, пока у тебя был шанс, — нахмурилась Лепесток Ликорицы.

— Что бы ты ни думала, я не доносчица и не предательница, — отозвалась Карна.

— Ах вот как? — протянула калека на погрузчике. — Ты нарушила приказ. Ты пошла против Парусии и меня. Ты украла Кокомо!

— Она не твоя собачка, чтобы с ней играть.

— И не твоя, чтобы отпускать ее на волю!

— Построй свой мост и перейди его[52], Джоан, — отозвалась Карна, и несколько дам Кикапу удивленно забормотали, поскольку впервые услышали настоящее имя Лепестка Ликорицы. — Я с собой примирилась. Ты не сможешь причинить боль.

— Посмотрим, — сказала Лепесток Ликорицы.

Глава 10
Караван Харизма

Великан в татуировках по имени Печеньице первым поднялся в нутро фуры. Кокомо все еще висла на Чистотце. Ее стремление прижаться к нему и детскую болтовню пероксидная блондинка суммировала простой фразой:

— А девчонка-то в тебя втюрилась.

Чистотец смущенно кивнул, блондинка сняла маску. По всему лицу у нее расползлись язвы, а черные, как спинки жуков, глаза поблескивали деменцией. Он постарался на минутку поставить Кокомо на ноги, чтобы освоиться на новом месте, но девушка пискнула и упала на пол, где, подрагивая в конвульсиях, свернулась калачиком. Неужели так всегда будет? Наполовину ребенок-маньяк, наполовину обезьянка в течке. Как с такой путешествовать? И все же ее поведение словно отражало его собственную растерянность и действовало утешающе. Теперь она сосала палец, изо рта у нее стекала слюна — Чистотцу показалось, он собственной кожей ощущает эту влагу. Что она такое сказала? «Я как ты, как он, как я, как мы и все мы вместе».

— Что с твой девчонкой? — спросила блондинка.

— Не знаю, — ответил Чистотец.

Тут ему пришло в голову, что по возрасту Кокомо годится ему в дочери. Он огляделся по сторонам. Вдоль стен тянулись полки и ряды стальных распорок, между которых были натянуты куски брезента и пластиковые сетки, чтобы хранить снаряжение. На полках красовались листовки и батареи сувениров, всевозможные кровоточащие кресты и пузырьки со святой водой. Но больше всего удивляли и сбивали с толку в грузовом отсеке не они, а поблескивающие в темноте глаза. Людей тут было гораздо больше, чем по совести могло поместиться в столь тесном пространстве. Услышав какие-то звуки у себя под ногами, Чистотец опустил взгляд и сообразил, что под полом, наверно, тоже спрятаны люди. То, что он увидел через решетки в полу, его ужаснуло, и он недоуменно поднял глаза на провожатых.

— Путь на свободу, — объяснил Печеньице. — Мы их тут пакуем как на рабовладельческом судне. А вы можете наслаждаться простором.

— Люцифер среди нас! — простонал снизу женский голос.

— Ведьмы!

— Нет! Нет! Это святой!

— Эй, мужик! Ты что… как Будда?

Возгласы сменились мелодичными подвываниями, которые эхом отдавались от металлических стен. За ними последовали речитативы на хинди и горячечная тарабарщина по-испански. Затем кто-то очень серьезно произнес:

…Ostende nobis Domine, miserecordiam tuam… et dalutare tuum da nobis… Domine, exuadi orationem meam…[53]

— Тихо вы! — рявкнул Печеньице, и на мгновение в трейлере воцарилась полная тишина, но Чистотец почувствовал вдруг еще чье-то присутствие.

— Что это за звук?

— А у тебя хороший слух, приятель. Загляни вон в ту яму.

Печеньицу совсем не понравилось, что спровоцировали в его владениях новоприбывшие. Беженцы, как правило, были суеверны, зачастую религиозны почти до психоза. Добавьте вполне обоснованные страхи и утрату привычной жизни, и вот, пожалуйста, все равно что везешь нитроглицерин. И неприятности в этой последней до пенсии поездке были ему совсем ни к чему.

Подняв напольную панель, Чистотец заглянул внутрь. Камера была футов трех глубиной, но тянулась под всем кузовом фуры. Когда его глаза привыкли к темноте, он разобрал мешки из черной композитной сетки, которые свисали через равные интервалы, — это и были ячейки, в которых держали перевозимых людей. Разглядеть мешки было трудно — они свисали в пространство, заполненное змеями: ямкоголовыми гадюками, гремучими, щитомордниками и парочкой более редких видов вроде королевских кобр. Он захлопнул панель.

Печеньице усмехнулся, в свете красных габаритных огней влажно блеснули зубы.

— Они не могут пролезть сквозь сетку. Если сволочи на контрольно-пропускном пункте попытаются обыскать нас с собаками, запах змей собьет собак с толку — или сведет с ума страх, особенно если нескольким удастся выбраться. А еще они сбивают показания приборов для улавливания психо-волн. Это Джейкоб придумал. Парочка змей — велика невидаль, но сотня — и психометры начинают подергиваться. Совсем как от огненных муравьев.

— Не понял? — Чистотец почувствовал, как извилины в мозгу у него зашевелились.

— На психометре муравейник Рихтера[54] выглядит как мозг шизофреника, — объяснил Сахарок. — Теория психополя.

— А разве змеи легальны?

— Мы — зарегистрированная «Церковь Святой Пятидесятницы со Знамениями» с лицензией. В Библии есть про

то, чтобы держать у себя змей. «Христианская Нация» защищает наше право нести нашу весть через границы штатов, а это подразумевает и змей тоже.

— Но…

— Кто заподозрит дрессирующую змей общину пятидесятников в том, что она перевозит богохульников и дегенератов? Мы ездим под флагом Америки и «Витессы». Нам полагается любить Израиль, прославлять праведность и свидетельствовать о целительных силах Спасителя и Господа нашего Иисуса Христа. Вот почему нам разрешено глаголить на языках и изгонять демонов. Вот почему у нас есть дар пророчества и целительства.

— А он есть? — невинно спросил Чистотец.

— Ну да! Взгляни-ка, — ухмыльнулся Печеньице и ткнул пальцем в один из шкафчиков. Сбоку к нему было прилеплено мятое оцифрованное изображение какого-то белого типа в костюме и с микрофоном у рта. Остальные фотограммы были засаленными, как старые игральные карты, и изображали шатры бдения, заброшенные угольные шахты и хижины на камнях-сваях посреди сорговых полей. Ниже на полочке лежала стопка выцветших газетных вырезок и распечаток с интернет-сайтов. «ДИТЯ-ПРОПОВЕДНИК СОБИРАЕТ БОЛЬШУЮ ТОЛПУ. ЧУДО-МАЛЬЧИК ИСЦЕЛЯЕТ СЛЕПУЮ… ЧУДЕСА В АРКАДЕЛЬФИИ».

— Это Джейкоб в детстве. Мать и приемный отец воспитали из него проповедника и знахаря, чтобы лечил наложением рук.

— Похоже, у него неплохо получалось, — заметил Чистотец, но его внимание привлекла Кокомо, которая впала в почти кататонический ступор у его ног.

— Поднабрался кое-каких трюков.

— Трюков?

Может, лучше дать ей отдохнуть?

— Показуха. Но он считал это мошенничеством. Он-то верил, что его силы реальны. А когда обнаружил, что все это фокусы и массовая истерия, то сломался. Я был санитаром в одной техасской больнице, куда его сдали. Я тогда крал лекарства, чтобы покупать наркотики. Со временем его выписали, а я соскочил. Ишачил на копов. Много лет спустя меня послали работать под прикрытием в одну ангольскую банду. Меня раскрыли и собирались уже прирезать. И кто, ты думаешь, явился под вонючим солнышком в миссии святого Карла?.. Взрослый Джейкоб собственной персоной. Ну, церковный староста там был большой шишкой в «Христианской Нации» и не мог отказать святым миссионерам, которые пожелали спасти жалкие душонки заключенных. В прессе много об этом шумели. Во время бдения

случилась драка, и я умер — для видимости, конечно, — и так выбрался. С тех пор я с Джейком.

— Ты хочешь сказать, все это…

— Фарс? Можно сказать и так. Но Джейкоб другого мнения. Он все еще искренне верит, просто конфессия у него изменилась. У него дочь умерла, и он решил, что пора последовать собственной версии учения Господа: помогать людям в этой жизни и предоставить вечному блаженству и миру вообще самим о себе заботиться.

— Значит, вы вывозите людей из страны?

— Каждый здесь за что-нибудь приговорен. Тут бедолаги со всей страны.

Чистотец повернулся к двум голубым.

— Лони и Роджер, — подал голос кодеиновый. — Из Энн-Арбора. Нас обвинили в изготовлении наркоты, но на самом деле это было противоядие для «Пандоры».

— А я была исследователем в «Витессе», — задыхаясь, произнесла блондинка и снова надела маску. — Сколько, по-твоему, мне лет?

— Не знаю, — пожал плечами Чистотец. — Пятьдесят?

— Двадцать восемь. Работала в милуокском центре над проектом «Прародитель». Один из моих коллег внушил всем, что я краду данные. Неделю спустя у меня появились странные симптомы.

— А ты у нас как оказался? — спросил Печеньице. — Я тебя раньше видел?

— Не знаю, — ответил Чистотец. — Я потерял память, во всяком случае — большую ее часть.

— Выглядишь ты знакомо, — пробормотал Роджер.

— У меня на хвосте «Витесса».

— Почему?

— Понятия не имею. Знаю только, что я умею передвигать предметы и заставлять людей совершать разные поступки.

— Пси-способности? Ты про телекинез и контроль сознания?

Чистотец глянул на пластмассовые кровоточащие кресты, прикрепленные к стенке одного из шкафчиков. Он постарался сосредоточиться, снять один из них — но к огромному его разочарованию, крест остался висеть на месте. Чем больше он пытался, тем больше сознание его затуманивалось, словно он уходил от реальности. Он не мог сфокусировать взгляд, но чувствовал, как иная реальность затягивает его куда-то. Тетя Вивиан и дядя Уолдо словно бы маячили как воспоминания или фотографии на стене в гостиной, но тут возник образ мужчины возле радиовышки. Заброшенный город-призрак… и пещеры.

Чистотец увидел Маунт-Рашмор и мемориал Неистовому Коню[55]. «Господи, — подумалось ему. — Я же из Южной Дакоты! Неужели там мой дом? Почему я скитаюсь по Америке?» Потом он вспомнил, что за ним гонятся. Какая-то Парусил Хид хочет, чтобы его куда-то доставили. «Витесса» желает его изловить или прикончить. Сам он стремится в Техас, но не знает почему. Из-за карты… И вновь кто-то другой, тот, кто ее дал, хочет от него чего-то. Может, истинный секрет его прошлого скрывается в Южной Дакоте?

— В чем дело? — спросил Сахарок. — Не хватает вдохновения?

— Не хватает, — признался Чистотец.

— Псих хренов!

— Мой Господь и Спаситель!

— Заткнись!

— Может, тебе лучше заняться своей девчонкой? — предложил Лони.

Чистотец опустил глаза на свернувшуюся комочком Кокомо.

— Я не знаю, что делать.

— Контролируй ее сознание! — издевательски предложил голос из темноты внизу.

— У меня шанкр, который уже завонялся. Исцели меня! — простонал другой.

— А у меня синдром Экскина! — прошипел голос у самой решетки.

Чистотцу показалось, голова у него вот-вот взорвется. Кокомо лежала, свернувшись вокруг его коленей, голоса из коконов внизу насмехались или умоляли. Он улизнул от «Витессы» и планов Парусии Хид лишь для того, чтобы оказаться в грузовой фуре с больными мечтателями и преступниками, со спящей красавицей, которую он разбудил, но которая не желает бодрствовать, а когда все же приходит в себя, стремится сорвать с него одежду.

— Арг!!! — простонал под этим давлением Чистотец.

Из-под пола сдавленно залопотали на арабском.

Печеньице поднялся с лавки между распорками и открыл змеиную яму, чтобы посмотреть, из-за чего сыр-бор.

— Срань Господня! — присвистнул он.

Ближе всего к нему стоял Роджер. Заглянув в грузовой отсек, он сперва не понял, что перед ним. Гадюки, гремучие змеи и прочие твари уже не лежали бессмысленной грудой и не извивались случайным образом — нет, они лежали аккуратно переплетшись, их тела сложились в живой канат, который свернулся, как настоящая змея, занимая все помещение и захватив в пасть собственный «хвост».

— О Господи! — охнул Роджер, когда до него дошло. — Это же Уроборос!

— Что-что? — переспросила биолог-кубинка.

— Один из величайших мировых символов, змея, пожирающая собственный хвост. Он возник как гностическая эмблема, основанная на новой интерпретации Змея в Раю, — как позитивный символ тяги человека к знанию, а позже, в алхимии, превратился в дракона. Как тебе это удалось?

— Не знаю. Кокомо тоже такое умеет.

— Вот эта девчонка? — сморщил нос Лони.

Чистотец кивнул.

— Дерьмо, — просипел, закрывая яму, Печеньице. — Иметь такие способности и их не контролировать… Неудивительно, что тебе страшно.

— Уберите их отсюда! — завопил голос внизу, и тут же завывания начались снова.

— *Jube, Domine benedicere*[56]

— Эй, Будда!

— Демоны!

И женский крик:

— Я не могу дышать!

— Нет, ты не можешь видеть! — ответили ей из темноты.

— Хвала Аллаху!

— Санктус! Санктус! Санктус!

И снова крики на испанском и урду.

— Заткнитесь! — рявкнул Печеньице.

«Каравану Харизма» и раньше доводилось перевозить опасных и заразных людей или сложнейшее оружие, но с чем-то подобным Печеньице столкнулся впервые. Он даже не знал, распутаются ли когда-нибудь змеи. Надо будет рассказать Джейкобу, когда они остановятся в Сент-Луисе. А пока лучше не выводить из себя Чистотца.

— Слушай, — начал он. — Из-за этих людей не беспокойся. Они просто напуганы. Когда доберемся в Сент-Луис, разомнем ноги и поменяем местами людей. А пока почему бы тебе, Лони и Роджеру не пересесть вон туда. Там есть смотровая панель, можешь выглянуть наружу.

Чистотец кивнул.

— Но я… Я беспокоюсь за нее, — пробормотал он.

Печеньице поглядел на девушку у ног лысого: свернулась точно так же, как змеи под полом. За годы на американских дорогах он всякого навидался — и необычного, и необъяснимого, но никогда не встречал таких, как этот лысый и его зеленоглазая девчонка. Их окружала странная аура, вот это невозможно было

отрицать.

— Давно она стала такой?

— Не знаю, — ответил Чистотец. — Я познакомился с ней всего несколько часов назад. Ее держали в инфошлеме.

— У нас тут есть диагностикон, — сказал Печеньице. — Давай-ка я ее проверю. Может, найдем что-нибудь, чем можно ее поправить. Но не слишком обольщайся.

Печеньице жестом попросил блондинку помочь ему с Кокомо, а Лони и Роджер взялись развлекать Чистотца: Роджер решил, что лучше всего это будет сделать при помощи старинной игры «Кто я такой?», где каждому загадывают какую-нибудь знаменитость, а он должен задавать вопросы и угадывать, кто ему выпал.

Лони угадал Уинна Фенсера, а Роджер так же быстро — супермодель Тринидад Слейд. Потом пришла очередь Чистотца.

Как раз в этот момент за смотровой панелью мелькнул еще один странный щит.

Если хамелеон видит себя в зеркале, то меняет цвет.

Вонючка Юла

От этого мозг Чистотца вновь взорвался хаосом образов.

— Вонючка Юла? — спросил он, ощутив ледяной укол интуиции.

— Как ты так быстро догадался? — завопил Роджер.

Чистотец помотал головой.

— Кто такой Вонючка Юла?

— Ты не знаешь, кто это, но догадался, кто тебе выпал? — озадаченно спросил Лони.

— Все слышали про Вонючку Юлу, — вставил женский голос снизу.

— За прошедшие годы он называл себя разными именами, — объяснил Роджер. — Его настоящее имя Ронуэлл Сьюард. Вундеркинд. Заработал уйму денег на кибертехе с Фенсером. Но Сьюард был умнее. В девять лет он поступил в медицинский институт. Потом в МТИ[57]. Потом, так, во всяком случае, рассказывают, сочинил и записал симфонию под названием «Disjecta Membra»[58] и платиновый тройник «Проповедь извращенным», а ведь до того нот в глаза не видел. Затем он начал принимать наркотики в диких дозах и даже создавать собственные, занимался какими-то экспериментами в области музыкального гипноза, проектировал органические компьютеры.

— Он создал самый совершенный органотрон, — добавил Лони. — Без чьей-либо помощи. Он создал черного блюз-гитариста по имени Слепой Лемон Джексон Джефферсон

Джонсон Джонс[59]. Некоторое время жил с порнозвездой Фелацией. Они вместе сняли фильм «Американский рай». А когда фильм провалился, она обвинила его в том, что он пристает к ее приемным африканским детям-мутантам:

«Что-то знакомое, — подумал Чистотец. — Но что?»

— Фелация сошла с ума. Подожгла детей и повесилась. Юла исчез. Говорят, он клонировал собственный религиозный культ и живет на острове или лежит на криогенном хранении в Убежище Времени «Земля XX века».

— Тогда кто сочиняет фразы для щитов? — спросил Чистотец.

— Каких щитов? — нахмурился Роджер.

Глава 11
Совет по семейным проблемам

— Хочешь чашку какао? — спросила Эрата, осматривая шишку, которую Арета заработал, упав на пол.

— Оч… очень, — признался трансвестит комплекции полузащитника, и это признание шло как будто из самого сердца.

— О'кей, — нежно, но твердо сказала жена и, подав ему холодный компресс, встала и отправилась на кухню.

Арета огляделся по сторонам. Да, это его старая квартира, вот только теперь тут все иначе. К его полнейшему изумлению, неутомимая супруга-маркетолог накопила немалый вес (надо отметить, удачно распределившийся) и заделалась жрицей вуду. В некогда шикарной гостиной повсюду висели картины и стояли церемониальные статуэтки — не говоря уже о паре крокодильих черепов. Хрустальные вазы и графины сменились бутылками из-под бренди с пластмассовыми цветами и мисками с жареной свининой.

Вернувшись с дымящейся кружкой, Эрата рассказала, как записалась на курс сравнительного религиоведения по программе заочного обучения в Колумбийском университете. Потом съездила в Бенин, а затем прошла посвящение на Гаити. Такого поворота событий Арета никак не ожидал и, слушая ее болтовню про Папу Легба и Барона Самеди, думал о том, что у него, наверное, кислотный флэшбэк, как во времена до поступления на юридический, или, может, он, сам того не заметив, подхватил новое заболевание с симптомами галлюцинации. Неужели это взаправду? У нее даже есть татуировка с Данбала Великим Змеем! Как его жена могла сделать себе татуировку? Да еще на груди! «Господи всемогущий, — подумал он, — я рассматриваю грудь собственной жены!»

От нее пахло потом и как будто благовониями. Сидя среди ночи у нее на диване (он не видел ее много лет, много лет вообще не оставался наедине с женщиной), он не знал, как объяснить, где был и что делал с тех пор, как ушел в подполье, а еще не понимал, что случилось с ней, и боялся всего, что предстояло… И не успел он додумать эту мысль, как уже целовал ее, а она — его. Они трахались во всех позах, какие допускали законы физики, пока не отвалились измученные на циновку из листьев банановой пальмы.

— Ну и загонял же ты меня! — выдохнула Эрата.

— А как же я? — простонал Денцель. — Я думал, у меня

будет сердечный приступ! Растерял всю сноровку!

— Чушь! — рассмеялся жена. — Меня так не отделывали со времен Бенни.

— Какого Бенни?

— Бенни Ху.

— Только этого не хватало! — бросил Денцель, шлепая жену. — Это еще кто, хотелось бы знать?

— Тот парень, который доставляет заказы из китайского ресторанчика. Неужели забыл?

— Его?

— Он знает шесть тайн ниндзя. А кроме того, я как раз приходила в себя после Монро.

— А кто такой, черт побери, Монро? — отдуваясь, спросил Денцель. И к удивлению своему обнаружил, что его член снова напрягся.

— Принимающий в «Ньюарк Нейтроне».

— Тебя что, на молодых потянуло?

— Только на Монро… и на Лукаса Трейна. Ах да, и на Мюррея. Это сын нашего домовладельца.

— На малыша Мюррея? — не поверил своим ушам Денцель.

— Вот уж в ком ничего маленького нет. — Эрата подмигнула, лаская мужа.

— Подожди-ка… ты в бляди подалась?

— В бляди? Подожди, я тебе устрою блядь!

С мгновение они боролись — а после снова взялись за старое. «Срань Господня, — подумал Арета. — Надо перестать трахать собственную жену!»

Еще дважды они отваливались без сил, задыхаясь от недоуменного наслаждения, пытаясь понять, что же с ними происходит.

«Надо спросить про Минсона, — подумал Арета-Денцель. — Хватит этого сумасшедшего секса, нужно браться за дело».

— Ты едешь?.. — спросил он. — В Лос-Вегас?

— Конечно! А ты думал, я такое пропущу? Зачем еще мы устроили ритуал? Попросить помощи духов.

— Ты не… против, что Минсон боксирует?

— Да нет, конечно. Но я должна быть там. Тебе ведь я всегда помогала. Вот черт, в прошлом. Вспомни, сколько лет ты пил.

— Знаю, — со вздохом отозвался Денцель, вспоминая.

— Меня только беспокоит, что ему проломят голову, но он уверен, что победит.

— Правда? — выдохнул Арета. — Ты с ним разговаривала?

Эрата поглядела на него с грустью и удивлением.

— Мы каждую неделю созваниваемся, и он часто меня

навещает. Я тоже к нему ездила. И ты бы мог. Если бы…

— Знаю… — вздохнул Арета.

— Все это время… Я так на тебя злилась… так обижалась, когда ты всем объявил, кто ты. Не потому, что тебе хотелось спать с мужчинами или одеваться как женщина. А потому, что ты так долго лгал. Лгал Минсону. Не мог принять его таким, как есть.

— Это потому, что я себя не мог принять, — ответил Арета.

— Но я-то могла. Злилась на тебя, обижалась. Мне было очень больно. Но я научилась с этим жить. Я не терплю лжи. А теперь все эти годы…

— Он вообще про меня вспоминает?

— Идиот проклятый! Конечно, вспоминает. Ты, возможно, лег на дно, но в памяти-то остался! Он считает, что ты мертв. Ходили слухи о самоубийстве.

— Так я и думал.

— Это было сразу после ежегодного обеда ассоциации юристов.

Денцель поморщился.

— Я так напился.

— Напился? Ты явился в прозрачном вечернем платье и на шпильках. Судья Фултон принял тебя за одну из заказанных проституток! После этого все решили, что ты покончил с собой, но я убедила Минсона, что это дело рук какого-то преступника, которого ты засудил и который явился мстить. Но сама-то я никогда не верила, что ты мертв.

— А что ты думала? — полюбопытствовал Арета.

Жена отвела глаза.

— Что ты в тюрьме. Из-за той истории с деньгами.

— Какой истории?

— Ко мне приезжали из совета директоров, предъявили доказательства того, что ты брал взятки и получал комиссионные с отсуженных алиментов.

— Меня оклеветали, — застонал Арета. — Ничего удивительного… но все-таки…

— Ты ведь не собираешься опять лгать, да?

Арета на мгновение задумался. Непросто будет объяснить, как его рекрутировали сатьяграхи, почему Форт Торо окружен сверхсекретным барьером, благодаря которому его никто не замечает, и то, что, хотя он номинально возглавляет расположившиеся там отряды, по-настоящему ими руководит женщина по имени Парусия Хид, суперсаботажница, которую никто никогда не видел. Как заставить жену поверить в то, что Беулах Шварцчайлд и члены совета директоров «Макдоналдса» отбывают покаяние среди инвалидов и больных СПИДом? Что она

подумает, услышав, что среди его ближайших соратников угрюмый карлик с высочайшим интеллектом, которого обвиняют в государственной измене, шифровальщик без ушей и ребячливая лесбиянка, которая запрягает в сани лабораторных собак, чтобы гонять по туннелям под городом.

— Лгать я не буду, — честно сказал он. — Слишком много всего случилось. Я не брал тайком комиссионных и как юрист никогда не совершал ничего противозаконного. Но все равно оказался в своего рода тюрьме. В психбольнице. А когда очухался, меня упекли в обмен на выходное пособие и право покупки акций по льготной цене. Ты их получила?

— Пособие, но не акции.

— Сволочи!

— Почему ты со мной не связался?

— Сначала у меня было слишком плохо с головой, и вообще слишком стыдно. Мне нужно было самому во всем разобраться. А после, когда я попытался… то обнаружил, что просто не в состоянии. Меня изолировали. Держали в частном санатории в Коннектикуте. Я думал, что смогу уехать, как только буду готов. Но вышло иначе. Я поклялся сбежать, но это было не так просто.

— Ты сбежал? Тебя разыскивают?

— Вероятно. Я уж точно не могу снова стать корпоративным юристом Денцелем Фиском.

Его жена с минуту молчала.

— Это правда? И что ты будешь делать?

— Не знаю. Я знаю, что хочу увидеть поединок. Хочу быть рядом с Минсоном, что бы ни случилось. А после… — Он пожал плечами.

— Ты поэтому вернулся? — спросила Эрата. — Чтобы я помогла тебе добраться в Лос-Вегас? Потому что не пройдешь контроль в аэропорту, даже если я куплю тебе билет?

— Да, — нерешительно признался Арета.

— Ты скажешь Минсону правду?

— Только не перед поединком. Ему и так есть о чем волноваться. После.

— Ладно, — сказала, помолчав, жена, — но на моих условиях. Сегодня Монро повезет меня туда на личном самолете. Я кое в чем помогла ему с вуду. Для нас заказаны апартаменты в отеле «Царство Солнца».

— Ты же сказала, вы порвали!

— Мы и порвали. Но сам знаешь, как это бывает, когда видишь красивую задницу. Так вот можешь пустить в ход свое умение одеваться и краситься и поехать как моя уродливая кузина. — Эрата усмехнулась. — У тебя будет бесплатное место

на очень частном самолете, а еще поживешь в роскошных апартаментах в том самом отеле, где будет поединок. Никто ни о чем не догадается, если ты сам не проколешься. Ты еще пьешь?

— С тех пор как мы в последний раз виделись, ни в одном глазу.

— Хорошо. Одной заботой меньше.

— Значит, я поеду под видом твоей кузины?

— Уродливой, занудной кузины. Моей тупой, невежественной, безобразной кузины из Алабамы, которая только-только приехала в Нью-Йорк!

— А потом… мне придется сидеть и смотреть, как ты возишься с молодым Монро в его лайнере?

— Вполне возможно.

— Хорошо. Как скажешь.

— Ну-ка повтори, — прошептала Эрата. — Мне понравилось, как это звучит.

Глава 12
Неприятный сюрприз

А в нескольких кварталах от них Ищейка собрал глав Форта Торо на совет по поводу нового кризиса, который грозил сотрясти их колонию. Все чувствовали себя не в своей тарелке: последние несколько дней выдались напряженные. Уставшие как собаки физически, они чувствовали себя посвежевшими душевно. Воздух был напоен ароматами пыльцы и озона. Появились пчелы, слетались птицы. И не просто обычные малиновки, воробьи и голуби, а кардиналы, алые танагры, иволги и горлицы. Над палатками и бункерами психиатрического отделения сновали радужные попугайчики-лори. Над крышей хижины для больных СПИДом видели тукана, а на информационном центре — белоголового орлана. Никто не знал, что это значит, но все были уверены, что происходящее как-то связано с Чистотцом.

И потому тем утром на зов Ищейки собрались одурманенные весной руководители общины — лишь чтобы услышать поразительное объявление. Глава разведки обсасывал его с тех самых пор, как получил по прямой связи сообщение трансвестита: изучал варианты и последствия, пока не пришел к выводу, что готов действовать. Такой оборот событий был слишком хорош, чтобы походить на правду, и надо извлечь из него максимум выгоды.

— Как всем вам известно, в наших рядах есть предатель, — начал карлик. — Как бы ужасно это ни звучало, кое-кто, пользовавшийся большими уважением и полномочиями, пошел против нас. А теперь с глубоким потрясением и горечью я должен сказать, что Арета переметнулся на сторону врага.

Лица собравшихся внезапно обмякли или собрались морщинами. Все обратились в слух — кроме Хеймдаля.

— Арета? — воскликнула Натассиа. — Не может быть, черт побери!

— Еще как может, — отозвался карлик. — Знаю, это трудно принять, но вчера поздно ночью было предпринято покушение на главную базу данных. По счастью, я расставил ловушку.

Ищейка развернул к собравшимся монитор.

— Я проследил вирус до терминала Ареты. Думаю, вы согласитесь, маловероятно, что доступ имел кто-то другой. Покушение провалилось, сработала сигнализация, и хорошо, что я предвидел подобный ход.

— Подожди-ка, — вмешался Широкая Частота. — Разве не

она, — он всегда говорил об Арете в женском роде, — посоветовала тебе расставить ловушку? Ведь это она обратила наше внимание на взлом систем защиты.

— Классический обманный маневр, — возразил Ищейка. — Она одурачила всех нас.

— А где сейчас Арета? — спросила Лайла, видевшая в главе колонии мужчину. — Давайте послушаем, что он скажет.

— В том-то и дело, — улыбнулся Ищейка. — Наш уважаемый предводитель исчез. Растворился в ночи. И адреса не оставил.

— Не верю! — нахмурилась Натассиа.

— Он прав. — Доктор Квайл поморщился. — Рано утром я проходил мимо его палатки. Никаких признаков жизни.

— Это еще ничего не значит!

— Не значит? — переспросил Ищейка. — Но, учитывая провалившееся покушение, мы знаем, что у нас проблемы.

— Это серьезное обвинение, — указала Лайла.

— Имел место взлом, — возразил Ищейка. — Он сделал свой ход, и теперь наша очередь.

— Так ты теперь всем распоряжаешься? — свирепо уставилась на него Натассиа.

Но карлик не клюнул на провокацию.

— Буду счастлив до новых выборов.

— Что ты предлагаешь? — проворчал Хеймдаль.

— Свернуть всяческую деятельность. Мы не знаем, как глубоко зашло заражение.

— Невозможно! У нас люди, которые нуждаются в лечении. Плюс полным ходом идут несколько кампаний. Планируется три рейда и крупная акция саботажа инфоканалов плюс совместная операция с Софрозиной в Европе. Малейшее промедление сведет на нет месяцы опасной работы!

— Должно же быть какое-то логичное объяснение, почему Арета ушел, — не унималась Натассиа. — И готова поспорить, это как-то связано с Чистотцом.

— Верно, — согласилась Лайла. — Откуда нам знать, что он не отправился с секретным заданием, как Парусия Хид? Может, она сама его послала.

— Сейчас Ищейка скажет, что и Парусия с ним в заговоре, — сморщила носик Натассиа.

— Послушайте, друзья, — объявил Ищейка. — Это очень неприятный сюрприз. Поверьте, я расстроен не меньше вас. Мне бы тоже хотелось думать, что исчезновению Ареты есть вполне невинное объяснение, но даже найдись такое, остается весомый аргумент: неудавшееся покушение на базу данных. Боюсь, именно сочетание этих факторов делает обвинение столь прискорбно

убедительным.

— А какие у нас доказательства, что именно Арета запустил вирус? — взвилась Натассиа. — Ты сказал, линк идет на его терминал. И что с того? Любой, у кого хватило бы мозгов, мог бы пробраться в палатку Ареты и его подставить.

— Если за этим стоит не Арета, то это кто-то, кто знал, что Арета собирается исчезнуть, иначе к терминалу ему не подобраться. Ну и какая же миссия могла заставить Арету уехать в столь рискованный момент? Даже будь это вопрос жизни и смерти, он хотя бы кому-нибудь бы сообщил. Мне он уж точно ничего не сказал.

— Откуда мы знаем, что с Аретой не случилась беда? — внес свою лепту доктор Квайл.

— Мне такое в голову приходило, — подхватил Ищейка. — Ужасная мысль. Но будем практичны: довольно трудно долго прятать в лагере тело его комплекции. И подумайте об этом с точки зрения военной или разведывательной операции. Зачем приканчивать Арету, если твоя истинная цель — база данных? Если истинной целью было устранение Ареты и если убийца смог подобраться так близко, то почему бы не стереть с лица земли весь лагерь? Нет, думаю, если присмотреться внимательнее, мы обнаружим, что верен мой сценарий, так логичнее всего увязываются саботаж доктора Будь-Здрав, провалившаяся атака на базу данных и исчезновение Ареты.

— Просто не могу поверить, — проворчала Натассиа.

— Все упирается в твои слова о том, что кто-то покушался на загрузочные файлы, — указал Хеймдаль.

Карлик сохранял хладнокровие, хотя при ближайшем рассмотрении и под удачным углом можно было бы заметить, как у него в глазах появился горячечный блеск.

— Ты прав, — признал он. — Но сам можешь проверить технические данные. А пока наш уважаемый предводитель в бегах. Если обнаружится тело, я с радостью — и грустью — изменю свое мнение, хотя, на мой взгляд, сейчас совсем не время вгонять в панику весь лагерь поисками трупа.

— И что ты предлагаешь? — осведомилась Лайла.

— Я предлагаю голосовать за приостановку всей деятельности, пока у нас не появится возможность удостовериться, что ничто больше на нас не свалится.

— С тем же успехом можно вообще признать свое поражение, — пожала плечами Натассиа.

— Это называется стратегическим отступлением, — ответил карлик. — Иногда оно бывает необходимо, как и взглянуть в лицо неприятной правде.

— Разве не этого хочет от нас «Витесса»? — заметил Хеймдаль.

Ищейка прищурился.

— Если бы вышло по воле «Витессы», весь наш лагерь и все в нем или превратились бы в пар, или были бы подключены к их теологии. Думаю, нам еще повезло, что шпиона к нам внедрили на столь высоком уровне и что пока мы понесли лишь незначительный ущерб.

— Он прав, — согласился Квайл. — Кажется, у нас нет другого выбора.

— Кто бы мог подумать, трансвестит! — поморщился Широкая Частота. — Волк в овечьей шкуре.

— Хватит! — крикнула Натассиа. — Нам предстоит основательно поработать. Уничтожить плоды многолетних трудов.

— Не надо драмы, — буркнул карлик. — Кроме того, сомневаюсь, что в последнее время такая уж большая велась работа. Скорее у нас тут секс-марафон.

Сам этого не заметив, доктор Квайл как раз запустил руку между колен Лайлы. Фраза карлика всех заставила сосредоточиться на насущных проблемах. Даже Натассию с ее огненными губами и ненасытным лоном.

— Ладно, — пожала плечами она.

Они вышли на весеннее солнышко, которое вдруг снова показалось зимним. Последним палатку покинул карлик, который направлялся в информационный центр. Из-за дерева выступил Гермес. Глава разведки успел вовремя остановиться, но вынужден был признать, что мальчишка на пару дюймов выше его. Холодный взгляд альбиноса напомнил ему, на какой чудовищный риск он пошел и как предоставленный Чистотцом внезапный шанс заставил его действовать гораздо раньше, чем хотелось бы. И верно, он нарушил один из своих основных принципов: у него не было запасного плана. Он опустил взгляд на наручные часы. Во всяком случае, пока нет.

Глава 13
Пыль дорог

Покидая Джоплин, «Караван Харизма» отставал от графика, Джейкоб давил на газ, словно участвовал в гонке «Гран-при», словно завтра конец света. Вдоль автострады отбивали чечетку гигантские эйдолоны, рекламирующие игорные курорты, стараясь перекричать сорокафутовых баптистских пасторов вдоль автономных солнечных батарей, супермаркетов и похожих на бункеры жилых домов. За ними жарились на солнцепеке продуваемые ветром мертвые китайские городки и обитые колпаками для колес амбары. Щиты нескольких общин рекламировали «СУХОЙ ЗАКОН» или показывали семейные пары в полных скафандрах с подписью «БЕЗОПАСНЫЙ СЕКС ЗНАЧИТ НИКАКОГО СЕКСА» и «СОБЛЮДАЙ БЕЗБРАЧИЕ». Другие описывали наказания, практикуемые в их юрисдикции: от отлучения до химической кастрации — или публичного увечья за гомосексуальные связи.

Ни в Клейморе, ни в Тулсе проблем им не встретилось, но к западу от Оклахома-Сити Джейкоб заметил боевой строй черных максилетов и товарный поезд из ярко-оранжевых немаркированных контейнеров. Максилеты ни разу не спустились на перехват, караван шел на ровной скорости.

Хотя с системой наведения могли разобраться еще в Индиане, было очевидно, что «Витесса» все-таки способна отследить Чистотца — или же предвосхитила его прибытие. Вопрос заключался в том, когда произойдет нападение.

Контрольно-пропускной пункт в Клинтоне был закрыт, повсюду стояли полицейские машины, а на ближайшем аэродроме ждали вертолеты «файердрэгон». Максилеты отстали, но на восток направлялась вереница черных обтекаемых машин — а с запада по-прежнему параллельным с «Караваном Харизма» курсом полз оранжевый товарняк.

— Буди их, — велел Джейкоб Печеньицу, проехав указатель на Шэмрок.

Массивный негр протиснулся в грузовой отсек фуры, где дремали пассажиры. В шелковом гамаке Чистотец снова видел сны о городе циклонов. Он видел юную девушку. Потом трех китайцев. Они пытались ему что-то сказать, но за ветром он не мог различить голосов. А потом проснулся.

— Пошли, — тряс его за плечо Печеньице. — Почти приехали.

Несколько минут спустя фура сбавила ход и остановилась. Автострада терялась в тумане. Джейкоб открыл задние двери, и Чистотец увидел кладбище автомобилей, два трейлера и бунгало из переоборудованного товарного вагона, а рядом несколько юрт; на первый взгляд, все были пустыми. Магазинчик рядом с заправочной станцией казался заброшенным, зато топорщился флюгерами — более сотни их покрывали крышу точно вставшие дыбом волосы. Стрелки на флюгерах были всех мыслимых форм: гордые орлы, индейские вожди, силуэты локомотивов с выступающими трубами, архангел Гавриил, дующий в золотой рог. Вдалеке Чистотец заметил небольшую ветряную мельницу и маячившие на фоне неба белые с серебром лопасти турбин.

— Давайте, — поторопил Джейкоб, помогая им спуститься. — Нам нужно спешить.

— Я хочу поблагодарить тебя, — сказал Чистотец и заметил маленький надгробный камень, поднимающийся из бурьяна.

— Не знаю, станешь ли ты благодарить меня потом. «Витесса» знает, что ты здесь. Удачи.

Чистотец кивнул. Вскоре фура Джейкоба и Печеньица скрылась из виду, а они с Кокомо остались в пыли на ветру.

Из-за облака вынырнул «Стар-крузер С-113». Чистотец не заметил, что серебристо-голубая стрела выпустила много меньший летательный аппаратик, возможно, в одну десятую своей длины. В абсолютной тишине аппарат стал медленно опускаться, выслеживая грузовик Джейкоба.

Взрыв осветил горизонт. Пылевой смерч поднялся за ветряными мельницами как рука ребенка.

Часть 4 ТЕМНЫЙ УРОЖАЙ

И потому спрашиваю я, качая головой,
Во скольких реальностях я уже не живой.

Джеймс Уиткомб Райли

Глава 1
Смутные времена

Подписчики «Зри-видения» вынимали коннекторы из розеток в основании черепа и вновь возвращались к жизни в собственных телах и своему окружению. По всему земному шару люди выходили из виртуальной реальности, падало потребление нейрохимических препаратов. Постоянным оставался лишь интерес к обретению сексуальности Селезнем Дули и роману гигантского синего эйдолона с его грудастой подругой-орангутангшей. Чем больше людей стремилось приобщиться к физическим переживаниям Дули и Уббы, тем больше слабела зависимость от БИСПИДа. Феномен «уббы-дуббы» распространялся эпидемией радости. Массовые праздники физической близости охватили такие унылые города, как Дейвенпорт, Айова и Вичита в Канзасе, а за пределами Америки они полыхали от Антверпена до Окленда, от Кракова до Киото. Его влияние испытали даже мусульманские страны и мормонские анклавы. И от сути этих празднеств движение Дули становилось тем более чудесным. Тактично использовались разумная гигиена и действенный контроль рождаемости. Семейные пары, давно страдавшие от бесплодия или разоренные «инвитро»-технологиями «Витессы», наконец испытали удовольствие от процесса. Число изнасилований сократилось на девяносто процентов, и там, где расцветал «дулиизм», утихала даже лихорадка «Пандоры».

Теневой совет директоров «Витессы», известный как «Пантеон», бил тревогу. Акции БИСПИДа падали, но «Бейби-ритуал» под руководством Джулиана Динглера превратил кризисную ситуацию в триумф имиджа и дал отпор Христианской Нации и ее союзникам, заявив, что обретение Селезнем Дули крайней плоти и эрекции, возможно, дело рук не хакеров, стремящихся унизить «Витессу», а высших сил, напоминающих нам о нашей двоякой — божественной и животной — природе. В обращении, сейсмическими волнами сотрясшем монолит «Витессы», Динглер возвестил, что свобода, откровенность и беззаботное веселье в сексе отныне станут новыми важными элементами философии «Бейби-ритуала». В одночасье «Бейби-ритуал» превратился в любимца корпорации, а Динглера прославляли как спасителя.

Но в прочих областях дела «Витессы» обстояли иначе. Вспыхнула эпидемия ожесточенных склок и взаимных

маниакальных обвинений по мере того, как из Европы и Азии поступали доклады о технических сбоях и контаминации продуктов, а в Торонто организация сопротивления, называющая себя «Церковь Невидимая», обнародовала сообщение, что «Эфрам-Зев» собирается выпустить новый комплект психоактивных препаратов под видом пищевых добавок для похудания (а позднее безумно дорогие противоядия от них), которые вызывают специфические фобии, как, например, арахисофобия — иррациональный страх того, что к небу прилипнет арахисовое масло. Появлялись дальнейшие свидетельства того, что коварная наука усовершенствования недееспособности достигла невообразимых высот в разработках вещества, способного усилить взаимную неприязнь мусульман и ортодоксальных евреев, а также ужас перед немногими уцелевшими лесорубами, барбулофобию (иначе говоря, страх перед бородачами).

Неудивительно, что «Витесса» забеспокоилась. И в дополнение к этим драмам и кризисам оставалась еще проблема Чистотца. Опираясь на поступившие от пока неизвестного агента сведения, «Пантеон» силился разобраться, что он на самом деле собой представляет. То, что Чистотец действительно объявился в Техасе (как и предсказывал таинственный «помощник»), лишь чуть ослабило тревогу «Пантеона». Этот путник, которому дали кодовое наименование БЕГУЩИЙ АНГЕЛ, уже показал себя как опасный элемент. На что он способен? Кто его послал? Сведения у них непроверенные, информационный канал ненадежный. Но еще хуже было другое: ловкий намек безымянного информатора, дескать, Джулиан Динглер тоже тут как-то замешан. А ведь Динглер был сейчас надеждой и опорой корпорации. Внутреннее расследование и копание в его прошлом лишь дестабилизируют ситуацию, ирония которой не прошла незамеченной для великих творцов и распространителей нервозности. Это ведь они когда-то стали пионерами таких постдемократических стресс-заболеваний, как синдром Таттла (навязчивый невроз, заставляющий больного проверять, застегнута ли у него ширинка), и потому прекрасно знали, сколь причудливые формы способны принимать неврозы. Никто в «Пантеоне» не знал про боевой зонд, который возможно взорвать, если сигнал с него будет установлен, поскольку эту информацию Ищейка до времени придержал. И они не знали про Кокомо. Поэтому их реакцией стала лобовая атака в сочетании (не слишком удачная идея) с блокпостами. По всем дорогам Техаса поставили военные кордоны. Педанты изолировали северо-западный сектор. И пока Ищейка сидел у себя в Форте Торо, размышляя, какие шаги может предпринять «Витесса», силы, о которых он понятия не имел, готовились взять в кольцо

заброшенный городок Дастдевил.

Глава 2
Череп и перекрестки

Чистотец обнимал Кокомо, а на крыше магазинчика с грязными окнами скрипели и ныли флюгеры. Бриз уже унес вонь взрыва, но его волны словно бы все еще отдавались в Чистотце вибрацией. Он не видел своими глазами, как подорвалась фура, но знал, что произошло, и от этого к горлу подкатывала тошнота. Он понимал, кто за этим стоит. «Витесса» или другие его преследователи настроены серьезно — смертельно серьезно. Только страх за Кокомо не давал его рассудку затуманиться. Он оглядел свой клочок западно-техасской пустоши. А чего он ожидал? Что разом все вспомнит? Нападение на «Караван Харизма» дурманило мысли, а пыль ела глаза.

Он попытался прислушаться к голосам, но ни слов, ни наставлений не последовало. Он двигался по карте. Он пришел на место, но никто его не встретил, во всяком случае — на первый взгляд. Лишь костлявая собака помойного цвета вынюхивала что-то среди остовов автомобилей.

Глаза у Кокомо были зелеными, как мякоть киви, но лицо словно бы одеревенело и казалось пустым. Чистотец не знал, повредило ли ее рассудок лишение инфошлема или шок от расставания с Лепестком Ликорицы и «Дамским клубом Кикапу», но боялся за нее. Если не считать ненадежной карты, кроме нее, ему больше не за что уцепиться. В глубине души поднимал голову страх, желание сдаться и покончить с тем, за что бы он ни взялся. «Куда бы я ни пришел, от меня одни беды, — думал он. — Джейкоб, Печеньице и остальные погибли. Нас, возможно, скоро постигнет та же участь». И все же никуда не деться от того факта, что близость Кокомо, пусть больной или безумной, его успокаивает. Даже на этой одинокой пустоши она вселяла в него силу, укрепляла волю продолжать идти дальше. Узнать правду. Потому что это не только его правда и не только его путь. Он — и ее тоже, и погибшего «Каравана Харизмы», и Карны.

Он подошел к памятнику, выглядывающему из чертополоха со звездами цветов, — скругленному на конце камню четырех дюймов в толщину и фут в высоту. Чистотец не мог бы сказать, что это за камень, но ни царапин, ни лишайника на нем не было. Если склонить голову, в нем начинали поблескивать ярко-желтые вкрапления, как кристаллы оливина в метеоритах. На гладкой поверхности были выгравированы крошечная спиралька, напоминающая завиток девичьих волос, и слова:

Сокрытый возможно ищет
И отсутствующий возможно вернется.

«Вот оно? — спросил себя Чистотец. — Возможно, я — отсутствующий, который вернулся». Сжав в кармане миниатюрный шарик из слоновой кости, он обернулся. Дрожала земля. Он постарался восстановить равновесие, но при первом же шаге земля ушла у него из-под ног. Чистотец бросил взгляд на Кокомо… его пальцы ухватили воздух… падение.

Когда все закончилось, он лежал в песке, правая нога болела, в нос бил тяжелый запах кладбищенской земли и железа. Постепенно его глаза привыкли к рассеянному свету. Перед ним маячила залитая в бетон стальная рама со стеклом. Над головой — пятно света, но не небо. Растерявшись, он в панике позвал Кокомо, а в ответ услышал лишь сухой смешок. Чистотец с усилием сел. К стеклу прижалась носом хитренькая отвратительная морда. Дверь открылась, и первой он увидел железную руку с когтями, которая сжимала усиленную поликарбонатом резиновую дубинку. Чистотец уловил запах самогона из брюквы.

— Хе-хе, — усмехнулась харя. Морда сумчатой крысы, но лабораторно-обвислая и безволосая, с красными, словно кровавые яйца, глазками.

Чистотец ощутил жжение, как от осиных укусов, и, отлетев, с глухим стуком ударился о железную стену.

— Только понюшечка, друга. Шавельнись, п'ка ни сказу, и Эл тиби яйцы отожжет! Сечешь?

Кивнув, Чистотец кое-как сел, превозмогая боль. Сколько он пролежал в этой стальной камере? Минуты? Часы? Омерзительная тварь снова врезала ему дубинкой.

— У нас твоя чокнутая, — просипела тварь, а после рыгнула, выпустив гнилостный запах отходов, который подействовал хуже разряда из лазера.

— Ткнись! — рявкнул другой голос.

Кусок железной сетки отодвинулся, и в отверстии сперва возникло дуло обреза «саваж», а за ним — рука и, наконец, тело, подобного которому Чистотец никогда не видел.

— За Химо не б'ся, — заявило странное существо. — Он б'ше в'няет, чим кусает. Вых'ди, токо держи руки кверху.

Теперь видно стало лучше, желтоватое свечение исходило от масляного фонаря на полу. Земляные стены в туннеле были укреплены тяжелыми подпорками, потолок поддерживали где-то бетонные столбы, а где-то почерневшие от копоти шпалы. Было холодно и сыро, но человек с обрезом потел, был голый, если не

считать боксерских трусов в поблекший цветочек. На спине и груди у него выступали рельефные мускулы, но руки словно бы усохли, точно он перенес ревматический полиартрит, а безобразно вытянутый нос казался не человеческим, а скорее звериным, да и вообще оставалось сомнение, не взят ли он от тапира. По обеим сторонам этого «хобота» поблескивали глазки-бусинки.

Носатый подтолкнул Крысу обрезом, и тот засеменил по туннелю. Чистотец двинулся следом, удивляясь, как быстро прошла боль от падения и удара. Наконец они очутились в другой бетонной камере, гораздо большей и освещенной галогенной лампой, запитанной от аккумулятора, и фонарем на рапсовом масле. Крыса куда-то подевался, зато тут были другие, не менее странные типы.

Например, морщинистый старикан без видимых рук или ног, но втиснутый в дешевенькую тайваньскую версию роботизированного экзоскелета, в котором Человек из Стали изображал Хупера. Над его черепашьей головой был закреплен защитный брус, с которого свисали три подкладных судна. Чистотец заметил, что остальные обитатели смотрят на судна, а не на иссохшее личико под ними. Были тут и две женщины. Одна, с виниловым пучком на макушке и раздутыми от коллагена губами, которые делали ее похожей на утконоса, картинно раскинулась в шезлонге. Другая выглядела значительно нормальнее (во всяком случае, на лицо) и моложе, но она была сиреномелой — ноги у нее срослись словно бы в русалочий хвост. Чистотец успел окинуть ее быстрым взглядом, прежде чем она запрыгнула на передвижной костыль и с явным облегчением вставила ноги в раструб, а руки в ременные петли. Следующий индивидуум оказался поистине уникальным: неопределенного возраста и даже расы, и кожа такая, будто его вывернули наизнанку. Он сидел в прозрачной палатке из какого-то навороченного полимера. В такт его дыханию поверхность палатки затуманивалась. Когда Чистотец присмотрелся внимательнее, мужик подался вперед на своем кресле-каталке.

— Кто это, черт побери?

Слова тип произнес в радиомикрофон, а разлились они из динамика, встроенного в пасть чучела пекари на стене. Остальные разом повернулись к голове свиньи — в точности как смотрели до того на судна, когда старик пытался что-то сказать. Лишь Носатый обращался к ним напрямую.

— Ткнис Дейвин, — пробурчал он и махнул «саважем» на ободранное кресло, приказывая Чистотцу садиться. Затем он выудил из кармана шприц и воткнул себе в правую ягодицу. —

Чше! — выдохнул он, посасывая распухшие костяшки пальцев, когда подействовало противовоспалительное.

Помещение напоминало просторный подвал. Стальная дверь была приотворена ровно настолько, что виднелся проход, уводящий в какие-то другие камеры — или в систему связанных между собой бомбоубежищ или бункеров защиты от радиации. Поглаживая в кармане белый шарик, Чистотец осторожно опустился в продавленное кресло, надеясь, что голоса тети Вивиан и дяди Уолдо помогут советом. Ужасные головные боли и вспышки похоти и отвращения унялись, во всяком случае — на время, и боль в ноге от падения тоже. А потому он невольно задумался, не вкатили ли ему опять какой-нибудь препарат. Теперь надо держат ухо востро. Едва ли эти типы из «Витессы», но, с другой стороны, ничего хорошего от этого клана троглодитов тоже ждать не приходится. Тип по имени Дейвин все затуманивал свою палаточку. Никто не открывал рта.

— Где моя подруга? — не выдержал Чистотец.

Он попытался мысленно нащупать присутствие Кокомо, но наткнулся на стену темноты и статики.

И снова испытал пронзительный укол головной боли и услышал поддразнивающий звук. Все взгляды устремились на панель управления, расположенную против пекари, даже не панель, а настоящий терминал с экраном вывода данных, под которым перемигивались огоньки сенсоров, а ниже свисали цепи с разнообразными колокольчиками на концах. Несколько огоньков замигали, и самые маленькие колокольчики дрогнули.

— Ветер поднялся, — заметила красотка в шезлонге. Рядом с ней старые судна завращались, как параболические антенны.

Чистотец мельком увидел на экране водоворот снимков с метеоспутника и потоки бегущих символов.

— Что все это значит? — спросил он. — Что вам от меня надо?

Русалка издала невнятный звук, а за ней — пекари, или, точнее, человек по имени Дейвин.

— А тебе что надо от нас? Это вопрос получше. Не мы ошивались возле твоего дома. Зачем ты здесь?

Тут Чистотец сообразил: что бы он ни сказал, все равно прозвучит бессмысленно. Он не знает, где жил раньше. Он не знает, что тут делает. Потому-то и приехал.

— Я ван Броклин, — представился Носатый, положив на колени обрез и потирая кончики пальцев (раздался треск, словно в синовиальной жидкости распадались артритные хрящи).

— Он у нас Трубкозуб! — хохотнула ведьма с большими губами. Услышав прозвище «Трубкозуб», все захихикали и

заухали.

— Тнитесь! — рявкнул ван Броклин и прицелился из обреза в голову пекари, которую затем снес со стены одним выстрелом.

Звук оказался оглушительный. Пуля разворотила голову трофея, которая в конечном итоге упала на пол, но динамик размером с шар для гольфа угодил в судно. Сорвав судно с перекладины, ван Броклин повесил его на крюк, который мгновение назад занимала голова свинки.

Дейвин попытался что-то сказать, но, отразившись от эмалированной поверхности судна, его голос взвизгнул на почти невыносимой частоте, поэтому он предпочел снова гулькать и дышать на полиэтилен. Ван Броклин пососал костяшки пальцев. Опять дрогнув, зазвякали колокольчики.

— Не знаю, кем вы меня считаете, но я никому не желаю зла, — сказал Чистотец.

— Он шпион! — выкрикнула Русалка.

— И на кого же я шпионю?

— На безбрачников, конечно, и на других тоже. На тех, кто ползает в ночи.

Колокольчики снова зазвенели — на сей раз громче и настоятельней. Ван Броклин вышел, прихватив с собой обрез. Отсутствовал он несколько минут, и за это время никто не произнес ни слова, хотя все украдкой поглядывали на Чистотца; последнего это встревожило. Вернувшись, ван Броклин отер с рук и груди пот и натянул застиранную футболку с надписью «ВОНЮЧКА ЮЛА: Тур по оцепеневшей Америке». При виде этого имени Чистотец вздрогнул. Ван Броклин прислонил обрез к роботизованному креслу с суднами и достал откуда-то гладкую серебристую шкатулку с закругленными краями, которую показал Чистотцу. Внутри оказался набор вставных челюстей из акриловой резины. С явной гордостью их осмотрев, он сунул парочку в щель рта.

— В сауну с пластмассовыми зубами не походишь, — пояснил он.

Колокольчики снова звякнули.

— Кто-то идет? — спросил Чистотец. — «Витесса»?

Оглянувшись на монитор, он увидел светящиеся голубые и зеленые спирали и мелкие иконки, в которых распознал флюгеры на крыше метеостанции Феникс. Постоянное мигание этих иконок заставило его задуматься, а что еще покрывает крышу у них над головой? Что, если под видом заброшенного универмага здесь скрывается метеостанция? Неужели это племя на такое способно?

— Так вот, — веско сказал ван Броклин. — Кормилица хочет

тебя видеть.

— Какая еще Кормилица? — спросил Чистотец. — И где моя подруга?

Почему он не чувствует Кокомо?

Снова зазвякали колокольчики сигнализации.

Глава 3
Кормилица

Повел его ревматоидный ван Броклин, по всей видимости, игравший роль телохранителя при неведомой Кормилице. К подземному помещению, куда они попали сначала, примыкали вентиляционная шахта с выходом на поверхность и система подачи воды, питавшая череду чахлых грядок. И снова Чистотец усомнился, что калеки, с которыми он только что познакомился, способны такое придумать.

Ван Броклин толкнул обитую резиной дверь, которая вела в следующее помещение. Там Чистотец к немалому своему удивлению увидел Кокомо. Дочка Лепестка Ликорицы лежала на полу в окружении пятнадцати или около того девочек — все младше десяти лет. Они распластались на куске грязного берберского ковра, обнимая каких-то существ, которых он поначалу принял за домашних зверьков или анимокукол, но, присмотревшись, понял, что это живые младенцы. Одни были размером с белку, другие и впрямь могли быть белками, учитывая пальчики-коготки. Третьи удлиненными головами и телами напоминали крупных глистов в памперсах.

Еще в комнате были мальчики того же возраста, нагишом заключенные в прозрачные шары из устойчивого к запотеванию полимера со множеством дырочек для дыхания. Пара таких шаров каталась по комнате или ударялась о стены. Несколько мальчиков, освоивших навыки управления, то есть научившихся выгибаться в разные стороны, сумели извилистым курсом меж высоких детских стульчиков и гигантских горшков попасть в бетонный загончик, обустроенный как поле для пейнтбола. Здесь им приходилось мастерски преодолевать различные барьеры из сетей и веревок, листов гофрированного железа или тюков вонючей соломы. Имелись также неглубокие ямы, в которых можно было застрять. Одна располагалась прямо под роботизованной черпалкой, которая быстро опускалась, захватывала любой попавший к ней шар и поднималась к самому потолку, чтобы там его отпустить.

Происходящее поразило Чистотца, но еще более удивительным показалось, как легко управляется Кокомо с маленькими девочками и их сюрреальным потомством. И поняв, что вопреки опасениям она тут не узница, он позволил ван Броклину увести себя.

Наконец они попали в тупичок, где путь им преградил

черный маскировочный холст из шелка-сырца. Ван Броклин громко шмыгнул носом.

— Входите, — произнес сиплый женский голос.

Протянув руку, Чистотец развел полы занавеса. Волоски у него на руке шевельнулись от статического электричества, когда он переступил порог помещения, тускло освещенного органической батареей и напоминавшего одновременно большой виварий и больничную палату. В ноздри ему ударил тошнотворно-сладкий запах молочной кислоты, а еще, слабее, — сальная вонь вазелина и пота.

— Сюда, — произнес голос.

Раздался шорох — очевидно, где-то шевельнулось крупное тело. Тело заливал янтарный свет от солнечной батареи, и Чистотцу невольно вспомнился светящийся кокон, в котором якобы обитал в Питтсбурге калека Эйнсли.

— Ну же! — подстегнул голос с отдышкой. — Я ждала тебя. О…

Загорелась еще одна лампочка. Женщина, если так ее можно было назвать, была гигантской, раздутой. Ее туша свисала на цепях с гидравлического подъемника. На шее у нее болтался контейнер, который в зависимости от того, как падал свет, казался то прозрачным, то стальным. Сама туша была обернута то ли газом, то ли марлей, но большая ее часть все равно оставалась на виду, красуясь чудовищными растяжками, блестящими пролежнями и шелушащимися шрамами. Чем дольше он осмеливался смотреть, тем больше ему казалось, что не столько у нее есть груди, сколько она сама и есть единая грудь, состоящая из бесконечных рядов сосков. Он не мог сосредоточиться, стремясь освоиться с представшей перед ним картиной: женщина кормила десятки людей. Извиваясь и пихаясь, как новорожденные щенки, под ней лежали взрослые мужчины.

Женщина встряхнулась, как морской слон, жировые складки затряслись так сильно, что порвалось несколько сосудиков. Поддерживающие ее витые тросы загудели от напряжения. С тявканьем, хрюканьем и проклятиями кормящиеся откатились в сторону и один за другим покинули палату. Женщина дернула за рычаг, чтобы лебедка вернула ее в вертикальное положение. Чистотец постарался смотреть ей в глаза. В иной жизни ее лицо, возможно, было красивым, теперь же превратилось в безобразную мясистую маску, местами растянутую, местами сморщенную.

— Поэтому тебя называют Кормилицей? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Я податель пропитания и источник зависимости, вот почему они боготворят меня и проклинают одновременно.

В раскатистом женском голосе звучало отчаяние, с каким высасываешь из акваланга последние молекулы кислорода.

— Разве… я не понимаю, — пробормотал Чистотец. — Разве ты не… не слишком стара… разве они?

— Со мной так обошлись в «ЖизнеСиле», это подразделение «Эфрам-Зев». Во всяком случае, их врачи инициировали процесс. В моем молоке содержится особый энзим, который стимулирует вырабатывание антител. Я — источник толики того скудного здоровья, какое у них есть, или они, во всяком случае, в это верят. Всех ведь нас питает вера, правда? Пока мое молоко не иссякнет, они нуждаются во мне.

— Откуда взялись эти люди?

— Дорин, Джад и их приемная дочь Ланетт, та, что со сросшимися ногами, уже были здесь, когда я вернулась. Ее обвинили в покушении на безопасность общества, судили и приговорили к хирургической операции. Родители жили с ней в прогнившем трейлере, пока ван Броклин не привел их вниз, как Дейвина, того типа в палатке. Он обнаружил, как управлять станцией Феникс.

— Так это не ты ее создала?

— Нет, — ответила Кормилица. — Сооружение было ветхим и заброшенным, но все системы работали.

Оно было замаскировано, догадался Чистотец. Но почему?

— А ван Броклин?

— Не знаю, как он сюда попал. Этот правды никогда не скажет. Но они с Чабби не пускают сюда безбрачников и прочих паразитов.

— Кто такой Чабби?

— С ним тебе встречаться не захочется.

— А дети…

— Они такие из-за гормонов и химикатов в пище. У всех мальчиков аутизм или синдром тасманского дьявола. Прозрачные шары — для того, чтобы не дать им причинять вред самим себе и другим. Маршрут, по которому они катятся, мы называем Регенератором случайностей. Он хоть как-то их занимает.

— Они… Они твои?

— Нет. Это дети, выброшенные безбрачниками и исследовательскими лабораториями. Ван Броклин их спас.

«Господи милосердный!» — подумалось Чистотцу.

— А при чем тут ветер?

— Они ему поклоняются. А еще больше — ураганам. Они надеются на новые Дары. На священные предметы, которые приносят ураганы.

— Какие предметы? — не удержался Чистотец.

— Хочешь посмотреть на них, любовь моя? О…
— Что?
— Я позову Гога и Магога. Их тоже принес сюда ураган.

Глава 4
Святые дары

Обращаясь в микрофон размером с ладонь, Кормилица вызвала Гога и Магога. Оба оказались микроцефалами или, как их когда-то называли, «булавочными головками», и на обоих — ни волоска. Осмотически поблескивала голая кожа, похожая на тритонью. Выпрямившись (а они вечно горбились), они были бы футов пяти росту — и это при обхвате и коренастости борцов сумо. К несчастью, любая подобная борьба для них исключалась, поскольку некто, обладающий внушительными познаниями в ортопедии, микрохирургии и иммунологии, сыграл с ними злую шутку, вывернув им суставы наоборот — точь-в-точь как у игрушек из мягкого пластика. У каждого была одна человеческая рука, одна медвежья лапа, и одна нога много короче другой. В результате двигались они в унисон, пытаясь скоординировать свои четыре ноги как единое целое. На обоих были старые шорты и грязные футболки с надписью «МИСТЕРИЯ СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХ В БЛЭК-ХИЛЛС — РЫБА-ПАРУСНИК, ЮЖНАЯ ДАКОТА». У каждого один глаз был как у долгопята, а второй — такой, что Чистотцу невольно пришла на ум пума. Уши у них были длинные и мясистые, как у бассетов, но чувствительные и влажные, как, впрочем, и вообще вся видимая глазу кожа. Уродливый рот подчеркивали второй подбородок или зоб, как у тропических ящериц, — такой способен раздуться вдруг оранжевым великолепием, служа средством общения. Едва завидев Чистотца, они возбужденно забулькали и стали делать руками знаки, которые почему-то напомнили Чистотцу хариджана на автовокзале в Питтсбурге.

— Он хочет увидеть Дары, — сказала Кормилица. — Покажите ему, а затем приведите назад.

Существа в унисон раздули зобы. Тот, что стоял ближе, протянул к Чистотцу медвежью лапу, и Чистотец подавил в себе желание отпрянуть. Гог и Магог повели его к двери в противоположной стене. За ней тянулся туннель, где за стеклом высилось несколько грандиозных муравейников. В местах их соединений светились комья какого-то вещества, Чистотец счел его химическими секрециями муравьев и вспомнил слова Печеньица о пси-поле, которое создают огненные муравьи.

Так называемые дары были разложены в облицованной плиткой комнатке на столе из нержавеющей стали под яркой флуоресцентной лампой. Судя по движению зобов, Гогу и Магогу

они внушали то ли благоговение, то ли ужас, и братья поспешили оставить Чистотца одного. Он же начал осматривать разрозненные предметы. Старинный кольт сорок пятого калибра с выгравированными на рукояти словами «Седьмой кавалерийский полк»[60]. И серебряная памятная ложка в честь Всеамериканской Выставки в Буффало в 1901 году, в точности такая же, какую он помнил.

При виде ее он испытал шок, и ему понадобилось несколько минут, прежде чем перейти к старому рундуку. На крышке красовался значок тачки с языками пламени, какой он уже видел в Индианаполисе, но поцарапанный и растрескавшийся, и надпись на латыни «Nitimur in vetitum…»[61].

Подняв крышку, он обнаружил беспорядочно сваленные предметы, явно ожидающие дешевой распродажи. Египетский папирус, скрипка Страдивари, первое издание пьес Шекспира ин-фолио, медный секстант с табличкой, которая гласила «КЕА Индевор». Рядом с чемоданом стоял сейф. Внутри оказались переплетенный в телячью кожу и замазанный чернилами томик «Мошенника» с автографом автора и первоиздание «Многообразия религиозного опыта» Уильяма Джеймса, подписанное с многочисленными росчерками и завитушками. Из этого томика вывалились три пожелтевшие открытки. На одной была изображена барочного вида карусель, работающая от парового котла, на другой между ног гигантского Дяди Сэма прогуливались дамы под зонтиками от солнца, на третьей фигура в костюме флейтиста-крысолова разводила полы рубашки, открывая сложный часовой механизм. Еще тут лежали пожелтевшие поздравительные телеграммы от Перси Фоссета, Артура Конан Дойля, Алистера Кроули и Сары Бернар. К ним прилагалась стопка технических диаграмм тела певицы Дженнис Джоплин в сочетании с компьютерными распечатками ее ДНК и содержания токсинов в организме на момент смерти в октябре 1970 года. Довершала странную коллекцию шкатулка из какого-то неизвестного металла, опять-таки с голограммой пылающей тачки. Внутри оказались очки с зелеными линзами-кристаллами, очень легкие.

— Примерь, — произнес из темноты голос.

Чистотец резко обернулся, ожидая увидеть обвиняющий оскал ван Броклина. Но за спиной у него никого не было.

— У меня тут установлены камеры и микрофон, — пояснил голос, и на сей раз Чистотец узнал астматические хрипы Дейвина. — У меня много где линки есть. Их Боргер перед смертью проложил. Но никому больше не говори.

— Ладно, — пожал плечами Чистотец.

Положив шкатулку, он взял очки. Стоило ему их надеть, как глаза обожгло ментолово-зеленым огнем, и он тут же понял, что смотрит через долгопятов глаз Гога или Магога, а ведь оба находились за стеной. Когда его глаза привыкли к жжению, он — через другую стену — заглянул в садок для грызунов, где его ожидала истинная бойня: мужчина и женщина забивали и свежевали мелких млекопитающих.

— Что это такое? — спросил он.

— А что ты видишь? Луговых собачек? Мы их выращиваем. Они на вкус как кролик.

Чистотец опустил взгляд на собственную руку, но зрелище его ждало слишком уж неприятное. Сорвав очки, он вернул их в шкатулку.

— Пошарь справа от себя, — посоветовал Дейвин.

Чистотец провел рукой в пустом пространстве, его пальцы на чем-то сжались. Поднеся это нечто к свету, он увидел, что странный предмет размером с сигару был прозрачным, как полимер в шарах мальчиков, почти невидимым, податливым и мягким.

— Положи его куда-нибудь, — сказал Дейвин. — Но не своди глаз с этого места.

Убрав странный предмет в сейф, Чистотец закрыл дверцу.

— А теперь попробуй его найти.

Чистотец пошарил в сейфе. Там ничего не было. Чистотец внимательно осмотрел внутренность. Дейвин хмыкнул.

— Возвращайся к столу. К тому же месту, где его нашел.

— Ух ты!

— Хитро, а? Куда его ни положи, он всегда возвращается точно на то же место. Что это, как ты думаешь?

— Не знаю, — признался Чистотец. — Что он такое?

— Может, какая-то разновидность энергии.

Чистотец недоуменно тряхнул головой.

— И все это взялось из урагана?

— Из шести различных смерчей. Очень маленьких, точно открывалась дверь-вертушка.

— Дверь куда?

— А я-то думал, что ты мне скажешь.

— Не-а, — протянул Чистотец.

— Но кое-что тебе определенно известно, — не унимался Дейвин. — Я видел, ты кое-какие вещи узнал.

— Верно, — согласился Чистотец. — Я помню ложку, похожую на вот эту. Или, может, она мне приснилась. И символ тачки с пламенем я тоже видел. Но понятия не имею, откуда они взялись или как сюда попали.

Такое признание Дейвина как будто удовлетворило, и после некоторого молчания он ответил:

— Не все сюда ветром принесло. Старый кофр уже был тут. Словно бы вещи захотели лежать рядом: они сами друг друга нашли. Гог и Магог? Они не вместе тут появились. Тот, кого мы зовем Гог, был первым. Напуган до чертиков. А два дня спустя вывалился Магог. Видел бы ты их, когда они воссоединились. Те штуки у них на горле хлопали, как петарды.

Чистотец задумался над этим.

— Хотелось бы посмотреть на ваши ураганы.

— Желай осторожнее. Может, и повезет. Надвигается фронт. Наше личное, крайне локализованное торнадо.

— А еще что?

— В точку. В двух милях остановился товарный поезд. Пятьдесят немаркированных вагонов под серьезной охраной из дроидов. Тебе это что-нибудь говорит?

— Кажется, ты перестал считать меня шпионом.

— Откуда мне знать, кто ты? Но вот Кормилица как будто в тебе уверена.

— И кто же я, по ее мнению?

— Сам спроси. У нее норов хуже, чем у Чабби.

— Кто такой Чабби? — спросил Чистотец.

— Тебе не захочется с ним встречаться. И вообще тебе лучше возвращаться, пока она не расстроилась.

Глава 5
Прошлое восстанет насмехаться над тобой

— Так кто я, по-твоему? — начал Чистотец, как только Гог и Магог привели его назад в палату Кормилицы.

— Мой… муж, — ответила, тяжело поворачивая тушу, бывшая женщина. — Мой спаситель! Мой святой!

Чистотец почувствовал, как к горлу у него подкатывает тошнота.

— Тебе отвратительно видеть, во что я превратилась. Ты ненавидишь меня за то, что я сотворила. Я тебя не виню! Но таково мое наказание! И я раскаялась! Я оставалась верной, вот почему я вернулась. Вернулась к месту великой любви, а после великой печали.

— Не знаю, о чем ты, — с чувством сказал он.

— Я страдала. Я молилась. Я ждала. Я верила!

— Во что ты верила?

— Что ты… вернешься!

— Оттуда, по-твоему, я вернулся?

— Из мертвых, любовь моя!

— Из мертвых? — переспросил он, и едва произнес эти слова, как его пронзило ощущение тошнотворной неуверенности. — Расскажи… — попросил он. — Все. С самого начала.

Пальцами, заплывшими как окорока, женщина вытерла глаза.

— Значит, таково мое испытание? О, я готова! Готова. Это было… тридцать лет назад. Я не была столь же красива, как остальные жены, но и такой тоже не была. А ты ничуть не изменился, лишь твои прекрасные волосы тогда были длиннее. Вот что сбило меня с толку, когда я тебя увидела. Понимаешь, Химо установил по всем туннелям камеры, чтобы я видела, что происходит. Но даже без тех кудрей я сразу поняла.

— У меня было больше одной жены? — спросил Чистотец.

— У тебя было тринадцать жен, но все женщины поднимались к тебе на ложе. Мы и другие были твоими учениками. Мы построили здесь поселок… Царство Радости!

— Я был главой культа? Ты хочешь сказать, что я… Что мы построили эти туннели?

— Это было одной из мистерий, — взахлеб продолжала Кормилица. — Мы выкопали убежища на случай урагана. А заодно обнаружили, что есть и более старые. Ты словно бы знал, что мы их найдем.

— Как меня звали?

— Ты называл себя Осанной. Осанна Освобожденный. Но я-то знала, что настоящее твое имя Пол. Нечто невыразимо ужасное случилось в твоем прошлом… и ты продавал «Эмвей»[62] — но снова обрел надежду.

— А как… как звали тебя?

Взгляд у Кормилицы на мгновение стал отстраненным.

— Меня звали Элис… Элис Кручински. Но ты, ты звал меня Лили. Мне было восемнадцать. Я сбежала от нельсонцев.

— Кто это?

— Я родом из ДеКальба в Техасе. Там, где разбился самолет Рики Нельсона.

— Чей самолет?

— Рики Нельсона. Помнишь радиопередачу «Оззи и Харриет»? И пение. «Бедная дурочка». И вестерны, где он снимался… «Рио-Браво» с Джоном Уэйном… «Самый дурацкий корабль в армии» с Джеком Леммоном. Рики был кумиром. И разбился в нашем городке. В восемьдесят пятом. Пилоты спаслись, но Рики и его группа сгорели заживо. Элеазар Дринкуотер был там, когда это произошло. Он стал Нашедшим Основателем. От него пошла традиция. Мы делали аэроплан из фанеры и проволоки, а потом поджигали, и пока он горел, все пели величайшие хиты Рики.

— Он поджигал аэропланы в миниатюре?

— Не в миниатюре. В натуральную величину. Так продолжалось каждый год, пока Элеазар не подавился печеньем и не умер. Тогда Дуфресн Маккормик начал приносить жертвы.

— Вы устраивали жертвоприношения?

— Он начал сжигать в аэроплане людей. Выбирал имя жеребьевкой. Мне пришлось сбежать, потому что мое имя вытянули. Я направлялась в Таос, когда проезжала Амарилло. Там встретила тебя и девочек в «Дейри Квин».

— Какой же глава культа ходит в «Дейри Квин»?

— Там готовили отличные замороженные бананы в шоколаде. А ты вошел со стайкой хорошеньких женщин и сказал, что если бы тебе удалось сложить воедино Иисуса, Будду и Диониса, то паства тебе обеспечена. Вы все выглядели такими счастливыми. Вы пригласили меня на тако. Тогда мы впервые занимались любовью.

— Да? — Чистотцу икнулось.

— Ну, мы и еще человек двадцать. Не знаю, как ты не уставал. Все любили тебя… Все тебе поклонялись.

— И что же дальше?

Лицо Кормилицы затуманилось, по щекам побежали жаркие слезы.

— Я тебя предала, — прошептала она. — В прессе стали шуметь про оргии и ритуалы. «Христианская Нация» тебя ненавидела. Мусульмане злились. Мормоны завидовали. Радикалок из «Женщины впереди» возмущало, какое ты вызывал обожание. «Эфрам-Зев» и другие в фармацевтической промышленности испугались твоей идеи о том, что надо наслаждаться сексом без наркотиков и имплантатов. Твои враги стали объединяться. Приблизительно тогда я начала встречаться в Амарилло с агентом ФБР, чтобы строить планы твоего свержения.

Теперь Кормилица рыдала, давясь собственными чувствами.

— Но почему? — спросил Чистотец.

— Я была молода и глупа! Я была тринадцатой женой. Я ревновала! Поэтому выдала федералам, как лучше всего напасть на Царство Радости. Тогда тут были прекрасные дома, чудесные сады. Мы выращивали кур и овец… у нас даже был большой индюк по имени Том Леттерман.

— И ты хотела прекратить…

— Я хотела наказать тебя! Я думала, тебя арестуют. Мне дали слово: никакого насилия. Ха! Они явились убивать! Они пригнали бронетранспортеры!

— Я умер? — негромко спросил Чистотец.

— Вместе со многими другими, включая всех двенадцать жен и их еще нерожденных детей.

— Детей? Они убили детей?

— Пули сыпались дождем. Вертолеты сбрасывали на наши здания зажигательные бомбы. А когда вас согнали вокруг Обелиска посреди поселка, то открыли огонь со всех сторон. Я хотела умереть с тобой, мне было так стыдно. Но я не смогла пересилить себя и потерять моего ребенка… твоего ребенка… нашего сына!

— Ты сказала — ребенка? Сына?

— Да! — воскликнула женщина и подняла повыше странную ладанку, которая висела у нее на шее. — Это стало частью наказания, понимаешь?

Чистотец чувствовал, как возвращается головная боль, как в нем темной волной поднимается ярость. Немыслимо! Что бы она ни рассказывала, ничего такого не могло произойти.

Присмотревшись внимательнее к ладанке, он увидел, что это небольшой музейный контейнер. Внутри — высушенный холодом — лежал мертворожденный эмбрион, скорее головастик, чем человек.

— Понимаешь, они не давали мне умереть! У меня не было друзей, семья отказалась мне помогать. Месяцами меня держали

в ангаре на базе военно-воздушных сил в Олтусе. Мне не предъявили обвинение, не вынесли приговор, но я отбывала заключение в лабораторном комплексе «ЖизнеСилы» у истоков Миссисипи. Препаратами мне спровоцировали преждевременные роды… Меня превратили в чудовище! Одна операция за другой. Генная терапия. Гормонотерапия. Год за годом. Меня отпустили, лишь когда сочли, что я скоро умру. Я жила из милости у родственников, пока не вступила в секс-ложу, обслуживавшую воротил «Христианской Нации». Но чтобы оставаться нормальной, мне требовалось слишком много препаратов. Я превратилась в то, что ты видишь сейчас, а после мне было откровение во сне… такое же ясное, как тебя сейчас… Я получила весть, что увижу тебя снова. Моему наказанию придет конец! Мне полагалось поехать в Дастдевил, жить на руинах Царства Радости, и однажды ты явишься туда. Ты поймешь, что я осталась верна. Ты меня простишь. Мы снова заживем как муж и жена. И я вернулась. Вернулась! Я нашла ван Броклина и остальных. И были знамения. Кто-то побывал здесь с тех пор, как разрушили Царство Радости. Туннели восстановили, и метеостанция Феникс уже работала, а потом начались ураганы и появились Дары. А теперь ты пришел. Ты пришел ко мне! Иди же ко мне, любовь моя… Прости меня! Давай начнем новую жизнь!

Чистотцу казалось, он сейчас упадет в обморок. Наконец он нашел в себе силы заговорить.

— ЗАТКНИСЬ! — взревел он.

— Ты все еще сердишься. Ты прав, ты прав… Но взгляни, как я страдала…

— Я не восстал из мертвых! Я приехал из Питтсбурга. Я не знаю, кого ты ждешь. НО Я НЕ ОН!

Лицо Кормилицы на мгновение вспыхнуло гневом, потом сложилось в гримасу обиды, а после в глазах у нее заблестел знающий огонек.

— Сними одежду, — предложила она.

— Что? — просипел Чистотец.

Она шевельнулась на цепях, раздвигая гигантские залежи целлюлита на месте ляжек.

— Мои страдания не пропали втуне! Я верила. Я терпела. Я знаю, что ты вернулся ко мне. Ты мой Кормилец!

Двумя мясистыми пальцами она сдавила себе сосок, и в Чистотца брызнула струйка молока.

— Яви себя мне.

— Нет!

Стальные тросы пронзительно зазвенели, и туша Кормилицы шмякнулась об пол. Но большего он сделать не мог. Монстр полз

к нему.

— Да! — нашептывала Кормилица. — Разве ты не видишь, как я ждала? Как страдала? Ты моя мечта, моя надежда, моя любовь!

Она вонзила зубы в левую руку Чистотца, по его телу прокатилась судорога боли, и правый кулак сам собой взметнулся вверх. Раздался резкий треск, Кормилица отпустила его руку и повалилась на спину, а палату заполнил голос — совсем как тот, какие он все ждал услышать у себя в голове.

— Скорей! — заворковал голос, и Чистотец узнал Дейвина. — Тебе нужно выбираться отсюда. Химо… Твоей подружкой заинтересовался Химо…

— Сможешь показать, как выбраться на поверхность?

— Идет, — выдохнул Дейвин. — Но нужно спешить!

— Не та бысса! — услышал Чистотец свист ван Броклина. Из-за чрезмерно удлиненного носа слова выходили невнятные, зато щелчок взводимого курка прозвучал весьма убедительно. — Я дрогу ему пкашу.

Глава 6
Чабби

В голове у Чистотца глухо стучало. Буквы на спине жгли огнем. Он не знал, что делать. Он боялся за Кокомо. Ему нужно ее найти, им обоим нужно выбираться.

— Тут у нас живет Чабби, — ухмыльнулся, шевеля кончиком носа, ван Броклин.

Чистотец приготовился встретиться с гладиатором на стероидах, но тень, заполнившая комнату со сводчатым потолком, в каком-то смысле пугала еще больше. Ее отбрасывал пухлый белый мальчуган с веснушками и соломенными волосами. Одет он был в обвислые шорты из чехла для автомашины и футболку, сшитую из простыней, ноги у него были босы. Лет ему было семь или восемь, зато ростом он был почти двенадцать футов и весил, наверное, фунтов восемьсот.

— Как же он так вырос? — удивился Чистотец.

— Эксперименты. В лаборатории генетики. Я помог ему сбежать. Но у него проблемы с поведением. Гормоны роста ударили в голову. Гадкий норов у нашего Чабби. — Ван Броклин снова зловредно ухмыльнулся. — А теперь тебе придется его развлекать.

Втолкнув Чистотца в комнату, ван Броклин захлопнул за ним стальную дверь.

«Вот черт», — подумал Чистотец. Он услышал, как в туннеле звенят, предупреждая об урагане, колокольчики. Поднимается ветер, и Кокомо — в руках у Крысы, а «Витесса» только и ждет подходящего случая нанести удар! Он попытался мысленно дотянуться до девушки, но в ответ лишь испытал сочащуюся чернотой боль. Он мало что знал про психо-имплантаты, которыми его напичкали, понимал лишь, что его союзники, голоса, потерялись за воем бело-розовой статики и что перед ним гигантский Неблагополучный Ребенок.

Повсюду валялись обломки механизмов и головы животных. Костей не было видно, но Чистотец счел вполне вероятным, что юный огр их сгрыз. Кроватью ему служил лист теплоизоляции из борта фуры-рефрижератора, а товарищами по играм — семейка боксерских груш с намалеванными улыбками. Наиболее привлекательной игрушкой казалась модель железной дороги, выложенная на столе два на четыре фута. Большинство вагонов разбили о стену или разломали на части, но несколько уцелели — остановились посреди моста по пути к миниатюрному городу,

где машины были припаркованы на крышах домов, а немногие выжившие граждане поклонялись автомату, выплевывающему леденцы «челобака».

Чабби пробурчал что-то неразборчивое, и Чистотец ретировался за груду плесневелых телефонных справочников.

— Чабби хочет играть! — объявил ребенок и, расставив руки, бросился на взрослого.

Перепрыгивая через решетку вентиляционной шахты, Чистотец услышал голос Кормилицы. Она что, тоже у него в голове? Но нет, голос звучал с потолка. Наверное, там имелся встроенный динамик.

— Я могу тебя спасти, любовь моя! — хрипела Кормилица. — Так же, как я предала тебя в прошлой жизни, я могу спасти в этой. И я спасу тебя! Я молила о прощении, теперь тебе достаточно лишь попросить о том же! Позволь мне простить твою жестокость!

— Нет! — крикнул Чистотец.

В это мгновение «Отряд Первопроходцев» настиг боевой зонд и отвлек его от заданной миссии. В результате Чистотец испытал прилив уверенности в себе, и из его памяти всплыла песенка, вариация той, которую он пел с тетей Вивиан и дядей Уолдо.

— Я те шею сверну! — ухмыльнулся Чабби, пытаясь дотянуться до него ручищей.

— Вот уж нет, Табби, — ответил, уклоняясь, Чистотец.

— Чабби!

— Ты большой забияка, Кабби.

— ЧАББИ! — взвыл плохиш-переросток.

— И я собираюсь тебя наказать. Но сначала научу тебя песенке. «Кто-то поет Господь Кум-байя…»

— Бр-р-р! — простонал Чабби, молотя себя кулаками по огромным грязным ушам.

— «Кто-то плачет Господь Кум-байя…»

— ЗАТКНИСЬ!

— «Кто-то стонет Господь Кум-байя…»

Чабби замахнулся на Чистотца, который увернулся как раз в тот момент, когда кулак подпрыгивающего мальчика соприкоснулся со стальной дверью.

— у-у-у-у-у-у-у! — взвыл Чабби и сунул руку в рот, а Чистотец забежал ему за спину и сорвал шорты, так что они повисли у коленей.

— «Чьи-то штаны спущены Кум-байя…»

Чабби попытался схватить его ушибленными пальцами, но Чистотец прокатился под ними и изо всех сил нанес удар в мошонку мальчугана — кулак вошел словно в сырое тесто. У

Чабби вдруг развилось косоглазие, обоим руками он схватился за мошонку и стал оседать. Гигантский сопляк сделал нетвердый шаг вперед, но забыл про шорты. Покачнувшись, он замахал руками, пытаясь сохранить равновесие, но было уже слишком поздно: как подкошенный он повалился на городок, напоровшись глазом на шпиль церкви. Чистотец схватил автомат леденцов.

— Чабби! — взвыл голос.

Дверь распахнулась, и в проеме возникла мясистая морда ван Броклина.

— Ты убил Чабби!

Проскочив мимо него, Чистотец захлопнул дверь прежде, чем Трубкозуб успел пустить в ход обрез.

— Недурно сработано, — одобрительно произнес голос Дейвина. — Теперь найди Гинефорта. Пес тебя выведет. Но берегись ван Броклина. Сейчас налево.

— Браво, любовь моя. Мой покоритель монстров! Но так просто тебе не сбежать! — услышал Чистотец улюлюканье Кормилицы. — Ты моя мечта, моя надежда, мой Бог!

«Проклятие, — подумал Чистотец, — Дейвин с Кормилицей просто наводнили туннели камерами и микрофонами!» Он уже достиг муравьиной фермы, когда увидел сморщенного старика Джадда в инвалидном кресле с суднами и русалку Ланетту в кресле-тягаче, которая сжимала вороненый армейский «бульдог».

— Не заставляйте меня стрелять, — пискнула она, маслянистое дуло пистолета описывало восьмерки в воздухе.

Чистотец изо всех сил швырнул обрез в каталку Джадда. Звон суден вспугнул Ланетту, и она спустила курок, промазав по Чистотцу на добрых четыре фута. Первый начиненный картечью патрон проделал аккуратную дырку в стекле вокруг муравейников. Второй раз Ланетта прицелилась слишком низко, и прозрачная стена буквально взорвалась, засыпав коридор землей и осколками стекла. Каскадом посыпались разозленные насекомые.

Подобравшись к русалке, Чистотец вырвал у нее пистолет и прострелил мотор в тягаче. Коридор заполнил резкий и едкий запах муравьиной кислоты.

— Скорей! — крикнул Дейвин.

Чистотец бросился бегом, вслед ему неслись отчаянные крики Ланетты, которая пыталась уползти от муравьев. Несколько секунд спустя эхо разнесло по туннелю череду выстрелов из обреза. Но Чистотец уже добрался до комнаты, где в своих прозрачных шарах катались мальчики и молча лежали в обнимку с младенцами девочки. Тут как будто ничего не изменилось. Он пробежал через садик под вентиляционной шахтой, чтобы

посмотреть, как там Дейвин, и увидел, что кто-то располосовал его палатку, и теперь она опала вокруг него, точно скошенная влажная трава. Сам Дейвин сидел, зажав в руке микрофон, его лицо скривилось в маске удушья. Рядом с ним стояла женщина-утконос. Увидев Чистотца, она замахнулась ножом, которым разделывала луговых собачек. Чистотец в ответ показал ей «бульдог». Испуганно пискнув, Дорин сбежала. Чистотец вернулся в детскую… где его ждал ван Броклин с перезаряженным обрезом, все его тело было покрыто рыжим муравьиным ковром.

— Ты убил Чабби!

Лавируя меж высоких стульчиков, Чистотец выскочил на Генератор случайностей. Ревматоидный безумец разнес из обреза тюк соломы. Увидев, как на него катится очередной шар, Чистотец пинком отбросил его на батут, откуда шар с ребенком полетел на ван Броклина, опрокинув его в яму под черпалкой. Железные челюсти опустились и вознеслись под потолок, едва не разрезав ван Броклина пополам. Когда они разжались, тело с влажным звуком шлепнулось на бетон.

Разыскав между шарами Гинефорта, Чистотец последовал за ним к вентиляционной шахте и вскоре увидел Кокомо. Связанная девушка лежала на одном из уступов искусственного сада. Узкая лесенка между уступами уводила вверх, к свету. Пес тявкнул. Развязав зеленоглазую девушку и взяв ее на руки, как ребенка, Чистотец стал карабкаться по земляным ступеням.

Глава 7
Разорение

На вершине лестницы-сада Чистотец выбил ногой дверь. Снаружи окно было закамуфлировано пластиком, поперек входа натянута проволока от мины, через которую он осторожно перешагнул. Пес куда-то исчез. День перевалил за середину, но, судя по небу и по тому, как двигались облака, время, вполне возможно, побежало вспять. Пульсировали молнии, ветер приносил запахи озона и водорода. Поставив Кокомо на ноги, он огляделся по сторонам, воображая, как флюгеры и насосы убегают испуганным стадом, точно животные, — спасаются от чего-то невидимого, но исполинского.

Но приближавшееся нечто готовилось стать очень даже видимым. Со всех четырех сторон с рокотом надвигались четыре трехногих динозавра-танка размером с сараи. Эти чудища под названием «Мрачный жнец» были смоделированы на основе комбайнов, но снабжены броней и подвесками внедорожников, а еще пушками «черный дождь», способными буквально сам ветер превращать в потоки металла и делать это без перерыва почти час. Пыхтя на малой скорости, бронетранспортеры обращали в пыль камни и остовы машин, стирая все на своем пути. Позади них озимыми поднялись «джеки с фонарем», противопехотные мины размером с пляжный мяч, на боках которых были нарисованы злобно ухмыляющиеся рожи. Теперь эти мины на паучьих лапах маршировали, ориентируясь на тепло тел. Вдали маячил зловещий оранжевый товарняк. «Витесса» была уверена, что ей нечего бояться.

Жужжание флюгеров стало громче, и где-то вдали раздался ужасающий вой ирригационных труб. Кокомо похромала к флюгерам, раскинув руки между коническими башенками из стали. Чистотец смутно помнил, что она повредила ногу, попав в ловушку Химо, и действительно выглядела рана скверно, но в остальном девушка как будто не пострадала, и в глазах у нее бушевал зеленый ураган. Он поспешил за ней. Сами флюгеры теперь завертелись сотнями мелких смерчей. Их лопасти гудели, основания раскачивались, удерживая конструкции по ветру. Чистотец пошатнулся. Как можно отрицать знамения, о которых говорила Кормилица? Была ведь серебряная ложка из его видений, сны, в которых женщины истекали кровью у обелиска, встречающаяся на каждом шагу эмблема с охваченной пламенем тачкой. Все они не имели для него смысла, но отрицать их

важность он не мог. «Может, я все-таки восстал из мертвых, — подумал он. — Тогда почему за мной гонится „Витесса“?» Он услышал, как Кокомо запела, и обнял ее. Его пронзило радостное ощущение надежды. Как он высвобождал скрытые в ней силы, так и она выпускала на волю нечто, спрятанное глубоко в нем. Вместе они выстоят против «Витессы». Их разумы сольются. «Пусть идут, — думал он. — Пусть тащат с собой химикаты и оружие. Мы с Кокомо разбудим ветер! Мы вычистим ямы и норы. Мы откроем туннель в небе и зашлем их к звездам. Вместе мы Одно».

А «жнецы» все неумолимо надвигались; лязгая гусеницами, точно снегоочистители, они вгрызались в мягкую землю и выплевывали фонтанчики красноватой почвы, похожей на творог, смешанный с кровью. Наконец они вышли на позицию, дальше которой оказались бы на линии огня друг друга, и тут помедлили. Между ними остался лишь небольшой пятачок развалин самого Дастдевила. Флюгеры теперь визжали в своих ветровых конусах — фиолетовые огоньки играли на остовах автомобилей. Подняв голову, Чистотец увидел, что машины смерти взяли их в кольцо. И в это мгновение «жнецы» замерли, а в оранжевом товарняке что-то задвигалось. Боковые двери шести вагонов открылись и выпустили груз. С тоненьким воем поднялось закрыть небо облако крошечных крылатых машин. Словно дымка ядовитого газа, их рой понесся над опустошенными нефтяными полями и пересохшей пашней.

«Господи, — подумал Чистотец, когда облако придвинулось ближе, — это же саранча!» Когда его достиг авангард легиона, он раздавил одно насекомое в кулаке и понял, что на самом деле это были крошечные крылатые роботы, отчасти органические, отчасти титановые. Куда бы они ни садились, они пожирали все, выпуская ненасытный молекулярный растворитель. Кокомо запела громче, он поймал себя на том, что в нем самом что-то завибрировало в ответ. «Пыль на ветру. Все мы — лишь пыль на ветру. Пыль на ветру. Все на свете — лишь пыль на ветру».

А за этими словами он слышал другое… Оно поднималось как буря… и слова он словно бы слышал во сне…

«Потряслась и всколебалась земля, дрогнули и подвиглись основания гор, ибо разгневался Бог; поднялся дым от гнева Его и из уст Его огонь поядающий; горячие угли сыпались от Него. Наклонил Он небеса и сошел, — и мрак под ногами Его. И воссел на Херувимов и полетел, и понесся на крыльях ветра… Пустил стрелы Свои и рассеял их, множество молний, и рассыпал их»[63].

Поначалу боевые мини-машины слушались команд. Чистотец буквально кожей ощущал их вибрирующее гудение, но едва он начал подпевать Кокомо, порывы ветра стали сбивать крошечных

дроидов. Их с Кокомо голоса все вздымались, и по крышам брошенных машин побежали огни святого Эльма, а лопасти флюгеров слились в единые круги. Чистотец чувствовал, как ветер набирает силу, меняется, словно не он крутил флюгеры, а они сами создавали его. «Саранча» прервала свой полет или попыталась приземлиться, чтобы ее не унесло. Но флюгеры были слишком сильны: они засасывали крылатую «казнь египетскую» в свои свистящие воронки, и от соприкосновения с ними черное облако испарялось.

Потом четыре башни ветряков рухнули, подняв облако пыли, и из каждого вылетело по отдельному, четко видимому смерчу. Полностью сформировавшись, они двигались в хаосе обломков, алюминиевых банок, направляясь к «жнецам», с каждой секундой набирая скорость и увеличиваясь в размерах.

В воздухе запахло навозом и перегретым металлом. Центр управления «Витессы» реактивировал пушки «черный дождь», но смерчи двигались слишком быстро, и стальные снаряды бессильно падали в пыль, да и что могли сделать они гигантам, не имеющим плоти и облика, сгусткам энергии, которая постоянно меняла форму, но сохраняла импульс.

Вперившись в экраны высокого разрешения, служба разведки «Витессы» наблюдала, как ее «жнецов» атакуют смерчи. Один за другим спиральные воины схватывались с комбайнами смерти и поглощали их. Похожие на броненосцев тягачи вибрировали у края смерчей, их богомольи ножи карябали землю, подпрыгивали гусеницы, пытаясь удержать машины на месте. А потом смерч все же подхватывал их, вбирал в себя и тряс, пока они не разлетались на части. Смерчи шагали по пустырю, вырывая из земли или взрывая «джеки с фонарем» и всасывая снаряды от «черных дождей». Когда вся земля вокруг была очищена от мин, смерчи со свистом набросились на старый супермаркет. Двери и разбитые окна давно унесло, но само здание еще стояло, постукивая отошедшими досками. Четыре смерча слились в единую воронку завывающего воздуха. Крыша здания оторвалась, и во все стороны стрелами полетели флюгеры. Взорвалась метеостанция. А единый смерч все утюжил широким основанием пустошь: мерцающие язычки света лизали остовы машин, которые вдавливало в землю, точно кто-то гасил сигарету. Потом из земли со стоном вырвался лифт, обслуживающий туннели внизу, и Чистотец увидел Кормилицу, закутанную в рваные марлевые пелены и раскрасневшуюся от усилий. Нос у нее был сломан, взгляд безумный. Ей удалось уцепиться за экзоскелет Джада, в котором еще висели осаждаемые муравьями останки старика. В нем она кое-как ступила с литой платформы, когда та оторвалась от

шахты. Визжали и рвались стальные тросы, во все стороны летели блоки подъемника. С мгновение огромная ржавая плита висела в воздухе, а после ее унесло по гигантской лестнице ветра.

Из шахты вырванного лифта выплеснулась наверх подземная ферма. Судна и луговые собачки, глухие девочки с их младенцами-уродами и мальчики в прозрачных шарах. Мимо пролетели труп ван Броклина и парализованный Химо, консервы и боеприпасы, муравейник и сотрясаемая конвульсиями Дорин, а за ней развороченная голова пекари. Интересно, последуют ли за ними святые дары вместе с Гогом и Магогом, спросил себя Чистотец, но отвернулся, потому что к нему, переваливаясь, шагала Кормилица, ржавый и покореженный экзоскелет Джада едва удерживал ее вес.

Она почти добралась до него, когда Чистотец почувствовал, как его словно бы пронзило ледяным копьем. Это был один из флюгеров, архангел Гавриил, дующий в оловянную трубу. Кормилица потянулась взяться за конец, и Чистотец поморщился от боли в груди. Он подумал, что она пытается глубже вонзить железяку ему в сердце. А она вырвала стрелу, как раз когда он дернул за ладанку у нее на шее, печать сорвалась, и ветер развеял головастика из золотого песка. Он увидел, как Кормилица, еще цепляясь за ангела, возносится в хаос.

— Прости меня! — крикнула она в последней раз и исчезла.

И с ней сам ураган, который ушел в небо, словно вслед за запоздалым пассажиром втянули лестницу, и захлопнулся люк.

Глава 8
Гулянка на бульваре Рональда Рейгана

Лос-Вегас в Невадафорнии часто называли Изумрудным городом на амфетаминах (с щедрой примесью Осаки и Сан-Паоло). Но что бы ни говорили отдельные туристы, возникший в результате катастрофы мегаполис, бесспорно, был родиной самого большого в мире буррито и самого большого в мире Будды. Арета лишь однажды бывал на Западе с тех пор, как названное Йети землетрясение оттяпало самые населенные области Калифорнии, оставив гору Уитни маячить над Тихим океаном. Вечно хватающаяся за шанс нажиться на несчастье «ВООБРАЗИЛИЯ» — тематический парк и продюсерское подразделение «Культпорации Витесса» — скупила землю от Долины смерти до самой мексиканской границы и создала систему водоемов, связавших укрытые куполами различные сказочные миры. Словно в одночасье город Лас-Вегас был переименован, а границы перечеркнуты, чтобы создать штат Нового Дикого Запада — Невадафорнию.

Постоянно мутирующий роботронный горизонт сильно изменился с последнего визита Ареты. Когда личный пилот Монро Хикса повел самолет над мегаполисом, знакомой показалась лишь старая скромная Башня Стратосферы, спрятанная в тени «Тотема Хасами», «Конуса Сони» и «Витессалита» Западного побережья.

Они приземлились на закате в Межконфессиональном аэропорту Хиллари Родхэм Клинтон. Арета обрадовался, почувствовав наконец под ногами твердую почву. Все время полета Средний Запад сотрясали бури, и БИСПИД сообщала о возможных «природных возмущениях» в сочетании с опустошительными ураганами в Техасе. Был установлен так называемый «черный коридор» безопасного воздушного пространства, и в небе маячили несколько сверхзвуковых истребителей «Рэптор». Арета был уверен, что это как-то связано с Чистотцом, и, не зная о предательстве Ищейки, надеялся, что раздражительный карлик нашел способ обезвредить боевой зонд.

Впрочем, сейчас трансвестит ничем не мог помочь ни тому, ни другому, а еще у него были собственные проблемы. Для начала жена представила его Монро Хиксу как «кузину Эрнестину из Алабамы». Эрата просто наслаждалась последовавшей затем неловкой ситуацией, и к немалому своему смущению сам Арета разрывался между острой ревностью и влечением к звезде спорта.

Контрольно-пропускной пункт в аэропорту они миновали без малейших проблем, и лимузин повез их в отель. По дороге бывший корпоративный юрист никак не мог перестать таращиться на панораму, открывающуюся с трассы имени Тома Круза. Невзирая на ранний час, Мерлин уже видел лазерную «Войну Чародеев» в Камелоте. В Вальхалле снежные великаны мерялись силами (при помощи пулеметных очередей и ядер из сухого льда) с сорокаэтажным джинном из «Тысячи и одной ночи», причем последний постоянно исчезал и появлялся вновь благодаря нескольким кубическим милям тумана, который сперва накачивали, а затем отсасывали насосами, а еще он переливался всеми цветами радуги, поскольку его подсвечивала изнутри самая большая коллекция светлячков на свете. Все новые шоу и чудеса поджидали туристов на каждом углу: начиная с больных церебральным параличом нищих на проезде Билли Кристелла до голограмм с рекламой боевых драконов острова Комодо в Мемориальном центре Дженнифер Лопес. А эйдолоны! Тут были представлены все религиозные организации и сети фаст-фуда: «Международный блинный дом», «Пицца-сарай», «Красоты карри». «Профессор Цыпа» был мелкой рыбешкой в этом пруду, лишь на пару очков обгоняя «Чу и его бойцов кун-фу» или «Мактрейвишс» с горцами в килтах и ватагой «разбитных девах». Следует отметить, что «Мактрейвишс» пригнал целый флот дирижаблей в клеточку, переоборудованных и раскрашенных так, чтобы они походили на знаменитое шотландское блюдо.

Монро со свитой вселился в апартаменты в «Царстве солнца», многомиллионном чуде храмов, заросших лилиями прудиков, роскошных джунглей и мозаичных дорожек. Уже через несколько минут ассистент личного секретаря Монро включил экранчик обслуживания номеров, чтобы заказать бутылку охлажденного «Дом Периньона» и перченые языки собаки чау-чау, а личный шеф-повар суперзвезды, водворившись на кухне при апартаментах, начал готовить малазийских крабов, которых следовало подавать с ка-куонг, самой редкой приправой на свете (она готовилась на основе секреции, выделяемой в крохотных количествах пчелами Северного Вьетнама).

Арета ухватился за возможность ускользнуть и осмотреть безумный базар, но стоило ему миновать хариджанов на дверях, посыпались предложения: «Как насчет смены пола? А насчет дозы „Тримурти“?»

— Что такое «Тримурти»? — спросил он у женщины, спеленатой точно мумия, чтобы защитить генетически модифицированную кожу.

— Ликантропный препарат, названный в честь трех форм,

какие принимает главное божество в мифологии индусов.

— Спасибо, нет. — Арета поспешил отойти.

По соседству, в «Парфеноне» с его миллионами тонн белого мрамора, девственными фонтанами и зеркальными бассейнами, где скучали статуи (на самом деле их изображали затянутые в латекс живые мужчины и женщины), ветер контролируемой температуры шелестел листьями дубов-оракулов. В грандиозном здании как раз подходило к концу напряженное заседание конгресса «Альтернативное сознание нынешнего тысячелетия» и церемония открытия «Спиритуальной выставки». Фойе гудело сопелками из Анд, и монахини в голубых туниках из тафты и головных повязках из теллура демонстрировали «древнее боевое искусство», недавно разработанное в Дании.

Еще одной крупной конференцией стала «Феерия биотехнологии и когнитивистики», устроенная в «Машине времени» у ворот «XX Сенчури-ленд». В числе съехавшихся со всего света медиков ее почтил и доктор Хью Сколько-Дашь из Питтсбурга, который в этот самый момент прикидывал, как бы завлечь грудастую неврологиню из Филадельфии в ванну с пузырьками и психоактивной солью.

Чуть раньше в тот же день на двойной церемонии в «Вавилонии» поженились местные прототипы эйдолонов Селезня Дули и Уббы Дуббы. Хором императорских пингвинов, исполнивших хип-хоп версию «Храма любви», управлял Чипстер, рифмо-слэнгщик и боксер кенгуру. И словно бы этого недостаточно, предстоял еще «Поединок Насмерть». Оставалось еще двадцать четыре часа до первого хука, и империя фантазий правдами и неправдами всучивала свой товар на авеню Тома Хэнкса, по которой с шумом и грохотом двигался очередной парад.

«Трампанилия» прислала армию двойников Дональда Трампа. «Амазония» рекламировала племя охотников за головами и женщин-пантер, а «Небесный Град» — терракотовых роботов-солдат. Из «Богородицы» маршировали грудастые молочницы, шествовавшие за ними мужчины в кожаных штанах и шапках с перьями выводили бравурные пастушьи песенки на гигантских альпийских рожках. Из «Мечтляндии» шли южные красавицы под кружевными зонтиками от солнца и вели за собой на поводках тапиров, а из «Эльдорадо» явилась когорта золоченых божков в сопровождении нагих девственниц. За ними — факиры и белые слоны из «Тадж-Махала». Рыцари Камелота гарцевали в полном вооружении на чистокровных лошадях, и отряд горбунов вел ирландских волкодавов и огнедышащего дракона из эластопены. Замыкала шествие армия геев со всего света, которые съехались

болеть за Минсона.

Арета дал толпе увлечь себя. Тут можно было заключать пари, как долго продержится налоговый инспектор в бассейне с барракудами или какая пара победит в перетягивании каната за право усыновить ребенка. Но самый посещаемый и масштабный аттракцион предлагал туристам попробовать себя в управлении гигантскими роботизированными воинами, принявшими облик забытых легенд шоу-бизнеса: огнедышащего Тома Джонса против плюющегося кислотой Уэйна Ньютона, размахивающего гитарой Элвиса против пыхтящего сигарой полковника Паркера или Гарта (Гарта Брукса) в Черной Шляпе против Гарта (Гарта Уорса) в Белой Шляпе. Много большей популярностью пользовались «дамы», будь то современные звезды вроде Меконг Дельты и Синерджи или прославленные красавицы прошлых времен вроде Сандры Балок в потасовке с Джулией Робертс. Самой большой звездой оказалась Опра Уинфри. Она была настолько востребована, что «Вообразилия» разработала две модели: одна получила прозвище «Худая Опра», другая — «Толстая Опра». Очереди к аттракциону боевых роботов выстраивались огромные, и в двухсотакровом ангаре на берегу озера Мил круглые сутки трудились бригады ремонтников.

На углу Шер и Спилберга Арета помедлил, чтобы послушать последнюю сводку БИСПИДа о ставках на Поединок. Ставили сто к одному на Ксеркса Труподела. Вопрос заключался лишь в том, погибнет ли Минсон Фиск. «Какое утешение», — подумал трансвестит, когда новости о поединке вытеснили репортажи с последних демонстраций сторонников Селезня Дули, включая запись ключевых моментов свадьбы, которую спонсировал и официально благословил Джулиан Динглер, новый глава «Бейби-ритуала». Подобные церемонии волнами шли теперь по всем часовым поясам.

Арета пробрался через лабиринт бутиков и пассажей на бульвар Рональда Рейгана, вот тогда… тогда на него снизошло его собственное прозрение. Ему внезапно явились огромный голубой селезень и его гигантская невеста-орангутангша!

— Слушай внимательно, — начал Дули и проделал свой знаменитый фокус с вращением шеей. — Нам с Дуббой нужно тебе кое-что сказать, и мы хотим, чтобы ты нас понял. Настало время всем нам, американцам, поднять свои голоса, чтобы остальной мир нас услышал. От Бутана до Ботсваны нам пора молить о прощении у всех униженных мира сего.

— Неужели? — охнули люди, собравшиеся вокруг огромных мультяшных персонажей.

— Простите нам неутолимую жажду стимуляторов и

изобилия. Простите нам невероятно высокое мнение о нашей предполагаемой щедрости и наше безжалостное пренебрежение ко всему, кроме нашего процветания. Простите нам, что в вас — в миллионах истерзанных войной, усталых, больных и покинутых мира сего — мы видим лишь взаимозаменяемые карикатуры отчаяния. Простите, что золотую американскую мечту мы превратили в коммерческий вирус, который грозит уничтожить другие культуры, да и всю экологию планеты Земля.

— Вот черт, — сказали люди в толпе. — Неслабо!

— Подумайте, каково мне, — ответил Дули. — Я — большой синий селезень. Вы думаете, у вас есть проблемы? Я — символ всего, что есть банального и трагичного в нашей цивилизации. Я — то, во что выродилась последняя и самая великая мечта человечества. Но мне было откровение, я переродился, и с вами может произойти то же самое. Сегодня мы с Дуббой устраиваем новую политически, но очень старую философски гулянку — Гулянку Неожиданностей! Все мы слишком много ели и пили. Нам нужно больше думать. Где бы ни собрались двое или трое, во имя наше, давайте устроим Гулянку!

Арета не мог бы сказать наверняка, действительно ли занимался сексом с каждым, кто остановился на том углу, — но его охватило поразительное ощущение связности и единения, словно все люди здесь слились в единое, могучее и цельное существо. Все были нагие, прозрачные и словно бы светились — не как эйдолоны, но так, каким он воображал себе ангелов, когда был мальчишкой в Форте Грин. В «Царство Солнца» он вернулся, чувствуя себя таким молодым и здоровым, как не бывало уже многие годы. А в апартаментах, сидя на резном стуле с бокалом для шампанского, но полным грейпфрутового сока, его ждал не кто иной, как Минсон Фиск, сын, которого он так давно не видел!

— Минсон, — сказала Эрата, — это моя кузина… Эрнестина… из Алабамы. Я редко о ней говорила… Но надеюсь, ты примешь ее как члена семьи.

— Привет, — отозвался Минсон. — Рад познакомиться. Придется постараться, чтобы ты мной завтра гордилась, верно?

— Ты уже постарался, сынок, — серьезно ответила Эрнестина. — Уже постарался.

Глава 9
Все впустую

Жутковатая тишина воцарилась на пустыре после урагана. Небо приобрело пурпурный оттенок, и нигде никаких следов военных или полиции. Оранжевый товарный поезд исчез. Огромные бомбардировщики с начиненными снарядами брюхами поскорей убрались в Оклахому или в Небраску. Компьютерная сеть разведки «Витессы» гноилась предположениями о пси- или метео-боевых действиях. В результате решили, что лучше будет перейти в стратегическое отступление и, проанализировав альтернативное место и ситуацию, поискать, когда будет собрано больше сведений.

Нога уже как будто не беспокоила Кокомо, как раньше. Чистотцу хотелось поскорее убраться отсюда. Пес Гинефорт, который вывел их из подземных туннелей, неспешно потрусил по шоссе, будто указывая им путь.

— Пошли. — Чистотец взял девушку за локоть. — Нам нельзя тут оставаться.

После ураганного ветра земля казалась сухой и безжизненной, но в воздухе пахло дождем. Они последовали за псом. Когда зашло солнце, впереди забрезжили сполохи зарниц. Чистотец боялся, что «Витесса» в любой момент может нанести новый удар или что небеса разверзнутся и выплюнут тела и пули.

Они вышли к железнодорожным рельсам, затем на проселок. Ни следа каких-либо машин, но зато на дальней трассе снова забурчали караваны фур, а значит, «Витесса» сняла блокпосты. Скорее всего через пару часов пошлют наземную бригаду выжечь руины Дастдевила и его окрестности.

С севера доносились отдельные выстрелы, и Чистотцу вспомнилось, что говорили про «тех, кто выползает в ночи» обитатели туннелей. Зигзаги молний превратились в шипы, и ветер принес штормовой озоновый запах черной ликорицы. Чистотец все еще не мог поверить в случившееся. Высвобожденная им мощь, выражение на лице уносящейся в небо Кормилицы. То, как собственная рана затянулась прямо у него на глазах. Наконец впереди замаячил силуэт какого-то здания. Это был ковбойский бар, разгромленный и давно заброшенный притон. Заглянув в дверной проем, Чистотец прислушался. От собаки ни слуху ни духу. Небо разверзлось, и дождь упал на стальную крышу — словно стая крыс пробежала по танцполу. Он втянул Кокомо внутрь. Синяя молния ударила возле парковки,

залив все призрачным мерцанием. В зрачках Чистотца тускнела высвеченная ею гигантская фигура ковбоя без головы. Чистотец попытался разобрать детали. Он прислушивался, нет ли тут других обитателей, хотя бы какой-нибудь опасности. Потом снова вспышка молнии. Он видит зверя? Рявкнул пес… или, может, это была Кокомо. «Вот черт, — подумал он. — Это же гигантская крыса-мутант!» Он метнулся через танцпол, отбрасывая с дороги вредителей, как вдруг увидел Кокомо — верхом на крысе. И только схватив монстра поперек шеи, сообразил, что мутант не живой. Это был щербатый остов старого механического быка для аттракциона родео! Чистотца сотряс приступ долгого, высвобождающего смеха, который прокатился по заброшенному бару точно раскат грома.

— Я… я-то подумал, что это гигантская крыса! — сквозь смех выдавил он, и они вместе упали на грязный пол. Смеясь. Целуясь. Присосавшись друг к другу. Ливень ослаб, а они покатились. Он пробовал ее губы на вкус… глаза у нее как две молнии… он впитывал запах ее кожи. Уби-дуби, уби-дуби.

Стянув засаленную куртку, он провел языком по ее шее. Буквы у него на спине жгли как никогда. Она целовала его губы, ее язык змеей заполз ему в рот, ее руки рвали на нем одежду. Она прижала ладонь к тому месту, где ему в грудь вошел флюгер, потом прижала его руку у себя под правой крепкой грудью, и он снова почувствовал боль проникновения. Кожа у нее в этом месте была чуть припухшей — как и у него. Капли бились о крышу со звоном серебряных ложек, горели глаза крыс. Уби-дуби…

В следующей вспышке молнии он увидел над сценой бледную тень в капюшоне. Его охватил страх, но когда синий свет возник снова, он заметил силуэт крыла с белой полосой и успокоился. Он было решил, что это сова: белая физиономия-яблоко, разделенная пополам. Но при следующей вспышке разглядел, что на штанге над сценой сидит белоголовый орлан. С непреложной властностью птица расправила крылья, ее когти блеснули отраженным светом молнии. Чистотец понятия не имел, что она тут делает, но птица снова сложила крылья — точно руки в молитве. Из ее кривого клюва свисал хвост крысы. Свет померк, и заброшенный бар снова погрузился во тьму. Чистотец крепче прижал к себе Кокомо.

— Я как ты и ты как я и все мы вместе, — прошептала она. А после поцеловала. Везде.

Той ночью ему привиделся мирный и ласковый сон. Он снова сидел летним вечером на веранде в Южной Дакоте, на веранде домика дяди Уолдо и тети Вивиан. Он уютно свернулся калачиком, слушая мягкое, мерное дыхание… собаки… его

собаки! Его собаки… по имени Лаки! Дядя Уолдо и тетя Вивиан подарили ему собаку по имени Лаки. Он вспомнил!

Они проснулись, когда уже рассвело. Орлан исчез, и пес тоже. В памяти Чистотца вспыхнуло ощущение из сна: теплый собачий запах. Он был таким ярким… Но пора двигаться дальше.

«Нам нужно добраться до ближайшего города, — думал он. — Может, сесть на самолет». Даже если до сих пор карта врала или — даже хуже — вела его в неверном направлении, он не мог с ней расстаться. А теперь, после атаки «Витессы», его миссия, в чем бы она ни заключалась, приобрела тем большую важность. «Витесса», наверное, знает про карту — догадался вдруг он, иначе не устроила бы засаду. В Лос-Вегасе его тоже ждет ловушка. Но предчувствие грядущей беды дает им с Кокомо преимущество. Он поискал в кармане шарик из слоновой кости. На ощупь тот был теплым и чуть влажным, как когда побывал во рту у Кокомо.

Чистотец свистнул собаку, но ничего этим не добился. Дождь перестал, небо светлело. На парковке рядом с безголовым ковбоем полосатая надпись, завивающаяся как веревка морским узлом, гласила: «В… в пус…» На заграждении-сетке трепыхался изоляционный скафандр. Преодолев пятьсот ярдов по топкому полю, они выбрались на дорогу, а еще через милю — на настоящее шоссе. Кокомо опять шла нормально. Чистотец недоумевал, куда подевался пес.

Несколько минут спустя они услышали шум машины. Местность тут перекатывалась холмами, поэтому пришлось подождать, когда машина поднимется на ближайший. Чистотец почти уже решил сбежать, но спрятаться было особо негде. Он прислушался в надежде на помощь голосов, но все заглушал приближающийся рев мотора. Потом машина поднялась на пригорок. «Господи, — подумал он и невольно улыбнулся. — Гигантский хот-дог на колесах!»

Поравнявшись с ними, водитель опустил окно.

— У вас такой вид, словно вас не мешало бы подбросить, — сказал он как давним знакомым.

Было совершенно очевидно, что он путешествует один и что у него налицо все признаки мальчишеской аккуратности, которую Чистотец уже начал считать эпидемией, охватившей состоятельных белых мужчин за пятьдесят. Водитель был одет в летний кардиган винного цвета и свободные брюки из микрофибры, имел искусственный загар, густую искусственную шевелюру и первостатейный имплантат «Зри-связи».

— Большой Хрен приехал! — радостно пискнула Кокомо и прямо-таки засветилась от счастья.

Поначалу водителя это заявление как будто ошарашило, но

потом он с сочной невозмутимостью объявил:

— Это аутентичный «сосискомобиль» девяностого года, один из восхитительно-нелепых рекламных автомобилей, которые выпустила на улицы корпорация «Оскар Майер»[64].

Чистотец встревожился, что Кокомо пожелает оседлать эту столь неоднозначную «сосиску». Он надеялся на помощь и наставление. Быть может, это спасение? Но опять же, возможно, и ловушка. С другой стороны, есть ли у них выбор?

— Куда вы едете?

— В Лос-Вегас, — улыбнулся водитель. — С небольшим крюком в Нуэво-Альбукерке, чтобы забрать моего дорогого папочку.

— Мы тоже направляемся в Лос-Вегас, — даже не подумав, что говорит, отозвался Чистотец.

— Вот и славно. — Водитель махнул им забираться в кузов. — Наверно, это судьба.

Чистотец заметил, что у него исключительно выразительные не только лицо, но и сам череп, словно весь его скальп — одна сплошная маска, которую постоянно теребит беспокойная рука.

— Вы не собираетесь нас спросить, как мы тут оказались, почему у нас такой вид? — не выдержал он наконец.

— Полагаю, в свое время сами скажете, — отозвался хозяин «сосискомобиля». — Я всегда полагался на доброту незнакомых людей. Давайте. Можете оба устроиться на колбасной кушетке… или один из вас может сесть со мной впереди.

Чистотец выбрал пассажирское сиденье, испытав укол совести, что бросает пса.

— Почему бы вам не поставить своей… э… подружке вот это.

— Что это? — снова насторожился Чистотец.

— Пиратский живой концерт Вонючки Юлы из Омахи, называется «Страдающий суккотэш». Давай же! — Водитель подстегнул жестом Кокомо. — Нам пора вдавить газ, потому что у папы пунктик на пунктуальности — простите мне каламбур, — а я уже и так чуть отстаю из-за урагана. И эти блокпосты «Витессы»! Угроза биологической войны, ах ты боже мой! Они испортили мне паломничество!

— Куда? — навострил уши Чистотец.

— В небольшой поселок под названием Дастдевил. Очень мистическое место.

Глава 10
Там, где есть венская сосиска

Чистотец не желал больше слышать само слово «Дастдевил». Но водитель как будто не заметил его беспокойства, а Кокомо, равнодушная к его словам, пробралась в кузов. Чистотец скользнул на пассажирское сиденье, и длинный хот-дог тронулся.

— У вас… Вы мне кого-то напоминаете, — сказал водитель, когда машина набрала скорость.

— Да, бывают такие лица. Меня зовут Элайджа Чистотец, а мою подругу — Кокомо.

— Примечательные имена, — ответил водитель. — Меня-то вы скорее всего узнаете. Я Тадеуш Миз, доктор Тад, известный книгами «Упрощенные сложности», «Ценность бессмысленного», «Древняя история будущего» и моим самым большим коммерческим успехом «Все, что вы хотели знать обо всем на свете, но о том не догадывались». Как сказал Дон Кихот, в моей профессии необходимо знать все.

— О, значит, вы как мистер Уипи, — сказал Чистотец.

— Ух ты! — обрадовался доктор Тад. — Что за комплимент! И в самую точку, и мерой за меру! Финеас Дж. Уипи! Вы прекрасно подтвердили мою теорию. «Смокинг Теннесси»! Больше всего я люблю его помощника, морского льва Чамли.

— Моржа, — поправил Чистотец. — Чамли — это морж.

— Вы уверены? — резко спросил доктор Тад. — Перепутать Чамли — все равно что сказать, что дядюшка Уолдо был хорьком, а не лисом.

— Кто… кто вы сказали?

— Дядюшка Уолдо. Уолдо Дж. Уигглесворт в «Хоппити Хупер».

— У меня есть… точнее, был дядя Уолдо, — пробормотал Чистотец. — Во всяком случае, мне кажется, что был.

— Ну вот видите, — сразу успокоился доктор Тад. — Вам кажется, что у вас был дядя Уолдо. Видите? Столько есть всего, в чем нельзя быть уверенным на сто процентов. Вот почему так важно установить, был ли это морской лев или морж. Разумеется, минус в том, что, если бы на все вопросы можно было ответить, если бы ничего не забывалось и не терялось, мы могли бы — парадоксально — сказать, что ничего нельзя найти. Как заметил Т. С. Элиот: «Наше знание лишь приближает нас к невежеству». Как бы то ни было, я утверждаю, что Чамли был морским львом.

Доктор Тад продолжал трещать без умолку, но Чистотцу было

трудно сосредоточиться, хотя ему нравилось слушать болтовню водителя. Она напоминала ему то, каким мог бы стать Энсли, если бы не умер во младенчестве, если бы мог вырасти в мужчину, а не в призрака. «Сосискомобиль» катил мимо забранных щитами мотелей и мимоз в цвету, потом выехал на трассу и без сучка без задоринки просвистел через контрольно-пропускной пункт, который охраняли дроиды. От их вида снова подняла голову паранойя Чистотца.

Доктор Тад объяснил, что вмонтировал в «сосискомобиль» мощный мотор на альтернативном топливе, на который ушел почти весь его гонорар за консультацию от «ВООБРАЗИЛИИ» по проекту «XX Сенчури-ленд». Он считал, что затея того стоила, ведь мотор позволяет развить внушительную, но не вредящую окружающей среде скорость. И мимо полей озимой пшеницы, мимо ярко-красных сафлоров, мимо охотничьего заповедника, мимо буддистского монастыря они именно «катили». Потом они оказались в Амарилло, и снова на блокпосте не возникло никаких вопросов. Чистотца терзали приступы острого беспокойства и смутной тоски.

— Вижу, вас удивляет, что власти почти не обращают на нас внимания, — улыбнулся, заметив его состояние, доктор Тад. — Я так не задумывал, но «сосискомобиль», по-моему, так сказать, ниже радаров дроидов. Меня останавливают только охранники и полицейские — то есть живые люди. Возможно, все дело в юморе и экстравагантном дизайне моей машины.

Такой довод успокоил Чистотца, но и вогнал в депрессию. «Сосискомобиль» миновал «Закусочную Чу» («Сегодня фирменное: молочные поросята с гарниром из птичьих гнезд»). На палубе понтонного домика, пришвартованного в озерце, которое образовалось из осадков возле гелиевого завода, кашмирец скреб ножом для картошки огромного карпа. Чудовищные пикапы и бронированные джипторы неслись по трассе бок о бок с машинками на солнечных батареях и каменнолицыми китайцами на велосипедах или гангстерами из триад в зеркально-черных лимузинах, запряженных мексиканцами.

Доктор Тад, судя по всему, знал эти места, поскольку то и дело указывал на какие-нибудь достопримечательности вроде «Широкополой» — вращающегося ресторана в форме ковбойской шляпы с видом на загоны генетически модифицированного скота. Но остановились они возле примитивной забегаловки в пульмановском вагоне, застрявшем в роще ореховых деревьев. Забегаловка называлась «Плавка Пегги», и заправляла ею женщина с гнусавым выговором, походившим на звон натянутой колючей проволоки. Все трое умяли по стопке блинов с топленым

маслом, копченой сардельке, стейку из курицы с подливой и глазунье из двух яиц. Кокомо жевала не переставая, с открытым ртом. Чистотец задумался, безопасно ли оставлять ее с доктором Тадом, но вопрос решился сам собой, когда ему понадобилось в уборную. Когда он вернулся к столу, Кокомо и доктор Тад уплетали яблочный пирог и вели себя так, словно знакомы целую вечность.

— У нас вышел потрясающий разговор, — объявил доктор Тад. — Про *Somnia a Deo missa,* сны, ниспосланные Богом. Исключительно интересно.

— Вы… разговаривали? — недоуменно переспросил Чистотец.

Вместо ответа доктор Тад сам отлучился в уборную. Кокомо еще не наелась и, тыкая в меню и вереща как шимпанзе, умудрилась заказать миску чили с луковыми кольцами и кусок пирога с малиной. Вернулся доктор Тад.

— В Америке осталось всего три места, где так хорошо кормят, — заявил он. — Второе — в Чикаго, недалеко от моего дома. Там еще умеют готовить солянку. Третье — в Рейпид-Сити, в Южной Дакоте. Надо бы снова туда наведаться.

— В Южной Дакоте? — повторил Чистотец.

Но тема угасла за чавканьем Кокомо и бормотанием радио. Презирая линки БИСПИДа и попав в черный список «Зри-связи», хозяйка «Плавки Пегги» была гордым сторонником «Американского пиратского радио». Главными новостями были Селезень Дули и Убба Дубба, ставки на будущем поединке в «Царстве Солнца» и чудеса в кильватере техасских ураганов.

В городе-музее Додж-Сити прошел дождь из луговых собачек (впервые в истории), а на озере Тенкиллер отправившийся на рыбалку баптистский проповедник выпал из лодки от удара по голове первоизданием «Многообразия религиозного опыта». Чудом уцелевшая в Дастдевиле мина «джеки с фонарем» разнесла вызывавший многочисленные нарекания центр «Планирования семьи» в Фейетвилле, штат Арканзас. Активисты «Права на ссоры», собравшиеся на ежегодное торжество, были побиты градом детей — многие прилетели в сферах из прозрачного полимера. Будучи любителем подобных феноменов, доктор Тад пришел в восторг, невзирая на личные неудобства, и считал, что на анализе одного этого дня можно сделать карьеру всей жизни.

Кокомо подтерла хлебом остатки подливы, и Чистотец заплатил по счету. Он снова сел впереди. «Сосискомобиль» покатил мимо газовых ферм и полностью автоматизированных сеялок.

— Вы сказали, вы из Чикаго, — попытался он завязать

разговор, когда пища немного осела у него в желудке.

— Истинный уроженец города Широкоплечих, — подтвердил доктор Тад. — Преподавал когда-то в университете, но пришлось уйти в отставку по состоянию здоровья. По счастью, роялти пока дают мне свободу.

— А что у вас со здоровьем?

— С душевным здоровьем, — вздохнул доктор Тад. — У меня была болезненная религиозная фаза, и мне поставили диагноз неспецифический синдром святого Антония. Я изучал труд Беды Достопочтенного, ученого восьмого века, который взялся задокументировать проникновение христианства на английский рынок. Меня заинтересовала Исландия, где христианство было официально принято в тысячном году. Мне хотелось знать, как они это провернули, так сказать, на низшем уровне. Я наткнулся на датированный тысяча восьмым годом рассказ об одном монахе, который отправился на далекую ферму к какой-то семье, чтобы посмотреть, как у них обстоят дела с христианством. Они пригласили его пообедать чем бог послал. Прочли молитву, чем очень его порадовали, а потом стали передавать по кругу черную такую штуковину, похожую на мандрагору, а он вдруг узнал в ней мумифицированный лошадиный член. Его семья тоже благословила. Стоило мне это прочесть, как на меня снизошло откровение! Что есть засохший фаллос черного коня как не талисман жизненной силы, передаваемый из поколения в поколение? Ведь и Христос — отчасти Таммуз, бог растительности, который возрождается каждый год и умирает при сборе урожая. Меня осенило, что это маленькое племя, которое одновременно поклонялось Христу и древнему символу плодородия, сегодня было бы как раз на месте, потому что в его культуре никогда не возникало противопоставления Распятия Лошадиному Члену. Нет, они всегда сосуществовали бок о бок. Проблема в том, что вскоре после этого откровения мне стали являться в галлюцинациях маленькие китайцы.

— Вот как? — навострил уши Чистотец. — Я… я тоже их видел!

— Ага, — кивнул доктор Тад. — Я уже понял, что так со многими было. У меня есть теория, что они архетип, обращающийся к нам через коллективное бессознательное.

— И вы их еще видите?

— Нет, с самого землетрясения Йети не вижу. Я как раз вел семинар в Эсейленском институте в Биг-Суре на побережье Калифорнии, когда они появились и сказали, чтобы я немедленно возвращался в Чикаго. Если бы не они, я, наверное, принимал бы ванну у себя в квартире, когда на нас наступил Йети.

У Чистотца отлегло от сердца.

— И как же вы вылечились? Вы ведь… вылечились, правда?

— Регулярно принимаю дозу препарата под названием «Пифагор». Но от края меня отвела музыка Вонючки Юлы, особенно «Психопомпа».

— Хм. Как по-вашему, Вонючка Юла еще жив? — спросил Чистотец.

— Очень на это надеюсь, — ответил доктор Тад. — Во всяком случае, для меня он точно жив.

Они прибыли в Тукумкаи, который оказался парком аттракционов на тему Трассы 66[65] с искусственно состаренными повозками и лачугами на колесах и торговыми постами в вигвамах, а также с гигантским перекати-полем («Самое большое автономное сооружение из карбоноволокна к западу от Миссисипи»). На заправке «Феникс» доктор Тад залил полный бак.

— Так что подтолкнуло вас отправиться в Лос-Вегас? — спросил он, когда они снова выехали на трассу.

Чистотец на мгновение задумался, словно это была очередная загадка Кокомо.

— Вы.

Доктор Тад улыбнулся и побибикал куче мале из коричневых ребятишек, от чего из магазина «Блокбастер» вылетала испуганная стая летучих мышей.

— Нет, я серьезно, — продолжал Чистотец. — Мы должны были с кем-то встретиться… кажется. И начать новую жизнь — надеюсь. А вы, где вы сказали, вы были… В Дастдевиле?

Доктор Тад поерзал на сиденье. Они миновали заброшенный «Кей-Март», где, по всей видимости, обитали призраки.

— Ну, — начал он, — я специализируюсь на парках развлечений и аттракционов и личных тематических парках разных одержимых, которыми так богата Америка. В этой поездке мне хотелось снова побывать в «Райском саду», куда я уже давно не заглядывал.

— В «Райском саду»?

— Его построил Самуэль П. Динсмур в Лукасе, штат Канзас. Потрясающий был человек. Первый раз женился в тысяча восемьсот семидесятом верхом на лошади. Потом — в юном возрасте восьмидесяти одного года — на двадцатилетней девушке. Он построил аллегорический сад скульптур, посвященный Библии и критике современной цивилизации. Там, давным-давно, я впервые понял, что есть настоящее искусство, и оно все еще меня привлекает. И вообще, — понизил голос доктор Тад, — мое следующее паломничество будет посвящено Ллойду

Мидхорну Ситтурду, великому забытому гению.

— Никогда о таком не слышал, — признался Чистотец.

— Это потому что он забытый.

Перед ними открылись завораживающие геологические красоты Нью-Мексико: башни скал взмывали уступами в синее небо, немногие облака напоминали следы от сигнальных ракет — белые, как пустынный цикорий, и над рекой Пекос — гигантская голограмма, указывающая расстояние до парка «Уол-Март уорлд».

— А при чем тут Дастдевил? — неуверенно спросил Чистотец.

— Отец Ситтурда Гефестус был кузнецом, а заодно и изобретателем-неудачником, — ответил доктор Тад. — Вечно носился с новыми изобретениями и ни одно не довел до конца. Женился на мулатке-колдунье по имени Рэпчер Мидхорн из Огайо. В тысяча восемьсот тридцать восьмом родился Ситтурд. Его сестра-близнец умерла при родах. Увязший по уши в долгах Гефестус унаследовал клочок пустоши в Дастдевиле и позднее перевез туда семью. Там маленький Ллойд построил часовню с алтарем умершей сестре. И однажды, когда он там прибирался, его подхватил ураган и вернул лишь двадцать минут спустя. На то же место, откуда унес.

— Правда? — вытаращил глаза Чистотец.

— Ну, так гласит легенда. — Доктор Тад пожал плечами. — Точно известно лишь, что у него необъяснимо стали развиваться разные способности. Он стал пионером кинематографии и изобрел множество спецэффектов, которые использовали киношники от братьев Люмьер до Гриффита. Он был первым, кто сформулировал научные принципы камуфляжа и подчеркнул, что камуфляж должен не просто маскировать истинные цели, а создавать впечатление, будто объект там, где его на самом деле не существует. Он экспериментировал с криптографией для передачи подсознательных сообщений. Он даже разработал прототип прибора, который назвал «Транслингвистикон», предназначенный для общения с умершими. Но он нажил множество врагов. У него были чудовищные сексуальные аппетиты, и он то и дело разорялся, спуская все на свое личное королевство Лабиринтия в Южной Дакоте.

— В Южной Дакоте? А на чем он делал деньги? — спросил Чистотец, когда «сосискомобиль» пронесся мимо разбомбленной мечети и гигантского здания супермаркета «Пиггли-Уиггли».

— Его талантами желали воспользоваться многие. — Доктор Тад явно вошел во вкус. — Например, резиновый барон по имени Фаро из Южной Америки нанял его перенаправить систему рек

континента. Фаро был женат на прекрасной индианке с истоков Амазонки. Оказавшись запертым во дворце с пожираемыми личинками клавикордами и гниющими картинами Караваджо по стенам, Ситтурд уже через два дня пустился во все тяжкие с женушкой. Позднее скелет резинового барона нашли после нашествия армии муравьев, которое Ситтурд и индианка пережили вполне успешно. Два года они прожили вместе в рушащемся доме, и за это время девушка родила Ситтурду сына. Но ребенок умер. Понимаете, в Южной Америке водится такой сом, который хватает с веток обезьян, когда те спускаются попить из реки. Одна такая схватила сына Ситтурда, когда мать мыла мальчика в реке. Молодая женщина решила, что бог реки на нее рассердился, и утопилась. Вне себя от горя Ситтурд бросил особняк на потребу джунглям. Самое удивительное, что сходная участь постигла и Лабиринтик). Пока он отсутствовал, его сторожа разграбили поместье, бродяги и самогонщики жгли костры в залах, и в результате все постройки захватили одичавшие кошки и сычи. Даже дымовых труб не осталась.

Чистотца охватила сочувственная грусть, он смотрел, как за окном тянется здание «Костко»[66] размером с небольшой городок. Но доктор Тад был не из тех, кто останавливается посреди истории, и потому мгновение спустя продолжил:

— Ситтурд вернулся в Америку с синим попугаем-ара и малярией. Следующие два года он только и делал, что пил абсент с проститутками. Спасение явилось в виде заказа от консорциума крупных промышленников Питтсбурга. Они хотели, чтобы он спроектировал парк аттракционов под названием «Макропотамия» — ведь таково было одно из имен для Западных Штатов, которые замыслил Томас Джефферсон. Расположить парк решили там, где потом построили стадион «Три реки». Ситтурд разработал и создал самую большую коллекцию миниатюрных автоматов, какую только видел свет. Тут были ледяные скульптуры, факиры, пивные дворики, устричные бары и огромные шатры, где на барбекю жарили цельных бычков. Но одним из самых интересных аттракционов был Срединный путь: вместо обычных палаток балагана уродов посетителей ждали лекции теологов и университетских профессоров, а также услуги астрологов, фокусников, ясновидцев, гипнотизеров и онейрокритаи.

— А это еще кто такие?

— Профессиональные толкователи снов. Ситтурд окончательно перешел черту, создав первые «американские горки». На это изобретение его вдохновил ураган, и поначалу он назвал аттракцион «Лодемания», в честь сестры, но потом

переименовал в «Экстаз». Посетители были ошеломлены. Берт Гарт[67] обмочил на нем штаны, а презиравший Ситтурда Эдисон заработал грыжу.

Зато многие испытывали что-то сродни религиозному экстазу, их даже посещали видения. Нетрудно себе представить, что думали о нем столпы церкви в Питтсбурге, да и вообще во всей стране! Прокатиться на аттракционе и увидеть Господа! Однажды воскресным днем на нем решили прокатиться три школьницы. И у них начались схватки. Когда врачи их осмотрели, то обнаружили, что девственные плевы у всех целы. Никаких следов полового акта! Непорочные роды! В Питтсбурге!

— Ух ты!

— Вот именно «Ух ты!». С того момента все пошло наперекосяк. Ситтурд рассорился со своими спонсорами. Загадочный пожар уничтожил «Макропотамию», причем ходили слухи, будто он сам его устроил. Ситтурд стал жить затворником — возможно, в Австралии. Но со временем он вернулся в Дастдевил, чтобы основать там духовную общину.

— Он стал главой культа? — едва не задохнулся Чистотец.

— Нет, нет. Главой он никогда не был, скорее катализатором. Но он настроил против себя реформистское женское движение, а также промышленных магнатов. Церковь выставила его демонической личностью. Его собратья-ученые тоже почувствовали себя под угрозой, а художники считали, что он слишком уж успешно претворяет свое искусство в жизнь.

— И что случилось? Его убили?

— Он исчез, — ответил доктор Тад, объезжая тушку раздавленного броненосца посреди дороги. — Вот почему мне хотелось побывать в Дастдевиле, это последнее место, где его видели живым, а теперь там скорее всего уже ничего не осталось. «Макропотамия» исчезла, и никто не знает, где именно в Южной Дакоте находилась Лабиринтия. След самого диагонального мыслителя всех времен потерялся.

— Может, он этого и хотел?

Чистотец вздохнул. Как же ему хотелось рухнуть где-нибудь в мягкую постель — лет на сто!

— Возможно, — согласился Тад. — Но есть любопытные совпадения. Например, Ронуэл Сьюард (это настоящее имя Вонючки Юлы) поразительно похож на Ситтурда, и про самого Сьюарда, ничего, по сути, не известно. Интересно и то, что тридцать лет назад как раз в Дастдевиле возник языческий сексуальный культ, который затем разгромили федералы. Там было истинное побоище. И есть еще одна причина съездить в Лос-Вегас.

— Какая? — насторожился Чистотец.

— Федералы и позднее «Витесса» скрыли практически все детали, но в бытность мою консультантом в «ВООБРАЗИЛИИ» я познакомился с одним человеком, который утверждал, что видел артефакты.

— И кто же это? — спросил Чистотец, но постарался скрыть свое любопытство.

— Олли Подрида. Он держит «Музей печально знаменитых американцев» на улице Брандо. Жаль, что «Витесса» решила закрыть всю эту часть Техаса. Я бы рискнул потягаться с погодой. Там, где я вас подобрал… Вы ведь должны были что-то видеть?

— Мы едва-едва успели выбраться. Там были охранники и всякие роботизированные штуки. Мы больше о себе беспокоились, чем о смерчах.

— Знакомое чувство, — согласился доктор Тад, указывая на африканцев-масаи, которые сгоняли миниатюрный скот.

— Мы правда очень вам благодарны, что подвозите нас в Альбукерке.

— В Нью-Альбу, — поправил доктор Тад. — У восьми из десяти граждан были проблемы с правильным написанием, поэтому власти похоронили его — вместе с биологическим и химическим оружием, оставшимся с войны. Надеюсь, вы не думаете, что по прибытии я вас отпущу? Папа будет очень рад с вами познакомиться. Места, где спать, у него предостаточно, и завтра рано утром мы отбываем в Лос-Вегас. Почему бы вам не поехать с нами?

— Спасибо за предложение. — Чистотец смущенно кашлянул. — Но нам не хотелось бы навязываться.

— Будет вам, познакомитесь со стариком, а дальше сами решите. Во всяком случае, получите вкусный обед.

Чистотца переполнила благодарность. После головных болей и неконтролируемых желаний крохи покоя и доброты казались драгоценным подарком. Драгоценным, но подозрительным.

Глава 11
Аплодисменты команде хозяев!

Танцы сомалийцев, номера «Пекинской оперы», вспыхивающие плакаты-голограммы «разыскивается такой-то моджахед», не говоря уже про сверхлегкие дельтапланы над Самсунг-Сити и многое-многое другое, — на прибывающего к контрольно-пропускному пункту Нью-Альбу обрушивается море информации. Отец доктора Тада жил в анклаве Пропитание, построенном в духе селений пуэбло, где его дом был зажат между клиникой пластической хирургии и одним из самых популярных местных соляриев. На контрольно-пропускном пункте их приветствовал вооруженный охранник — человек, на бедже которого значилось «Федотов». Как только он махнул им проезжать, доктор Тад вдавил педаль газа и вскоре свернул на ухоженную стоянку, обсаженную маммиляриями и опунциями.

— Надо же, какие они яркие! — обрадовался он, потом вдруг взглянул в лицо своему пассажиру. — Знаете выражение «выплеснуть младенца вместе с водой»? Или «дитя — отец мужчины»? Так, пожалуйста, не произносите такого при папе.

— Почему? — с удивлением спросил Чистотец.

— Несколько лет назад папа пережил кризис среднего возраста. Связался с прохвостом Сколько-Дашем из Питтсбурга.

— Я слышал про доктора Сколько-Даша.

— Все слышали про гада Сколько-Даша! Он же просто мясник! Коротко говоря, он запустил бизнес-проект «Вита-Ремонт», основанный на подозрительных и не получивших одобрения препаратах против старения. И папа на это купился.

— Препараты не сработали?

— Да нет же… в некотором смысле. Папино тело преобразилось.

— Он омолодился?

— Уменьшился. Сейчас он размером с младенца. Но физическая травма и стресс оказались для тела почти непосильны. Кости у него частично размягчились, поэтому ему приходится жить в особой жидкости… в резервуаре.

— В резервуаре? — переспросил Чистотец. — То есть в аквариуме?

— В очень маленьком аквариуме, но, бога ради, ему ничего не говорите, он очень обидчивый. Он, возможно, выглядит как дитя, но на самом деле перед вами ворчливый старик.

— И он… постоянно там живет?

— Миссис Мендоца вынимает его для физиотерапии… и меняет ему жидкость. Она его сиделка, но они уже много лет любят друг друга.

— Она в него влюблена?

— Они давно вместе… Нет, не так, у них сложилось что-то вроде поклонения. Нет, не культ, у них все совершенно безвредно. Как-то связано с бейсболом. Думаю, по-своему это даже на пользу здоровью.

— Подождите, подождите, — не выдержал Чистотец. — Но если он живет в аквариуме, как вы собираетесь везти его в Лос-Вегас?

— Я же говорил, аквариум маленький. Везти его, конечно, не просто. Но папа потом чувствует себя гораздо лучше. Виртуально у него весь мир под рукой, но виртуальность ни в какое сравнение не идет с настоящей поездкой. На сей раз он хочет поехать на «американские горки»!

— Понимаю, — еще более растерянно ответил Чистотец, которому оставалось лишь восхищаться сыновней привязанностью доктора Тада. — Обещаю, что ничего не скажу. Но за Кокомо поручиться не могу. Она всегда говорит то, что приходит ей в голову.

— А голова-то у нее что надо, — объявил доктор Тад. — Я ведь даже не знал, что Фома Аквинский не признавал онтологическое доказательство существования Господа, какое представил святой Ансельм. А впоследствии его подтвердил Декарт, модифицировал Лейбниц, опроверг Кант и оживил Гегель.

Чистотец озадаченно покачал головой.

— И я тоже. Во всяком случае… мне кажется, я этого не знал.

Он не помнил, чтобы Кокомо разговаривала — в обычном смысле.

«Старик» оказался в точности таким, как описал его доктор Тад. Почему-то Чистотец думал, что он шутит. Но папа доктора Тада действительно обитал в аквариуме, где вес его хрупкого тела поддерживала маслянистая голубая жидкость. Телосложением он походил на двухлетнего малыша, но кожа на тельце натянулась и покрылась пятнами, а в лице чувствовалось что-то стариковское. Вся его одежда состояла из облегающих плавок. Из середины безволосой груди рос, покачиваясь в воде, как водоросли, одинокий клок седых волос.

— Пап, я привез гостей. У них случились неприятности в дороге — украли багаж. Я надеялся уговорить их заночевать у нас и поехать с нами в Лос-Вегас.

— Господи Всемогущий! — мрачно буркнул младенец. — Чей

это дом? Ты знаешь, что ты опоздал? Мог бы позвонить. Почему ты не позвонил?

— Баста, мучачо, — раздался твердый, но любящий женский голос. — Буэнос тардес, Тадеуш.

— Познакомьтесь, ребята, прекрасная и многотерпеливая Секора Мендоца.

Вперед выступила грудастая мексиканка средних лет с блестящими черными волосами и самой мягкой ореховой кожей, какую Чистотец мог только вообразить. Возможности поздороваться ему не представилось, потому что Кокомо бросилась к аквариуму и расплющила нос о стекло, как рыба.

Прошло несколько минут, прежде чем Чистотец и доктор Тад сумели успокоить девушку и старика, и в конечном итоге именно миссис Мендоца увела Кокомо в ванную ради столь необходимого душа.

— Извините, — сказал Чистотец. — Моя подруга не умеет обуздывать свой энтузиазм.

— Срань Господня! — проворчал мистер Миз. — Я думал, она ко мне запрыгнет!

— Любопытное слово «энтузиазм», — задумчиво протянул доктор Тад. — От греческого «en theos». Когда Бог у тебя внутри.

— Заткнись, малявка.

— Ты же знаешь, папа, что мне неприятно, когда ты меня так называешь.

— Потому и называю!

— Как бы то ни было, я прошу прощения, — не унимался Чистотец. — Надеюсь, с вами все в прядке?

— Кто я, по-вашему, больной младенец? — вскинулся мистер Миз. — Нечего извиняться. Ты выглядишь жалким. У нее хотя бы смелости хватило!

— Если я еще не успел, позвольте представить вам моего отца Натаниэля Миза. Папа, это Элайджа Чистотец.

— Это еще что за имя?

— Простите грубоватость отца. Его нужно подольше размачивать.

— А ну подойди поближе и повтори, головастик.

— Когда-то папа возглавлял отдел корпоративного имиджа «Энергетической компании Феникс», — пронзительно продолжал доктор Тад. — Только не спрашивайте его про семинар по стратегическому планированию на Гавайях, — добавил он шепотом. — Это еще кое-что, о чем тут нельзя заговаривать.

— А при чем тут семинар по стратегическому планированию на Гавайях? — так же шепотом спросил Чистотец.

— Гавайи? — заплескался в своей жидкости мистер Миз. —

Не говорите мне про эту ананасовую плантацию! Туда едет тот, над кем дамоклов меч завис!

— Теперь его не остановишь, — вздохнул доктор Тад. — Как раз то происшествие привело к катастрофе с антистарением.

— Годами я работал на то, чтобы представить нефтяную промышленность в глазах общества как морально ответственную, финансово стабильную и экологически безвредную еще на сто с гаком лет. Знаете, как трудно это было? А потом — бах! Компания нашла себе новую идеологию. — Мистер Миз кипел от возмущения. — Сперва был «сдвиг категории» от «старой энергии „Пояса ржавчины“» к «новой энергии восхода». Ха! Потом, идеологический переход от эксплуатирующей культуры Промышленной революции к культуре решения проблем Эры Знания. Это привело к смене Символа. Новый председатель совета директоров Таня Клеймор вышла на подиум в пятизвездочном отеле и заявила нам: «Новая энергия „Феникса“ прокладывает новый путь в наступившее тысячелетие!» А после нам устроили пир под открытым небом с танцорами в юбках из травы и цельными поросятами на вертелах. А потом она завела меня за миниатюрный вулканчик, предложила мне пои и сообщила об увольнении.

— Очень жаль… это слышать. — Чистотец не знал, что бы еще сказать.

— Стану я покорно жрать их пои, не на такого напали! — заорал мистер Миз, едва не устроив шторм в аквариуме. — Я на следующий же день подал на сволочей в суд… И меня снова поимели.

— Да нет, не было такого! — нахмурился доктор Тад. — У тебя великолепный дом и отличный пакет акций. Ты определенно дал им понять, что с тобой дурно обошлись.

— Вот как? — улыбнулся мистер Миз, и жидкость в аквариуме успокоилась. — Давайте поговорим о чем-нибудь более приятном. Например, про то, как Боб Гибсон выбил семнадцать «Тигров» в первенстве по бейсболу.

— В точку, — махнул Тад. — Давай попросим Секору показать ему Систему? Я ручаюсь за его честность.

— Да? Он ее не украдет?

— Сомневаюсь, что в ней способен разобраться кто-то, кроме вас двоих, — отозвался Тад.

Появилась миссис Мендоца и повела Чистотца в глубь дома, обставленного испанской кожаной мебелью, устланного коврами и одеялами навахо. Чистотец даже углядел оригинал акварели Д. Х. Лоуренса. Однако весь шарм традиционного юго-запада терялся за вездесущим бейсболом. Со всех стен смотрели мифы и

символы Америки. Бейб, Мьюзиэл, Морис, Мэнтл, Соса и Бонде. Тут был застекленный поставец с подписанными мячами, включая последний мяч, заброшенный в рекордном шестом последовательном матче с «сухим» счетом Дона Дрисдейла 4 июня 1968 года. Целая стена была увешала сломанными битами, каждая с именной табличкой. Но было совершенно очевидно, что гордость всей жизни мистера Миза и миссис Мендоцы начиналась со стены на кухне. Их знаменитая Система разветвлялась как генеалогическое древо. Покидая пределы кухни, оно змеилось в коридор, оттуда в спальню и назад, покрывая стены с пола до потолка, расцветая раз в несколько дюймов карточкой игрока, так что складывался орнамент, похожий на бесконечно мутирующее Древо Сефирот из Каббалы.

— На это нам потребовались годы, и мы еще собираем информацию, — доверительно сообщил, покачиваясь на спине, мистер Миз, когда они вернулись. — Понимаете, бейсбол исключительно сложная игра. Она одна удерживает Америку на плаву. Она одна не дает ей распасться. Перед вами — тайная система в основе бейсбола.

Чистотца это заявление огорошило. Можно было только восхищаться плодами трудов старика и его сиделки. Не каждый способен выдумать тайную религию, которая бы поддерживала равновесие в стране.

Миссис Мендоца отвела их в комнату для гостей. Гнев и отвращение Чистотца к тому, что случилось в Техасе, несколько развеялись, но неприятный осадок остался. Кое-что в рассказе доктора Тада о Ситтурде объясняло некоторые события Дастдевила, но не все. Возможно, ответы есть у человека, который держит музей в Лос-Вегасе.

Пока Кокомо стирала и сушила свой парик, он принял ванну, вскоре к нему забралась и Кокомо. При свете ее нагота обернулась совершенно новым ощущением. Она была маленькой, но совершенной, с высокой грудью и горячей круглой попкой, которая выступала как изгиб в знаке вопроса. На всем теле у нее не было ни одного волоска. Ни одной морщинки. Ни одной родинки. Единственная отметина в точности совпадала с его — там, где ему в грудь вошел флюгер, и то приходилось внимательно всматриваться, чтобы ее разглядеть. У него было так много вопросов. И у нее тоже.

— Что есть начало вечности, конец пространства и времени, начало всех концов и конец всех начал?

Позднее он сообразил, что ответом стала бы буква «а», но в тот момент был слишком занят: их тела сливались в воде, волны бились о кафель, поднимались к краю ванны и выплескивались за

него.

Заботливая миссис Мендоца принесла им кое-какую старую одежду мистера Миза, мягкие спортивные костюмы и фуфайки бейсболистов, и, одевшись, они присоединились к своим хозяевам за коктейлями. Мистер Миз, облачившийся к обеду в прозрачный синий скафандр, поглощал свои блюда через очень длинную соломинку. За едой доктор Тад излагал планы поездки, включая идею, как усадить отца на знаменитый аттракцион. Последнее так обеспокоило миссис Мендоцу, что на секунду показалось, будто мистер Миз серьезно влип.

— Вы что, сговорились не дать мне повеселиться? — захныкал он.

— Папа видит заговоры за каждым кактусом, — объяснил доктор Тад.

— Кто бы говорил! Как-то ты сказал, что если не можешь найти заговор, значит, смотришь невнимательно? Все еще гоняешься за призраком Мак-Кинли?

— Каким еще призраком? — спросил Чистотец.

— Папа имеет в виду мой интерес к президенту Мак-Кинли. На него было совершено покушение во время Панамериканской выставки в Буффало в тысяча девятьсот первом, — объяснил доктор Тад.

— Вы думаете, там был заговор?

— В зависимости от того, что понимать под заговором, его можно найти где угодно. Вопрос лишь в размахе и организации, — пожал плечами доктор Тад. — Возьмем крушение самолета, в котором погибли Бадди Холли, Биг Боппер и Ритчи Валенс. У меня есть теория. Их самолет испортили правительственные агенты, действовавшие заодно с правыми христианами в попытке контролировать растущую популярность рок-н-ролла среди белой молодежи. Операция дала обратный эффект, и Бадди Холли стал святым.

Кокомо пукнула.

— Хорошо, что мы бобы не ели, — сказала миссис Мендоца.

— Не волнуйся, девочка, — подхватил мистер Миз. — От пузырьков нет вреда.

Чистотцу казалось, он знает этих людей давным-давно. Позади — ужас и тьма. Может, впереди надежда?

После обеда, пока остальной мир упоенно ловил каждый миг «Поединка Насмерть» (который закончился всего за десять секунд), Чистотца и Кокомо побаловали ритуальным семейным развлечением большой важности.

— То, что мы увидим сейчас… — взял вступительное слово доктор Тад, — плод многолетних трудов моего папы. Это

непрекращающийся анализ первенства по бейсболу шестьдесят восьмого года, которое выиграли «Детройтские тигры». Папа с миссис Мендоца полагают, что шестьдесят восьмой год стал поворотным в американской истории и что бейсбол содержит ключ к тому, что происходило на самом деле. И к тому, как затем все обернулось и развивается с тех пор. Правильно я говорю, папа?

— Правильно! — подтвердил, кувыркаясь, как дельфин, мистер Миз. — В тот год Денни Мак-Клейн выиграл тридцать один матч, истинный подвиг! И все-таки Микки Лолич, подававший в тени Мак-Клейна целый год, показал себя в первенстве истинным героем и самым ценным игроком. Как вам, возможно, известно, позднее Мак-Клейна посадили за азартные игры, рэкет, грабеж и мошенничество. То была великая Американская Трагедия. Мы считаем, что ее последствия волнами отдаются во времени.

Чистотца поразил серьезный тон, которым были произнесены эти слова. Пока как в том самом мегаполисе, куда они отправятся завтра, разворачивалось одно из величайших событий в спорте и современной культуре, они смотрели в записи острые места матча почти полувековой давности. Лишь впоследствии они узнали о невероятном исходе поединка в Лос-Вегасе, о том, как Ксеркс Труподел был отправлен в третьем раунде в нокаут Минсоном Фиском, ставшим теперь первым геем-борцом в супертяжелом весе на Земле. Шампанское, кровь и всевозможные лубриканты лились по улицам рекой.

— Даже к лучшему, что нас там нет, — сказал доктор Тад, когда они уже собрались спать. — Там, похоже, черт-те что сегодня творится.

После Чистотец и Кокомо скользнули в гостевую кровать. Невзирая на усталость, они занимались любовью, и чем мягче двигались, тем интенсивнее становились волны экстаза, пока Чистотец уже не мог понять, где кончается он сам и где начинается Кокомо.

И в освященной Д. Х. Лоуренсом темноте он слышал плеск в аквариуме мистера Миза, словно их эротизм населил лихорадочными образами сны маленькой амфибии — или, быть может, миссис Мендоца сейчас с ним, и они заняты… ну, чем бы там они ни занимались. Любовь многолика, думал, засыпая, Чистотец, и запах Кокомо наполнял его сны, а ее ровное дыхание успокаивало, как дыхание пса Лаки на летней веранде в Южной Дакоте давным-давно.

Глава 12
Каждый день как последний

В самых разных областях страны любовь принимала поистине странные формы. В Лос-Вегасе, который охватила Фиксация на Фиске, трансвестит Арета Найтингейл, он же Денцель Фиск, или (насколько было известно Монро Хиксу) Эрнестина, оказался в весьма затруднительном положении. Вслед за нокаутом в третьем раунде и празднеством с говядиной в грибном соусе матсутаке, свежим мэнским омаром и ящиками шампанского «Боллинджер» трансвестит (официально в камуфляже) в конечном итоге обнимал, а после танцевал со своим сыном-победителем, а после публично целовался со своей равно расчувствовавшейся женой. Удивленный таким поведением Монро, который втайне поставил против Минсона, обрадовался будущему менаж-де-труа. Вообразите себе его разочарование, когда чуть позднее он застал Эрнестину в постели Эраты — и вовсе не за сапфическими радостями. Вовсе нет. Ах если бы только он сам не был голым, ведь когда он вылетел из гостевого будуара в гневе, что с ним сыграли такую шутку, то оказался в комнате с джакузи, где шумная компания молодых поклонников Минсона Фиска нюхала кокаин и поливала друг друга дорогущим игристым без тени уважения к тому, где находятся. Внезапное появление Монро в костюме Адама лишь прибавило пикантности происходящему.

А тем временем в спрятанном за зеркальным полем Форте Торо Ищейка пребывал в холодной панике. Колоссальный провал при Дастдевиле вынудил его к мучительной переоценке, благодаря которой он понял, что придется взять проблему Чистотца в собственные руки, иначе у него выйдет время и ему грозит разоблачение.

Во время короткой схватки между «Отрядом Первопроходцев» и боевым зондом итоговый всплеск энергии в мозгу Чистотца породил ясный сигнал, который удалось запеленговать. Карлику пришло в голову, что он недооценил живучесть «Отряда», впрочем, это еще может оказаться ему на руку. Теперь он пустил в ход все свои знания об уязвимости системы. Гений троянцев, «червей» и коварно распространяющихся вирусов, он был заодно докой по части взламывания файерволов и одним из немногих, кто способен не застрять в самых засекреченных районах «центральной нервной системы „Витессы“». Там он и обретался сейчас, со всерастущим отчаянием выискивая варианты и украдкой бросая взгляды на свои многочисленные наручные часы.

От орды киберхищников, охраноидов и ловушек он ускользал с подпитываемой адреналином сосредоточенностью, поскольку самый мелкий промах сейчас обернется для него провалом. Не сейчас, только не сейчас. Все дальше и дальше он забирался в многообразную инфосистему, все больше приходил в отчаяние, пока… не нашел… Да! На его лице сверкнула довольная улыбка. Да, вот оно — самое подходящее оружие. Достаточно мощное, но не слишком значительное, чтобы его охраняли так уж усердно. Самое оно. То что доктор прописал.

Он обнаружил спутник с кодовым именем «Азазель», используемый для мониторинга заключенных с имплантатом мозга. Имевший форму черного стеллс-ангела спутник располагался на геосинхронной орбите прямо посреди США. В каждый данный момент своего нахождения на орбите он мог послать электромагнитный импульс в любой из имплантатов, значащихся в его директории. И в этом имплантате возникал раскаленно-белый взрыв, словно исключительно четкая и бесповоротная мысль.

Вскоре вернется Арета. Нужно действовать немедленно. Карлик уже понял, что нельзя полагаться на «Витессу», что она не сумеет оперативно решить проблему Чистотца. А вот если он сам с ним разберется, если поднесет «Витессе» мозг этого оружия-мессии на серебряном блюде, и сделает это, метнув — метафорически выражаясь — их собственные громы и молнии, уголовное дело на него закроют, и ему больше не придется жить в грязной палатке, не придется каждый день общаться с теми, кто не дотягивает до него интеллектом, но носится со всякими видениями. Возможно даже, его поставят во главе регионального отделения. Ха!

Он взломал защиту «Азазеля» и ввел код запросчика-ответчика, базирующийся на частоте комбинированных сигналов, которые получил, когда столкнулись зонды. Как только они снова схлестнутся, «Азазель» про это узнает. Даже если этого не произойдет, что он теряет? Надо лишь оставить зацепки, которые позволят «Витессе» проследить, откуда был произведен взлом. Как только служба безопасности выйдет на цель, зеркальное поле обнаружат, и Форт Торо окажется в осаде. А что до Чистотца — если он уцелеет после атаки «Азазеля», то рано или поздно боевой зонд завершит свою смертоносную миссию. Одно это заслуживает награды. Если, конечно, Ищейке удастся вовремя выбраться из Форта Торо.

А в Нью-Альбе миссис Мендоца дала путешественникам выспаться перед стартом. Доктора Тада, Чистотца и Кокомо она побаловала поздним завтраком из яичницы по-деревенски,

мистеру Мизу предоставили питаться жидкой кашицей тыквенного цвета. Секора принесла выстиранную в прачечной одежду. Затем пришлось решать сложнейшую задачу, как перенести и устроить в «сосискомобиле» аквариум мистера Миза вместе с многочисленным оборудованием и устройствами жизнеобеспечения, а также катетерами, мазями, каплями и таблетками очистки жидкости.

Чистотец понял, что свое транспортное средство доктор Тад выбрал, руководствуясь не только чувством юмора и любовью к поп-культуре Америки. У кузова был приподнятый потолок, а длина «сосиски» позволяла подвесить аквариум его отца на карбоновом тросе между двух крюков, тем самым сводя до минимума вибрацию и давая старику наилучший обзор — как через раздвигающуюся крышу с защитным покрытием от ультрафиолета, так и через обычные затемненные окна.

Миссис Мендоца упаковала им внушительный ленч, протараторила доктору Таду сотню наставлений (по большей части на испанском) и наградила суровым предостережением не кататься на большом колесе обозрения. Она вежливо кивнула Чистотцу, обняла Кокомо, а потом стала вдруг очень сдержанной, прощаясь с мистером Мизом (хотя позднее Чистотец заметил влажный отпечаток губ на стенке аквариума). Небо было васильково-голубым, и «сосискомобиль» полетел, как экологически безопасная ракета, мимо гигантских эйдолонов Джеронимо и Билли Кида[68].

Кокомо пожелала сесть рядом с Тадом, так что Чистотец оказался с мистером Мизом, что было чуточку неудобно, поскольку аквариум занимал слишком много места, и весьма неловко, поскольку Чистотец не знал, о чем с ним говорить. Потом он обнаружил, что мистер Миз включил запись старого бейсбольного матча и как будто совсем не заинтересован в каких-либо разговорах, поэтому поискал альбом Вонючки Юлы, который вчера слушала Кокомо. У доктора Тада была полная коллекция: «Проповеди извращенцам», «Запечатано для вашей безопасности», «Открытая уйма». Чистотец щелкнул «мышью» по иконке альбома «Условия применимы» и надел наушники. Он слушал. Но ничего не слышал. Он проверил выбор устройства и уровень громкости. Полная тишина. Сначала он решил, что это шутка. Но чем больше он слушал, тем более полной казалась тишина, словно диск вбирал все периферийные шумы. Время словно бы смешалось. Ощущение покоя гипнотизировало.

Другой диск был озаглавлен «Манифест Диснея». Чистотец поставил его. И вновь поначалу ничего не услышал, а потом возник слабый намек на звук: стук копыт, речные пороги,

автоматные очереди, машины. Это не походило ни на одну знакомую ему музыку. Он закрыл глаза, и ему в сознание хлынул поток мощных эйдетических образов. Поначалу это были железнодорожные рельсы, уходящие между высоких сосен в ночь. Из темноты возник паровоз с пронзающим черноту фонарем. Локомотив был огромным и черным, если не считать поршней и передней решетки, которые были из литого золота. По мере того как поезд приближался, шпалы под ним оживали, точно поднимались спящие, — и он увидел, что это китайцы. Поезд все приближался, и теперь Чистотец различил машиниста и кочегара, их лица и руки лизало пламя, такое же красное, как топка, в которую они скармливали крошечных индейцев, вырезанных из секвойи и дуба. Поезд достиг моста над рекой на дне каньона, и в свете фонаря Чистотец разглядел загнутые и ветвистые рога животных. Потом музыка — или тишина — изменилась, и он очутился в современной электричке, спешащей из Вестчестера в Манхэттен. В Бронксе в вагон вошел большой медведь-гризли и косолапо затопал по проходу, но никто его не заметил.

Все пассажиры читали или погрузились в «Зри-связь». Посреди Пятой авеню паслось стадо оленей, а такси преспокойно катили мимо. Никто не высказывался по поводу гигантской самки бобра возле концертного зала «Рэдио-сити», ни по поводу ондатров, наводнивших Рокфеллеровский центр. Пассажиры вдруг превратились в енотов и трупиалов, а выйдя в Кони-Айленде на пустынный пирс, Чистотец увидел Генри Гудзона, который, кутаясь в засаленный плащ забулдыги, пил из горла дешевое вино «Тендерберд» возле заклеенного афишами киоска со сладостями. Несчастный первооткрыватель мерз, наблюдая за чайками и парой стариков-евреев, которые вспарывали брюхо выброшенному на берег киту. В желудке у млекопитающего они нашли бутылку, а в ней записку…

Чистотец внезапно поднял глаза и увидел встающие из зарослей юкки аттракционы — и словно бы с неба спустился огромный космонавт, который приземлился в облаке эйдолоновых искр и сказал: «Это лишь малый шаг для мужчины… а второй шаг — нечто уникальное. Добро пожаловать в Лос-Вегас! Здесь каждый день — как последний!»

Глава 13
Фронтир дурной славы

Арета и Эрата проспали допоздна. Сообразив, что Монро все знает и уже ничего не поправить, они устроили себе протяженный сеанс секса, а выбравшись из просторной роскоши гостевого отсека в заляпанное декадентство общей гостиной, застали там странную тишину. Шеф-повар Монро отрубился за горой раковин волосатого краба. В хозяйской спальне вперемешку валялись шелковое нижнее белье, наркотики, бутылки и недоеденные собачьи язычки. В спа-сауне на зеркальные стены налипла пена, лубриканты и мясная подлива.

Увидев пришедших убираться хариджана и двух боливиек, Арета и Эрата улизнули перекусить и прошвырнуться за покупками. Когда они вернулись, апартаменты были девственно чисты, если не считать отпечатка чьей-то задницы на стене в спа-сауне, но по-прежнему никаких следов Монро. Они планировали тихий обед с очень похмельным Минсоном в австралийском ресторанчике «Тростник и говядина» на углу Эдди Мерфи и Камерон Диас. Поскольку апартаменты были оплачены еще на сутки, какой смысл перебираться куда-то еще? Если Монро не объявится к завтрашнему утру, думала Эрата, придется вызвать полицию. А если объявится, будет скандал, думал Арета. Но ему было все равно. Впервые за несколько лет он мог мыслить лишь сегодняшним днем.

— Только поглядите на эти машины! — восхищался по интеркому доктор Тад, пока «сосискомобиль» катил по бульвару Рональда Рейгана. На углу Голди Хоун стояли восемнадцати-колесный, зеленый как папайя «ле руа» и «саки-бобслей» цвета берлинской лазури, работающие на жидком кислороде «Рокетдайн». — Главный нерв Нового Фронтира! На каждый акр тут убийств, миллионеров, психиатрических заведений и использованных ресурсов больше, чем где-либо еще на планете, — мурлыкал Тад.

— Сбавь ход! — крикнул в интерком аквариума мистер Миз. — Хочу посмотреть на девочек… Видел, какие вон у той буфера!

Чистотцу и в голову бы не пришло, что столько пестрых мужских рубашек, внедорожников и автоматического оружия можно напихать в один и только один магазин, занявший весь проезд Джорджа Клуни. А люди! Сикхи, йоги и банды «Мертвых

Девок» из Малого Пномпеня[69].

Солнечный свет полыхал зарницами, отражаясь от восьмиугольных панелей экокуполов, пока «сосискомобиль» проезжал мимо стрип-баров, офисов психотерапевтов для домашних животных и клиник пластических операций на гениталиях. Здания, над которыми танцевали гигантские лазерные призраки, перемигивались слоганами «ПОРОХОВОЙ ПУХ КЛАДЕТ БУЛЬДОГА!», «ФРУКТ МЯСО ПОБЬЕТ!».

Доктор Тад неспешно сверкнул на Колорадо-ривер-вей, а оттуда в лабиринт улочек, названных в честь забытых звезд прошлых лет. Воздух казался густым от запахов верблюжьего навоза, «золота Акапулько»[70] и съестного. Здесь можно было купить блинчики с начинкой из морских свинок, моллюсков под соусом хой-син, побродить среди подававших угрей и ужей ресторанчиков на авеню Майкла Дугласа или сходить на Николь Кидман, где во множестве мелких забегаловок готовили гигантских китайских саламандр.

Доктора Тада и мистера Миза ждали номера в «Амазонии», самом большом в мире сооружении под соломенной крышей. Отель стоял посреди рукотворных тропических джунглей с прудиками и фонтанами, которые превращались в миниатюрные реки. У некоторых даже имелись собственные водопадики, куда регулярно бросались постояльцы, когда уже не могли сносить гнета наркотиков, азартных игр или счетов от психиатра. Мистер Миз любил шум бегущей воды, и у входа в отель их как добрых знакомых приветствовали швейцары в набедренных повязках. Когда речь заходила об отце, доктор Тад не скупился на чаевые.

— Если вам надо кого-то найти, но вы не знаете, где он, — сказал, надевая широкополую панаму, доктор Тад, — отправляйтесь на площадь Джорджа Лукаса. Рано или поздно все там оказываются. Там словно бы утроба города. А пока, если вам что-то понадобится, мы пробудем тут три дня. Потом отправимся в Мормонленд. Папа там никогда не бывал.

— Спасибо за все, — не без грусти улыбнулся Чистотец. — Когда разберемся что к чему, возможно, к вам заглянем.

— Очень надеюсь.

— И я тоже, — отозвался Чистотец, думая, что вот еще один суррогатный отец ему помогает. — Да, кстати, помните, вы говорили про музей, у владельца которого есть сувениры из Дастдевила? Мне бы хотелось с ним встретиться.

— Вы про Олли? Это «Музей печально знаменитых американцев» на улице Марлона Брандо.

— Как нам туда попасть? Пешком можно?

— О Господи, нет, конечно! — воскликнул доктор Тад. — Это

на той стороне канала Стрейзанд. Вам надо сесть на Синаптический поезд. Видите карусель Энцефалон? Вон там большой розовый мозг? Пройдите между ней и центром Билла Кросби — и увидите Озеро. Сойти вам нужно, кажется, на станции «Йоко Оно», но лучше спросить в автоматической справочной поезда. Только не ходите после темноты через Ботанический сад. Он так и кишит сатанистами.

— Спасибо, — улыбнулся Чистотец, одновременно благодарно и печально.

Они стояли на бамбуковом мостике посреди джунглей. Шаловливая мартышка свесилась с дерева, чтобы схватить панаму доктора Тада. Ветка, на которой она балансировала, нагнулась, и зверек опустился почти до воды, из которой вынырнул крупный сом и проглотил ее целиком.

— Жестокий город, — вздохнул доктор Тад. — Будьте начеку.

Снова оставшись один с Кокомо, Чистотец почувствовал себя столь же беззащитным, как в Техасе. Скорее всего за ними следит «Витесса», но, понимая, что следовало бы бояться, он почему-то не испытывал страха. (Откуда ему было знать, что работа «Отряда Первопроходцев» спровоцировала выброс эндорфина ему в мозг?) Он отнес это на счет возбуждения от перемены обстановки и благодарности за помощь доктора Тада.

Впереди вилась приподнятая над землей ленточка Синаптического поезда. Мы же в любой момент можем в него прыгнуть, рассудил он. А пока лучше немного размять ноги, осмотреться. На сей раз он был уверен: их что-то поджидает.

На лице Кокомо возникло странное выражение. Она крепко цеплялась за Чистотца, пока они лавировали по шумным пешеходным дорожкам под развевающимися флагами Америки и «Культпорации Витесса», во все глаза рассматривая минареты и адреналин-карусели эйдолонов Куан-Ти, бога-покровителя триад и венчающего гору Медитации поразительного золотого Будды, чья голова поднималась вровень с Пончиковой Башней.

Они пересекли Нуэво-Токио, миновали павильоны, в которых мастера го сидели в глубокой задумчивости над голографическими досками, где фишками служили гигантские черепахи. На поезд они сели в Аль-Пачино-дистрикт. В сумерках загорались кристаллические купола «XX Сенчури-ленда», «Святой Земли», «Мюзикл-ленда» и других парков «ВООБРАЗИЛИИ», и в их свете возникали черные силуэты сотен летучих мышей и летучих собак, возвращающихся на ночь в Ботанический сад.

Брандо-стрит начиналась мишурно и низкопробно, как Патфонг-роуд в Бангкоке, потом тускнела, превращаясь в подобие распродажи устаревшего оборудования, с вывесками о скидках на

всевозможные хирургические операции. Впрочем, трудно было понять, что выкрикивают различные зазывалы, поскольку вопили они на разных языках, и лица у многих закрывали кислородные маски.

Наконец они все-таки нашли «Музей печально знаменитых американцев», зажатый между разорившейся мастерской по ремонту цифровых домашних любимцев и баром нетрадиционной сексуальной ориентации под названием «Всякое выделывается». Судя по фасаду, его владелец так и не смог решить, устроил ли он тут казино в духе Макао или Могилу Гранта[71] (с сильной примесью «Клуба Элька в Редондо-бич», эдак 1974 года). На входе с них запросили возмутительно большую сумму, но Чистотец был не в настроении торговаться. Оказавшись внутри, они отыскали Олли Подрида, возбужденного и потного джентльмена в гонконгском костюме, погруженного в дискуссию со своим старшим инженером о проблеме Дж. Роберта Оппенгеймера.

— У вас знакомый вид, — хмыкнул владелец музея. — Миз мне уже звонил, предупредил, что вы придете. Хотите крем-соду?

— Нет… спасибо. Нам… Мне просто нужна информация.

Вокруг них вдруг начали возникать — как гости на привидевшейся во сне вечеринке с коктейлями — эйдолоны в человеческий рост. Чистотец удивился, увидев среди них изгнанного из «Детройтских тигров» Денни Маккейна.

— Эль доктор сказал, вас интересует кое-что из моей частной коллекции?

— Он говорил, у вас есть артефакты «Царства Радости», культа любви в Дастдевиле, — ответил Чистотец.

Олли Подрида поперхнулся содовой.

— Что-то не так?

Поставив стакан на столик, Олли махнул Чистотцу следовать за ним через зеркальную дверь в стене. Кокомо неспешно отошла полюбоваться Денни Маккейном. Коридор за дверью был заставлен лазерным оборудованием. В мастерской Бриэм Янг и Мэй Уэст[72] неуверенно ерзали, как двое разведенных на «свидании вслепую».

Олли провел Чистотца в заднюю комнату, заполненную реквизитом.

— Мы собирались включить в экспозицию Осанну Освобожденного, но у нас возникли проблемы с лицом, — сказал Олли. — Никаких описаний не сохранилось. «Витесса» словно бы его сглазила. А кроме того, в его образе слишком большую роль играл его член. У нас нет лицензии на показ обнаженных гениталий, но у меня возникла другая мысль. С год назад я встретил одного типа, которого знал еще в Техасе. Он толкал

всякую всячину, которую его подружка тырила из лаборатории «Витессы» в Далласе. Он показал мне вот это.

Владелец музея достал длинный платиновый цилиндр диаметром с чайное блюдечко. Он вскрыл невидимый шов по всей его длине, показывая ложе из влажной темно-коричневой пенки, которая казалась живой. Пустое углубление в центре зияло как разверстая могила.

— Тут находился законсервированный человеческий член, — сказал Олли. — Огромный, но человеческий. Я уверен, он был отделен от тела Осанны после бойни тридцать лет назад.

Чистотец присвистнул.

— Он исчез?

— Украден, — ответил Олли. — Два месяца назад ко мне явился типчик, назвавшийся личным консультантом по антиквариату Уинна Фенсера. Странный такой. Будто ни одной косточки у него в теле не было. Он прослышал, что орган у меня. Как-то на вечеринке в «XX Сенчури-ленд» мы с Мизом напились, и я проболтался. Так вот типчик спросил, не хочу ли я его продать. А я, мол, нет, у меня на него другие планы. Он сказал, что Фенсер увлекается черной магией, мол, я могу назвать любую цену. Разумеется, у меня возникли подозрения. Я его послал куда подальше. Пару недель спустя появляется другой тип. Старый негр, выдающий себя за слепого. Сказал, у него большой магазин вудуистских талисманов, он даже доставляет их почтой из южного Чикаго. Дескать, продает мешочки с гри-гри, пыль для дураков. Старикан тоже сделал мне предложение. Я уже начал задумываться, а может, в этом пенисе есть что-то большее, чем видно на первый взгляд, — поэтому запер в напольном сейфе. Еще через несколько дней я увидел, как на задах музея бродит Эдгар По. Помню, я удивился, неужели эйдолоны способны покидать область, в которую спроецированы? Так вот это был не Эдгар По. Он меня вырубил и сбежал с членом. У него даже свой контейнер с собой был. Странно, правда?

— Ага, — согласился Чистотец, стараясь сообразить, что бы это все значило.

— Я убежден, что пенис принадлежал Осанне Освобожденному. Не знаю, работали ли эти типы на Фенсера, но сомневаюсь. Они забрали подчистую все, что я собрал на Осанну.

— А про женщину, которая выкрала пенис у «Витессы», вам что-нибудь известно?

— Мой приятель просто называл ее лабораторной крысой.

— Значит, все эти годы он находился в руках «Витессы»?

— Похоже на то.

— А почему вы считаете, что он принадлежал Осанне

Освобожденному?

— Размер! Плюс то, как его хранили. И то, что он всплыл в Техасе, появился в лаборатории, которую «Витесса» купила после слияния. А у вас-то к этому какой интерес?

— Провожу одно исследование.

— Больно вид у вас знакомый. Вы Осанне не родственник?

— Может быть, может быть, — с напускной скромностью ответил Чистотец. — Потому я и собираю информацию.

— Что ж, удачи. Но будьте осторожны с тем, что найдете. И с кем этим поделитесь.

Поблагодарив владельца музея, Чистотец забрал Кокомо, которая казалась теперь очень бледной — и больной. Он был так заинтригован рассказом Олли и встревожен переменой в Кокомо, что не заметил, как прозрачный эйдолон сенатора Джозефа Маккарти последовал за ними по Брандо-стрит.

Чем дальше они шли, тем более увечными и настойчивыми становились попрошайки (нет ничего хуже, чем когда под ноги тебе бросается тот, у кого нет ног). Чистотец тянул Кокомо за собой. Не желая срезать дорогу через Ботанический сад, они нырнули в лабиринт рынков, где воняло барбекю и мясным жарким фаджитас. Тут можно было купить эквадорского кретина или обменять ДНК. Они остановились на хоккейнской лапше. Маккарти ошивался поблизости.

Позади них роботизованные здания претерпевали рутинные трансформации, стилизованные под театр. Мигали фонарями карусели «Антигравитация» и «Что видишь, то имеешь». Вещали гигантские головы статуй с острова Пасхи, рекламируя «ФИРМЕННЫЕ КОПЧЕНЫЕ РЕБРЫШКИ». Поев, Чистотец и Кокомо двинулись дальше, и вскоре перед ними раскинулся палаточный городок фанатиков культа груза и духоплясов[73]. За ним Чистотец увидел лабиринт прудиков и канав, полных жижи, от которой несло какой-то органикой. Тут трудились огромные роботы-бульдозеры, сталкивавшие мусор и остовы машин в прудики. Прочие шумы перекрывало глухое бульканье.

Чтобы питать аттракционы и лазерные шоу Лос-Вегаса, требовались гигантские запасы энергии, получаемой из самых разных, зачастую неожиданных источников. Приливы, энергия Солнца, проточная вода и ветер — все вносили свою лепту, чтобы не переставал течь ток, создавая область жара, подобную Большому красному пятну на Юпитере. Хорошо еще, что посланная отделом биоразработок «Витессы» экспедиция обнаружила глубоко в дебрях Бурунди некую водоросль, способную переваривать металл и пластмассу. Эта форма жизни на грани между царством растений и царством животных в

буквальном смысле поедала экскременты американского общества потребления и производила кислород — опять-таки в карман «Витессы». Кто-то обозвал эти водоросли «гоблинами», и кличка приклеилась.

Миновав вонючие канавы, Чистотец и Кокомо вернулись к Синаптическому поезду. Через два длинных перегона они заметили изуродованную вандалами статую Лайонела Ричи и сошли. Чистотец подозвал рикшу, белого парнишку, который, как оказалось, собирался вскорости защищать диплом по английской литературе. Студент посоветовал им мотель под названием «Ноев Ковчег».

— Это не самое чистое или нормальное место во всем городе, — сказал рикша, — но владельцы люди душевные.

Владелец, попросивший называть его Боб, держал мотель для людей как побочный бизнес, главными же постояльцами тут были животные, но не обычные, а цирковые, которые когда-то были звездами представлений на центральных улицах. В гамаке между двух кумкватов нежилась ворчливая пума, не обращая внимания на недовольную парочку снежных барсов, которые разлеглись на кушетках. Бассейн заняли карликовая бегемотиха по имени Бернадетта и беспокойная семейка дрессированных тюленей — если верить жене Боба Кейлин, их фамилия была Осмонд.

«Да уж, не такого крова мне бы хотелось», — подумал про себя Чистотец. Но мотель оказался дешевым, и студент-рикша был прав: от него действительно исходили хорошие флюиды. Кокомо рухнула на кровать-сердце в простенькой, но чистой комнате № 6 и свернулась калачиком, сжимая руками голову. С каждой минутой Чистотец все больше тревожился. Ее горе или боль он ощущал как свои собственные. Он попытался положить ей мокрую тряпку на лоб, но она никак не отреагировала. На древнем телефоне у постели загорелась красная лампочка.

— Вас ждут у стойки портье, — сказал Боб. — Послать посетителя к вам?

Глава 14
Обратная теология

Когда у Конрада Кригшпиля, нового директора разведслужбы «Витессы» на Западном побережье, появлялось особо трудное задание, он возлагал его на Кириллу Лундквист. Это она вычислила Чистотца и Кокомо в Аризоне и проследила их путь до музея, где сменила камуфляж, чтобы затем пойти за ними в обличье сенатора. Установив, что они поселились в «Ноевом Ковчеге», она трансформировалась, избавляясь от галлюцидоспеха.

Ее задачей было войти в доверие к Чистотцу, а если не удастся, заронить в нем неуверенность — чтобы выиграть время. Позорный провал в Техасе сотряс «Витессалит» до основания. Ведь из ниоткуда материализовалось новое оружие, и решительно непонятно, кто за ним стоит и ради какой цели оно было активировано. Да еще Селезень Дули и Убба Дубба сорвались со своих технологических поводков и теперь сбивали с пути истинного других существ. Эти киберсимуляты появлялись повсюду и везде занимались сексом и проповедовали бунт против коммерции. Культивируемые, взращиваемые и тщательно скоординированные душевные микроболезни вдруг излечивались сами собой и исчезали. И словно этого мало, тайный информатор «Витессы» вдруг замолк. В свете жуткой истории с Дастдевилом его якобы достоверные сведения больше походили на дезинформацию. Какой провал! Потеряна техника на миллионы долларов, а они и понятия не имеют, с чем столкнулись.

Теперь все внимание разведки было сосредоточено на комнате № 6 в мотеле «Ноев Ковчег», и все-таки в глубине лабиринтов, составляющих «нервную систему» «Витессы», где данные хранились на молекулярном уровне, звенели сигналы тревоги — точно крошечные колокольчики глубоко под землей предупреждали об урагане. В лабиринтах была установлена система мониторинга, отслеживающая эту систему, и еще одна уровнем выше, чтобы отслеживать мониторинг. Но «звон» потерялся в огромных лабиринтах. Кто-то экспроприировал спутник «Витессы». Тайный информатор повел собственную игру — снайперский выстрел с дальнего расстояния. И как раз, когда Ищейка считал, что совсем близок к осуществлению своего плана, его новые хозяева проклинали его за неуверенность и сомнения, которые он посеял, и которые теперь подтачивали культпорацию изнутри.

Слушая, как плещутся Осмонды, Чистотец невольно вспомнил мистера Миза. Ах если бы его поход уже завершился, если бы тайны раскрылись и магии пришел конец! Он хотел лишь насколько возможно нормальной жизни с Кокомо. Когда за окном под приближающимися шагами заскрипел гравий, он прикрыл любимую тонким одеялом и вышел на улицу.

— Добрый вечер, — поздоровалась незнакомка.

Взгляд Чистотца впитывал детали. Гибкая, подтянутая тренировками крав-мага[74] фигура, отливающие голубизной волосы до плеч, синтетические глаза с загадочным блеском и плотностью австралийских жемчужин. Одета она была в комбинезон с палладиевым напылением, соблазнительно расстегнутый, чтобы показать пышный бюст, рассчитанно загорелый, чтобы подчеркивать металлический отблеск одежды. На ногах — черные хромовые «стилеты».

— Придержи огонь, — сказала она, проводя языком по нижней губе.

— Что? — переспросил он, слыша, как Кокомо мечется на кровати. — Пойдемте.

Он настороженно повел женщину во внутренний дворик. Осмонды соскользнули в воду со своих многоуровневых платформ, будто собрались защищать территорию. Подобрав с земли один из разноцветных мячиков, женщина бросила его в бассейн. Самый большой Осмонд плеснул в нее водой.

— Сомневаюсь, что они хотят играть в мяч, — сказал Чистотец.

— Вот досада. На что годится дрессированный тюлень, если он не играет в мяч?

Жираф согласно затрубил, что вызвало хор ворчания тюленей и продолжительный плеск. Хотя Осмонды и не жаждали подыгрывать, они сохранили еще комичную синхронность движений, выдававшую целую жизнь в шоу-бизнесе.

— Я Кирилла Лундквист из разведки «Витессы», — представилась женщина с искусственными глазами, промокая капли с высокой левой груди. — Расслабьтесь. Никто не причинит вам вреда.

— Потому что больше не попытаетесь или потому что не можете?

Улыбнувшись, женщина прикусила губу — полную и чувственную, цвета хорошего красного вина.

— Можно нам сесть и поговорить? Мирно?

— Вы первая, — предложил Чистотец, указывая на пластмассовые стулья.

— Я здесь, чтобы помочь вам. Знаю, вы в это не верите, но выслушайте меня. У вас проблемы с памятью. Вы не знаете, кто вы или что вы делаете. Верно?

Чистотец заметил, что Осмонды донимают карликовую бегемотиху Бернадетту.

— Не сознаете вы того… — продолжала Кирилла Лундквист, — что работаете на нас. Вы из разведки «Витессы».

— Что? — переспросил Чистотец, глядя, как бегает по кругу на корде зебра.

— Вы — секретный проект «Витессы», в котором произошел сбой. Меня послали забрать вас для лечения и дебрифинга по возвращении с задания. Согласна, это трудно принять. Но у вас технические проблемы. Военная операция в Техасе была полевым испытанием с целью выяснить, насколько серьезны повреждения.

— Я его выдержал?

— Да! Но если бы целью был захват, вы бы сейчас тут не сидели. Я приехала отвезти вас в безопасное место. Всех деталей я не знаю. Мне известно лишь, что «Пантеон» хочет защитить свои капиталовложения и что если вы не поедете миром, то нашему начальству придется активировать ваш имплантат самоуничтожения.

Издала ворчливый рык пума.

— Давайте-ка разберемся. Если я поеду с вами, то меня ожидают лечение и перепрограммирование…

— Снятие информации.

— В противном случае кто-то нажмет на кнопку, и погаснет свет. Что бы вы сделали на моем месте?

В бассейне взревели и заплескались Осмонды.

Кормилица сказала, он восстал из мертвых. А теперь эта вкрадчивая женщина утверждает, что он какое-то «секретное оружие».

Осмонды взобрались на бортик и снова с шумом бросились в воду. Бернадетта нырнула. Невзирая на полетевшие в нее капли воды, Кирилла Лундквист оставалась невозмутима.

— Вам самому решать, — пожала плечами она. — Если мы попытаемся вас принудить, устройство самоуничтожения все равно активируется. Но могу обещать, что в скором времени вас ждет срыв. Не хотите же вы причинить вред своей девушке?

При мысли об этом Чистотец поморщился, но потом ему пришло в голову, что раз она назвала Кокомо «девушкой», то, значит, ничего о ее способностях она не знает. Если он действительно проект разведки «Витессы», они бы про нее знали, верно?

— Вижу, вы еще не убеждены, — улыбнулась Кирилла. — На

вашем месте я бы повела себя так же. Могу я как-то вам доказать, что говорю правду?

— Начните с рассказа о том, кто я и что мне полагалось делать.

— Ладно. — Кирилла облизнула губы. Достав из нагрудного кармана кристалл кварца, она направила его перед собой. В воздухе материализовалась голограмма — картинка словно сложилась из пикселей света. Проступило огромное царство развлечений в миниатюре. — Это «ХХ Сенчури-ленд», — сказала она.

И миниатюрный защитный купол поблек, открывая конфигурацию серебряных сфер, которые подрагивали, как капли воды. Крошечные фигурки людей входили в сферы или сливались с ними, и те проецировали череду трехмерных изображений, которые менялись от бункера на Иводзима до улиц Беркли и Саддама Хусейна. Нажав на кристалл, она приподняла одну сферу. Та раскрылась, и стали видны тенистые улочки и мальчик с выступающими зубами, развозящий на велосипеде газеты.

— А это — это Семьявиль, — продолжала сексапильная секретная агентша. — Там одиноким, старикам и бездетным парам предоставлена возможность нанимать детей или собственных родителей и наслаждаться радостями более невинной ушедшей эпохи. Там есть лабиринт живых изгородей, ранчо овец и ферма с индюками и курами. Мы подстраиваем условия под спецификации заказчиков. Например, можем дать шанс присутствовать на похоронах любимой бабушки или стать свидетелем того, как «идеальная дочь» произносит прощальную речь на выпуске класса. Это оказалось настолько популярным, что привело к созданию целой программы «Реальная реальность» в мелких и крупных городах, таких как Москва, Айдахо, Сиэтл, Тускон.

— Это… тематические парки?

— Не совсем. Это стратегически запрограммированные виртуальные системы, созданные на основе параметров специфических культурных ценностей и уровней безопасности. — Сжав кристалл, Кирилла стерла миниатюрную империю развлечений.

— Значит, вы контролируете сознание людей, а все эти городки — фальшивка?

— Все они как один настоящие. Они так же реальны, как Город Юных[75] в Пенсильвании.

И мы не контролируем, а управляем и направляем. Любая созданная нами среда динамична. Она меняется и развивается. Там даже случаются накладки. Возьмем общину «Грозовой

перевал». Там за фасадом благополучия процветают наркотики и разводы, уровень сексуальных расстройств иногда запредельный. У них даже есть преступность. Без микродисбалансов невозможно добиться высоких показателей веры во властные структуры. И тут мы подошли к самому секретному нашему проекту. Кодовое название «Мирный дол».

Отфыркиваясь и разбрызгивая воду, вынырнула Бернадетта. Чистотцу она напомнила Кокомо. Он понадеялся, что с любимой все в порядке.

— На поверхности «Мирный дол» — идеальный городок, какой некогда воплощал саму американскую мечту, — объясняла тем временем Кирилла. — Там есть универмаг и площадка для пикников. Есть даже обязательная чудаковатая старуха. Вырезает бюсты знаменитостей из сыра.

— И что тут такого секретного? — спросил Чистотец.

— А то, что на самом деле это тюремная психиатрическая больница. Почти каждый житель городка — человек, совершивший тяжкое преступление. Там есть хакеры, джеммеры, полицейские, политики и гражданские лидеры. Целый городок людей, которые, как ваши друзья-тюлени, не желают по-хорошему играть в мяч.

Осмонды снова заревели, чем разбудили двух снежных барсов.

— Никто из них не знает, где они. Или знают, где они, но не знают почему — или, что важнее, кто они такие. Всем вживили имплантат личности, который перебивает их истинное «я». Самое прекрасное то, что этот имплантат позволяет нам войти в их сознание без их ведома. Мы следим за их подсознанием. Мы проверяем их сны. Таким образом мы даже получили весьма ценные сведения. А в нескольких важных случаях мы уже готовы вернуть этих людей к прежней жизни, и они будут более-менее сами способны с нею справляться.

— А при чем тут я? — спросил Чистотец.

— Вам знакомо имя Парусия Хид?

— А… должно? — Он едва не сказал «да».

— Она самый разыскиваемый преступник на свете. О ней нет ни каких данных, даже сведений о том, кто она. Ни один из тех, кому мы могли бы доверять, ее не видел.

— Тогда откуда вы знаете, что такой человек существует?

— Иначе у нас не было бы столько подозрений, — парировала Кирилла. — Но даже если женщина, о которой я вам расскажу, не Парусия Хид, она все равно причиняет много хлопот. Она зовет себя Лодемой Хонифлют. Личное дело на нее — подозрительно тонкое, подозрительно чистое. А сейчас она поселилась в

ключевом месте.

— Она переехала в «Мирный дол»? Как она туда попала?

— Приехать в городок или его покинуть может каждый, когда пожелает. Там нет стен и решеток, если не считать сознания людей. Заключенные считают, что это их дом и иного им не нужно. Персональные имплантаты позволяют контакты лишь с незначительным числом людей во внешнем мире, и всеми управляем мы. За остальными жителями мы наблюдаем. Иногда возникают проблемы, но не слишком серьезные. Дело в том, что Парусия Хид, или Лодема Хонифлют, стала главой религиозного культа.

— Культа?

— Называет своих последователей реальными людьми. У них полно остроумных лозунгов вроде «Самый короткий путь между двумя точками зрения — истина». Проповедует на площадке для пикников у автоматов барбекю. Ее пророчества основаны на идее, что видимая реальность «Мирного дола» на самом деле иллюзия, а за ней лежит истинная реальность. Думаю, вы сами понимаете, насколько разрушительным может оказаться подобное предположение.

Чистотец кивнул.

— Во время так называемой Барбекюшной проповеди она возвестила пришествие мессии, который откроет им истинную причину того, почему они здесь. Она начала проводить примитивные ритуалы депрограммирования, чтобы заставить людей вспомнить, кто они на самом деле.

— А я тут при чем? — спросил Чистотец.

— Вы были разработаны как мессия, приход которого она предсказывает. Мы не могли послать нейтрализатора, не рискуя превратить ее в мученицу. Это дало бы культу необходимый толчок для дальнейшего развития, и мы уже не смогли бы справиться.

— Значит, вы хотите, чтобы я отправился в «Мирный дол». Где, вы сказали, находится это место?

— Его местонахождение — строжайший секрет. Даже я этого не знаю.

— И что же должно случиться?

— Вы выполните ее пророчество, но подорвете ее авторитет. Она превратится в устаревшую фигуру, а управлять городком и дальше будем мы. Возможно, восприимчивость к религии — побочный эффект имплантатов, тут нам нужна дополнительная информация. Во всяком случае, как заметил Паскаль, человечество не изобрело бы столько лжерелигий, если бы не существовало истинной. Нам необходимо гарантировать, чтобы

такой истинной религией была наша.

— И вы хотите, чтобы я отправился туда сейчас же?

— Отдохните до завтра со своей подружкой. Можете даже взять ее с собой. Начальство считает, что ей можно дописать роль. Или прихватите другую женщину, если предпочитаете ее.

Последнему замечанию сопутствовал распутный блеск глаз, который возымел бы большее действие, если бы Осмонды как раз в этот момент не окатили ее с головы до ног.

— У вас есть время до завтрашнего утра, — обиженно заявила Кирилла и зацокала на шпильках прочь — на поиски полотенца и сухой одежды.

Чистотец вернулся в свой номер. Он знал, что Кирилла лжет, но не знал, чему еще верить. Кокомо плакала. Ему хотелось лишь любить ее и прожить с ней до конца той жизни, какая ему сейчас отпущена. Пусть даже у них не получается настоящего общения, у них было нечто более важное. Он обнял девушку. Они два сапога пара. Они — Одно. Однажды она каким-то образом облегчила его боль, и сейчас его черед ей помогать.

— Я как он и ты как он и ты как я и все мы вместе, — прошептал он.

Если бы только он знал правду или сумел бы поверить в то, что уже подозревал! Ее боль действительно была его болью. Глубоко у него в мозгу разгорелся бой, и энергия вспышками била в колокола, чтобы привлечь внимание ангела смерти, парящего над Америкой. Чистотец поцеловал любимую. Болотистый запах секса от нее наполнял его уверенностью и желанием. Потом он снял с нее рубашку, и перед ним открылось…

На совершенно гладкой молодой спине, где прежде не было ни единой отметины, теперь горели те же зловещие буквы, которые были вырезаны и выжжены на его. Он видел муку и смятение в ее взгляде.

— Нет лам на Багамах, — храбро выдавила она сквозь зеленые слезы, но он услышал «Ом мани падме хум», но не понял значения этих слов.

— Нет, — улыбнулся он в ответ. — Ламы там есть. Хочешь их увидеть?

Она словно бы не услышала. Взяв ее руки в свои, он поцеловал пальцы. У нее поднялась температура, и одновременно ее бил озноб. Он снял с себя одежду и помог раздеться ей, укачивал ее, когда озноб стал сильнее. Он не знал, что еще делать. Какой врач сумел бы им помочь? Что с ней происходит? Еще больше он боялся вызвать огонь «Витессы», опасаясь, что с больной Кокомо против них не выстоит. Он целовал ее и сжимал,

чувствуя, как ее потное тело бьется о его, не зная, что есть и иной выход.

На него накатил беспричинный страх, и он еще теснее прижался к ней, сердце у нее билось как птица. Потом он в нее вошел. Он не хотел, чтобы между ними было что-то, кроме любви, даже кожа. У нее начинался сердечный приступ. Сперва он принял его за оргазм. Но нет, это была чудовищная метаморфоза. Ее плоть стала похожа на резину, потом на пластмассу. В панике он вонзался в нее все глубже, цеплялся изо всех сил, проклиная письмена, возникшие у нее на спине, блестящие раскаленно-медной злобой. Потом само ее тело стало меняться, груди вдавились в мышцы грудной клетки. Ее роскошная попка съежилась до уголка плоти, и тут он понял… Увидел… Кошмар не настиг его… он был в нем… в ловушке мутирующей плоти. Кокомо трансформировалась в него. Они были Одно. И как раз вовремя, поскольку «Азазель» засек сигнал зондов у него в мозгу.

Их тела переплелись так тесно, что, осознав, какую она принимает форму, он сжался, и волна горя озарила его мозг и, следовательно, ее. Все ее тело сотрясла дрожь. Зелень ее глаз затуманилась… И в одно мгновение трансформация завершилась. Она — это он, и она приняла на себя удар. Молнию. Излучение ангела смерти.

Чистотец умер у себя на руках и был спасен.

В ту секунду, когда он почувствовал, как обмякло тело Кокомо, буквы у него на спине полыхнули огнем, и он перекатился на ковер, чтобы погасить пламя. Он попытался встать, но не смог и пополз к Кокомо, оставшейся на кровати в форме сердца… Потом встал и ощутил под рукой плоть — но не ее. Не ее! Он смотрел на ее тело и видел, что не ошибся. На скальпе, в точности так же, как со шлемом симуляции, виднелся кратер опаленной кожи и черных синяков, будто что-то взорвалось изнутри, давлением разнесло череп. Он прыгнул на неподвижный ком, запах жимолости превратился теперь в непристойную шутку, и прижимал к груди жалкую реплику самого себя, водил ладонью по тем самым словам-пыткам, которые были выжжены у него на спине, и у него под рукой упрямый член опал. Ужас и ощущение чуда заполнили его тяжким грузом, и он зарыдал, понимая, что она спасла его. Она вобрала в себя его боль. В то мгновение, когда он вошел в ее сладкую тьму, она вошла в его разум и принесла себя в жертву. Это была атака «Витессы», и случилась она не на открытом пространстве, а в его собственной тьме.

До Чистотца дошло, что его поиски с самого начала были обречены. У меня в голове какая-то бомба. Кокомо отдала жизнь,

чтобы спасти меня. Не знаю, как она сделала, но это ей удалось. Едины во плоти. Едины!

— Господи! — крикнул он сквозь жгучие слезы. — Я следовал карте, но она обернулась ложью… Ловушкой! Я нашел лишь горе и ужас прошлого. Когда придет конец моим страданиям? Чем бы я ни был, почему поплатилась Кокомо? Кроме нее, у меня не было никого! Я любил ее. Любил! И я… ненавижу тебя! — бредил он, осыпая тумаками тело, свой ненужный жалкий клон.

А после на него накатила волна ужасающей тоски, и он осознал, что осыпает ударами тело, которым она стала, лишь бы спасти его. Это же она, трансформировавшаяся в него. Столь ненавистная ему плоть — его собственная. Он разбил головой зеркало, и порезы освежили его, как холодная вода. Он изо всех сил ударил рукой о стену и почувствовал теплое утешение сломанных костей. Он колошматил по ногам щипцами для льда, наносил себе увечья, рвал кожу. Он жаждал уничтожить себя. Но раны затягивались быстрее, чем он их наносил. Все его существо превратилось в сполох серебристого нервного огня, в жжение сухого льда при ускоренной регенерации.

— У меня были силы! — тошнотворно рассмеялся он. — Но слишком мало! Ничего не осталось.

Чистотец глядел на рассыпавшиеся осколки зеркала, и в лицо ему усмехалось собственное перекошенное «я». «Я ведь ничем не отличаюсь от Чабби и ван Броклина, — подумал он. — Я урод. Мутант. Я ничем не лучше Кормилицы».

Он нырнул в осколки окровавленного стекла, втирая острые края в кожу, оплакивая Кокомо, желая смерти. Он свернулся, как мальчики в сферах, и тут же резко выпрямился, а после принял позу эмбриона, выбивая суставы, пока не сумел взять собственный пенис в рот, глубже, еще глубже, давя рвотный рефлекс, — и прикусил так сильно, как только смогли сжаться челюсти. Он надеялся подавиться им, но рот наполнился кровью, а после тело конвульсивно дернулось и выплюнуло орган. Член лежал перед ним — переходная форма жизни. Боль казалась немыслимой. Перемазанный кровью, он прижал откушенный пенис к груди. И ему вспомнились мертвые девочки под Дастдевилом и их ущербное потомство, бывшая жена Эрнста Бренда и ее павлин со сломанной шеей. А кровь уже сворачивалась, засыхала, как краска. Рана в осквернённом паху закрывалась. Разорванные сосуды и висящая кожа стянулись в воспаленный шрам. Он нежно завернул орган в жакет Кокомо, но слезы иссякли. Их больше нет. Он обернулся на раскинувшееся поперек кровати-сердца тело. Свет угас. Осталась лишь пластмассовая плоть, коченеющая в отсутствие духа.

«Мой поход завершен, — думал Чистотец. — Я окрещен собственной кровью. Я породил нового монстра — себя самого. Пора предать земле мертвое дитя моего прошлого. В память моей утраченной возлюбленной я принесу дары разрушения и мести. Я призову насилие, я пробужу страхи, я приберу к рукам сны. Ушло царствие мое, но свершится воля моя. *Как в душе моей, так будет и во тьме внешней».*

Глава 15
Окрашивая город красным

Началось все с неполадок в гигантском Майкле Муре. Сперва решили, что робот сорвался с цепи из-за ошибки в программе, которая сбила систему наведения, а это привело к атаке на контролирующий дирижабль, которому пришлось совершить вынужденную посадку на площади Харрисона Форда, где он раздавил группу пенсионеров из Мэдисона, штат Миннесота, американской столицы лютефиска[76].

Затем Мур набросился на «Хасами Тотем», но оборонная система здания выжгла его еще у первого периметра. Конец проблемам. Так, во всяком случае, решили в «Витессе». А на самом деле, как только санитары «скорой помощи» и бригады пожарных закончили устранять последствия, на командном пункте обнаружили, что гигантский Владзиу Либерэйс избивает Элтона Джона. Беда была в том, что обоими роботами в тот момент не пользовались, они ожили сами собой. Уже через несколько минут завыли сирены, когда один за другим включились и покинули свой ангар на берегу озера Мид гигантские боевые роботы, а те, чье время уже было оплачено, побросали свои поединки и массово двинулись на город.

Огнедышащий Том Джонс поймал в захват Уэйна Ньютона и швырнул его на купол «Мюзикленда», а после совсем распоясался: растоптал вереницу лимузинов и несколько суши-баров, сварил пару белых слонов в горячем источнике возле Тадж-Махала и наконец рухнул, когда у него подломились колени. Гигантские Джин Мартин и Джерри Льюис со свистом врезались во вращающиеся огни громадного колеса обозрения. Франкенштейн и Дракула пробуравили купол «Эльфляндии», а Майкл Джексон (в сверкающих черных очках) и Большой Вуди Аллен (в сверкающих очках с диоптриями) загнали перепуганных ребятишек в Гранд-канал. Ужас правил бал в мегаполисе.

Гигантский Арнольд Шварценеггер душил Сильвестра Сталлоне, а огроменная, размахивающая леденцом Ширли Темпл стоптала котелок Чарли Чаплина и сломала его тросточку. Исполинский Элвис оторвал голову полковнику Паркеру и начал разламывать самолеты в Межконфессиональном аэропорту Хиллари Родхэм Клинтон. Потом он направился в центр. Небо над городом заполнили «Рэпторы» и тяжелые вертолеты, а еще мохнатое облако перепуганных летучих мышей, которые разбивались о ветровые стекла вертолетов над проездом Тома

Круза.

«Витесса» выслала взводы роботов, чтобы попытаться взять под контроль улицы, но механических знаменитостей было не остановить. Элвис достиг центра города, где наткнулся на оборонительные щиты «Хасами-Тотем» и «Витессалита», и с досады взявшись за «Конус Сони», он начал карабкаться на вершину, а истребители прошивали его очередями «черного дождя». Он как раз добрался до своей цели, когда в него выпустили ракету класса «воздух-воздух», но она прошла мимо, зато вызвала цепную реакцию лазерного обстрела между различными компьютеризованными зданиями.

Толстые мальчики в Камелоте колошматили горбунов и молочниц (в таком порядке), затем украли Святой Грааль (который позднее нашли в грязевой ванне на взлетной полосе «Стардаст» в Боулдер-Сити на юго-востоке Невады). Механические клоны Вайноны Райдер (местные и туристки) сгруппировались в стаи и бросились грабить бутики. Посетители казино стали вести себя как главы совета директоров корпораций, набивая карманы наличными деньгами. Фуршетные столы обгладывались до скатертей, а двойники Дональда Трампа вырвались на свободу. Тем временем все эйдолоны в «Музее печально знаменитых американцев» ушли со своих постов и присоединились к погромам.

В «Святой Земле» воцарился ад кромешный, когда Мел Гибсон и Рассел Кроу опрокинули Стену Иерихона на группу девочек-скаутов из Ош-Кош, штат Висконсин. Взрывались твари из преисподней и ангелы, во все стороны летели хлеба и рыбы. Поезд на американских горках «Змей в Саду» сорвался с рельсов и врезался в гору Синай, катапультировав всех пассажиров в Рай — который технически не был рассчитан на вес стольких душ разом: пол у него просел, от чего обитатели полетели в клетки со слонами, а это вызвало хаос, в результате которого распятый Иисус остался один на один с гигантской Бритни Спирс, которая вырвала у него крест и обломала его, чтобы получившийся кол вонзить в сердце Большой Мадонне. Но затем она налетела на Худую Опру, которая им же ударила ей в спину, а после потащила блондинку к прудам «гоблинов» и бросила ее во всеперевариваюшие водоросли.

Взметнувшиеся на озере Джейн Фонда волны забросили жилые яхты на крышу Административного центра Люсиль Болл. Мост Ленно развалился, как кубики конструктора «Лего», и тонны базальта и железобетона полетели сквозь зеркальные окна «Викториании», разломав собор Святого Петра и Олд-Бейли, и погребли под собой барристеров в париках и английских туристов

из Манчестера. Когда стал рушиться купол, один за другим начали взрываться газовые рожки и карбидные фонари. Заплясали языки пламени, охватив Икара, чей дельтаплан вспыхнул и рухнул в лагуну Натали Вуд, в то время как по «Мифологилии» и «Эльфляндии» взметнулись циклоны распавшихся микросхем — и все это слилось в облако-гриб над Большим Каньоном. (Позднее один фотограф получил премию за снимок, на котором измученная Красная Шапочка убегает по улице Уалапай, точно вьетнамка из политого напалмом поселка.)

В хаосе вырвавшихся на волю ягуаров и раздавленных конкистадоров шагал Чистотец, и за ним искрили линии телекома. Тысячи людей задыхались, попав в ловушку вращающихся дверей или поджаривающих лифтов. Неслись, топча все на своем пути, тапиры, танцующие жеребцы тонули в поющих фонтанах, а паукообразные обезьяны орали на крышах брошенных машин.

Когда начались беспорядки, Арета (снова одетый как Эрнестина) и Эрата направлялись на обед с Минсоном. Поначалу Арета решил, что это какой-то локальный сбой в системе, но вскоре заподозрил, что здесь не обошлось без Чистотца, а потом вдруг увидел его самого на углу Дженни Сейнфелд и Робби Уильямс — нагого и пылающего. «Господи Боже! — подумал он. — Чистотец — оружие Судного дня, посланное в сердце „ВООБРАЗИЛИИ“!»

— В укрытие! — крикнула его жена, когда гигантский Брюс Ли и не меньший Джеки Чан принялись колошматить друг друга у них над головами.

— Нет! — заорал Арета, сдергивая парик. — Нужно найти Минсона. Я должен сказать ему правду!

— А как же Монро? — спросила Эрата.

— Пусть сам о себе позаботится! — гаркнул он, слыша свист амортизаторов в чудовищных коленях.

Арета вытащил жену из-под гигантской ступни, и оба они сбросили лодочки на высоких каблуках, чтобы метнуться к ресторану «Тростник и говядина», ведь кругом рушились колоннады и хоббиты сталкивались с космическими пришельцами.

В эту минуту Монро Хикс, полузащитник «Ньюаркских нейтронов», действительно чувствовал себя брошенным на произвол судьбы. После приключения в спа-сауне он, наплевав на диету, проглотил несколько манго-дайкири и вынюхал пару полосок кокса, а после, сам не зная как, оказался на гей-оргии в Дельфах, причем в роли не пассивного участника, а скорее зачинщика. Дальше все немного расплывалось — пока он не

очнулся голый возле семнадцатой лунки на поле гольф-клуба Сильверадо и не увидел, как на него надвигается гигантская Опра. Развив скорость девятьсот семьдесят метров в минуту, благодаря которой он вот уже три года подряд становился лучшим игроком первенства, он взял курс на городок Нидлс, и с тех пор его больше никто не видел.

Завывали сирены, клубился дым, огни прожекторов и трассирующие пули расчерчивали ночное небо. Желая защитить доктора Тада и мистера Миза, Чистотец наконец добрался до «Амазонии», но здание покрыло само себя броней и начало уходить под землю после того, как Джулия Робертс пробила кулаком крышу крытого дворика, который излишне рьяный дизайнер населил пчелами-убийцами. Ступив на бамбуковый мостик, Чистотец развернул куртку Кокомо, высвобождая откушенный пенис. Член упал в воду, и тут же сом поднялся из глубины, чтобы проглотить его. Прикрыв курткой распухшее лицо жертвы пчелиных укусов, Чистотец заметил, что все еще держит маленький белый шарик, который нашел у себя в кармане. Он сжал его покрепче. Ничего больше у него не осталось. Ничего больше он не хотел брать с собой в последнюю тьму. Куда бы он ни посмотрел, ревели гудки, стрекотали автоматные очереди — и появлялись странные персонажи-мутанты.

Как бы ни был напуган происходящим доктор Тад, он невольно испытывал извращенную благодарность. Увидеть, как хотя бы на мгновение сливаются Дж. Эдгар Гувер и Уолт Дисней! Вот она — вспышка психоза, поднявшаяся из нашего коллективного бессознательного, говорил он самому себе. Хвала Всевышнему, что мне довелось это увидеть!

Доктор Тад и мистер Миз действительно стали бы свидетелями нападения на «Амазонию» Джулии Робертс и пчел-убийц, если бы не одержимое желание доктора Тада покатать своего папу на американских горках. Разумеется, роботы-служители настаивали, что все пассажиры должны быть ростом не меньше 42 дюймов (что вызвало бурю возмущения в аквариуме). Поэтому их не было ни в одном из вагончиков, когда аттракцион отключился на вершине очередной горки, а обезумевшие пассажиры оказались на милости Джима Кэрри, который смахнул поезд с рельсов — сломав шпили «Дримленда» и раздавив «Банк Нью-Дели».

Но их все равно едва не сплющило в лепешку, потому что не нашлось никого, кто помог бы доктору Таду затащить аквариум назад в «сосискомобиль», — все летели мимо сломя голову точно свиньи гардаренские. Бежали наперегонки даже Добрые Самаряне из «Святой Земли». Слава Богу, остановились Гарри Поттер и

принцесса Диана, и благодаря им доктор Тад успел погрузить мистера Миза прежде, чем налетел рой пчел-убийц, жаля волынщиков «Мактрейвишса». Потом раздался ужасающий звук. Бух, бух, бух!!!

Оглядевшись по сторонам, Чистотец направился к самому высокому еще уцелевшему зданию поблизости — шпилю Церкви припадочных пятидесятников.

Бух, бух, бух!!! Грозный шум все приближался, и доктор Тад постарался прибавить скорости, лавируя среди развалин. Гарри и леди Ди притулились в заднем отсеке рядом с аквариумом.

— Пап, — окликнул он через интерком. — Знаю, я не слишком часто это говорю… Но я люблю тебя, папа.

— Знаю, сынок, — заплескался в аквариуме мистер Миз. — Вот увидишь, мы как-нибудь выкарабкаемся.

Бух, бух, бух!!! Это ползли на четвереньках обглоданные гоблинами останки Бритни Спирс! Всепожирающие водоросли и теперь не бросили своего ужасного дела, и от объеденной певицы убегала по Никсон-авеню обезумевшая толпа. «Ну и ну, — подумал доктор Тад. — Не самая лучшая картина перед смертью: Три Мудреца и Три Поросенка убегают от гигантской разлагающейся Бритни Спирс, в спине у которой, точно заводной ключ, засел сломанный крест!»

Огромная Бритни протянула лапищу схватить «сосискомобиль», но ее отвлек бейсболист.

— Срань господня! — забулькал мистер Миз. — Это же Денни Маклейн!

В это самое мгновение доктор Хью Сколько-Дашь, прибывший в город на конференцию по стимулирующим интеллект наркотикам, вышел из наркотического дурмана и замер как вкопанный. За руку предприимчивого медика цеплялась грудастая неврологиня из Филадельфии. Они как раз ходили попробовать новую виртуальную игру по сценарию Адама и Евы и с изумлением увидели, что во внешнем мире не все ладно. Скажем прямо, доктор Сколько-Дашь был так поражен, что бросил свою подружку посреди авеню Дирка Кларка в надежде угнать (если потребуется) машину и добраться в аэропорт. Теперь же перед ним возникла перекошенная харя Бритни.

Денни Маклейн попался ей на глаза (из которых функционировал только один), как раз когда она собиралась закусить «сосискомобилем». Призрак опозоренного полузащитника исчез, когда на доктора Сколько-Даша внезапно легла тень гигантской Дженет Джексон с оголенной знаменитой правой грудью! Это зрелище оказалось не по зубам распадающемуся роботу Бритни, певица потеряла свою

поеденную водорослью лицевую панель и повалилась на мостовую — но прежде успела вырвать засевший у нее в спине Святой Крест и отдубасила миссис Джексон в готском прикиде. Один удар пришелся по огромной оголенной титьке со знаменитым пирсингом в соске (в него был вставлен предмет, некогда служившей люстрой в главном зале куриного ранчо «Радуга» в Хендерсоне). Механизм груди сломался, и та на пружине вылетела на тротуар, где погребла под собой доктора Сколько-Даша, чьей последней предсмертной мыслью было: «Я всегда предпочитал сиськи!»

— Видел? — забултыхался мистер Миз. — Видел?

Доктор Тад был в шоке, понимая, что перед ним разыгралось событие мистического масштаба, но у него хватило присутствия духа снова вдавить газ, прежде чем гигантская Дженет успела цапнуть «сосискомобиль». Машина рванулась вперед, ее занесло на щебне посреди переулка Пуатье, и в аквариуме мистера Миза начался шторм. Наконец они достигли руин бального зала при отеле «Кэтрин Хепберн» и въехали внутрь, присоединившись к зоопарку ищущих убежище.

Эйдолоны японских истребителей из Перл-Харбора окружили Большого Элвиса, засевшего на вершине «Конуса Сони», и он в ярости стал от них отмахиваться, но в него врезался отбившийся от стаи «Летучий Хаггис», рекламный дирижабль «Мактрейвишса». Потеряв равновесие, Элвис рухнул в точности, как некогда Чабби: башня отеля «Стратосфера» вонзилась ему в левый глаз, что вызвало обширный инфаркт, а само его тело от удара развалилось на части и дождем посыпалось на центр города.

Чистотец добрался до поврежденного шпиля пятидесятников и стал карабкаться по лесам на смотровую площадку, а оттуда по скобам на иглу. Большая Опра вышибла дух из Дженет Джексон «Самым Большим На Свете Буррито», затоптала близнецов Олсен, а после свернула шею Джулии Робертс так, что та увидела собственную задницу, когда, спотыкаясь, налетела на Центр реабилитации памяти Элизабет Тейлор. Потом она разнесла Старый Вегас от Серкус-Серкус до Мэнделей-бей и в самом деле сожрала пиратский корабль, стоявший на якоре у разнесенного в щепы казино «Остров сокровищ».

Большинство роботов-мужчин самоуничтожились. Головы у них взрывались, или они просто хватались за грудь и падали наземь. Остальных задушила Большая Опра. Один за другим она сваливала горой трупы поломанных знаменитостей на останках «XX Сенчури-ленд». («Так вот каков конец света, — позднее напишет доктор Тад. — Не громы и молнии и не вселенская

катастрофа, а Опра Уинфри.») И вдруг взгляд эйдолона остановился на роскошном золотом Будде наверху горы Медитации. Бросившись туда, Большая Опра ухватилась за сверкающую статую и принялась раскачивать ее, пока не оторвала, а после занесла над головой и замахнулась на «Витессалит».

Будда ударил в силовое поле могучей башни, стоявшей посреди разоренного города последним кристаллом данных цивилизации. Раздались грохот и рык, каких не слышали со времен Йети. Вокруг гордого техно-разумного колосса зазмеились зеленые молнии и заплели его пульсирующей сетью вен, свидетельствующей о перегрузке всех систем. Здание завибрировало, потом из его недр, из подземных этажей, где в укрепленных бункерах располагался центр управления, вырвался рев. Башня задрожала, как ракета на взлете, а после дематериализовалась — сконденсировалась в шпиль, пульсирующий многоцветным пламенем. Красочные языки медленно извивались, сливаясь в ярко-голубое свечение, пока не возник отчетливый профиль Селезня Дули. Большая Опра оступилась, пчелы-убийцы и летучие мыши врезались в нее, члены у нее задрожали, от сервомеханизмов повалил дым. В ране у нее на груди, которую нанес Джерри Спрингер, притаилась паучья обезьянка. Наконец Большая Опра вышла к шпилю пятидесятников, где Чистотец примостился на Ветле Веры. Обезьянка с опаленным мехом перепрыгнула на его голое плечо. Он сжимал в кулаке шарик из слоновой кости. Большая Опра споткнулась об «американские горки», упала и взорвалась. Чистотец дал подхватить себя мягкому голубому ветру и рухнул на кладбище «ВООБРАЗИЛИИ».

Часть 5
РАЗУМ, КОТОРЫЙ ПОЗАБЫЛО ВРЕМЯ

Эго — это чересчур.

Чарльз Мэнсон

Глава 1
Некрополис сейчас

Чистотец рывком пришел в себя и услышал, как его понукает какой-то голос. Открыв глаза, он увидел чрезвычайно безобразного чернокожего в майке и атласных спортивных трусах, с зашитым глазом и распухшей челюстью цвета баклажана.

— Ты… кто?

Он начал ощущать собственное тело. Пах пульсировал тупой болью. На нем тонкий халат и махровые шлепанцы, и лежит он на недавно застеленной кровати.

— Ксеркс Макколлум, мужик! А ты что подумал? Я бывший чемпион планеты в тяжелом весе, да и Солнечной системы тоже.

— И где… я… мы?

— Это же центр для клинически депрессивных имени Патрика Суэйзи.

— Не… не помню…

— Говорят, ты себе хрен откусил. А я думал, это у меня депрессия. Вот чертяка!

— Мы в Лос-Вегасе?

— В том, что от него осталось. Выгляни в окно и увидишь развалины.

— И давно я тут? — спросил Чистотец. В памяти у него болезненно вспыхивали картины разрушений.

— Со вчерашнего дня.

— А когда город свихнулся?

— Позавчера. Гитлер помогал Усаме бен Ладену. А Большая Опра потом врезала Зигфриду! В жизни ничего подобного не видел.

— Страшно, наверное, было, — сказал Чистотец, слишком боясь прикоснуться к паху.

— Я Спиро Ставрос и хочу играть в пинг-понг! — сообщил за занавеской голос с акцентом.

— Это кто? — спросил Чистотец.

— Понятия не имею, но в пинг-понг как черт играет. Но вот что я тебе скажу… Робот Сэмми Дэвис-младший дал под зад Фрэнку Синатре, а повсюду летали истребители и все поливали огнем. На следующий день улицы были усеяны обожженными птицами, которые залетали в сопла турбин, и обломками самолетов… а еще… Еще рука Уэйна Ньютона ползала по бульвару. Вот дерьмо!

— У меня все болит, — сказал Чистотец, чувствуя, что вот-вот

упадет в обморок.

— Ха, а у кого бы не болело? Как ты мог?

— Он был очень большой… а я довольно гибкий.

— Нет! Я не о том, как тебе удалось! Как ты мог?

— Не знаю, — честно сказал Чистотец. Тут в памяти у него всплыло лицо Кокомо, и ему показалось, он вот-вот заплачет.

— Я Спиро Ставрос и хочу играть в пинг-понг!

— Ну, я слышал, у тебя еще много чего осталось. Может, и обойдешься. Ты же белый, в конце концов.

Невзирая на манеру собеседника, Чистотец по его тону слышал, что тот искренне ему сопереживает.

— За что ты тут? — спросил он.

— Собирался прыгнуть с Башни Эллисона.

— Разве пытаться покончить с собой не хуже, чем откусить себе член?

— Никак нет! Ну… в чем-то… но, чувак…

— Я Спиро Ставрос и хочу играть в пинг-понг!

— Да заткнись же, мужик! Скоро поиграем, и на сей раз я надеру тебе задницу.

— Почему ты хотел покончить с собой?

— Ты с какой планеты? Меня побил какой-то там соцработник!

— Как это произошло? — спросил Чистотец. Разговор о чужих проблемах помогал не думать о собственных.

— Будь я проклят, если знаю! Этот чертяка двигался как мамба. Уже в первые двадцать секунд мне до восьми сосчитали. А мои прошлые пять боев и двадцати секунд не длились! Да за последние два года меня никто вообще ни разу не достал, со мной только дроиды решались спарринговаться. Чертяка! Этот гей так мне во втором раунде врезал, что я расплакался… на глазах у миллиардов зрителей. А третьего раунда я совсем не помню.

— Значит… ты проиграл?

— Ну да, мать твою, проиграл! Потерял титул, гордость! Меня побил педик! Спасибо тебе, Господи, что он был черный, иначе я бы точно прыгнул.

— Наверное, он хороший боец, — сказал Чистотец.

— Черт, черт, черт! — заорал Ксеркс и начал прыгать на кровати. — Я великий боец!!! Я Труподел! А этот изнеженный гомик меня вырубил!

— Ну, либо он не изнеженный, либо ты неправильно понимаешь это слово. Да и вообще, что помешало тебе прыгнуть?

Озабоченно оглянувшись по сторонам, словно кто-то мог их подслушать, Ксеркс Макколлум доверительно прошептал:

— У меня видение было, мужик. Когда я стоял там, на смотровой площадке над хоккейным полем «Фишбоу-лодж», мне казалось, моя жизнь кончена. Поэтому я сломал железную дверь на служебный карниз, посмотрел оттуда на все эти парки и огни вдоль пляжа до самой реки Колорадо и увидел, как дубасят друг друга роботы-гиганты, а ими управляют на расстоянии людишки. И тут меня осенило! Я ведь ничем от них не отличаюсь. Я просто робот. Я думал, я главный, но нет, не я. И я собрался прыгнуть, думая, что упаду или в машину для полировки льда, или в большую такую миску креветочного салата. А потом я увидел Селезня Дули, мужик. Он был больше всех роботов. Гораздо больше. А из реки встала Убба Дубба. И тогда — вот тут начинается совсем уж странное дерьмо — у них был малыш. Такого ты никогда не видел: наполовину селезень, наполовину орангутанг, а еще немного человек. И глядя на огни внизу и на этого малыша, я подумал: это же Будущее, чувак! И сказал себе, я хочу увидеть это Будущее, хочу быть его частью. Не хочу падать в какой-то там креветочный салат, не хочу быть каким-то там роботом.

— Я Спиро Ставрос и хочу играть в пинг-понг!

Оглядевшись по сторонам, Чистотец понял, что они в палате Алека Болдуина и что, судя по доносящимся из коридора звукам, приемный покой едва справляется с наплывом пациентов. Подойдя к бронированному окну, он выглянул в щелку между занавесками. Было темно, но небо полнилось кровью: установленные на тяжелых вертолетах мощные прожектора шарили в тумане, а внизу им вторили фары бронетранспортеров, и среди гор щебня, как цапли, шагали краны.

Он потерял дар речи. Там, где раньше над марсианскими каналами, связывавшими пустыню с океаном, гордо возвышался Куала-Лумпур, он же «Волшебное королевство», его взору предстала разоренная земля, больше похожая на дымящийся Кабул или, того хуже, Нагасаки. Подсвеченные купола тематических парков были разломаны или раздавлены, прекрасные отели расплющены или выжжены дотла. Глинобитные дворики и подземелья удовольствий погребены под, казалось бы, миллионами передвижных закусочных «Тако белл». Ему чудилось, что даже через армированные стекла он чувствует вонь топлива и сгоревшей плоти, отравленной воды и страха — страха слепой толпы. «Что я наделал, — подумал он. — Господи Боже, что я наделал?» Но болезнь у него внутри была слишком сильна и не давала задуматься об ответе. Это не Божьих рук дело. Его сотрясло горе, когда волна за волной раскаяние разрывало ему сердце и заполнило само его существо. «У меня не было права

творить такое, — беззвучно сказал он самому себе. — Не было права, сколь бы велики ни были моя боль или горе. За это я заслуживаю смерти. За такое я заслуживаю умереть и оставаться мертвым».

— Эй, чувак! — свистнул Ксеркс. — Не выходи из себя. Пора снова вступать в игру.

— Что? — будто во сне переспросил Чистотец.

— Разве ты про диагональное мышление не слышал? Возвращайся на ринг! Ты еще жив!

Слова словно бы эхом разнеслись по комнате. Чистотец постарался стряхнуть оцепенение. Центр Суэйзи располагался в непритязательном здании, но оно одним из немногих устояло на юго-западе города и потому возвышалось над жутковатым сочетанием блошиного цирка с блошиным рынком, в который превратился Лос-Вегас. В отдалении Чистотец разглядел высящиеся обугленным остовом динозавра «американские горки». Внизу — хаос разломанных рикш, перевернутых машин и смятых автобусов. Большая часть уцелевшей колонии летучих мышей нашла убежище в Большом Оззи Осборне, который упал на ватагу лепреконов из «Четырехлепесткового Клевера». Учитывая, сколько кругом лежало трупов, сатанисты пребывали на седьмом небе: их пыл лишь отчасти умеряли охотничьи собаки и члены «Отряда священных арийцев», которые спрятались на время побоища роботов, но сейчас нагрузились бурбоном и бензедрином и желали линчевать всех так называемых террористов.

«Витесса» отправила роботизированную саранчу отлавливать пчел-убийц, а также эскадроны безопасников в помощь отрядам лос-вегасской полиции по борьбе с массовыми беспорядками. Триады и прочие банды вывели на улицы собственных боевиков, дабы защитить то, что еще осталось от зоны их интересов, но было очевидно, что официальной стратегией стало «спасайся кто может».

Когда Большая Опра швырнула статуей Будды в «Витессалит», удар ощутили во всех офисах «Культпорации Витесса» от Мумбаи до Стокгольма. Свет погас, фундаменты дрогнули. Самый болезненный ущерб понес головной офис империи в Миннеаполисе: посреди экстренного совещания «Пантеона» Уинн Фенсер впал в кому на самом большом в мире столе для конференций, и его поспешно отвезли в реанимацию с аневризмой мозга. Неудивительно, что «Пантеон» стер из БИСПИДа все упоминания о катастрофе. Впрочем, Джулиан Динглер, которого Фенсер (ко всеобщему удивлению) назвал своим преемником на том самом экстренном совещании, вскоре отказался от политики неразглашения.

Но если БИСПИД попытался замолчать катастрофу, то передачи «Американского пиратского радио» транслировались во всех больничных палатах, наводняя их рассказами о том, как Селезень Дули и Убба Дубба остановили окончательное разрушение города, побив Опр и защитив книжные магазины, университеты и тысячи невинных людей в больницах, психиатрических клиниках и борделях. Сделав глубокий вдох, Чистотец отошел от окна. Ему вспомнились карта, разговор с Кириллой Лундквист, Кокомо, излучение и взрыв у него в мозгу и то, как девушка его спасла. На вершине Иглы Веры он собирался уничтожить себя, прихватив с собой как можно большую часть мира… но потом возникло гигантское голубое облако. Облако охладило его ненависть и отчаяние. Я пал, думал он, с величайшего колеса обозрения на свете, а на мне висела перепуганная паукообразная обезьянка. И теперь я здесь. Один. И на руках у меня столько крови и цемента! Нет карты, чтобы по ней идти. Осталось лишь одно место, где можно искать ответ…

— Тебе надо взять себя в руки, мужик. Я только что потерял титул чемпиона мира. Что бы ни случилось, нужно думать, как вернуться на пьедестал!

— Я Спиро Ставрос и хочу играть в пинг-понг!

— Вот о таком упорстве я и говорю.

— Интересно, как я сюда попал? — спросил вслух Чистотец.

— Тот тип в ванной… Он тебя сюда притащил. А теперь он там застрял.

— Кто?

— Да какой-то ковбой хренов. Сказал, дескать, нашел тебя под колесом обозрения. Здесь такое творилось, мужик. Уйма народу приходило тебя проведать. Я едва не обделался.

— Кто, например? — удивился Чистотец.

— Две белые тетки. Выглядели как профессионалки в гольфе.

«Вот черт, — подумал Чистотец, которому вспомнилась сцена в автобусе „грейхаунд“. — Если „Витесса“ нашла тело Кокомо… и решила, что это я…»

Звук спускаемой воды заставил его поглядеть на дверь в ванной. На пороге возник высокий пожилой мужчина в костюме Дикого Билла[77].

— Вижу, ты уже на ногах, — бросил он. — Это хорошо.

— Насколько я понял, мне вас следует благодарить… — начал Чистотец, но, учитывая, что ему хотелось умереть, запутался, а за что, собственно.

— Тебя Селезень Дули спас, — ответил ковбой. — А я только привез сюда. Но теперь сомневаюсь, что это такая уж хорошая мысль. Ты ему про клоуна рассказал?

— Только про теток и священника. У чертяки с головой не в порядке.

— Какой священник? Какой клоун? — спросил Чистотец.

— Свиггли. Терапевтический клоун. Ему полагается гулять по больнице и веселить людей. Он заходил тебя проведать.

— Похоже, это многие делали.

— Вот почему я не уверен, так ли уж правильно поступил.

— Слушай, мужик, ты меня не дури… Тот священник был совсем не священник.

— У тебя проблемы? — поинтересовался ковбой. — С «Витессой»?

— Не знаю, — пожал плечами Чистотец. — У меня проблемы с памятью. — Строго говоря, это не было ложью.

— Ну, если так, то извини… Не хотел тебя обидеть. У тебя такой вид, словно все что можно, ты уже сам себе причинил.

— Почему ты меня сюда привез?

— Все больницы были битком забиты, поэтому я приехал сюда. Тебя приняли, едва осмотрев. Проблема в том, что и меня тоже прихватили. А сейчас все, здание на замке. Мне сказали, твоя рана уже исцелилась. Только вот врачи не знают как. Но если у тебя проблемы с «Витессой», долго ждать их хода не придется. Теперь хорошая новость. Я нашел, как отсюда выбраться, и собираюсь свалить. Хочешь со мной? Наверно, я за тебя в ответе, раз притащил тебя сюда.

Чистотец снова посмотрел в окно на горы покореженной стали, щебня и битого стекла. Он чувствовал себя в ответе за все.

— Дерьмо, мужик! У нас уже проблемы! — крикнул Ксеркс.

Выглянув в коридор, Чистотец обнаружил там четырех девочек в полосатых передничках. Волосы у них были светлые и блестящие, накидки и тапочки — белые. Шли они пружинистым бодрым шагом и держались как добрые самарянки, вот только у всех было одно и то же лицо, а прозрачные глаза — цвета термитных зарядов.

— Сейчас или никогда, малыш! В ванной есть отверстие вентиляционной шахты, которая ведет в прачечную. По крайней мере доберемся до подвала.

Чистотец застыл на месте. Потом подумал о Кокомо и понял, что она бы хотела, чтобы он сбежал.

— Но у меня нет одежды.

— Не время, — крикнул бывалый ковбой, который уже стоял на унитазе и снимал решетку.

Пролезть в шахту было непросто, но старик оказался на удивление подвижен.

— Идешь? — спросил Чистотец Макколлума.

— Не-а, чувак. Я их задержу. Постарайся не потерять того, что у тебя осталось от члена, ладно?

Девочки-самарянки уже почти достигли двери. Подтянувшись, Чистотец подпрыгнул и, извиваясь, забрался в шахту. Едва войдя в палату, «полосатые переднички» поняли что к чему, но у них не было и шанса, потому что Ксеркс обрушил на них серию хуков правой, потом пустил в ход Левый Кулак Смерти. А после взялся за дело всерьез.

— Эй, Спиро! Эти девчата говорят, тебе больше нельзя играть в пинг-понг!

К тому времени Чистотец уже соскользнул по шахте в прачечную, где хариджаны грузили грязное белье в вагонетки. И кланяться Чистотцу они начали так же, как их собрат на питтсбургском автовокзале.

— Нам нужно выбраться отсюда, — сказал им Чистотец. — Покажете дорогу?

Роботы застрекотали на богомольем языке, а после указали длинными конечностями на вагонетку с бельем, предназначенным на уничтожение. Как только Чистотец с ковбоем спрятались под белыми горами, один хариджан покатил вагонетку в соседнее помещение. Сквозь волокна ткани Чистотец разглядел охранника.

— Куда это ты ее тащишь? — апатично спросил охранник, но махнул для верности шокером.

— Попорчено. Ниже стандарта. Нет места.

— Нет открытых дверей. Все заперто. Усек?

— Попорчено. Ниже стандарта. Нет места.

— Тупая машина. Давай поскорей, не то оставлю тебя на улице.

С шипением воздуха открылся шлюз, поднялась бронированная дверь, и хариджан выкатил вагонетку в проулок. Ухали лопасти вертолетов, в рощице американских флагов мерцал торс Джона Уэйна. Хариджан начал сгружать испорченное белье в отверстие топки, и Чистотец с ковбоем поскорей опрокинули вагонетку.

— Бегите, — посоветовал им хариджан.

И Чистотец с ковбоем так и поступили: убежали в вонючие развалины Багдада.

Глава 2
Проклятие Брубейкеров [78]

Они пронеслись по проулку, усеянному кошачьими черепами и пивными банками из-под «Оле Инглиш 800». Даже в тяжелых сапогах старик двигался быстрее, к тому же знал, куда бежит, — оно и к лучшему, ведь так легко было потеряться среди суетящихся пожарных и полицейских из отрядов по борьбе с беспорядками, и роботов, которых за ноги-ходули прозвали «журавлями» и которые теперь расхаживали между груд щебня.

Чистотца подташнивало от стыда, голова кружилась от физической боли, но времени на жалость к себе не было. Фасады зданий еще рушились. Они пробегали мимо фонтанов, закупоренных чемоданами и дохлыми птицами. Перед входом разнесенного взрывом «Загородного гриль-бара Джонни Кэша» чайки ссорились из-за останков толстого мальчишки, которого загрызли ирландские волкодавы, защищавшие какого-то горбуна из «Камелота». Волны отвращения и ужаса грозили затопить Чистотца, пока он ковылял вслед за своим провожатым мимо колес от рулеток и разлагающихся дельфинов. И мысленно видел, как Кейлин, жена Боба из «Ноева Ковчега», прочесывает улицы, стараясь спасти как можно больше животных.

Наконец старик привел его к узкому перешейку — лишь он один остался от Малого Сайгона. В конце переулка путь им преградил забор из натянутой между кольями колючей проволоки, увешанной покемонами. Отыскав кончик проволоки, Старик за него дернул. Часть преграды отошла, и он прополз в образовавшуюся брешь. Чистотец последовал за ним на карачках и, пробравшись, увидел, как на горизонте в свете шарящих прожекторов громоздится обугленным морским коньком уцелевшая секция самых больших в мире «американских горок». Откуда-то пахнуло тиной. Выбрав со знанием дела корягу, старик потянул за нее и, вытравив веревку, стал подтаскивать к себе водный велосипед в форме кита.

— Мы сейчас на задах парка «Веселись до упаду», тут все самые большие аттракционы, — негромко объяснил ковбой. — Но теперь это в прошлом. Полезай.

Чистотец послушно вскарабкался на судно вслед за стариком, и тот оттолкнулся от берега. Из воды торчали остовы вагонеток и рухнувшего с неба вертолета. Стараясь не шуметь, старик крутил педали, держа курс на островок под одним из витков «американских горок».

— Дом у меня не ахти, — извинился он, когда они прибыли на место.

Чистотец не знал, что сказать. Ковбой уже дважды спас ему жизнь. И велика важность, что он обитает на травянистом холме под самыми большими на свете «американскими горками», главное — он не из «Витессы».

Небо озаряли прожектора и сигнальные ракеты. Старик повел его в вигвам из краденых бревен на платформе-драге. Над жилищем тянулась распяленная на шестах камуфляжная сетка, сливающаяся с жухлой травой. Виднелись куски рельсов с аттракциона и таблички «ОСТАВАЙТЕСЬ НА СВОИХ МЕСТАХ» И «НЕ ВЫСОВЫВАЙТЕ РУКИ». Внутри Чистотец заметил койку, сколоченную из обрубков сучьев, маленькую печурку, которую полагалось топить мусором, и очень дорогую японскую полевую кухню — скорее всего краденую. Стены были утеплены спасжилетами, которые старик, вероятно, стырил с прогулочных катеров или водных велосипедов. Изнутри жилище было оклеено плакатами из исторических вестернов. Чистотцу они напомнили бейсбольное святилище мистера Миза, и он испытал укол острого раскаяния: ему очень хотелось надеяться, что доктор Тад и его отец не пострадали.

— Недурно для нищего, а? — хохотнул старик и щелчком включил работающий от генератора фонарь.

Чистотец попытался кивнуть, заметив среди поблекших постеров с ковбоями россыпь фотографий мальчика и девочки.

— Меня зовут Винчестер Брубейкер, — представился ковбой. — В честь легендарной винтовки «винчестер».

— Элайджа… Элайджа Чистотец.

— Но ты называй меня Шериф.

— Вы шериф? — спросил Чистотец, глянув на сувениры по стенам.

— Был когда-то. Почему бы тебе не поискать в сундуке одежду? Я собираюсь искупаться в лагуне, немного освежусь. А потом пожрем чего-нибудь.

В сундуке оказались обноски из парка аттракционов. Чистотец подобрал себе костюм, в котором выглядел чем-то средним между погонщиком каравана пони и пиратом. Снаружи доносился мерный плеск воды, и ему снова вспомнился мистер Миз с его аквариумом… и преданный доктор Тад. Чистотец всем сердцем молился, чтобы последствия его гнева их не коснулись. «О, Кокомо…» Сердце у него разрывалось… от тоски по ней внезапно закружилась голова… От тоски по Уилтону, даже по Человеку из Стали.

Вернулся завернутый в пляжное полотенце Шериф. Подойдя к

шкафу, он достал бутылку ликера «Юкон Джек» и отпил добрый глоток.

— Так-то лучше, — сказал он, протягивая пойло Чистотцу.

— Нет, спасибо. — Чистотец понюхал и поморщился. — Меня таблетками напичкали.

— Как скажешь, — пожал плечами Шериф и приложился снова.

Из другого сундука он достал нижнее белье, белую ковбойскую рубашку и темные штаны с заклепками, а еще черный кожаный галстук-шнурок в стиле Ли Дж. Кобба. Тщательно одевшись, он включил еще один фонарь и начал открывать консервные банки, напевая сочным баритоном:

Бутхи-и-л, Бутхи-и-и-л[79]
Как одиноко мне из-за тебя.
Ты отнял всех моих друзей,
А я еще слышу их голоса
Во вздохе холодного, холодного ветра.

Пока он пел, Чистотец старался отвлечься, изучая памятки и сувениры по стенам. На многих плакатах был изображен мужчина, похожий на Шерифа, но более крупный и плотно сбитый, который позировал рядом с такими легендами Голливуда, как Гленн Фонд и Джеймс Арнесс. На других был изображен еще кто-то, кого Чистотец счел молодым Шерифом, — на дощатых тротуарах городка, затерянного на Диком Западе.

Его спаситель и хозяин дома тем временем разогрел банку мясного чили и вылил содержимое на дымящийся рис. Ели они молча, слушая вой сирен и громыхание погрузчиков, которые эхом разносились над заводью.

— Ну, — сказала Чистотец, пока Шериф стерилизовал питьевую воду, — наверно, вы хотите знать почему?

— Думаю, есть вещи, сынок, которые нам знать не положено. Возможно, ты одна из них. Но это не значит, что я не буду тебе помогать.

Чистотец улыбнулся. Снаружи с плеском приземлился на воду фламинго.

— Вы тут живете? — спросил он. — Не слишком шумно?

— На язык просится, верно? — отозвался Шериф. — Но «горки» постоянно двигались, это было как шум прибоя. Пожалуй, этот шум сохранил мне молодость. Шум и проделки.

— Проделки?

— Ну, кражи разных вещей прямо у них из-под носа, — хохотнул Шериф. — Для охранников и служб безопасности я

своего рода городская легенда.

— Почему вы зовете себя Шерифом? Вы были звездой?

— Если ты звезда, то навсегда. — Старик вытер рот рукавом. — Не в старом смысле этого слова. Было время, когда у звезд были достоинство и класс. Они подавали пример. Они были героями.

— Вы говорите про актеров, которые играли героев?

— Знаешь, что сказал про вдохновение Джек Лондон?

— Что?

— Он сказал: «Гонись за ним с дубиной. Даже если не поймаешь, все равно получишь что-то, что удивительно на него похоже».

— Не понимаю.

— Мало кто понимает. Суть в том, что ты тот, кем себя считаешь. Если не сможешь понять, кто ты есть, то будешь лишь тем, кем тебя считают другие. А кому ты в таком деле сможешь довериться?

— Усек, — улыбнулся Чистотец. — Так кто вы, по-вашему?

Старый ковбой свернул самокрутку.

— Давай выйдем посидим у воды. У меня за пять лет не было столько тишины и мужского общества.

Вдалеке очереди из винтовок «М-20» сливались с песней группы «Бич бойз». Чистотец с ковбоем вытащили пару офисных кресел на жухлую траву и устроились под обрубленным позвоночником «американских горок», математическим символом маячившим на фоне неба. Когда на поверхность поднималась рыба, вода медленно морщилась, и казалось, что оживают заброшенные механизмы.

— Как я и сказал, я Винчестер Брубейкер, — начал Шериф, и Чистотцу подумалось, что имя у него почти такое же странное, как его собственное. — Но я все еще шериф Стэк Диксон. В точности как мой папочка был Тристаном Брубейкером и одновременно шерифом Джимом Беджем.

— Извините, — признался Чистотец, — я никогда про них не слышал.

— Это проклятие Брубейкеров, — вздохнул Шериф, выдувая кольца дыма, способные поспорить с теми, которые выпускала Лепесток Ликорицы. — Папа играл Джима Беджа в «Страже закона на Диком Западе», где принес истину, честность и справедливость в Абилин, штат Канзас, богом забытое местечко в конце Чизхолмской тропы. «Страж закона на Диком Западе» задумывался как самый длинный сериал сезона шестьдесят второго–шестьдесят третьего годов.

Старик поднялся и неспешно ушел в вигвам, чтобы через

несколько минут вернуться с «Юкон Джеком» и старой детской коробкой для завтрака, в которой лежал термос.

— Моего старика изображали на коробках для завтрака. Он призывал покончить с бандитами и открывать ярмарки и рынки. Он купил маме дом на Голливудских холмах.

— И что было дальше?

— В последний момент какой-то молокосос-чинуша на студии отменил сериал. Сказал, конкуренция слишком велика. Сказал, время вестернов проходит, и надо подсчитывать потери и экономить средства.

— Что сделал ваш отец?

— Въехал на лошади в кабинет подонка и его заарканил. Потаскал по съемочным площадкам вокруг старого здания студии «Юниверсал» и наконец бросил на газоне перед домом из сериала «Предоставь все бобру». Потом вернулся на съемочную площадку, где построили декорации к «Стражу закона на Диком Западе», и там засел, не подпуская службу безопасности студии. Он запасся таким количеством настоящих патронов, что пришлось вызывать спецназ лос-анджелесской полиции, которая застрелила его любимого пегого коня с белой гривой, а его самого выкурила слезоточивым газом. Следующие два года папа провел в психбольнице в Сан-Фернандо. Когда он вышел, агент устроил ему роль в «Ферме Кнотта Берри», где он стал клоуном на родео, которого лягают в голову. На второй день работы папа приехал в «Ля Сьенега», приставил к голове агента банку «Доктор Пеппер» и сказал, что пристрелит его, если тот не найдет настоящей работы для настоящего шерифа.

— И что агент?

— Наложил в штаны. На следующий день суд вынес постановление, запрещающее отцу к нему приближаться. После этого отец исчез. Вот почему я тоже решил стать шерифом. И свою мечту осуществил через тридцать пять лет день в день после его исчезновения. Я получил роль шерифа Стэка Диксона в «Стар-сити», это была попытка возродить вестерн с элементами научной фантастики. Идея была такова: инопланетяне высаживаются на Землю во времена освоения Дикого Запада и начинают захватывать тела жителей городка. Но у некоторых — иммунитет: например, у девчонки-золотое-сердце, которая заправляет борделем, и у меня, шерифа. А правду знает только одинокий стрелок-бродяга по имени Спарк Райлс, которого ищут за убийство моего брата. В результате я вынужденно женился на давней возлюбленной брата, хотя ее тело захватил инопланетянин, а сам я влюблен в Кэти, которая держит салун и бордель.

— Довольно запутанно, — вставил Чистотец.

— Проныра-продюсер по имени Перкисс Пуркисс так и сказал! — рявкнул Шериф и, выхватив «Хеклер и Кох П-9», прицелился в летучую мышь, которая висела вниз головой под аттракционом. Пистолет рявкнул, и мышь, кувыркаясь, рухнула в воду, от чего на поверхности закачался мусор.

— Это Проклятие Брубейкеров. Сериал отменяют на пороге звездного часа. Потом я забыл, что я шериф-герой. Я считал себя алкоголиком. И всех остальных в этом убедил, включая жену и двоих детей: сына Кванаха, которого мы назвали в честь вождя команчей Кванаха Паркера, и мою красавицу Пайлот. Жена давным-давно умерла от рака груди. Пайлот — от сброшенной на нас во время джихада сибирской язвы. Мой сын Кванах спроектировал эти вот «американские горки».

— Правда? А он знает, что вы тут живете?

— Вот еще! Ты думаешь, я хочу, чтобы мой сын знал, что я живу на островке под его всемирно известным аттракционом?

— Но разве ему не будет важно узнать, что вы живы, что с вами все в порядке?

— Никогда нельзя сказать наверняка, что люди желают или не желают знать о своем прошлом, — задумчиво произнес Шериф и «снял» еще одну летучую мышь. — А сейчас нам пора на боковую. Думаю, моей жизни на островке пришел конец. Скоро начнут вычищать лагуну, и, поверь мне на слово, я тогда тут оказаться не хочу.

Чистотец на минуту задумался. Денег у него нет, он оставил все в «Ноевом Ковчеге». У него нет ничего, кроме театрального костюма с чужого плеча и воспоминай о снах, ужасе и горе, и крови на руках — больше, чем способна смыть вся вода этой заводи. И все равно его переполняла решимость.

— А машины у вас случайно нет? — спросил он.

— По мне не скажешь, правда? — хмыкнул Шериф. — На самом деле передвижное средство у меня есть, если никакой дом на него не упал. Почему ты спрашиваешь?

— Мне нужно, чтобы меня подбросили в одно место. Очень нужно. А денег у меня нет.

— И куда же?

— В Южную Дакоту.

— В Южную Дакоту! Вот черт. В священное сердце земель племени сиу.

Шериф собирался пристрелить очередную летучую мышь, когда прожектор высветил останки Иглы Веры. На рельсах гордо сидел белоголовый орлан — старик уже лет пятьдесят их не видел.

— Видел его?

— Кого? — спросил Чистотец.

— Будь я проклят, — вздохнул Шериф, но когда луч прожектора снова прошелся по тому месту, птица уже исчезла. — Знаешь, кажется, мне только что был Знак.

— Со мной тоже такое случается, — кивнул Чистотец. — Что вам посоветовали?

— Кажется, «…помоги ему добраться в Южную Дакоту».

— Вы уверены?

— Нет. Да. А, какая разница. Не знаю. Но я хорошо навострился настраиваться на белый шум. Пошли. Можешь лечь на койку. До Южной Дакоты путь не близкий.

Они занесли кресла назад в вигвам. Разыскивая в сундуках одеяла, Шериф вдруг хлопнул себя по лбу и схватил штаны из оленьей кожи.

— Вот, — сказал он. — Это было у тебя в руке, когда я тебя нашел. Что это?

— Не знаю, — сказал Чистотец, убирая в карман маленький белый шарик. — Но все равно спасибо.

Глава 3
Район 51

Некоторое время Чистотец лежал без сна, слушая храп старика. Человечно и мирно он оттенял грохот погрузчиков, скармливающих «гоблинам» искореженный металл. Понемногу все заволоклось и распалось клочьями тумана, и он соскользнул в мягкий, пахнущий жимолостью ураган. Он лежал, свернувшись калачиком на топчане на летней веранде дома тети Вивиан и дяди Уолдо, а рядом пристроился Лаки. Это был нежный, ласковый, насыщающий сон… Точно доза прощения. Всплывал из него Чистотец отдохнувшим и освеженным, медленно и словно бы неохотно, но с явным стремлением вернуться назад. Лишь одно сбивало его с толку: почему он не может вспомнить, какой породы был Лаки.

Шериф поднялся с первым светом и теперь бормотал себе под нос, прикидывая, что бы взять в дорогу. Было очевидно, что он не собирался возвращаться на островок. В конечном итоге он выбрал коробку для завтрака со «Стражем Закона на Диком Западе», кое-какую одежду, коробку с быстрозамороженными полуфабрикатами, канистру дистиллированной воды и свой арсенал, который помимо «П9» включал охотничье ружье «Харрингтон и Ричардсон» двенадцатого калибра и «винчестер», в честь которого его назвали. У Чистотца были лишь шарик из слоновой кости и одежда.

После безмолвного, но прочувственного прощания со своим вигвамом Шериф полил все бензином и включил печку. Ему не хотелось, чтобы его сын узнал, как он незаконно жил на островке. «Передвижным средством», про которое он говорил вчера, оказался мотоцикл пятьдесят третьего года с восьмидесятикубовым двигателем «блэкхоук чиф», выдвигающимся вперед рулем и малиново-красной коляской «принцесса».

— Эта детка была первым, что я купил, подписав контракт на «Стар-сити», — с нежностью сказал он. — Ее я оставил, даже когда потерял все остальное.

Байк прозябал на задах склада, который, как обнаружил к немалому своему отвращению Шериф, какой-то вьетнамский оптовик захватил под базу для сети распространения героина. Здание уцелело, но было завалено телами, поскольку атака монстров-знаменитостей случилась как раз во время заключения сделки. Пол был усеян гильзами, конфетти из банкнот и засыпан

«китайским белым».

Чистотец не мог бы сказать, что удивило его больше: что мотоцикл завелся с первого же оборота или что Шериф всерьез вознамерился на нем добраться в Южную Дакоту. Но лучших идей у него не было, и даже если старик был чуть не в себе, за маской бесшабашного отчаяния он угадывал душу, полную ужаса и яростивости. Если кто-то и сможет доставить его в Южную Дакоту, то скорее всего Шериф.

Из вещмешка с одеждой старик извлек женский парик, который ветер принес с «американских горок», и корсаж молочницы из «Камелота».

— Думаю, тебе следует переодеться, — сказал он, пряча улыбку. — По крайней мере пока не выберемся из города. — Так тебя будет труднее опознать с воздуха. На случай, еслитебя кто-нибудь ищет.

Улицы кишели безопасниками (и людьми, и роботами), но большая часть города была в руинах, а потому поставить блокпосты на всех выездах не удалось. Мотоцикл, даже перегруженный, даже с коляской, оказался удачным средством для путешествия по свалке, в которую превратился Лос-Вегас. Винтовку и обрез Шериф вставил в кожаные ножны, прикрепленные к рулю, а Чистотец (в парике и корсете молочницы) положил себе на колени «П9» и запасную коробку пуль дум-дум.

Смазанная серовато-бурая дымка затянула солнце, а заодно и кричащие голограммы Кондолизы Райс. На авеню Рене Зеллвегер пулеметные очереди косили верблюдов, а шпана грабила попавших в ловушку туристов. Центры передачи информации «Мидшор» и «Новый Тель-Авив» превратились в груды щебня, а на Де Ниро и Тарантино еще бушевали пожары. Полчаса спустя Чистотец заметил еще один таинственный старый рекламный щит, частично заслоненный разгромленным ломбардом на углу Шона Пена и Памелы Андерсон.

> Нет ничего столь более эксцентричного, чем будущее, недоступное даже самой буйной фантазии.
>
> *Вонючка Юла*

Щит тут же исчез, но Чистотец мельком увидел панораму городка на Диком Западе — как на постерах, какие висели в вигваме Шерифа. Он не знал, что они значат, но они его ободрили. А в ободрении он очень нуждался. Путь предстоит долгий, и неизвестно, есть ли у Шерифа деньги. Возможно, придется прибегнуть к грабежу на большой дороге.

В Неллис на северо-востоке Лос-Вегаса они попали в затор. После Йети военно-воздушные силы перенесли секретные проекты на старые полигоны для ядерных испытаний в невадской пустыне или на атоллы в Микронезии, а базу Неллис и печально известный «Район 51», равно как и многие другие скандальные объекты двадцатого века вроде Дульчи в Нью-Мехико, отдали «Витессе» под тематические парки. К несчастью, коммерческого успеха эти парки не имели. Как только официальные заграждения исчезли, никто уже не верил, что перед ними вся реальность, какая есть, и не ошибались. Атмосферу тайны военные увезли вместе с засекреченным оборудованием. В результате Неллис превратилась в трущобы.

Шериф и Чистотец миновали делянку сломанных спутниковых тарелок, опутанных бельевыми веревками и веревочными лестницами и покрытых испанскими и арабскими граффити. «Витесса» уже поставила тут блокпост, но его еще можно было обогнуть, срезав путь через парк. Именно так и намеревался поступить Шериф. Между бараков и подрагивающих сеток заграждений в ползучих, как гремучие змеи, сорняках лежали тела поддельных инопланетян в пластиковых костюмах, таких дешевых, что походили они на большие кондомы. Ряды припаркованных носами в землю стратегических бомбардировщиков «F-111» походили на старые каштаны вдоль Мажестик-авеню, которая привела Шерифа и Чистотца к позвякивающему на ветру аттракциону «Полет в невесомости». На капоте мертвого «шевроле-корвет» грелся паук-аттида.

Между хижинами из рифленой жести замаячили силуэты кочевников в бурнусах. У них над головами Тяжелые вертолеты и сверхзвуковые «Рэпторы» бороздили небо над дымящимся мегаполисом, особо надзирая за уцелевшими роскошными виллами на склоне и небоскребами у кромки воды и предоставляя отребью на северо-востоке самим о себе заботиться. В зарослях кустарника на горизонте стрекотали автоматные очереди.

— Да уж, тут у них похлеще, чем в Тихуане на День поминовения усопших, — усмехнулся Шериф. — Но ты не волнуйся, прорвемся.

Чистотец почувствовал себя увереннее от того, что он рядом. Особенно когда на холме вдруг возникли в реве моторов вездеходы. Один был раскрашен под тарантула, сверху на нем был установлен многоствольный пулемет «гатлинг». Другой был усеян шипами, как рогатая ящерица, и экипирован гарпунной пушкой, третий — выкрашен в цвета королевской кобры и вооружен огнеметом.

Мотоцикл трясся по асфальтовому служебному шоссе. Шериф был готов повернуться и открыть огонь, но, поднявшись на взгорок, он увидел череду округлых насыпей, тянущихся по дну пересохшего озера. В середине кренилась набок голова гигантского робота-знаменитости.

— Это же Джон Траволта! — завопил Шериф.

— Кто? — переспросил Чистотец.

— Не важно… А это? Вот черт, да это «летучий хаггис»!

Насыпи все приближались, и Шерифу оставалось только держать курс прямо на отрубленную голову Траволты, над которой как будто летал целый флот мелких рекламных дирижаблей. Дразня очередями, вездеход с пулеметом подобрался ближе. Чистотец повернулся прицелиться в него из «хеклеркоха», и тут ветер сорвал с него парик. Парик попал прямо в лицо гарпунщику с соседнего вездехода, и гарпун полетел в грудь водителю «тарантула», который покатился наземь, а его «огнемечущий скакун» взлетел на воздух в облаке пламени.

— Неплохая работа! — крикнул Шериф.

Они достигли головы Траволты и после нескольких рывков остановились между курганами. От уха колосса тянулся уходящий к «хаггисам» трос. Из свалки покореженных вездеходов грохнул одиночный выстрел.

— Без боя нам отсюда не выбраться! — прошептал Шериф. — Я сейчас развернусь и попробую зайти им в тыл. Ты оставайся здесь. Если они попытаются атаковать, отстреливайся из обреза.

— Эй, там! — раздался женский голос. — Не стреляйте!

— Это еще что? — прошипел Чистотец.

— Как будто оттуда! — Шериф указал вверх. — Похоже, в одном из «хаггисов» кто-то есть.

— Интересно, дирижабль еще способен подняться? — задумчиво протянул Чистотец.

— Я тоже начинаю надеяться, сынок. Смотри!

Через холм перевалило еще несколько бронемашин. Открытый джип со стрелками в боевой раскраске и большой зеленый «хаммер», оклеенный коровьими черепами и масками пришельцев из космоса, — над ним развевался флаг с Микки-Маусом.

— Нужно подняться на дирижабль! — крикнул Шериф. — Они подняли Микки!

— Что это значит?

— Это каннибалы! Они сожрут наши мозги!

Шериф метнулся к мотоциклу и сорвал с него те седельные сумки, которые они могли бы унести с собой, потом повернул какой-то рычажок под сиденьем и велел Чистотцу карабкаться

вверх по веревке.

— Эй вы… Что вы там делаете? — снова крикнул женский голос.

Чистотец сорвал корсет молочницы и полез вверх по канату. Когда он рывками подтянулся на первый метр витого нейлона, у его уха просвистела пуля. Из «хаммера» возник гигантский младенец в кевларовом памперсе, в футболке с Бартом Симпсоном и сварочной маске, да еще с базукой в руках. За ним последовал высоченный блондин-транссексуал в меховом бикини, следом появился пятнистый датский дог. Чистотец перебросил тело на платформу «хаггиса» как раз в тот момент, когда блондин извлек из вездехода мегафон.

— Это наша территория, душки!

— Просто едем своей дорогой! — заорал в ответ Шериф, когда пуля царапнула песок между ним и «хаммером».

— Единственное, куда вы отправитесь своей дорогой, это в мой желудок! — расхохотался блондин.

Дикари заулюлюкали. Одни были облачены в боксерские трусы на широких бретельках, как у борцов в старину, другие — в набедренные повязки и армейские ботинки. Было видно, что их тела покрыты меланомами и татуировками. Третьи были закутаны с головы до ног в покрывала или в обноски из тематического парка. На крышах их пикапов и бронированных машин были установлены фетиши: гниющие головы персонажей «Саус-парка» и «Девчонки сила-уф!» под садомазохистскими масками.

Чистотец постарался унять страх, прислушиваясь к голосам у себя в сознании. Им с Шерифом нужна помощь. Отчаянно нужна.

И вдруг различил перепуганный стон из кабины дирижабля:

— Да кто вы такие?

— Я не ощипыватель фазанов, но сын Ощипывателя Фазанов, и я буду ощипывать фазанов, пока не придет Ощипыватель Фазанов, — ответил он.

И вдруг осознал смысл этих слов. Что, если Ощипыватель Фазанов никогда не придет? Все равно останутся фазаны, которых надо ощипывать. Придется ему. На безрыбье, как говорится… В этом вот и заключаются яростивость и диагональное мышление.

— Я не фазан, — отозвались из кабины.

Оттуда выбралась белокожая девушка лет восемнадцати-девятнадцати с роскошной гривой спутанных волос, одетая в облегающий топ с большим вырезом и короткую юбчонку и почти помешавшаяся от страха. На полу кабины лежал пилот — мертвее не бывает, а на небольшой пассажирской палубе — еще одна девчонка в луже крови рядом с трупом кряжистого волынщика.

— Послушай, — сказал Чистотец. — Мы не желаем тебе зла, но те люди внизу очень нехорошие. Какое-нибудь оружие на борту есть?

— Не-а! — всхлипнула девушка. — Только «хаггисы» — рекламные полуфабрикаты.

— А это зачем? — спросил Чистотец, указывая на звуковую аппаратуру. Нижняя часть дирижабля, эдакая алюминиевая полусфера, приваренная к каркасу из стальных трубок, была заставлена мощными концертными колонками и усилителями.

— Не могу! Хватит с меня их волынок! — застонала девушка. — Это от них Большой Элвис умом тронулся!

Снизу послышались одобрительные вопли — верзила-блондин приказал принести переносной гриль.

Нажав на «воспроизведение», Чистотец до отказа вывернул ручку громкости звука. Если есть сомнения, постарайся посеять хаос. Завывания волынок обрушились на вояк точно галлюцинации при психозе, а потом захлюпали диссонансным дребезжанием…

> В тебе я славлю командира
> Всех пудингов горячих мира, —
> Могучий Хаггис, полный жира
> И требухи.
> Строчу, пока мне служит лира,
> Тебе стихи.[80]

«Господи милосердный, — подумал Шериф, прячась в тени мини-дирижабля. — Это же Шон Коннери! Поет „Оду пудингу“».

Дикари побросали оружие и зажали руками уши, а Чистотец осыпал их дождем бесплатных рекламных «хаггисов», каждый с огненной усмешкой мистера Мактрейвишса, красно-клетчатыми буквами обещавшего: «Ваш хаггис готов!»

Тем дикарям, кто не набросился на дармовые «хаггисы», попало пудингом по голове. Увидев свой шанс, Шериф, пригибаясь, подбежал к голове Джона Траволты, щелкнул карабином, высвобождая канат, и изо всех сил вцепился в его конец. Дирижабль тут же взмыл вверх, но недостаточно высоко, и Шериф понял, что если он не поднимется еще, то его потащит по земле. С другой стороны, он не мог удерживать и канат, и сумку, и оружие — и ему пришлось отпустить коробку для ленча с изображением отца. Расставание обернулось шоком — но и исцелением. А коробка ударила по шлему младенца в кевларе, да так, что он кубарем покатился с вездехода.

— Я тебя собью! — заорал блондин, но его слова потерялись,

потому что Шон продолжил:

Дородный, плотный, крутобокий,
Ты высишься, как холм далекий,
А под тобой поднос широкий
Чуть не трещит.
Но как твои ласкают соки
Наш аппетит!

Выхватив у верзилы базуку, транссексуал прицелился. По счастью, солнце палило ярко, и бляха Шерифа из «Стар-сити» превратилась в слепящее зеркало. Сжимая правую руку так, что побелели костяшки пальцев, Шериф вывернул бляху, направляя луч в глаза блондину. Тот взвыл, словно в него попали из лазера, и выпущенная им ракета пришлась в один из бронированных джипов.

Чистотец разрывался между желанием увести «хаггис» подальше и втянуть на канате Шерифа. Решив, что, если не убраться отсюда, дикари вскоре оправятся и откроют стрельбу, он побежал в кабину.

— Знаешь, как управлять этой штукой? — крикнул он. Но девушка не расслышала его за ревом:

С полей вернувшись, землеробы,
Сойдясь вокруг твоей особы,
Тебя проворно режут, чтобы
Весь жар и пыл
Твоей дымящейся утробы
На миг не стыл.

Чистотец отчаянно нуждался в урагане. Он нажал одну кнопку, потом другую, надеясь вызвать к жизни турбины, а вместо этого поднималась песчаная буря. Кругом засвистели пули, но в дирижабль попала лишь одна, засевшая в досках полового настила, сконструированного так, чтобы выдержать соударение со стаей перелетных гусей. Вести «хаггис» оказалось не так-то просто, особенно если учесть, что внизу под ним болтался Шериф.

Вертикальные закрылки играли роль руля, горизонтальные регулировали высоту. Баллонеты на носу и на корме уравновешивали давление гелия и стабилизировали продольный наклон. Воздух поступал через заборники и выходил через клапаны. «О'кей, — подумал он. — Попробуем».

А тот, кому ты служишь пищей,
Согнет подкову в кулачище.
Когда ж в такой руке засвищет
Стальной клинок —
Врага уносят на кладбище
Без рук, без ног.
Молю я Промысел небесный:
И в будний день, и в день воскресный
Нам не давай похлебки пресной,
Яви нам благость
И ниспошли родной, чудесный,
Горячий Хаггис!

— Втяни его! — крикнул Чистотец, имея в виду Шерифа, но у девушки не хватало сил. — Тогда ты управляй, — приказал он и дернул за канат.

Датский дог, рехнувшийся от усиленных динамиками шотландских куплетов и уже сожравший все хаггисы, до каких мог дотянуться, с лаем бросился к песчаным насыпям. Боясь задеть приближающуюся гряду и не зная, как набрать высоту, девушка вынужденно затормозила. Шериф удержался, но швартовый крюк оказался слишком уж низко и подцепил шипастый ошейник пса. Перед дикарями-каннибалами предстал исключительно удивленный датский дог, который несся на них точно «баба» для сноса домов. Дикари тут же разбежались, дав Чистотцу возможность втащить Шерифа, хотя дополнительный вес пса едва не вывихнул ему плечо.

— Помогите мне кто-нибудь! Нужно подняться повыше!

Дирижабль сносило к делянке спутниковых тарелок. Один могучий рывок, и вот уже Чистотец с Шерифом повалились на палубу дирижабля. Чистотец бросился в кабину и снова развернул «хаггис», но недостаточно ловко, чтобы сбежать от каннибалов, которым теперь представилась открытая и приближающаяся мишень. Впрочем, те боялись стрелять из страха попасть в любимого пса. Воспользовавшись их замешательством, Шериф прицелился из «винчестера». Он выбрал стрелка на крыше старого грузовичка срочной доставки, а Чистотец тем временем силился справиться с баллонетами и закрылками.

Блондин в бикини вскарабкался на крышу «хаммера» и оттуда целился из снайперской винтовки с лазерным прицелом. Его первая пуля царапнула приклад «винчестера» и заставила Шерифа искать укрытия на полу пассажирской палубы. Потом он изготовился для второго и последнего выстрела, намереваясь

превратить летучий «хаггис» в огненный шар, когда девчонка приглушила звук, а «хаммер» накрыла шевелящаяся тень. Удивленный транссексуал задержал огонь и, подняв глаза, увидел, что на него опускаются все двести фунтов датского дога — точь-в-точь гигантский дирижабль. Дог продавил крышу «хаммера», и «хаггис» тут же набрал высоту. Мгновение спустя землю под ним сотряс взрыв, зашвырнув какое-то тело в ухо Джону Траволте.

— Ура! — крикнул Шериф. — Ублюдок в сварочном шлеме пытался сесть на мой байк. А у меня там была мина. Покойся с миром, старый друг! Гонять тебе в небесных высотах!

Глава 4
Однажды на «хаггисе»

Чистотец поднял дирижабль по крутой дуге, а после, убедившись, что не зацепит следующую гряду, выровнял. Девчонка казалась теперь менее бледной, зато еще более растерянной.

— Элайджа Чистотец, — представился он. — А это мой друг Шериф.

Девчонка накрутила на палец прядь.

— Я Мэгги. Мэгги Кейн. Наверно, мне надо тебя поблагодарить.

Чистотец не знал, что сказать. Спасший их с Шерифом дирижабль назывался «Билли Коннолли» и плыл сейчас над некогда секретными лабораториями, по которым гуляли ветра, направляясь к Долине огня[81] и северной оконечности озера Мид.

— У нас миссия, — гордо объяснил Шериф.

— Что за миссия? Вы что, возите контрабандой наркоту?

— Нет! — успокоил ее Чистотец. — Мы направляемся в Южную Дакоту.

— Ничего себе! Зачем?

— Думаю… Кажется, у меня там есть семья, — внес свою лепту Чистотец. — Понимаешь, я потерял память.

— И не только ее, — пробормотал Шериф и тут же прикрыл рукой рот.

— О чем это он? — вскинулась девчонка.

— О том, что я потерял пенис.

— Как это? — нахмурилась девчонка.

— Потерял пенис… ну, член. Или большую его часть.

— Да знаю я, что такое пенис, не волнуйся.

— И что с ним делать, тоже наверняка знаешь! — вставил Шериф.

— Придержи язык, дедуля. Я просто хочу сказать, что такую штуку не потеряешь.

— Да, — согласился Чистотец. — Я свой откусил.

— Что, правда?

— Чистая.

У дирижабля имелась система спутниковой навигации. Чистотец отыскал и ввел координаты Рапид-Сити. Турбины мощностью в пятьсот двадцать пять лошадиных сил позволяли развить постоянную скорость до восьмидесяти миль в час.

Оставался вопрос, хватит ли у них горючего.

— Уж и не знаю, в какие игры вы играете, мистер, — сказала Мэгги и повернулась смотреть вдаль с палубы.

Внизу изредка проплывали прогулочные вездеходы и автоколонны, першероны волокли кузова японских машин то на колесах, то без — точно кибитки ярмарочных шарлатанов прошлых веков.

Мэгги Кейн пережила худшие сорок восемь часов своей жизни — а это говорило о многом. Она застряла на дирижабле, пилот которого, искусанный пчелами-убийцами, умер от анафилактического шока. И потерявший управление дирижабль подхватил и носил над городом под безжалостный вой волынок ветер. Затем он налетел на Большого Элвиса, сбивавшего истребители на «Конусе Сони». Последовало столкновение, которое унесло жизнь ее подруги и коллеги по рекламной акции Астрид, и она осталась одна с Энгусом Маклареном, коренастым горцем-волынщиком. Сочтя, что в последнюю ночь на этом свете следует оторваться по полной, Макларен решил позабавиться с Мэгги, чему она воспротивилась столь решительно, что проткнула ему горло антеннкой пульта управления колонками. Потерявшего управление и оглушительно воющего «Билли Коннолли» наконец занесло в Неллис, когда Мэгги — из чистого отчаяния — выбросила за борт швартовочный крюк, который тащился по земле через заграждения колючей проволоки и ржавые машины, пока не зацепился за ухо отрубленной головы Траволты. Это последнее препятствие включило аварийный механизм, полностью вырубивший дирижабль. На том кошмарный полет завершился, но Мэгги застряла в «Районе 51» с тремя трупами и уймой рекламных хаггисов-полуфабрикатов.

То, что к обществу трех трупов прибавились еще похотливый старый ковбой и лысый парень, утверждавший, будто откусил себе член, едва ли можно было назвать переменой к лучшему.

— Только не прыгай, — посоветовал, словно прочитав ее мысли, Шериф. — Пожалуйста. Без парашюта ты — как букашка на лобовом стекле. Обещаю, ничего неприличного не будет.

— Совершенно верно, — поддержал его Чистотец.

Мэгги постаралась расслабиться: она ведь уцелела после атаки пчел-убийц, пережила Большого Элвиса и Энгуса Макларена и до сих пор еще не прыгнула за борт.

В вышине небо бороздили «Рэпторы» и «стрекозы», но не обращали особого внимания на «хаггис». К югу лежал выветренный шедевр Большого Каньона, змеилась зелено-бурая река Колорадо. К северу раскинулся песчаниковый лабиринт Зайонского национального парка. Мерно гудели турбины, и без

ухающих строф Бернса воцарилась мирная тишина. На какое-то время Чистотец смог забыть про ужас, который обрушил на мир. А потом вдруг глянул вниз, и там, где старая трасса 1–15 пересекла эстакаду автобана Роберта Редфорда для не загрязняющих окружающую среду транспортных средств, увидел… «сосискомобиль».

Доктор Тад и мистер Миз уцелели! Они держат путь в «Мормон-ленд». Не иначе как они. Кто же еще поедет на таком! Хвала Всевышнему. Слава… Богу.

Его радость при виде нелепого автомобиля, далеко обогнавшего на трассе волну беженцев, несколько умерил Шериф, задав приземленно практичный вопрос, как избавиться от тел. Сверившись с картой на экране, старик заключил, что самым незаметным и уважительным местом был бы Зайонский национальный парк. Посовещавшись, они выбрали пятачок застывшей лавы у пика, известного как Северный ангел-хранитель.

Сбросив за борт мрачный груз, все приободрились. Особенно Мэгги. Она знала, что правда на ее стороне, ведь она защищалась от Энгуса, но власти будет не просто убедить. По крайней мере ее новые спутники понимали, что лучше не задавать вопросов. Сейчас она испытывала лишь облегчение, только бы они сами не решили пойти по стопам Энгуса — вот уж чего с нее хватит! И пудингов тоже. Когда Шериф разогрел в микроволновке водянистый кофе к ленчу, она едва не подавилась слюной, а получив чашку, расслабилась настолько, чтобы рассказать историю своей недолгой и несчастливой жизни, начало которой положило громкое дело «Демонической группы поддержки из Такомы».

Девятнадцать лет назад так называемую «Оголтелую группу поддержки» обвинили в расчленении их университетской футбольной команды, включая старшего тренера Ханча Торбеча, — из мести за смерть Блэр Кейн, бывшей главы группы поддержки, которая забеременела от полузащитника Дау Клири.

Брошенная Дау и страдающая от послеродовой депрессии Блэр стала искать утешение в еде и набрала двести семьдесят пять фунтов. Однокурсники показали на процессе, что лично видели, как менее чем за три минуты она съела двадцать девять замороженных чизкейков. «Макдоналдсы» тогда еще существовали, и один из них даже потребовал вынести судебное постановление, которое предписывало бы не пускать в закусочную малолетнюю мать, поскольку ее поведение вызывает отвращение к еде у других посетителей. Блэр поклялась, что своими обедами разорит заведение, и однажды затолкала в себя

триста семнадцать «хэппи милов». С наступлением ночи она умерла (трагедия, вызвавшая нашумевший и в конечном итоге безуспешный судебный процесс и новый закон о юридической ответственности ресторанов «Об ответственности при подаче пищи», равно как и волну семинаров по обучению персонала «Тактичное обслуживание одержимых жором»).

Печальная метаморфоза Блэр Кейн подтолкнула ее товарок к расправе над Ханчем Торбечем и университетской командой, но присяжные не только не пришли к единому мнению, а еще больше все запутали, поэтому судье оставалось только отпустить девушек. Поскольку им не позволили продать свои истории средствам массовой информации, они канули в безвестность, анорексию и индустрию моды.

Для маленькой дочки Блэр Магдалены дела обстояли не так просто. Трудно было расти на промоченной дождями окраине за верфью в доме чопорных бабушки и дедушки — лютеран, которые впадали в паранойю из-за крошки любой нездоровой пищи или второго завтрака после школы. Сколько Мэгги себя помнила, ее дразнили из-за мамы-«свиньи», а самой мамы не было рядом, чтобы читать ей на ночь сказки. И вообще все сказки, которые она когда-либо слышала, завершались сентенциями о вреде чревоугодия и опасностях секса. К четырнадцати годам Мэгги считала, что вечер прошел успешно, если удавалось пропустить через себя трех докеров, четыре таблетки демерола, пятую часть бутылки «Джек Дэниэлс», шесть пицц-пепперони и хорошенько проблеваться. Со временем она перебралась на «Новый Дикий Запад Сегодня» и начала снимать клиентов.

— Я встретила одного черного парня. Он помог мне соскочить, а потом я решила, что пора серьезно заняться карьерой. Вот так и попала вилять задом для рекламы. Моя первая честная работа, и смотрите, что из этого вышло!

Глава 5
Меньше сорока двух дюймов не катаем

Увидев в толпе Чистотца, Арета Найтингейл и Эрата попытались пробраться в ресторан, где уговорились встретиться с Минсоном, но при первых же признаках беспорядков телохранитель Минсона Уолпол поскорей увез его назад в «Отель Уилла Смита». Впрочем, не успели они одолеть и половины пути, как стало ясно, что город охвачен хаосом, и Уолпол стал уговаривать ехать в аэропорт. Минсон, которому была невыносима сама мысль оставить мать на милость монстров-роботов, отказался. Уолпол настаивал. Минсон его оглушил и сам сел за руль лимузина, который погнал в «Царство Солнца», надеясь там перехватить мать и кузину Эрнестину. В отель он так и не попал. Один из скрипичных ключей в скульптуре на углу Дайаны Росс и Пола Маккартни упал, перегородив улицу, и Минсону пришлось двинуться напролом через Сады Гуччи на проезд Стива Уинна, где он вылетел на три уже столкнувшиеся машины. Бросив лимузин, он решил было добежать до места, но сломя голову налетел на толпу собственных похмельных, но еще буйных поклонников. А потому дал деру, выискивая на ходу убежище.

В точности то же самое сделали его родители, достигнув «Тростника и говядины» и не застав там сына. От воюющих гигантских машин, бесчинствующих пьяниц, взрывающихся газопроводов и спасающихся бегством животных они поспешили укрыться в опустевшей китайской закусочной на Николь Кидман. Именно там — среди бьющихся в осколках аквариумов рыб и перепутанных фишек игры «пай гоу» — они простили друг другу прошлое, а после Эрнестина взял Эрату на кухонном столе — или так показалось их сыну. Не в силах решить, чего он боится больше — собственных фэнов или Большую Опру, Минсон нырнул в первую же попавшуюся дверь и испытал шок, увидев, как новоявленная родственница «играет в дули» с его матерью, в то время как мир вокруг валится в тартарары. Поскользнувшись на гигантской саламандре, новый чемпион мира в тяжелом весе повалился на пол и ударился головой об угол стола.

Тем временем в Нью-Йорке у Ищейки кружилась голова от успеха. Как только карлик засек объединенный сигнал «Отряда Первопроходцев» и боевого зонда, «Азазель», спутник для мониторинга имплантатов у заключенных и уничтожения последних, активировал излучатель. Его точность была

смертельной, но проектировщики, разумеется, не могли предвидеть и учесть столь сложный феномен, как сочувственные токи Кокомо, которая слилась с мишенью, вобрала в себя энергию импульса и защитила Чистотца от всего, кроме его собственных горя и ярости. Впрочем, Ищейка увидел лишь прямое попадание. «Оружие-мессия», если таковым являлся Чистотец, уничтожено, а сам Ищейка теперь — в команде победителей. Пришла пора пожинать лавры.

Но как раз эта вспышка самоуверенности и надменное ликование теперь его подвели. В обычных обстоятельствах его одолели бы подозрения, если бы в информационный центр явилась вдруг полуголая и чересчур дружелюбная Натассиа. Но ему нужно было как-то отпраздновать победу, к тому же его обуревала жажда крови. А потому он дал себя соблазнить, думая, что Тасси наконец прозрела. Он так был занят собственными фантазиями, что забыл, сколько всяких трюков есть в арсенале этой распутной брюнетки. Натассиа же не знала, что сталось с трансвеститом, и боялась, как бы страшная байка, которую рассказал им Ищейка, не обернулась правдой, но маленький наполеон слишком быстро и слишком самодовольно сделал свой ход. Его следовало слегка осадить, прежде чем он вырастет из коротких штанишек, извлечь из них, если придется.

Никто в Форте Торо так и не узнал, что ей пришлось для этого сделать. Его обитатели поняли лишь, что среди ночи их разбудил рев усиленных динамиками голосов. Сперва они решили, что это нападение «Витессы». Постепенно голоса стали узнаваемы, и люди выбирались из палаток и, усмехаясь, прислушивались. Вскоре все здоровое население Форта Торо собралось вокруг динамиков, сгибаясь пополам от хохота, представляя себе, какие рожи корчит Ищейка, слушая, как его «мамочка» с похабными интонациями читает вслух «Маленький Паровозик, который смог».

Кое-кто не мог подавить истерического смеха. Глотателю Пламени и Саре Десять Голубей пришлось искать убежища в санитарном поезде. Доктор Квайл уронил диск, а обычно сдержанный Хеймдаль пустил ветры, когда Ищейка начал распевать: «Думаю, я могу! Думаю, я могу», а Тасси его подбодряла: «Давай же, Маленький Паровозик!»

И «Маленький Паровозик, который мог» потерпел неудачу. Точнее сказать, смочь-то он смог, но не сумел убедить Натассию, которая наконец получила возможность озвучить фразу, которую всегда хотела произнести:

— Да господи боже, вставляй же!

— Он уже там, сука!

— Не может быть… Я тебя не чувствую! Мне нужно еще! Руку. Голову!

— Мою голову?!

Толпа разразилась гомерическим хохотом. В следующую минуту из палатки Натассии вылетел багрово-красный Ищейка, одетый лишь в детскую голубенькую пижамку. Он протопал мимо катающихся от смеха обитателей Форта Торо, бормоча, что немедленно свяжется с «Витессой», даст им знать, кто избавил их от Чистотца, и вызовет штурмовые отряды, которые окружат Центральный парк. Он будет смотреть, как его «товарищей» утащат отсюда в цепях. Но когда он вернулся в информационный центр, то обнаружил, что к ДатаКубу прилеплена записка, которая еще больше его разъярила — а заодно и напугала. В ней говорилось: «Меньше сорока двух дюймов не катаем».

Срывая бумажку, он был настолько вне себя, что натянул сетку датчиков и шлем, даже не сняв пижамку, и соскользнул в обычно успокаивающее голубое киберпространство, собираясь пронестись на буруне до самого брандмауэра вокруг зала заседаний Пантеона, когда вдруг поле его зрения заполнило знакомое лицо.

— Здравствуй, друг мой. Собрался порыбачить?

— Убирайся! Пока я тебя не обнулил!

— Не сможешь. И без пароля тебе не пройти.

— Какого пароля? Убирайся из моего Куба!

На огромном лбу карлика запульсировала вена, он затрясся, ходуном заходила сетка кибердатчиков.

— Не можешь угадать пароль? А ведь такой хитрый человечек!

— Давай пароль! — завопил карлик. — Сейчас же!!

ЭНТОМОЛОГ хмыкнул, блеснули очки в стальной оправе.

— Румпельстильтскин. Смешно, правда?

— Я своими руками тебя удалю! — поклялся Ищейка. — Файл за файлом.

Но не стал тратить времени на воплощение угрозы — ему так хотелось поскорей ввести пароль и предстать перед Пантеоном! Пусть они увидят, что у них есть верный союзник!

Набрав последние буквы, он нажал «ввод». Послышался шорох, точно лист слетел со скалы, за ним последовал жуткий «звяк», который едва не сорвал с карлика сетку кибердатчиков. И ЭНТОМОЛОГ, и киберголубая река, уводившая в глубь системы, исчезли. Вместо них он увидел звездное небо. Мерцающие точки на фоне бесконечной черноты.

— Так трудно войти в поток данных дважды, — прошипел ЭНТОМОЛОГ. — Но сейчас он больше похож на яму.

— Черт! Да это же глаза!

— Да. И они движутся. К тебе.

— Что… что ты делаешь? Что происходит?

— Кажется, пароль потревожил ловушку.

— Ты не можешь меня поймать! — с угрозой воскликнул карлик. — Ты ничто, я тебя отключу.

— Ты так уверен? — спросил голос, и это был уже не вкрадчивый голос ЭНТОМОЛОГА, а женщины — спокойный и властный.

При его звуках Ищейка замер, по лбу у него катился пот. Глаза приближались, тьма приобретала очертания ямы, и он — на самом дне.

— Теперь видишь, чьи это глаза?

— Да, — с трудом выдавил карлик, видя тела — едва различимые на фоне черных стен.

— Ты слышал про черную вдову и коричневого паука-отшельника? Укус этих пауков смертелен, но сами они от природы пугливы и склонны к одиночеству. В джунглях Борнео обитает паук другого вида. Местные называет его «ползучая звезда». Видишь, представители этого вида не такие большие или страшные, как тарантулы, и тем не менее что-то в них наводит ужас, верно?

— Да, да! — заскулил карлик.

— Наверное, потому что их так много.

— П-пожалуйста, — замямлил Ищейка.

— В жившем на Борнео племени клингтанг было много знатоков ядов, и поклонялось это племя своему пауку. Его яд содержит в себе мощный нейротоксин, который стимулирует выброс адреналина и одновременно сокращает все мышцы. Жертва не может даже шелохнуться, но ее переполняет тошнотворный электризующий страх. Сколько ты проживешь, зависит от того, сколько твое сердце сможет выносить этот ужас.

— Пожалуйста! — завопил Ищейка. — Я сделаю что угодно!

— Теперь понимаю. Теперь я отлично тебя понимаю.

Пауки исчезли, и Куб снова заполнило лицо ЭНТОМОЛОГА.

— Ты предал нас, Ищейка. И себя самого. А я тебе доверял.

— У меня не было выбора! — заплакал маленький интриган, на ремешках часов скапливался пот. — Мы не можем победить!

— Ах вот как! — удивился голос. — Значит, лишь идеологические побуждения. И никакой надежды на личную выгоду? Что ж, это было твоим испытанием, и своих новых хозяев ты подвел не меньше нас. Взгляни… Вот что творится в Лос-Вегасе. Думаешь, твой замысел с убийством исподтишка удался? Сам посмотри!

Ищейка так был занят самопоздравлениями, а после забавами с Натассией, что не следил за новостями с Западного побережья. Он не мог бы сказать, откуда брались картинки, но катастрофа ошеломляла: самолеты и небоскребы разбивались, как игрушки, полыхали каналы.

— Не совсем то, что ты планировал, а? Только вообрази, как благодарна будет «Витесса», когда узнает, кто это спровоцировал.

— О Господи! — охнул Ищейка, дрожа в сети датчиков так, что скрипели ремни.

— Лучше, чем приговор пауков, а?

— Нет!!! Ты не можешь! Ты не можешь со мной так поступить. Да кто ты на самом деле?

— Не угадал?

Сетка на шлеме ЭНТОМОЛОГА упала. Исчезли круглые очки в стальной оправе.

— Господи Боже! Ты! Ты же…

— Внешность обманчива, да? Пора познакомиться с ползучей звездой.

— Нет! — завопил карлик, когда лицо растворилось в звездном пространстве, где мерцающие точки вновь превратились в глаза пауков.

Вопль карлика услышали даже в отсеках для больных СПИДом, но обитатели Форта Торо слишком веселились, разыгрывая в лицах позорное бегство карлика, что прошло несколько минут, прежде чем хотя бы кому-то пришло в голову встревожиться. К тому времени Хеймдаль уже слушал по «Пиратскому радио» сообщения о хаосе в Лос-Вегасе.

На следующее утро Лайла Крэшкарт пошла проведать Ищейку и нашла его тело: кулаки были сжаты так, что ногти вошли в ладони, а челюсти — так, что зубы пробили губу. Куб заполняла острая вонь мочи и страха. Трехмерный экран был пуст.

Широкая Частота предположил, что, злясь на выходку Натассии и переоценив свои киберспособности, Ищейка пытался «прокатиться» по громадной волне небезопасных данных. Но проводивший вскрытие доктор Квайл держался мнения, что с карликом стряслось нечто гораздо более странное, ведь все его наручные часы остановились. Скрюченное тело похоронили по обычаю Форта Торо, а сверху посадили яблоньку, которую, правда, вскоре погребла под собой омела. Посовещавшись, совет общины постановил принимать дальнейшие решения общим голосованием до тех пор, пока Парусия Хид не назначит нового главу.

Глава 6
Над радугой

Чистотец установил крейсерскую скорость семьдесят две мили в час, и «Билли Коннолли» поплыл над землей Обетованной мормонов, озером Солт-лейк и тысячами акров складов химического оружия. На некоторое время Чистотцу удалось настроить приемник на передачи «Пиратского радио». Селезень Дули и Убба Дубба были коронованы королем и королевой так называемого Карнавала душ, всемирного празднества, которое стало еще более восторженным, чем все прежние вспышки «игры в дули». Известные политики и актеры, подключенные к «Зри-связи», обращались в клиники с просьбой извлечь из них чипы и удалить порталы. По всему миру люди объявляли бойкот гигантским мониторам в метро, терминалам доступа и частным театрам сознания. Роботизованные заводы начали сами себя демонтировать. Миллионы доз психоактивных лекарственных препаратов сжигали на кострах, и сотни психологов и психоневрологов отправляли на опыты — публичные.

Из прочих новостей Чистотец обратил внимание лишь на те, которые касались «Профессора Цыпы». Компания только что назначила Уайта Т. Доува, некогда известного автора пособий по бизнесу и изобретателя диагонального мышления, главой отдела по связям с потребителями и креативной разработки продукта. В выпущенном в офисе Бренда пресс-релизе сообщалось, что «семья „Профессора Цыпы“ гордится тем, что вернула Америке ее великого рационализатора. В лице мистера Доува мы обрели ценного союзника, и его познания и опыт уже начинают давать положительный эффект».

Новости Чистотца порадовали. «Профессор Цыпа» бил «Чу» и «Мактрейвишс» их же оружием. А празднество Селезня Дули давало бой «Витессе» по всему миру. Тем временем на борту «хаггиса» Мэгги чувствовала себя все увереннее. Небо очистилось, исчезновение трупов уменьшило вес дирижабля, и чем дальше они улетали от Лос-Вегаса, тем больше спадал шок от капризных выходок гигантских знаменитостей. Чистотец испытывал лишь благодарность. Подумать только, что такой гнев и разрушения возникли изнутри его самого. Ему казалось, что если и есть какое-то объяснение, то оно ждет в Южной Дакоте, в единственном месте, с которым он как будто был связан, но где еще не побывал. И даже если там его ждут горькие вести, секреты или что-то похуже… Ему нужно туда попасть. Ему нужно

раскрыть тайну, чем бы она ни являлась.

На автовокзале в Питтсбурге он считал, будто потерял память. Теперь следовало взвесить возможность того, что он действительно восстал из мертвых, не просто вернулся, а его вернули. За его возвращением кто-то стоял, а значит, у него имелись назначение и смысл — если бы только он смог узнать, в чем они заключаются. У него ведь лишь осколки головоломки. Вонючка Юла. Украденный пенис и ужасные шрамы на спине. Городок в Техасе, где, отделенные друг от друга десятилетиями, существовали общины, открыто практиковавшие сексуальное единение и разогнанные с применением силы. А еще обрывки воспоминаний — словно бы о преступлениях, которые он совершил, и на их фоне крохи счастливого детства. Объединяли эти элементы тень «Витессы», раз за разом возвращающийся образ урагана и призрак Ллойда Мидхорна Ситтурда. Чистотцу вспомнились слова Шерифа о том, как гоняются за вдохновением с дубиной: даже если не поймаешь, все равно найдешь что-то очень на него похожее. Но что можно найти, отправившись в Южную Дакоту на «Летучем хаггисе»?

— А он большой мыслитель, глава нашей экспедиции, — услышал он голос Шерифа, который отвлек его от раздумий.

Шериф с Мэгги, похоже, скорешились. В ответ на ее рассказы о необычных анатомических особенностях и особых запросах секс-клиентов старик делился своими соображениями о психбольницах, об «американских горках» как метафоре путешествия души, в которые беспрестанно подмешивал факты о настоящем и голливудском Диком Западе. (Чистотец спросил себя, знал ли доктор Тад, что жену Джесси Джеймса звали Зерельда Миммс или что Бритт Рейд был внучатным племянником Одинокого ковбоя Рейнджера[82]).

И день пролетал незаметно, как «Билли Коннолли» — над землей. Когда они приблизились к границе Колорадо и на севере встали плато Ямпа и Национальный памятник «Динозавры»[83], Чистотец заметил укрепления Прибежища Времени. Самой странной была стайка рыболовецких шхун, установленных на гидравлические платформы, несколько человек на борту даже делали вид, будто удят рыбу.

— Дайте-ка бинокль, — попросил Чистотец Шерифа.

Он вспомнил, как Эдвина Корн говорила, что ее коммуна имени Зейна Грея расположена как раз на границе Юты и Колорадо. «Господи, — подумал он вдруг, — да вот же она! На борту „Ласситера“! Тренируется вытаскивать марлиня».

Улыбнувшись, Чистотец взял микрофон и щелчком включил

динамики.

— Эй, на «Ласситере»! — крикнул он, и статика усилила его крик до вопля. — Во всем есть нечто неоткрытое. Найди его!

— Ух ты! Ну и озадачил ты их, — прокомментировал это Шериф.

— Наверное, в штаны, бедняжки, наложат, — предположила Мэгги, заметив суматоху на кораблях.

— Может, нам так и надо поступать? Плыть себе над Америкой и выкрикивать загадочные пророчества, — задумчиво продолжал Шериф. — Повсюду люди будут надеяться увидеть нас, гадая, что мы еще скажем.

— Без меня, — воспротивилась Мэгги. — Я хочу на землю и принять душ. Ты ничего не замечаешь только потому, что от тебя самого несет.

— Протестую, — заявил Шериф. — Я только вчера купался.

— И вообще, — бормотала Мэгги. — У нас слишком мало жратвы.

— Вот черт! — Чистотец вспомнил про показатель уровня топлива.

Когда они начали свой полет, в баке было меньше половины, и в кабине не нашлось никакого руководства или функции «Помощь», где можно было бы узнать, как далеко способен улететь на крейсерской скорости дирижабль. Бортовой компьютер подсчитал, что между местом их отбытия и региональным аэропортом Рейпид-сити восемьсот семьдесят две мили. Чистотец понятия не имел, куда именно им нужно там попасть, — координат Герметического Каньона нигде не нашлось, да и вообще туда ли им нужно? Он немного сбавил скорость.

Под ними проплывали реки Вермильон и Литтл-снейк, а на востоке в закат упирались пики Скалистых гор. Порывшись в кабине, Шериф нашел бутылку виски «Лафройг» и наковырял из морозилки льда, и когда спустились сумерки, раздал коктейли. Мэгги стала дружелюбнее, даже начала немного флиртовать, и Чистотец с тоской подумал о Кокомо. Трудно было себе представить, что вместе они провели всего пару дней. Вся его жизнь казалась вереницей мгновений.

— Хотелось бы знать, — начал голливудский страж закона, — что нам искать в Южной Дакоте, если мы все-таки туда доберемся?

Чистотец решил, что обязан рассказать Шерифу правду — во всяком случае, ту, какую сам знает.

— Не знаю, что мы там найдем или куда в точности направляемся, но я надеюсь разгадать тайну моей жизни. Кто я. Зачем я здесь.

— Господи Иисусе! — рассмеялась Мэгги. — Я бы разбогатела, если бы получала доллар всякий раз, когда такое слышу!

— Так, значит, ты понятия не имеешь, кого мы пытаемся разыскать?

— Не имею, — кивнул Чистотец. — Но думаю, он знает, что я приду. Думаю, мы получим Знак.

— Если уж я лечу с психами, налейте мне еще виски, — буркнула Мэгги.

Когда обрывки розовых облаков стали пурпурными, после лиловыми и, наконец, белыми и такими же клочковатыми, как его волосы, Шериф соорудил им жаркое из содержимого консервной банки «Баранина по-восточному». За едой он цитировал (дословно и указывая точки и планы съемок) сценарий для пилотной серии «Стар-сити». Мэгги увлеклась рассказом, отождествив себя с Кэти, владелицей борделя. Через час или около того круглая и полная луна поднялась над горным хребтом Медисин-боу, и «хаггис» неспешно пересек границу Вайоминга. Тут впервые за все время турбины зачихали. Невзирая на успокаивающие слова Шерифа, Чистотец беспокоился. Без турбин они окажутся на воле ветра. Старик снова пустил бутылку по кругу, потчуя их историями Джима Беджа о техасском городке Эбилейн, что напомнило Чистотцу одержимость Эдвины Корн Зейном Греем. Над Дугласом в штате Вайоминг турбины заглохли.

В лунном свете текло внизу струйкой пороха шоссе на Шайенн. Мэгги задремала, и Шериф накрыл ее клетчатым пледом оттенков логотипа «Мактрейвишс». Похолодало, и таких ярких звезд Чистотец за всю жизнь не видел.

— Должен сказать, приключения омолаживают, — заявил вдруг Шериф. — Сперва за нами гнались дикари-каннибалы, теперь нас гоняет ветер над Скалистыми горами. Что бы ни случилось, хочу, чтобы ты знал: я благодарен тебе, сынок. Извини, если прозвучало напыщенно.

— Только не от вас, — отозвался Чистотец.

— Отлично. Да и вообще я думал, что спасаю тебя, но сдается, дело обстоит как раз наоборот.

— Надеюсь, вы повторите это завтра утром. — Чистотец с улыбкой натянул до носа одеяло, глаза у него слипались от усталости и виски.

Он не помнил, как задремал, но, наверное, все-таки заснул, потому что снова увидел китайцев, которые парили рядом с «Билли Коннолли». Было это в холодные, сизые мгновения перед рассветом. Они что-то рассказывали о его прошлом, но он не

слышал, поскольку ночь полнилась музыкой. «Хочу унести тебя выше… бум лака бум лака лака…»

Сперва он решил, что их обогнал максикоптер. Но ничего кругом не было видно. Он встал проверить аудиосистему. Шериф и Мэгги свернулись рядом, как две собаки. Панель управления отключилась, а музыка все равно играла. «Бум лака бум лака лака». А после вдруг замерла. И китайцы тоже исчезли.

— Непорочный прием, — произнес чей-то голос. — С вами Вонючка Юла живьем из КРМА в Герметическом Каньоне, из самой Южной Дакоты…

У ног Чистотца завозился Шериф. Скорость дирижабля упала до двенадцати миль, а стрелка компаса сместилась к востоку, но Чистотец не беспокоился. Они движутся в верном направлении. Определенно в верном. Он прикорнул в кабине, и ему приснился пес Лаки… Во сне он недоумевал, что же с ним случилось и в какие давние времена они вместе спали на веранде…

Когда он открыл глаза, механизмы небес полыхали, и в отдалении он видел горы Блэк-хиллс, заросшие желтыми соснами, сейчас почти черными, а на востоке — остроконечные вершины и крутые холмы Национального парка Бэд-лендс. Шериф уже проснулся и готовил растворимый кофе. Мэгги еще спала. Во сне ее лицо разгладилось, и она снова казалась ребенком.

— У тебя такой вид, будто тебе был Знак, — заметил Шериф, и Чистотец кивнул. — И мне тоже, — сказал старик, указывая на левый борт. Параллельно с дирижаблем парил крупный лысый орел. Чистотец невольно вспомнил заброшенную забегаловку «Все впустую».

Почуяв запах кофе, Мэгги проснулась, но ее тошнило, и она надолго заперлась в крошечной кабинке-ванной.

Внизу они увидели протянувшиеся на многие мили мотели и яркие пластиковые рестораны, садки форелей, мелкие зоопарки, кемпинги, бары бизоньих бургеров и стейк-хаусы.

— Полагаю, вождь Неистовый Конь был бы крайне недоволен такой прорвой автодромов для картинга, — заметил Шериф. — Тут невольно по прошлому затоскуешь. Давным-давно мама привозила меня сюда на каникулы. Покупала мне пирожки из кукурузной муки с ветчиной и мороженое. Пыталась сделать что-то, чтобы мы стали семьей.

— Получилось? — спросил Чистотец, думая о собственных обрывочных воспоминаниях.

— Нет. Но не по ее вине. У многих была та же идея. И, кажется, до сих пор есть. Если бы не знать наверняка, можно подумать, что мы улетели назад во времени.

Мэгги вышла из ванной как раз вовремя, чтобы полюбоваться

на стада бизонов на мягких холмах парка Кастер. Вершины Блэк-хиллс вздымались из моря прерий, и пик Харни выше всех, а в его тени прикорнул памятник Неистовому Коню.

А восточнее — знаменитые физиономии шестидесятифутовой высоты, вырубленные Гутзоном Борглумом и его сыном.

— Гм, — сказал, разглядывая их в бинокль, Шериф, — возможно, я слишком поспешил, сказав, что ничего не меняется. Гора Рашмор ведет себя как-то странно. Посмотрите на четырех президентов, они превратились в братьев Маркс. Нет, подождите, это же «Битлз»! А ведь «битлы» не были американцами!

— Кажется, вы упустили тот факт, что горе Рашмор вообще не положено меняться, — отозвался Чистотец, забирая у него бинокль.

Но, всмотревшись в огромные гранитные головы, он увидел Сидящего Быка, Мартина Лютера Кинга, Селезня Дули и Уббу Дуббу. «Не может быть», — подумал он, но возможность взглянуть еще раз ему не представилась.

— Срань Господня! — охнул Шериф. — Что за черт?

К орлу присоединилась гигантская птица с оранжевыми металлическими перьями и хвостом как у павлина. Головой она напоминала Уорхолла, а увидев ее когти, Чистотец невольно вспомнил Гога и Магога.

— Понятия не имею… Но я бы сказал, это, несомненно, Знак!

— Ага! Держитесь от нее подальше, мать вашу! — взвыла Мэгги.

— Одно ясно наверняка, — заметил Шериф. — В Южной Дакоте такие птицы раньше не водились.

«Билли Коннолли» скользил над флуоресцентным ковром «Мини-гольфа под Большим небом» и «Надувного семейного парка аттракционов Гомера Симпсона», когда гигантская птица вдруг подлетела ближе и вырвала кусок из обшивки дирижабля. С ужасающим свистом вырвалась струя гелия.

— Что она делает! — задохнулась Мэгги.

— Выравнивай его, выравнивай! — крикнул Шериф.

Чистотец как мог балансировал закрылками и баллонетами, пытаясь задержать падение. Ветер гнал дирижабль к Бэд-лендс. Тускнеющие, поросшие соснами пики и утесы Блэк-хиллс казались уютными и гостеприимными в сравнении с угловатыми пиками и грозными каньонами, которые приближались теперь. А ветер нес их все дальше, и они медленно теряли высоту. Наконец орел опустился в тени выветренного валуна, а чудовищная птица взмыла вверх, подцепив когтем бортовую сеть как раз в тот момент, когда дыра в обшивке расползлась еще больше, и дирижабль нырнул вниз. Осторожно, почти касаясь огромными

крыльями заскорузлого песчаника, птица опустила «хаггис» на дно каньона.

Глава 7
Орел приземлился

Каньон был глубже, чем казалось с воздуха, с отвесными стенами, испещренными расщелинами, которые складывались в гигантские лица из камня. Тень от крыльев огромной птицы закрыла утреннее солнце, но не погрузила каньон во тьму. Дирижабль прошел через пелену водяной взвеси, и Чистотец увидел, что на самом деле это туман из мерцающих прозрачных листьев. И у каждого было свое лицо. Туман окутывал стены каньона плотным облаком, не позволяя определить, день здесь или вечер. Мэгги застыла как громом пораженная. Шериф крепче сжал винчестер. На пыльно-полосатом пятачке аргиллита на дне выступила кучка ветхих строений, очень и очень похожих на заброшенный городок из старых вестернов. «Билли Коннолли» мягко приземлился на крышу конюшни и окончательно сдулся. Птица-мутант отпустила гондолу и, взвихрив крыльями ураган гипсовой пыли, поднялась к одной из пещер в скале и в ней исчезла.

— Так и знала, что следовало и дальше мужиков снимать, — пробормотала Мэгги.

С любимым винчестером Шериф не расстался, но ружье протянул девушке. Чистотцу он предложил «хеклер-кох».

— Сомневаюсь, что они нам понадобятся, — отказался Чистотец, но Шериф покачал головой.

— Когда я вижу птицу размером с дом, с головой собаки и когтями льва, то берусь за оружие. Может, от него и не будет проку, зато я буду чувствовать себя спокойнее.

Перемахнув через перила, старик спрыгнул на крышу и добрался до пожарной лестницы, к которой была прислонена вывеска «ГОСТИНИЦА „КРАСНОЕ ОБЛАКО“». Чистотец двинулся следом, заметив флаг над зданием суда, на котором красовались полосатый скунс и слова «ЛОКО ФОКО — подними шум». Не желая оставаться одна, Мэгги поплелась следом. В светящемся тумане над головой едва можно было различить верхний край ущелья.

— Наверное, старый шахтерский городок, — сказал Шериф, указав винчестером на остов сломанной рудодробилки. За ней виднелись печи и паровые машины. — Слегка напоминает Стар-Сити.

А Чистотцу городок напомнил модель железной дороги Чабби. Ведь вокруг него действительно тянулись рельсы.

— Что это? А ну тихо! — шикнула на них Мэгги. — Слышите?

Чистотец обернулся посмотреть в конец главной улицы. Он тоже что-то услышал, но его внимание привлекло облупившееся красное здание школы. Он мог бы поклясться, что там только одна классная комната, но потом вдруг оно словно бы увеличилось, и стало казаться, что их две, и над немощеной улицей возник натянутый между салуном и конторой гробовщика транспарант, который гласил: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ».

— Многообещающе, — хмыкнул Шериф.

А Чистотец задумался, откуда взялся транспарант и как вышло, что он словно бы соткался из воздуха. И вообще, что значит последнее слово… «ДОМ»? Это место? Значит, оно являлось ему в снах?

— Смотри! — указал Шериф.

Орел примостился на крыше международной станции, украшенной флюгером в виде тачки, из которой поднимались языки пламени. Когда они подошли ближе, просигналил гудок, и из-за поворота выехал, лязгая колесами, миниатюрный паровоз с огромной трубой, таща за собой три открытых вагона.

Паровозик остановился у платформы с выцветшей деревянной вывеской: на ней была изображена мультяшная сова в форме кондуктора, надпись ниже гласила… «Меньше 42 дюймов не катаем. Не высовывайте руки. И, пожалуйста… НЕ СОРИТЕ!»

— Садимся? — спросил Шериф.

— А у нас есть выбор?

Мэгги хмыкнула, и Чистотец испытал укол страха, но все-таки сел на последнее сиденье. Его спутники заняли еще два. Раздался свисток. Чистотцу показалось, что в окне здания газетной редакции «Клеймон» он заметил чье-то лицо, но не успел его разглядеть, потому что паровозик уже зачавкал прочь. У Чистотца возникло неприятное ощущение, что за ними наблюдают, но он не мог бы сказать, кто и чего ради.

Рельсы обогнули старый карьер с радужной от нефти зеленой водой. Рядом стояли ржавые краны, из скалы выступали гигантские окаменелости. Еще футов через тридцать шпалы были выворочены, поезд остановился.

— Кажется, конечная остановка, — предположил Шериф.

Стоило им выйти из вагончика, как паровозик начал сдавать назад, набирая ход и двигаясь в обратном направлении.

Как выяснилось, паровозик высадил их возле двух ангаров. Не зная, что от них ожидается, Чистотец и его спутники направились туда. Первый, очевидно, когда-то использовали как цех высокоточной сборки и лабораторию разом, с чередой операционных театров и промышленными холодильниками из

нержавеющей стали. На полу валялись всевозможные протезы: роботизованные конечности и суставы. Второй ангар был увешан и заставлен тысячами религиозных картин и предметов. Кресты, «Благовещенья» и «Тайные вечери» маслом. Волхвы и «Оживления Лазаря». Всевозможные Мадонны с младенцами и сцены Рождества Христова. Звезды Давида. Фрески, на которых Мардук создавал мир из тела Тиамат. Будды, боги индуизма, исламские мозаики. Тотемные столбы квакиутлей, пенсильванские колдовские знаки, росписи на коре, майяские и египетские иероглифы. Фрагменты машинных языков.

Недоумевая, куда попали, держа оружие наготове, Чистотец и его спутники вышли в городок. Постепенно они заметили, что повсюду их сопровождает хрипловатая призрачная музыка. «Тщетная любовь» Роберта Джонсона.

— Кажется, нам туда, — указал Шериф.

Печальный блюз эхом отражался от камней, утягивая их все дальше в лабиринт разбитых игровых автоматов. Они вышли к хижине с буквами «КРМА» и копьем радиоантенны на крыше.

— Я ее во сне видел! — воскликнул Чистотец.

— Вот обрадовал, — прокомментировала Мэгги.

Внутри было пусто. Никакой аппаратуры. Ни души. Даже музыка смолкла. Только сброшенные кожи гремучих змей и старое кресло-качалка со спинкой из перекладин. Сердце трепыхалось у Чистотца в груди: он-то приготовился к встрече. И вдруг откуда-то снова налетел блюз. Негритянский голос, которому вторят гитарные переборы… точно капли слюны на упряжи… и соскальзывание в морфиновую грусть. «Будь я одержим в Судный день».

Они обошли поросшую коростой грязи цистерну с водой и увидели мужчину, который в обществе двух хариджанов стоял на коленях перед отпечатками исключительно больших лап.

— Ага! — Мужчина резко обернулся. — Ужасно жаль, что не перехватил вас на вокзале. У нас, похоже, небольшая проблемка — ха! Как я рад, что вы добрались. Добро пожаловать в Герметический Каньон! Да!

Вооруженные шокерами хариджаны поклонились ему с почти подобострастным почтением, а затем поспешно удалились в противоположном направлении.

Мужчина был не просто лысым, нет, создавалось впечатление, что волос у него вообще никогда не было. Он был немолод, но кожа у него казалась чистой, цвета кленового сиропа, и без морщин. Он был среднего роста и телосложения, но что-то в его движениях выдавало жилистость, словно его тело состояло из сплошных хрящей. Одет он был в белый саронг, футболку с

надписью «Золотая шахта Большой Гром» и мокасины из оленьей кожи. На носу у него красовались круглые солнцезащитные очки метиленового отлива. Когда он повернулся, Чистотец уловил за стеклами сполох изумрудной зелени.

— Вопросы, вопросы… Вижу, у вас уйма вопросов! — взревел он. — Вы, моя дорогая, недоумеваете по поводу птицы и… ах да, вижу, по поводу собственной матери. Лучик надежды, что однажды вы ее встретите. Как бы грустно это ни звучало, но кто знает? Конечно. Моя так называемая птица зовется Симург. Эта мифологическая персидская птица, которая жила так долго, что видела, как мир был разрушен трижды. Прошу прощения, если мои меры показались вам крайними. Мне всегда хочется всего и сразу! А вас, Шериф, интересует туман. Ну, объяснить его будет непросто. Считайте его дымовой завесой, хотя на самом деле это отражающее энергетическое поле, которое не поддается восприятию. Я в общем-то люблю, чтобы мне никто не мешал. А ваш отец… да, это тоже очень грустно… А ты… — Он всем телом обернулся к Чистотцу. — До твоих вопросов мы, разумеется, тоже дойдем. Возможно, скорее раньше, чем позже, ха? О Господи!

— Вы… тот… тот, кто мы думаем? — спросил Чистотец.

— Moi?[84] Я, сэр, Царь Развлечений, Глава Дураков, Верховный Шут, Король Дурацкого Дикого Запада. Но тот ли я, кем вы меня считаете? — Тут он улыбнулся. — Это зависит от того, кем вы меня считаете.

— Нет ничего столь более эксцентричного, чем будущее, недоступное даже самой буйной фантазии, — запинаясь, произнес Чистотец.

— Эммерсон однажды сказал: «Ненавижу цитаты. Скажите мне, что вам известно».

— Вонючка… Юла!

— К вашим услугам! — Вонючка поклонился.

— Что? — пискнула Мэгги. — Вы Вонючка Юла?

— За годы я сменил много лиц и имен, — с тенью раздражения ответил хозяин Каньона.

— Но… но что вы тут делаете? — поинтересовался Шериф.

— Собственно говоря, я здесь существую.

— Ха! — не выдержала Мэгги.

— Нет, я хотел сказать, да. Ну, к этой мысли нужно привыкнуть. Давайте пока остановимся на том, что мне нравится с комфортом обитать среди семидесяти пяти миллионов лет геологии. Плюс всегда полезно жить поближе к Национальному музею резьбы по дереву.

Мэгги недоуменно поглядела на Шерифа, но старик только пожал плечами. Юла сделал шаг к ним, и вдруг из-за цистерны,

беззвучно, словно ожившая тень, вышел, баюкая гитару, слепой негр. Негр был старым, но жилистым — со сгорбленной спиной и длинными, подвижными конечностями. На нем были темные очки, белая рубашка, подтяжки, лоснящиеся черные брюки в узкую полоску и жемчужно-серый «стетсон», из-под которого выбивались реденькие волосы.

— Слепой Лемон Джексон Джефферсон Джонсон Джонс! — воскликнул Чистотец.

— Слепой Лемон Пятый, — ответил Юла. — Мы сделали кое-какие апгрейды.

У Шерифа отвисла челюсть. Неужели это дроид?! Но выглядит-то он совершенно как живой человек.

— Вы хотите сказать, он лучше играет? — спросил Чистотец.

— Увы, только учусь, — ответил негр, глядя прямо в лицо Чистотцу.

Потом он потянул воздух и, перебирая струны, завел: «Можешь выжимать мой лимон, пока сок не потечет по ноге». Чистотец заметил, что палец Мэгги подергивается на спусковом крючке. К счастью, Шериф внимательно всматривался в руки на струнах.

— Смотрите! — воскликнул он. — У него шесть пальцев. На обеих руках!

— Да, — отозвался Юла. — Я же сказал, что мы немного его проапгрейдили. Пальцы у него длиннее, сильнее и подвижнее человеческих и соединены с очень чувствительным микромедийным механизмом. Еще у него аудиографическая память и совершенная чистота тона. Сначала я подумал было, что так будет нечестно, а потом решил, ну и пусть.

— Но его кожа! — восхитился Шериф.

— Иначе нужной акустики не получится. Нужны душевная боль и тысячи мелких царапин и травм, какие накапливает за жизнь тело.

— Вы хотите сказать, он настоящий! — несказанно удивился Шериф.

— Как там сказал Пиндар? «Человек есть сновиденье тени». В физическом и философском смысле он столь же реален, как и вы. Более того, его нервную систему сконструировал искусственный интеллект по имени Савуар Фэр[85], который, по моему скромному разумению, гораздо умнее нас с вами.

— Савуар Фэр?

— Вы, наверное, Клондайкского Кота[86] не помните, — нахмурился Юла. — Так звали одного стража порядка. Его злейшим врагом был пронырливый канадский француз по имени Савуар Фэр.

Из извращенности я всегда принимаю сторону злодея. В конце каждой главы Клондайкский Кот утверждал: «Кот свою мышь ни за что не упустит», а на деле Савуару Фэру всегда удавалось сбежать. И мы слышим, как ветер насвистывает его песенку-дразнилку: «Савуар Фэр повсюду и нигде». Мой Савуар Фэр составил сложнейшие диаграммы нервной системы вот для этого Лемона. Кое-какие штуки я позаимствовал у Лемона второй модели, добавил органический процессор «Прозрение» и процессор «Мнемозина» в качестве бэкапа. Чтобы не выращивать клетки — мне это показалось ужасно нудным, — я использовал систему биоконструирования «ЕВА», которую сам изобрел и которая, в свою очередь, продемонстрировала великолепную способность к саморазвитию. На всех стадиях развития нового существа она функционирует как консультант по инкубации. В первых моделях я сначала выращивал глаза, а потом ослеплял их или закладывал направленный сбой с задержкой во времени. Но новая «ЕВА» предложила вообще без них обойтись. Затем я нарастил обонятельный и слуховой аппарат и добавил парочку каналов ввода информации и бортовую навигационную систему на ультразвуковых датчиках для определения расстояний и способности обходить препятствия…

— Мистер! — возопила, не выдержав этой технической чепухи, Мэгги и выстрелила в воздух.

— А? Ох, извините, — заерзал Юла. — Прошу прощения.

Выстрел долго отдавался эхом от стен каньона. Подняв глаза, Чистотец увидел, как из пещеры вышла пара сонных саблезубых тигров. А еще он услышал какой-то странный звук. Теперь он не сомневался, что за ним кто-то наблюдает.

Мимо пробежал оркестрик мариаччи[87], за которым гналась нагая женщина верхом на лошади.

— Это еще что? — спросил Шериф.

— Просто случайная мысль, — пожал плечами Юла. — Милтон как-то сказал, что «Разум человека — сам по себе царство». Так пусть это будет царство веселья! Но звери еще не появились. Пойдемте, вы примете душ, а потом мы устроим симпатичное утреннее… чаепитие!

Он хлопнул в ладоши, земля задрожала — и из-за горы вулканического пепла возникли два огромных существа с серыми бугристыми шкурами носорогов и длинными шеями жирафов. В холке они были больше пятнадцати футов и, наверное, весили по нескольку тонн. На спине каждого покачивался небольшой шатер. Гиганты разом опустились на колени, и Юла помог взобраться в один из шатров Слепому Лемону, жестом предложив Чистотцу к ним присоединиться, в то время как Шериф и Мэгги устроились

во втором.

— Это дино-зразы? — наконец нашла в себе силы поинтересоваться Мэгги, выражение у нее на лице помогло Шерифу отвлечься от собственного страха.

— Это индрикотеры, — ответил Юла. — Из олигоценского периода. Динозавры мне всегда казались клишированными, если только не подавались в миниатюре. Я предпочитаю гигантских млекопитающих.

Мощь животных внушала благоговение, тяжеловесная поступь гипнотизировала. Процессия вышла к развилке, и, сворачивая в боковой каньон, первый индрикотер пропустил вперед второго. Повсюду стояла озерцами дождевая вода, в запрудах у источников кишела жизнь: там обитали огромные птицы и странные, похожие на бегемотов животные со слоновьими бивнями. Задрав голову, Чистотец увидел, как по веревочному мосту в вышине пробираются хариджаны. Их ловкие движения и настороженные позы наводили на мысль об охотниках.

— Древний атавизм, — объяснил Юла, указав на разгороженные высокими скалами участки. В одном закутке скучала гигантская хищная птица эоценского периода, вид у нее был угрюмый. В другом затеяли медлительную схватку два глиптодонта — большущие броненосцы с шипастыми хвостами. — Я предпочитаю химерологию.

— И что это такое? — спросил Чистотец.

— Придумываю собственных существ или создаю сложные гибриды. Физиология и, разумеется, психология тогда гораздо интереснее.

Чистотец оглядел испещренные отверстиями туннелей отвесные стены и снова почувствовал на себе чей-то взгляд. Вот уж чего он не ожидал найти в Южной Дакоте. Впрочем, он не знал, что, собственно, надеялся тут отыскать, но только не воплощение чужих снов.

Перед ними предстал обнесенный проволочным заграждением поселок: племя макак-резусов лежало среди отслуживших свое компьютерных плат и старых моторов. У многих животных были открытые язвы, словно их опрыскали сильнодействующим дефолиантом. Двое неряшливых шимпанзе (один без глаза, другой — с культей вместо руки) ссорились из-за игры, в которую играли телепатическими карточками[88] и набором побрякушек: фигурками из коробок «Крекер Джек»[89], дешифровочными кольцами от детской игры «Секретный эскадрон» и маленькими, светящимися в темноте черепами.

Прислоняясь к песчаной насыпи, на треснувшем фарфоровом унитазе восседала с видом старейшины племени большая носатая

обезьяна, обмотанная грязными бинтами. На голове у нее красовался потрепанный шлем для гольфа с эмблемой калифорнийского турнира. Еще на ней была кислородная маска, от которой резиновый шланг тянулся к большой канистре с газом. Каждые несколько минут иссохшие пальцы открывали вентиль, и животное получало новую дозу.

— Да что с ними такое? — разинула рот Мэгги.

— Последствия экспериментов в области ускоренного обучения и переходного развития.

Лемуры с каменными лицами смотрели из спортзала-джунглей точно пациенты электрошоковой терапии.

— Гляньте-ка! — ахнул Шериф, указывая на изможденных макак, стреляющих друг в друга начиненными транквилизаторами стрелами.

— Почему вы не положите конец их мучениям? — спросил Чистотец.

— Какая бесчеловечность! — воскликнул на это Юла. — Неужели вы настолько узколобы, что считаете, будто меня интересуют их мучения или то, какую форму они принимают? Нет, нет, эксперимент еще не завершен. Регулярно поступают новые данные. Ни в коем случае нельзя это забывать. Мы существуем, чтобы создавать новые данные — предварительный вывод о смысле жизни.

Тяжело топая, индрикотеры пересекли ручей, скрывавшийся в череде пещер, населенных существами, о которых лучше умолчать.

Впереди показалось строение, похожее на игрушку-волчок. Юла щелкнул языком, и ездовые твари опустились на колени.

— Пойдемте, — позвал он, спешившись. — Никто тут не причинит вам вреда. Во всяком случае, пока я рядом.

Внутри оказалась лаборатория побольше той, которую они уже видели, где одновременно проводилось несколько вскрытий. Еще тут имелась библиотека дата-кристаллов с названиями научных исследований вроде «Инициация спаривания, следующая за удалением лобных долей» или «Микроэлектрическая бионика». В дальнем конце помещения они увидели аквариум во всю стену, в котором плавала нерка размером с дельфина.

— Что вы тут выращиваете? — спросил Шериф.

— Эпифизы. Согласно Декарту, эпифиз — место соприкосновения тела и души, — ответил их необычный провожатый.

— Круто вам, наверное, испоганили детство, — заявила Мэгги.

— Напротив, дорогая, я продолжаю им наслаждаться.

— Как вы до такого дошли?

— По большей части самообразованием. Хотя мне и довелось встретить пару-тройку наставников. Правду сказать, вы похожи на одну мою учительницу, чьим советам я следую уже многие годы. Только вы моложе и симпатичнее.

— Выбрали кого-то из звезд? — колко поинтересовался Шериф.

— Нет, — отрезал Юла. — Это было в школе. Мы мастерили марионеток для рождественского действа, и она сказал: «Постарайся сделать так, чтобы голоса твоих кукол соответствовали их характерам, и не думай, что они все должны пищать только потому, что они куклы». Я еще не проник до конца в глубокий смысл этого замечания.

Потом Юла показал ряд высоких, скрытых за занавесками лабораторных сосудов. Он нажал кнопку, и занавески раздвинулись, а над сосудами загорелись лампочки, высвечивая в каждом сосуде нагое тело неопределенного пола.

— Ух ты! — выдохнула Мэгги, присмотревшись внимательней.

— Это… просто тошнотворно! — поморщился Шериф.

— Да не будьте так зашорены! — пожурил его Юла. — В вас говорят предрассудки позвоночных и млекопитающих. Наши друзья моллюски и кольчатые черви, да и рыбы тоже, как никто понимают достоинства гермафродитов. Доселе люди были одержимы сексуальными предпочтениями и внешними призраками — дурацким засовыванием членов в отверстия или внутримышечными инъекциями прогестерона. Перед вами шанс изменить сексуальные возможности индивидуума. Креативная эндокринология.

— Но зачем вам это? — спросил Шериф, перебрасывая из руки в руку старинный винчестер.

— Многообразие, любопытство. Слышали про призывы к мужчинам проявлять свою женскую сущность? Разве мы не женщины? Ха! Мужчины лишь тогда понимают, что такое клитор, когда он у них самих появляется, вы уж мне поверьте.

— Ужас какой! — рявкнул Шериф.

— Кастрюля жалуется, что у нее есть ручки, — издевательски ответил Юла. — Я просто передвинул кое-какие внешние признаки или добавил новые. Но мне следовало бы подождать, пока вы отдохнете. Прошу меня простить. Душевые и чистую одежду вы найдете вон там. — Он указал на еще один занавес. — А потом будем праздновать. Все просто умирают от желания с вами познакомиться!

— Надеюсь, не в буквальном смысле? — поинтересовался

Шериф.

Юла наградил его язвительной улыбкой и глянул на Мэгги, которая смотрела в окно, — ее лицо застыло, словно маска почти бесконечной тревоги.

— Витгенштейн! — взревел Юла. — Вот ты где!

Глава 8
Чаепитие в Бэд-Лендс

Витгенштейн показался бы самым обычным дикобразом, не будь он размером с рейсовый автобус. Еще долгое время после того, как дроиды вкатили твари транквилизатор и уволокли ее (этот подвиг потребовал совместных действий индрикотеров и роботизованного портального крана), Мэгги переживала то, что впоследствии назвала «безумной догадкой». Понадобилось немалое упорство Шерифа, чтобы заставить ее заняться такими формальностями, как душ и смена одежды, и из транса она вышла, лишь когда сообразила, что «старый греховодник» видел ее голой (и даже тер ей спину), а тогда принялась жаловаться, как ей и было свойственно.

Тем временем Чистотцу казалось, что все вернулось на круги своя и загадки начинаются, а не заканчиваются. Эта мысль лишь окрепла, когда, освежившись и надев приготовленную для них одежду (простые белые балахоны в духе Неру), они вышли с постоялого двора и обнаружили, что все дома тут тщательно отремонтированы и покрашены. (Гостиница «Красное облако» была сама роскошь и гостеприимство.) На улице под транспарантом «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ» появился стол, заставленный серебряными чайничками и тарелками со сладостями. К самому транспаранту-перетяжке присоединились две гирлянды ярких мешочков с подарками. Рядом со столом воздвигли затянутую красной тканью сцену, где поставили стульев столько, что хватило бы на большой оркестр, а также рояль. Место Мэгги было отмечено живыми деметродончиком и стегозавриком, которые поместились бы у нее на тарелке (хотя ни один не намеревался там оставаться: вегетарианец-стегозавр атаковал острые сырные палочки, а шипастый хищник предпочел сосиски в тесте). У места Шерифа красовался дилижанс размером с сахарницу. Место рядом с тарелкой Чистотца пустовало — пока он не обнаружил длинный, почти прозрачный предмет, похожий на тот, какой он нашел среди Святых Даров в Дастдевиле. Его чайная ложка оказалась от подарочного набора Панамериканской выставки в Буффало в 1901 году.

Юла предложил им чай и сладости, но, кажется, был слишком взволновал и даже крошки в рот взять не мог. А поскольку гостям, которых переполняли удивление и вопросы, тоже было не до еды, миниатюрные динозавры смогли беспрепятственно расправляться с миндальными пирожными.

Садясь, Чистотец прикидывал, какой бы вопрос задать первым, но вдруг заметил, что к ним присоединилось огроменное, похожее на медведя существо, одетое в воскресное платьице маленькой девочки. Впрочем, его (или ее) посадили за отдельный стол с собственными чашками и молочниками.

— Э… это Эс-Би-Джи… то есть Джейн… то есть Джейн Стихийное Бедствие[90].

— Что… — Мэгги с трудом сглотнула. — Что это такое?

— Она немного робеет, — пояснил Юла.

— Я не о том…

— Она мегатериум, гигантский земляной ленивец. Разумеется, уменьшенный. Знаете, как трудно выдрессировать ленивца?

— Что она делает? — спросил, понаблюдав немного за Джейн, Чистотец.

— У нее собственное чаепитие, — отозвался Юла. — Воображаемое чаепитие.

— Я тоже такие устраивала, — сказала Мэгги. — Пока не перешла на что покрепче.

— Если хотите, можете присоединиться к ней. Она будет рада подружке!

— Не стану я сидеть с волосатым чудищем, мистер! — задохнулась от возмущения Мэгги.

Джейн Стихийное Бедствие обиженно взвизгнула и смахнула свой сервиз на землю, где он разлетелся вдребезги.

— Миссис Кейн, — стараясь держать себя в руках, процедил Юла. — Я вполне сознаю, что расширение духовных горизонтов причиняет вам немалое беспокойство, но посмотрите, что вы наделали. Всего минуту назад моя Джейн счастливо играла, принимая участие в нашем празднике и одновременно воплощая собственную фантазию, что само по себе немалое достижение. Вы обидели ее, миссис Кейн. Вы были жестоки к ней. И не ради какой-то цели, а просто из черствости.

— Я… мне очень жаль, — шмыгнула носом Мэгги, присмирев при виде расстроенного животного и напуганная властным тоном Юлы.

— Так, значит, наша Мэгги жестока? Но если жестокость часть эксперимента, она допустима? — вмешался Шериф.

— Знание всегда имеет свою цену, — парировал Юла. — Убожество, которое вы видели раньше, открывает дорогу прогрессу. В том-то и суть прогресса: нищие трудятся, но воздаяние запаздывает.

— Не пожарить омлет, не разбив яиц, да?

— Я не собираюсь состязаться с вами в банальности, Шериф.

Нет ничего проще, чем делать высокомерные выводы. А вот если вы готовы пересмотреть собственные взгляды, я с готовностью к вам присоединюсь.

— Как по-вашему, она еще захочет со мной играть? — захныкала Мэгги.

— Очень захочет, — уверенно сказал Юла. — Признаю, она немного избалована, но никогда не таит зла, и с ней очень весело. Но если будете играть в «классики», расчертите квадраты побольше, и вообще рекомендую дать ей выиграть. Если будете играть в куклы, не позволяйте ей отрывать им головы. Она их ест, и у нее засоряется желудок. Да, и она очень любит детективчики с Нэнси Дрю[91]. Почитайте ей вслух, если захотите. Но не уходите слишком надолго! Скоро начнется концерт!

Встав, Мэгги пошла за ленивцем, который был почти вдвое ее больше. Шериф остался сидеть в мрачной задумчивости.

— Вы говорили… что что-то знаете о моем отце? — спросил наконец старый актер.

— Только что воспоминания не дают вам покоя и вам хочется узнать, что с ним случилось.

— Откуда вам это известно?

— Простой ответ — у вас на лице написано. А вот как мне удается это прочесть, требует сложных технических объяснений.

— Разве это так очевидно? Ведь столько лет прошло.

— Мы быстрее всего раскрываем то, что пытаемся утаить — особенно от самих себя. Нельзя перерасти призрак, Шериф.

— Значит, вы действительно знаете, что с ним сталось?

— Он скрывается.

— Господи помилуй! Где?

— На острове… в тени аттракциона. Внутри вас.

— Дерьмо! — простонал Шериф. — Я ушел с того острова!

— Да, и завещали свой призрак сыну.

— Да нет же, черт побери! Сыну я не нужен, он и так добился успеха!

— Это вы так считаете.

— Господи! Да что вы знаете? Вы просто играете со мной!

— Тогда пора поиграть в другую игру. Сигару?

— Я курю только марихуану, — проворчал Шериф.

— А ты? — спросил Юла Чистотца, доставая прозрачный предмет, похожий на тот, что лежал возле его тарелки. Чистотец взял свой.

— Что это?

— Знаешь, что говорят про типов с большими сигарами? — уколол Шериф.

Сигара Юлы стала видимой и сразу же затлела, а сам он,

выдувая кольца дыма, откинулся на спинку стула.

— Иногда сигара — всего лишь метафора. Но покажите мне что-нибудь более действенное, чем метафора!

— Что? — переспросил Чистотец; его сигара тоже стала видимой и затлела.

— Это — метафорическая сигара, — отозвался Юла. — Когда я ее докурю, она возникнет целая и невредимая. Куда бы я ее ни положил, она всегда под рукой.

— Вы хотите сказать, что ваша сигара лишь идея сигары?

— В твоем голосе слышится явная снисходительность. А ты чего ожидал? Продвинутой физики? Или новой удивительной формы энергии?

— Ну… да. Чего-то похожего.

— Идея и есть энергия. Причем весьма удивительная ее форма. Вся наука физика — тому доказательство.

Чистотец зашвырнул сигару подальше, и она снова нашлась — возле его прибора.

Хариджаны в накрахмаленных белых рубахах принесли из ближайшего дома ведерки, где во льду лежало шампанское. Затем появился еще один робот, на сей раз в смокинге, и принаряженный Слепой Лемон в красном костюме и в фетровой шляпе, поля которой спереди были загнуты вверх, а сзади вниз. Юла обратился к хариджанам на машинном богомольем языке, и Чистотец разобрал имя «Уолт Уитмен». Он заметил, что с роботом в смокинге Юла говорил на другом языке, состоявшем как будто из загадок и бессмыслиц. С Джейн Стихийное Бедствие он дополнял слова жестами, а со Слепым Лемоном как будто общался посредством телепатии. Разговоры перемешивались, гладко перетекали один в другой, и Чистотец заподозрил, что Юла постоянно и незримо беседует со многими другими сущностями.

Несколько минут спустя вернулись уже подружившиеся Джейн Стихийное Бедствие и Мэгги. Встав, Юла постучал вилкой по пустому бокалу для шампанского. Одновременно на церковной колокольне забил колокол.

— Спасибо всем, кто помог нам решить проблему с Витгенштейном. Когда доходит до индивидуальности и импровизации, Витгенштейн и Уолт Уитмен были и остаются нашими проводниками!

При этих его словах из-за товарной станции, переваливаясь, вышел скунс размером с паровоз.

— Вот черт! — поморщилась Мэгги. — И говори после этого про газовую атаку!

Скунс подобрался к Юле, который ласково почесал его за

ухом и приказал лечь рядом, что тот и сделал и тут же принялся обнюхивать тарталетки и сырное суфле. Его хозяин тем временем достал откуда-то тростниковую дубинку, в точности такую, какой Лепесток Ликорицы обрабатывала мягкое место Турмалин.

— В честь вашего прибытия, — объявил Юла, — обитатели Каньона хотели бы устроить для вас представление. Надеюсь, оно вам понравится!

Юла сел, а на сцену поднялся робот в смокинге, вытянул четыре шарнирные клешни, в одной из них грациозно покачивалась дирижерская палочка. Робот постучал ею по сцене, и в конце улицы появился удивительный оркестр. Одни музыканты были андроидами и роботами различных конструкций, другие — хирургическими и генетическими диковинами, о которых говорил раньше Юла. Впереди шли кентавры и сатиры, за ними приматы, а после, ударяя в большой барабан, внушительная горилла. Следом тяжело топал отряд коренастых людей с толстыми руками и ногами, с выпуклыми лбами и серьезными лицами. Все были одеты в казавшиеся неуместными здесь белые школьные формы с эмблемой пылающей тачки на груди.

— Что это за люди? — едва слышно за лязгом пронзительной музыки прошептал Шериф.

— Да что там люди, ты только посмотри на остальных… тварей! — отозвалась Мэгги.

— Это неандертальцы! — перекрывая гам, ответил Юла. — Песня называется «Бивень», впервые ее сыграла блюз-группа «Флитвуд Мэк» с «Оркестром троянцев университета южной Калифорнии»!

Выстроившись на сцене, оркестр с горем пополам осилил «Зеленые рукава»[92]. Особенно выделялось старательное, но извращенно благозвучное соло технически подкованного, но лишенного вдохновения медведя-гризли и неподдельно лиричный бас робота с пластиковой физиономией. Затем последовало нестройное, но энергичное исполнение музыкальной темы из фильма «Рокки». Неандертальцы, которым выступающие надбровные дуги придавали мрачный вид, вытянули выступление отличным исполнением марша «Семьдесят шесть тромбонов» — что произвело заметный эффект на стены Каньона.

— Браво! — радостно завопил Юла. — Браво! Да! О, браво!

Три путешественника сидели, открыв рты, не зная, что и думать, не говоря уже о том, как реагировать. Наконец Чистотец заставил себя похлопать. Получились скорее немощные хлопки, чем настоящие аплодисменты, но они эхом разнеслись по пещерам и над прудиками — и явно тронули оркестрантов.

Неандертальцы просияли. Вокруг роботов вспыхнули нимбы электростатики. Сатиры приосанились, приматы подняли свои инструменты, и даже педантичный медведь засветился от гордости. Потом снова ударил церковный колокол, и в конце улицы возникла элегантная черная карета с эмблемой пылающей тачки на дверце. В нее была впряжена белая лошадь, а на козлах сидел хариджан в черном фраке с белой бутоньеркой в петлице.

Встав из-за стола, Юла сам вышел на сцену и сел к роялю. Карета остановилась. Спрыгнув на землю, хариджан открыл дверцу, и, опираясь на его руку, вниз ступил бабуин с радужной шерстью на морде. Он был облачен в великолепный черный костюм итальянского шелка и белоснежную рубашку с кружевной манишкой. В петлице полыхала гвоздика цвета огня на пылающей тачке. В лапах он держал виолончель и смычок. Оркестранты отошли в глубь сцены, оставляя центральное место бабуину. Никто не издал ни звука (даже неандертальцы). Юла кивнул бабуину, который торжественно сел и проверил, настроена ли виолончель.

— Мы с Йо-Йо сыграем вам «Allegro, ma non tanto» из сонаты Бетховена ля мажор, опус 69, — объявил Юла.

Полилась изысканная, энергичная музыка. Все лица — будь то пластиковые, мохнатые или стальные — застыли, поддавшись ее чарам. Даже Шериф был тронут.

Когда пьеса закончилась, гости разом зааплодировали. Встав, Юла поклонился Йо-Йо, потом поднял руки, призывая к тишине.

— Спасибо! Спасибо. Какое счастье играть со столь великим музыкантом, как наш Йо-Йо! Но не сочтите это неуважением к моему талантливому коллеге и к моим собственным скромным способностям, на свете много тех, кому по плечу Бетховен. И лишь очень немногие сумеют хорошо сыграть блюз. Нет никого, кто был бы его властителем. Кроме нашего Слепого Лемона. Поднимитесь к нам, мистер Джонс, очаруйте нас!

Старый черный биомеханоид встал, его солнцезащитные очки сверкнули. Артритно шаркающему старику помог вскарабкаться на сцену неандерталец с музыкальным треугольником и с флейтой-пиколло (сам похожий на увеличенную версию собственного инструмента). Сначала старик взял дешевую гитару, с которой ходил раньше, и сыграл «Я и дьявольские блюзы» Роберта Джонсона. И, слушая его мелодично-хрипловатые раскаты, Чистотец невольно подумал, что так, наверное, говорил бы Уолт Уитмен, будь у него голос. Потом неандерталец забрал у него акустическую гитару и принес «стрэтокастер». Никакой шнур от электрической гитары не тянулся, но звук все равно шел через усилитель и звукосниматели. И вместе с Юлой они сыграли блюз,

колебавшийся между чистым, нота в ноту исполнением блюз-гитариста Ти-Боун Уолкера и шероховатым южно-чикагским «Муди Уотерс».

Видел тень мою в реке,
Мое отраженье в дожде,
Карабкался на гору налегке,
Выжил у огня в нужде.
Поднялся с ураганом,
И там я узнал,
Сокрытые могут искать,
И потерянные — вернуться.

Шериф елозил на стуле. Водянисто-голубые глаза Мэгги расширились. Пальцы Юлы сновали по клавишам, Слепой Лемон перебирал струны медиатором. Наконец музыка взвилась ураганом листьев. Полимерный робот с прозрачным лицом увел старика со сцены. За ним последовал Юла, на его лице блестел пот.

Хариджаны с многочисленными конечностями разлили по бокалам шампанское и раздали их собравшимся (включая Уолта Уитмена, которому, как мистеру Мизу, подали длинную соломинку).

— Собратья каньонцы! — воскликнул Юла, когда у каждого появилось в руке по бокалу. — Тост! За возвращение моего сына Элроя! И за двух его храбрых друзей! Пусть они всегда остаются с нами!

— Слушайте! Слушайте! — рявкнули неандертальцы, жадно схлебывая пенку.

Но Чистотец их не слышал, поскольку, потеряв сознание, упал лицом в лимонный чизкейк.

Глава 9
Пьян в хлам

— Черт! — вырывалось у Шерифа. — Ты правда его?.. Он твой…

— Что-то вид у него неважнецкий, — сказала Мэгги.

— Проклятие! — застонал Юла. — Он вырубился!!! Ну же, отнесем его в гостиницу. Не хочу тащить его в лабораторию, пока есть другие варианты. Ты меня слышишь, Элрой? — позвал он Чистотца, стирая с его лица крем.

— Чем больше рыбы ест фламинго, тем розовее становится, — выдавил Чистотец. Он увидел перед собой лицо Кокомо… и трех китайцев… а после его подхватил ураган.

— Что он сказал, Шериф? — спросил Юла, беря Чистотца подмышки.

— Яма, Царь Мертвых[93] и что-то про зеркало, в котором он читает твою жизнь.

— Я такого не слышала.

— Тутти-Фрутти! — крикнул Юла оркестрантам. — О рутти.

И тут же праздничное настроение развеялось, и, выстроившись в затылок, оркестр стал покидать сцену, замыкал шествие Уолт Уитмен. Слепой Лемон остался невозмутимо сидеть за столом, а два хариджана увели Джейн Стихийное Бедствие.

— Вы его… отец? — Шериф никак не мог прийти в себя от удивления. — Он считал, что его семья здесь. Не следовало вам это так на него выливать. Не совсем вовремя…

— Вы будете учить меня, как принимать собственного сына? Я тоже был вне себя, поняли? Я собирался произнести тост, и у меня просто вырвалось. Вы понятия не имеете, насколько он важен!

— Вы просто рисовались! Вот в чем все дело! — одернул его Шериф, пока они, спотыкаясь, несли Чистотца через улицу, а Мэгги брела следом.

— По крайней мере я не прячусь от сына на острове!

— Вы прячетесь ото всех в каньоне! С целым зверинцем животных-мутантов!

— Я не прячусь и они не животные. Они — моя семья! Я обо всех забочусь!

— Так посмотрите, до чего довела ваша забота, — ворчал Шериф, пока они затаскивали Чистотца вверх по лестницам гостиницы «Красное облако», теперь уже с восточными коврами, медными ручками и полированными дубовыми панелями.

— Раньше здесь пахло дерьмом летучих мышей, и все стекла были выбиты. Как вам удалось так быстро прибраться?

— Трудно объяснить, — ответил Юла.

— Люблю плавать и с кривоногими хавать… — бормотал Чистотец.

— Слышали это? — спросил Юла.

— Что-то по-латыни… Квем колорем хабит…

— *Quern colorem habet sapientia*[94] Это из Блаженного Августина.

— А что с ним такое? — спросила Мэгги, протискиваясь мимо, чтобы открыть дверь, на которую указал Юла.

— Системный сбой. Иными словами, он в отключке.

— Вот дерьмо. Со мной сплошь и рядом такое случается.

— Сомневаюсь, что мистер Большая Шишка это имел в виду, — возразил Шериф. — Что тут на самом деле происходит, Юла? Я не хочу, чтобы вы причинили вред нашему другу. Он достаточно натерпелся.

— Всецело с вами согласен, — вздохнул Юла, когда они положили Чистотца на пуховую перину в апартаментах «Лодема». — Кому как не мне знать, сколько он пережил. Он — мое величайшее творение.

— Творение? Вы хотите сказать… он тоже эксперимент?

— Как и все мы, Шериф, как и все мы.

— Он живой или машина? — поинтересовалась Мэгги.

— Живая машина — очень подходящее определение для многих организмов, но вы, очевидно, разделяете живое и механическое, а я…

— Да хватит вам! — рявкнул Шериф. — Мы и так знаем, что вы шибко умный. Уже поняли. Но вы назвали его сыном. А дети — это не научный проект. Что тут за история?

— Кришна говорил: «Сильные не впадают в отчаяние, Арджуна, потому что им не завоевать ни небес, ни земли», — выкрикнул Юла, колотя Чистотца кулаками. — Соберись же!

Выхватив из-за пояса «хеклер-кох», Шериф прицелился в хозяина Каньона.

— Оставьте его в покое. Вы уже достаточно вреда причинили.

— Если я не ошибаюсь, Шериф, вреда вы мне можете причинить не больше, чем я ему, — невозмутимо отозвался Юла.

— Вы уже ему навредили.

— Тогда стреляйте. Или это просто метафорическая пушка?

— Хватит! — заорала Мэгги. — Хотите выяснять, кто круче, так делайте это как следует. А вот ему действительно хреново, и ваши гребаные пушки тут ничем не помогут!

— Хорошо сказано, миссис Кейн. — Юла поморщился. — Ему нужен Слепой Лемон.

— Тот старик? Который вообще не человек?

— Никогда нельзя недооценивать силу блюза, Шериф.

— Разве не вы сделали и его тоже?

— Я его инициировал. Но он сам себя создал.

— Как такое может быть, если вы его изобрели?

— Нас всех кто-то «изобрел». Но тому, что знает он, научить нельзя.

— Он уже идет! — крикнула, глянув в окно, Мэгги. — Его большой скунс ведет! Вы собираетесь пустить сюда эту газовую бомбу?

— Уолт может ходить где хочет. А вот Витгенштейн — другое дело. Поможете Слепому Лемону подняться по лестнице, миссис Кейн?

Как это ни удивительно, Мэгги повиновалась без возражений, хотя к тому времени, когда она вернулась, ведя за руку Слепого Лемона, за плечом у которого висела акустическая гитара, она готова была взорваться.

— Этот железный гад меня лапал! Запустил руку прямо под юбку!

— Отличная попка! — старчески хохотнул Слепой Лемон. — Ха!

— Ах ты слепой грязный робот!

— Попка в руках держащего, девочка. Хе-хе.

— Пошли, — скомандовал Юла. — Оставим Слепого Лемона делать свою работу.

Лысый хозяин Герметического каньона вывел их за дверь и вниз по лестнице. Обе створки двери были открыты, чтобы внутрь смог попасть Уолт Уитмен, занявший почти весь вестибюль, его мохнатый хвост скрывался в гостиной, которая, как заметил Шериф, уже несколько погрязнела с тех пор, как они поднялись. Краска поблекла и местами облупилась, а обои в цветочек начали отваливаться. Сверху доносились гитарные переборы, то суровые, то нежные, и голос Лемона — молодой и усталый одновременно. Шериф казался еще более ошарашенным, чем раньше.

— Слепой Лемон так и будет ему просто петь?

— Да. И ничего «простого» в этом нет.

— При всех ваших технологиях, медикаментах и еще бог знает чем?

— Есть многое на свете, Шериф, что не укладывается в ваши представления о науке.

Они вернулись за длинный стол на опустевшей теперь Главной улице, Уолт Уитмен шаркал следом. На сцене лежала

растоптанная красная гвоздика Йо-Йо. В пыли поблескивали осколки чайного сервиза Джейн Стихийное Бедствие, и транспарант «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ ДОМОЙ» уныло трепыхался на ветру. Сожрав все коктейльные сосиски, димегродончик решил полакомиться стегозавром и начал глодать его ногу, но тут Уолт Уитмен съел их обоих. Юла удрученно рухнул на стул, раскурил метафорическую сигару и выдернул из ведерка бутылку шампанского. Мэгги тоже взяла себе одну.

— И что же, по-вашему, этот Элрой?

— Параклет, — вздохнул Юла, выдувая кольца метафорического дыма, которые складывались в крылатых дракончиков.

— Вот черт! Немудрено, что у него с головой не в порядке! У вас тут уже есть гигантские скунсы и ленивцы, зачем вам еще паркет?

— Параклет! Духовный наставник. Святой дух.

— Да вы не всерьез! — охнул Шериф. — Вы что, ангела себе сотворили?

— Кое-что покруче.

— Дерьмо! — вырвалось у Мэгги. — Вы пытались сварганить Иисуса? Он же умер на Кресте!

— Крест — это всего лишь знак «плюс», который вытянули в длину, — отозвался Юла. — В «Упанишадах» сказано: «Кто познает Бога, станет Богом».

— Но это не значит, что вы можете сделать Бога, — возразил Шериф. — Вы должны быть Всевышним… или хотя бы мелким божком.

Юла выдул большое кольцо дыма, которое, вращаясь, как обруч, зависло на несколько минут над головой Шерифа, к немалому раздражению последнего.

— Даже Джон фон Нейман[95] давным-давно признал, что машина, как только преодолеет собственный барьер сложности, способна сотворить другую машину, более сложную, нежели она сама. Такова история жизни: появление чего-то из ничего.

— Чтой-то у вас не то в сигарах, — усмехнулась Мэгги.

— Проблема в том, — ответил Юла, не обращая внимания на подколку, — что вы воспринимаете «делать» как «изготавливать». А я считаю создание динамичными взаимоотношениями и партнерством. Если берешься создавать что-то более великое, чем ты сам, то растешь над собой, даже если терпишь неудачу от недостатка умения. Если решаешься делать что-то меньшее, нежели ты сам, из-за нехватки храбрости или великой цели, то сам себя умаляешь.

— Ну и что такое Чистотец, то есть Элрой? Робот? Разве вам

не кажется, что у него есть право знать?

— Он психопоид… восстановленная душа в теле, которое почти целиком органическое, — вздохнул Юла. — Но способное к регенерации. Больше я расскажу, когда он придет в себя. Неправильно будет, если вы узнаете раньше него.

— Но как можно назвать мессию Элроем?

— Я собирался назвать его Ганеша, именем популярного индуистского бога с головой слона, сына Шивы, которого тот убил в приступе гнева и смог возродить к жизни, лишь дав ему голову первого существа, на которое пал его взор.

— И почему передумали?

— Вы, наверное, не помните старый мультфильм «Джетсоны» Хэнна и Барбера, но сына Джорджа Джетсона звали Элрой. Там еще вечно повторяли смешную фразу «Его малой Элрой». Вы-то, наверное, выбрали бы что-нибудь библейское, вроде Элоима.

— Ну, хотя бы что-нибудь поумнее, — возразил Шериф.

— Элайджа, Элоим, Элрой — какая разница? Он откусил себе член, и сейчас ему хреново. Что бы вы там ни напридумывали, этого недостаточно.

— Вы совершенно правы, миссис Кейн. Это чистейшая и безусловная истина.

— Не можете сказать что-нибудь доброе или простое, да?

Юла достал еще бутылку шампанского и с хлопком выдернул пробку. Если не считать все большей безутешности, три бутылки, которые он в себя влил, никак на нем не сказались, хотя Шериф заметил, что архитектура города претерпела множество мелких и не столь уж мелких трансформаций, включая появление пары-тройки новых зданий и исчезновение или обрушение уже имевшихся. Юла на эти перемены не обращал внимания и никакого объяснения тоже не дал. Уолт Уитмен, сосавший из своей бутылки через соломинку, свернулся у ног хозяина и захрапел, но временами подергивался во сне. Появился робот-дирижер, сменивший смокинг на белый балахон с эмблемой тачки.

— Ду лэнг ду лэнг ду лэнг, — произнес Юла, и робот отравился в гостиницу, а после вернулся с измученным Слепым Лемоном, который шаркал следом.

— Хорошая работа, — благодарно сказал Юла, а роботу объяснил: — Шуб оп шуб оп.

Сходив в салун, робот вернулся с бутылкой виски и стаканом и налил солидную порцию музыканту.

— Он пьет виски? — удивился Шериф.

— А что дурного в том, чтобы перехватить по маленькой? — просипел в ответ Лемон.

— По маленькой, ха! — Мэгги зевнула. — Да он, наверное, пьет как рыба!

— Пресноводные рыбы вообще не пьют, — заметил Юла. — А костистые морские рыбы…

— Вы что, вообще заткнуться не можете, мистер? Неудивительно, что вы сидите тут в каньоне со своими игрушками!

Юла на мгновение вспыхнул, и Шериф напрягся, но лысый хозяин Герметического каньона только рассмеялся:

— У вас истинный талант, миссис Кейн! Такая редкость, так освежает! Отправляйтесь к себе в комнату, отдохните. В гостинице для вас все приготовлено. Ваш друг спит. За обедом поговорим еще.

Шериф проводил Мэгги в гостиницу, оставив Юлу пускать кольца дыма в обществе Слепого Лемона и Уолта Уитмена. Кивнув на прощание, Мэгги ушла спать — слишком сонная, чтобы скандалить. Шериф заглянул к Чистотцу, который, как и сказал Юла, спал. Лицо у него расслабилось, и он снова походил на ребенка. Может, его кошмары уже позади, подумал Шериф, но почему-то ему в это не верилось. Уйдя в собственную комнату, он стащил сапоги.

Тут ему пришло в голову, что он еще никогда не спал в старой гостинице Дикого Запада. «Стар-Сити» был его судьбой. Там даже намечалась серия, где он уходит от жены, которую больше не любит (не зная, что на самом деле она инопланетянка), и перебирается в гостиницу. Шериф лег на двуспальную кровать и закрыл глаза, вспоминая так и не снятые сцены.

А потом вдруг рывком проснулся и едва не упал с кровати, потому что внезапно вспомнил, что именно сказал в своем тосте Юла. «Пусть они всегда остаются с нами!»

Прозвучало это как «на веки вечные».

Глава 10
Колесо в колесе

Чистотец проснулся под перезвон церковного колокола. Он лежал на кровати в просторных, побеленных апартаментах «Лодема» гостиницы «Красное облако», но все равно видел, что эта комната не из бревен и кирпича. Своей видимой прочностью она была обязана вращению бесчисленных смерчей света. То же свечение пронизывало его тело. Потом он сообразил, что разбудил его вовсе не колокол. Как раз наоборот, колокол зазвонил, потому что он проснулся.

«Я дома, — подумал он, когда штукатурка и прессованный металл стабилизировались. Его сознание затопили лица и образы — удивительно нормальные; мутировавшие, но приземленные. — Но как Юла может быть моим отцом? И кто тогда моя мать? И как быть с дядей Уолдо и тетей Вивиан? И при чем тут Осанна Освобожденный? Да и как вообще меня могут звать Элроем? Уж это-то я бы знал!»

Ему вспомнился тост Юлы, и сияющие лица неандертальцев, и лимонный чизкейк. Что случилось потом, он не мог сказать. Так неловко — ведь он очень хотел, чтобы его приняли с распростертыми объятиями, а сам взял и упал в обморок. Но сейчас главное — выяснить, сколько времени прошло и что случилось с его друзьями.

Ему вспомнились слова доктора Тада о возможной связи между Ллойдом Мидхорном Ситтурдом и Ронуэллом Сьюардом, то есть Вонючкой Юлой. Что, если Сьюард на самом деле Ллойд Мидхорн Ситтурд? Неужели на это намекал доктор Тад? Ему, наверное, больше двухсот лет, но человек, чья изобретательность вошла в легенду, возможно, и тут нашел выход. Но почему он засел в богом забытом каньоне посреди такого глухого штата, как Южная Дакота? И как сюда вписывается Парусия Хид? «Может, она моя мать? — задумался Чистотец. — Что, если она прячется, выжидает удобного момента, чтобы представиться? А Кокомо? Вероятно, никакие силы не вернут ее назад, но знать… понять…»

Одно казалось очевидным. «Я дома, — думал он. — И меня приняли с распростертыми объятиями. Я могу ходить, где пожелаю».

Он поискал в карманах маленький белый шарик. Он ведь особо позаботился о том, чтобы переложить его из тряпок «ВООБРАЗИЛИИ» в карман балахона в духе Неру. Вероятно, скоро он узнает, в чем его назначение. Чистотец на цыпочках прошел по

скрипящим половицам к двери. В коридоре было пусто, на подоконнике стояла ваза — вроде той, где хранились останки первой жены Стального Короля. В соседней комнате полностью одетая Мэгги лежала, зарывшись головой в подушку. Она глубоко дышала и как будто была в полном порядке, поэтому он закрыл дверь. В комнате напротив Шериф, наверное, прилег, но потом вдруг ушел: постель была смята, а данная Юлой куртка валялась на полу возле стула. Чистотец спустился вниз. В вестибюле ему ударила в нос острая вонь, и Чистотец решил, что тут побывал Уолт Уитмен.

Стол и сцена исчезли, улица была пуста. Небо потемнело, но вечер еще не наступил, хотя теперь Чистотец увидел, что стены Каньона поросли флуоресцентным мхом, наслоения которого складывались в похожие на карты и лица узоры среди выветренных колонн. Ему показалось, что его по-прежнему преследуют настороженные взгляды, и он повернул прочь от станции.

Проходя мимо пахнущей креозотом рудодробилки, он услышал какой-то звук — так крысы шебуршились в заброшенном баре Дастдевила. В ангаре царил полумрак, но внутри он разглядел силуэты паровых котлов, которые когда-то питали динамо-машины постоянного тока, поставлявшие электричество в шахту. Странный звук раздался снова из-за топок, и Чистотец инстинктивно почувствовал отвращение и страх.

Когда они пошли на чаепитие и концерт, город казался отремонтированным и свежевыкрашенным. Сейчас некоторые строения, например, бакалейная лавка, снова пришли в упадок. В здании школы опять была только одна классная комната. Еще в городке имелся салун с бильярдной и боулингом, где сейчас полы скривились от старости и в окнах не было стекол. Будто бы город не мог сохранить веру в себя самого. Чистотцу все еще казалось, что из пещер за ним наблюдают, но сейчас его больше интересовало происходящее на дне Каньона. У него было такое ощущение, будто за ним кто-то идет.

Он забрел на свалку, где среди ржавых трейлеров и теплиц с выбитыми стеклами валялись солнечные батареи и трансформаторы и громоздились горки оптоволокна. Для предположительно сказочно богатого гения Юла развел ужасный беспорядок. «А где он вообще живет?» — спросил себя вдруг Чистотец. Потом он различил тень, метнувшуюся за остов старого пикапа.

— Ладно, выходи, — крикнул он.

Ничто не шелохнулось. Он подождал, но кругом царила тишина. Он отправился дальше.

Перед ним разверзся еще один провал, в таком ожидаешь найти кости доисторических животных — мамонтов, пещерных медведей и гигантских оленей, — но только не вычурные, засыпанные песком «американские горки». Аттракцион в точности напоминал тот, который он видел на старинной сепиевой открытке в туннелях под Дастдевилом. Завитушки и ажурные решетки покрылись патиной и поблекли. Вдоль железнодорожного полотна тянулись круглые разбитые фонари, точно присоски на щупальцах осьминога, но рельсы были прежними, и создавалось впечатление, что путь еще в рабочем состоянии.

Рельсы исчезали в отвесной скале, от которой исходил прохладный запах влажного камня. Слышалось далекое клацанье механизмов. Шум становился все громче: ритмичное уханье, стук и звяк. Он двинулся по уходящим под землю рельсам, которые привели его в систему пещер, затянутых прозрачными силикатными волокнами. Многие камни испускали собственный цвет, тут и там из породы и окаменевших скелетов плезиозавров выпирали кристаллы огненных опалов или поблескивающих рубинов. Но еще удивительнее было расплывчатое, как Млечный Путь, мерцание, которое лилось с потолка, где к камню бесчисленными нитями льнули крошечные светящиеся черви.

Очередной туннель вывел его в гигантскую пещеру с парком аттракционов. На прекрасной гранитной арке над входом название «ЛАБИРИНТИЯ» было выложено фосфоресцирующим мхом, который Чистотец видел на стенах Каньона. Это название упоминал и доктор Тад: его носило утерянное поместье Ситтурда в Южной Дакоте.

Если наверху царили пыль и запустение, здесь, внизу, их сменило великолепие: восхитительная механическая детская площадка, населенная гидравлическими марионетками, работающими от паровых турбин танцовщицами, автоматами на ходулях с птичьими клетками на плечах, говорящие, пугающе жизнеподобные фарфоровые куклы.

Подданные этого блестящего королевства приветствовали его с чопорной викторианской любезностью, а после возвращались к своим лязгу, кружению и щелканью. Тут было миниатюрное чертово колесо, составленное из ромбов, — под охраной солдат в броне и с головами оленьих чучел. Полированные титановые горки перемежались с мраморными фонтанами, где плавали чудесные механические рыбы и нежились изумрудные черепахи. Аттракцион под названием «Беспокойство» — центрифуга инфракрасного света — жужжал рядом с гравитационным устройством под названием «Паранойя», оттуда проход вывел к

Срединному пути, украшенному шедеврами — от полотен Брейгеля и Рембрандта до картин Ван Гога и Пикассо. И по всему этому сказочному царству эхом гуляла мелодия каллиопы.

И вновь Чистотец заметил, как за вычурными автоматами метнулась чья-то тень. Она скрылась между двух крупных плетеных клеток в виде бюстов Джорджа Вашингтона и Авраама Линкольна, где сидели десятки крошечных полосатых зябликов. Интересно, его выслеживает человек или существо? Чутье подсказывало ему, что ни то и ни другое. Преследователь был слишком уверенным в себе, слишком знающим, но как будто мешкал. Он снова услышал неприятный обескураживающий звук, но теперь шум удалялся, словно присутствие чужака спугнуло тень. Чем глубже Чистотец уходил в лабиринт оживающих механизмов, тем темнее становилось кругом. Любопытство пересиливало страх, но ему было не по себе. Он снова уловил движение впереди и теперь увидел, что это Юла, который решительно шагал в темноту. Чистотец прокрался следом.

Через веревочный мост он попал в коридор, освещенный панелями из плавательных пузырей какой-то морской твари. Слышалось бульканье, в воздухе витал запашок серы и мускуса. В отдалении Юла добрался до «Грота Эроса», где вдоль затопленной цепи плыли сами собой каноэ к жерлу пещеры, высеченному по форме вагины. Мясисто-розовые тона и пластмассовые морщинки наводили на мысль о дешевеньком аттракционе «ужасов». Не замечая его присутствия, Юла забрался в одну из лодок. Выждав минуту, Чистотец последовал его примеру.

Стены туннеля освещали похабные кафешантанные лампы-шары, показывая извивающиеся в камне нагие тела. Тлеющие красным дуговые лампы светили в воду на дальней стороне грота. На цепях с потолка свисали огромные хрустальные песочные часы в виде мужчин и женщин, занятых сексом. Они были заполнены красным и черным песком и вставлены в сверкающие латунные подставки, которые позволяли им переворачиваться, когда смещался вес песка, и мужчина на женщине словно бы изливал из себя цветную массу: мужчина становился невидимым по мере того, как приобретала краски женщина, а после оказывался под ней — стеклянные пары бесконечно меняли цвет и позы.

Выскользнув из туннеля, каноэ Чистотца остановилось у каменного причала. Юла куда-то исчез. Горели факелы. На внутреннем островке через протоку футов в десять шириной крутилась карусель, поблескивая в золотисто-зеленом тумане, который поднимался с воды. Фонарики на ней сливались в золотую змею, кусающую собственный хвост, а в овальных

медальонах на куполе мелькали эротические картинки кричащими красками Гогена и Руссо.

На кружащейся платформе гарцевали животные, словно бы сотканные из влажного света: черные лошади, белые тигры, изящные единороги, огромные петухи, обезумевшие сфинксы, лебеди, верблюды, козлы, быки, олени, черепахи и зайцы. Верхом на каждом сидело по голой женщине. Тут были представительницы всех народов и рас, реальные, но как будто погруженные в транс. Животные поднимались и опускались на золотых опорах, снова и снова проносились мимо церемониальным циклоном. Движение загипнотизировало Чистотца. А в центре карусели, голый среди монстров и механизмов, стоял Юла.

Чистотец сбежал. Назад на причал, назад в каноэ, назад к свету!

Спрыгнув с лодки, он бросился на Срединный путь, лавируя между механическими солдатами и заводными хористками, оттуда — в зев шахты. Наверху спустились сумерки, стены Каньона светились, музыка и лязг аттракционов понемногу стихали. Чистотец был уверен, что возвращается точно по собственным следам, но вместо свалки трейлеров оказался в лесу каменных столпов: то ли термитников, то ли статуй людей. Их лица были гротескными, но выстроились они так, будто создали живую баррикаду. Чистотец осторожно протиснулся между ними. Слева бежала по камням речушка. В отдалении он увидел небольшое селение с типи и бункерами из песчаника. В одном типи светился огонек, между жилищами горели костры и сновали тени. Чистотец решил осторожно подобраться поближе, крадясь в тени скалы и перебегая от валуна к валуну, которыми было усеяно ложе реки. Вблизи он увидел, что жители селения изуродованы, похожи на жертв облучения радиацией и передвигаются на миниатюрных внедорожных креслах-каталках. Некоторые ползали в песке, как черви. Было тут еще одно создание, которое ходило самостоятельно, но оказалось мутантом, составленным из частей от разных существ. Чистотец порадовался, что не может его разглядеть. Он бежал той же дорогой, какой пришел.

Но и на сей раз не смог найти свалки, через которую сюда попал, зато впереди увидел огни: гостиница «Красное облако» сверкала как новогодняя елка. Еще он увидел Джейн Стихийное Бедствие, гигантского ленивца. И вдруг понял, что, невзирая на массивность, по поведению и жестам, перед ним — маленькая девочка. Это она за ним следила? Сейчас трудно было сказать наверняка, потому что сгущались сумерки, но, по всей

очевидности, она играла возле той части скалы, которая отливала странным светом — отличным от люминесцентного мха, который он видел раньше. Она издавала странные звуки и буквально подрагивала от возбуждения — а потом вдруг сделала кое-что неожиданное. Она исчезла. Во всяком случае, отчасти. Она высунулась из скалы, извиваясь, еще более неугомонная, чем раньше, а потом сунула что-то внутрь, и стена камня словно бы проглотила этот предмет. Ленивец сделала несколько танцующих шагов назад, потопталась и поплелась назад в город. Несколько секунд спустя Чистотец последовал за ней. На ступеньках гостиницы он услышал горестное позвякивание, а когда подошел к конторе шерифа, звук стал только громче.

Глава 11
Сущности

Шериф не сумел скрыть облечения, что это Чистотец нашел его запертого в тюрьме, хотя не спешил объяснить, как там оказался, только сказал, что, проснувшись, увидел, как Юла исчезает в гробу в конторе гробовщика. Когда же он пошел на разведку, то услышал «охрененные звуки» с другого конца города, а отправившись посмотреть, наткнулся на контору местного шерифа, которая, как он с удивлением обнаружил, выглядит в точности как в «Стар-Сити». Одно потянуло за собой другое. А потом он не смог выбраться.

Чистотца его рассказ удивил, поскольку дверь в камеру открылась от одного его прикосновения, а ведь Шериф утверждал, что она была надежно заперта. Отложив на время эту загадку, Чистотец повел старого актера назад в отель, и по дороге оба умолчали о том, что каждый узнал сам по себе.

Мэгги отмокала в ванне, еще две ванны, от которых поднимался пар, ждали их самих, равно как и записка от Юлы с приглашением на обед, чистые белые балахоны с эмблемой пылающей тачки на груди и мокасины из оленьей кожи — под размер каждому. Чистотца порадовало, что у балахонов есть карманы: ему не хотелось расставаться с шариком из слоновой кости.

К тому времени, когда они оделись, за окном окончательно стемнело, и на улицах зажгись антикварные фонари. Несколько раз ударил колокол церкви, и прибыла карета, которая привезла на концерт Йо-Йо. На сей раз на козлах сидел хариджан, одетый как ливрейный лакей викторианских времен.

Высоко в пещерах на уступах Каньона неандертальцы жгли костры, а между уступами сияли орнаменты из люминесцентного мха. Карета миновала хижину радиостанции, которую они уже видели раньше, только теперь она была свежепокрашена и полна света и звука, шпиль антенной башни сверкал серебром, а из-за частокола пульсировало «Чистилище души» Т. Букера и М. Джи.

Тайна места обитания Юлы эффектно раскрылась, когда Каньон завершился настоящим дворцом, высеченным в скалах наподобие индийского храма — только в форме американского Белого дома. Перед ним выстроилась почетная гвардия неандертальцев и хариджанов под гигантским флагом со скунсом и словами «ЛОКО ФОКО — Подними вонь».

Юла ждал их на ступенях лестницы в сингапурском льняном

костюме, причем ткань меняла рисунок и цвет при каждом его движении.

— Приветствую вас, друзья мои, — улыбнулся он, как только гости вышли из кареты. — Все отдохнули?

— А вы? — спросил Чистотец, думая о карусели.

— Бесспорно, — просиял Юла и жестом предложил следовать за ним.

В этом особняке их ждала такая обстановка, что взгляд у Мэгги остекленел, и даже Шериф присвистнул сквозь зубы. Юла оказался коллекционером диковин и мелких сокровищ: от сувениров американского цирка на рубеже позапрошлого века до артефактов блюза и рок-н-ролла — с основательной примесью астронавтики, раннего Голливуда, шедевров Ренессанса и самым полным, по всей видимости, собранием пластмассовых голов президентов США.

— Господи Боже, — ахнул Шериф. — Они совсем как настоящие!

У одной стены стоял мортоновский рояль. На другой висели боксерские перчатки, которыми когда-то Кассиус Клей вышиб дух из Сони Листона. Наконец Юла провел их в обшитую дубовыми панелями гостиную, где огромный скунс Уолт Уитмен спал на персидском ковре, а Слепой Лемон уже сидел за длинным столом орехового дерева.

— Джейн Стихийное Бедствие к нам сегодня не присоединится, возможно — к вашему облегчению. Она опять напроказничала, и, должен признаться, я ужасно удручен. Только подумайте, каково быть отцом ленивца-клептомана!

Горестно качнув головой, Юла жестом предложил всем садиться. Чистотцу вспомнилась скала, в которую словно бы исчезла ленивец.

— У вас раздраженный вид, Шериф. Вам чем-то не угодили в отеле?

— Вы прекрасно знаете, Юла, что со мной случилось, — проворчал Шериф. — Готов поспорить, у вас повсюду камеры и шпионы.

— Его зовут не Юла, — негромко сказал Чистотец.

— Едва ли вы можете меня винить, Шериф, за то, что я хочу знать, что творится у меня дома. Я просто предположил, что вы решите воспроизвести один из ключевых моментов из саги вашего отца. Заметьте, никакого слезоточивого газа или отряда спецназа вам не прислали.

— Что там стряслось? — поинтересовалась Мэгги.

— Ха, — усмехнулся Юла. — Наш дружелюбный страж порядка запер себя в городской каталажке. Ну, разве это не самая

ловкая и настойчивая метафора жизни? Запирать себя в нами же созданных тюрьмах!

— Это не моя тюрьма, а ваша, — возразил Шериф. — И думаю, я до сих пор в ней. За чаепитием вы обронили довольно странную фразу. Даже несколько, если уж на то пошло.

— Чушь, — улыбнулся Юла.

Вошли хариджаны с серебряными подносами, заставленными тарелочками с икрой, фазанами, индейкой, дичью, бизоном, форелью и кроликом, маисом, стручковой фасолью, бобами, золотым картофелем и горами диких орехов и ягод (за ними последовало шесть различных фруктовых пирогов, гора козьего сыра и домашнее ванильное мороженое).

Некоторое время тишину в столовой нарушали лишь жевание, чавканье и глотательные звуки, поскольку никто не знал, что сказать. Слепой Лемон взялся за еду с таким пылом, что Мэгги заинтересовалась.

— Он еще и есть способен?

Слепой Лемон тут же пукнул.

— И не только.

— Успокойся, Лемон, — одернул его Юла. — Я извиняюсь за миссис Кейн. Она молода и невежественна, но у нее доброе сердце.

— Не-жежественна? — вспыхнула Мэгги и едва не подавилась икрой.

— Осторожнее, дорогая. Мы же не хотим, чтобы вы подавились косточкой. Конечно, я отвечу на ваш вопрос. В вашем понимании Слепой Лемон целиком и полностью человек. Тело у него органическое, в точности как ваше, хотя лучшего качества и более долговечное. Различия проявляются в том, что касается неврологии и харизмы.

Мэгги уже собиралась отпустить еще одно оскорбительное замечание и, возможно, даже швырнуть в хозяина бисквитом, когда Шериф, встрепенувшись, повернулся к Чистотцу.

— Что ты имел в виду, говоря, что его зовут не Юла? Кто же он тогда?

— Вот это называется замедленная реакция, — прокомментировал Юла.

— На самом деле он Ллойд Мидхорн Ситтурд, забытый американский гений девятнадцатого века, — ответил Чистотец.

— Кто? — удивился Шериф. — Никогда о таком не слышал.

— Я же сказал, что про него забыли.

— Я сменил много лиц и имен, — кивнул их хозяин.

— Подождите-ка! — оборвал его Шериф. — Девятнадцатый век? Значит, ему…

— Хорошо сохранился, а? — улыбнулся Юла, изучая тарелку с голубями, нафаршированными диким рисом.

— Я так думаю, — пожал плечами Чистотец. — Кажется, вам пора рассказать мне, нам всю историю целиком.

— Всю-всю? Я польщен, что тебе кажется, будто я ее знаю. — Юла положил себе дичи. — Ну, поскольку на сей раз нет чизкейка, чтобы в него упасть, надеюсь, все обойдется.

— Очень смешно.

— Несчастные случаи возможны даже в самых сбалансированных в химическом плане семьях. Но довольно об этом. Я Ллойд Мидхорн Ситтурд или был им. Но каждый был кем-то другим. Если повезет, то нам удается побывать многими людьми. В моем случае мне достаточно повезло, и я мельком увидел, кем был — и кто мы есть, — благодаря урагану, который унес меня, когда я был ребенком.

— Вас правда унесло? — разинула рот Мэгги.

— Так получилось. Но это была вихревая воронка, межпространственный проход, который открыл мне новые горизонты.

— Дерьмо, мистер. Да вы просто «дури» нанюхались.

— Я устремился соединиться с моей сестрой-близняшкой, которая умерла при рождении. Память о ней не отпускает меня, как вас об отце, Шериф. Но я обнаружил и кое-что еще. Присутствие иных форм жизни.

— Инопланетян? — просипел Шериф, роняя на колени ореховое пюре. — За ураганом вы нашли инопланетян?

— Как я и говорил, это был не ураган. Это была вихревая воронка, которая к тому же вывела меня в некое поле. А если точнее, в поле психической энергии, которое окружает и наполняет информацией всех нас, делает возможным само наше существование.

— Как поле кукурузы? — спросила Мэгги.

— Нет, — вздохнул Юла. — Я говорю о поле с точки зрения физики. О нематериальной области с критично взаимодействующими компонентами, которые самоорганизуются в потенциально эволюционирующие системы.

— Ух ты!

— Это поле представляет собой экосистему, которая одновременно его поддерживает и поддерживается мириадами существ, у которых есть собственная сложная иерархия.

— Вы про мифических тварей говорите? — переспросил Шериф.

— Это не твари в биологическом смысле. У них нет физической формы, они одновременно и состоят из

изолированных частиц, и вездесущи. Тем не менее они оказывают огромное физическое воздействие на наше с вами измерение.

— Как призраки? Призраки реальны?

— Вера в то, что призраки и души составляют первичную реальность, очень древняя. Но я на себе испытал буквальную истину этого интуитивного верования, — объяснил их хозяин. — Нет нужды искать их на других планетах. Эти существа живут бок о бок с нами, внутри нас. Они и есть мы.

— Подождите-ка, — прервали его Чистотец и Шериф разом.

— Вы не те, кем себя считаете, — продолжал вещать Юла, накалывая на вилку фасолину. — В любой момент времени ваши тела населяют митохондрии, микроскопические существа ваших клеток. У них собственные ДНК и РНК. Они — не «вы», и тем не менее без них вы не смогли бы функционировать. Вы — их среда обитания, их мир. Мы давным-давно знали, что это верно на биофизическом уровне. Но то же самое относится к области разума и духа.

— Вы хотите сказать, что мысли живые? — спросил Шериф.

— В некотором смысле. Наш разум населен и определен некими существами, в точности как мы населяем и выражаем более крупные и сложные физические сущности.

— Прошу прощения, — вмешался Чистотец. — Но при чем тут я?

— При всем, — отозвался Юла. — Я даже не смогу начать объяснять, что такое война, не рассказав сперва про сущности.

— Какая война? — спросил Шериф. — Джихад?

— Нет, Шериф. Гораздо более крупный конфликт. Тайная война. Борьба за судьбу Америки, западной цивилизации и даже всего человечества.

— О!..

— Если мне будет позволено продолжать, — сказал Юла, расправляясь с ножкой индейки, — мы — многоуровневые существа со сложной иерархической организацией. Квантовый уровень, молекулярный, клеточный и так далее. Каждый следующий уровень зависит от предыдущего нижнего, но неподвластен его прямому осознанию. Вы слушаете меня сейчас, потому что не тратите сознательных усилий на переваривание пищи или на движение крови по организму. Вы — результат непрерывного и гармоничного функционирования многих систем, которые, однако, работают независимо от того, что вы называете своим «Я». Мы отделены не только от низших уровней, но и от высших. Что я увижу, если сумею смотреть одновременно вверх и вниз?

— И что же?

— Сущности, пребывающие в вихревых воронках, которые пронизывают весь мир. Они находят особое выражение в неких организмах, к которым человечество наиболее восприимчиво.

— Значит, они как болезни… как вирусы.

— Некоторые — да, — подтвердил Юла. — Но это низшие формы. Живучие и стойкие, но низшие. Я говорю про более сложные сущности, которые научились жить в симбиозе с нами. Язык, символы, рациональное мышление… Они колонизировали мозг человека основательнее, чем других млекопитающих, именно этим наш вид отличается от прочих. Из этого симбиоза возникли еще большие и еще более сложные существа: разум, индивидуальность, общество, культура, цивилизация.

— Почему вы назвали меня Элроем? — вырвалось у Чистотца.

— Терпение, — отрезал Юла. — Я до этого дойду.

Мэгги бросила бобом в Слепого Лемона, который задремал на стуле.

— В начале было Слово, — сказал Шериф, накладывая себе стейк из буйвола.

— Да! — воскликнул Юла. — Руны, ради которых Один подвесил себя на дереве. Слово, ставшее плотью. Магия, религия, наука, поэзия, музыка — все эти присущие человечеству формы на самом деле являются коллаборационными мутациями, возникшими из симбиоза сущностей с нами!

— Так с кем же мы воюем? — спросил Шериф. — С этими сущностями?

Проснувшись, Слепой Лемон достал из кармана золотые часы и поднес их к уху.

— Прошу прощения. Мне пора.

— Все в порядке, Лемон. — Юла снова расслабился. — Тебе понравился обед?

— О да! — Старик улыбнулся, вставая с достоинством Рея Чарльза. — За пирогом приду попозже.

— Ну разумеется. — Юла улыбнулся и на богомольем языке обратился к хариджанам, которые явились увести блюзмена.

— Чего это вы с ним так миндальничаете? — фыркнула Мэгги.

— Потому что Слепой Лемон — Властелин Жизни. Прошу прощения, если раньше приписал слишком многое себе. Как вот с вашим другом, — сказал он, махнув на Чистотца. — Я лишь открыл окно, а сущности, про которые я говорил, влетели в него как ветер.

— Я хочу знать, кто я на самом деле и зачем я здесь, — отозвался Чистотец.

— А я хочу знать, с кем мы воюем, — не унимался Шериф.

— А я хочу знать, где здесь клозет, — икнула Мэгги.

— Ну, — сказал, вставая, Юла, — давайте передохнем и поразмыслим над темными и сложными проблемами. Пойдемте. Мы удалимся в Мыслительную гостиную, где я расскажу вам повесть о Войне Душ и о нашем с вами друге. О Последней Надежде.

Часть 6 «ДУХОКРУЗЕР»

Но, выйдя из зависимости грустной,
С годами мозг мыслителя искусный
Мыслителя искусственно создаст.[96]

Гете (Фауст, Часть II)

Глава 1
АППАРАТУС

Мыслительная гостиная оказалась пустой и голой, если не считать нескольких кресел, впрочем, таких удобных гости Юлы не встречали за всю свою жизнь. На стенах непрерывно сменяли друг друга живые картины. Головы и лица проступали сквозь них как сквозь воду, иногда иллюстрировали слова Юлы, а иногда казались частью сна, который видела комната.

— Ладно, — начал Шериф, когда все расселись и налили себе выпить. — Сгоним скот по-быстрому. Во-первых, вам больше двухсот лет.

— Верно, — согласился Юла.

— Во-вторых, когда вы были ребенком, вас унес ураган. Но это был не обычный ураган, а дверь в иное измерение, где вы обнаружили идеи, которых у людей не бывает и которые являются частью того, что мы есть.

— Хорошо сказано.

— Язык, математика и все такое… не мы изобрели их, а напротив, они в каком-то смысле изобрели нас. Это и отличает нас от прочих животных.

— В точку!

— Но мы в свою очередь служим носителями для других систем, как то социум и корпорации?

— Они выражаются через нас, но созданы не нами, — подтвердил Юла. — Эти сущности служат фундаментом для более высокоорганизованных форм бытия, недоступных нашему пониманию.

— О'кей, — продолжал Шериф, тщательно подбирая слова. — Тогда прав ли я буду, сказав, что «война», про которую мы говорим, как-то связана с этими другими уровнями бытия?

— Да. Такова истинная природа конфликта, хотя человеческий фактор уже давно в ней задействован.

— И эта война имеет какое-то отношение к Чистотцу, или Элрою, как вы его назвали. Он действительно ваш сын?

— Люди направо и налево бросаются всякими «действительный» и «реальный», — раздраженно буркнул Юла. — Поэтому давайте отложим пока ваш вопрос. Что до войны… В вихревой воронке я видел множество чудес, но краем глаза заметил едва различимую тень.

— Монстра? — Мэгги заинтересованно выпрямилась в кресле.

— Скорее предостережение.

— Зло? — спросил Шериф.

— Не Зло как таковое, поскольку оно вне подобных категорий, но мне… нам… так показалось. Я называл его «АППАРАТУС», хотя у него нет имени. Это психопатология, возникающая из тьмы и раздоров на низших уровнях. Ее цель — трансцендентность, переход на высший уровень. Она развивается и набирает силу с незапамятных времен. Когда она захватит все — я называю этот момент достижением Суверенной Власти, — в нашем измерении разразится чудовищный кризис. В духовном мире откроется черная дыра, которая засосет все сущности.

— Как конец света?

— Я говорю не о горах тел на улицах и не о смерти всех до единого мелких млекопитающих на деревьях в тропическом лесу, хотя и такое возможно. Как бы мне объяснить…

Юла поерзал в кресле, которое тоже поелозило, чтобы ему было удобнее сидеть.

— А как выглядит этот АППАРАТУС? — спросил Чистотец.

— Он вообще никак не выглядит, — простонал хозяин. — Его нельзя увидеть! Он существует во всех измерениях и моментах времени одновременно. Мы существуем в нем!

— Ладно, — сказал Шериф, которому кресло подало стакан виски. — Если это тело, то чем мы в нем являемся? Нервными окончаниями? Энзимами?

— Никакое это не тело, — рявкнул Юла. — Это гигантский разум-улей.

— Бэ-э-э! — Мэгги передернуло.

— Но и это определение неверно. Ведь в улье должны быть рядовые пчелы, царица и даже трутни. Но АППАРАТУС больше похож на демонстрацию, которая вдруг превращается в обезумевшую толпу, жаждущую лишь собственного уничтожения. АППАРАТУС стремится к трансцендентности через распад. Через грядущий психоцид.

— Господи, — вздохнул Шериф. — А я думал, что самые страшные враги человечества «Аль-Вакия» и «Культпорация Витесса».

Лицо Юлы словно бы посерело.

— Ха, подождите-ка! — воскликнул Шериф. — Ведь Ронуэл Сьюард, кажется, приложил руку к основанию «Витессы». Если вы Вонючка Юла…

Юла насторожился и заелозил в кресле, которому тут же пришлось изменить форму, чтобы компенсировать его движения.

— Готовы услышать кое-что неприятное?

— Господи боже! — застонала Мэгги. — Что может быть хуже гигантской насекомой штуковины, которая хочет себя убить и

всех остальных прихватить заодно?

— Я стоял за основанием «Витессы», — ответил Юла. — «Витесса» — часть моего большого плана в борьбе с АППАРАТУСОМ. «Витесса» действовала совместно с «Аль-Вакией», чтобы вести так называемый джихад против Соединенных Штатов и их союзников, ведь в конечном итоге священная война усиливала «Витессу». Как только корпорация укрепила свои позиции, то сразу позаботилась о поражении «Аль-Вакии».

— Но «Витесса» же пытается меня убить! — воскликнул Чистотец. — Они убили Кокомо!

Юла застыл. В комнате воцарилась мертвая тишина, а Шерифа вдруг затрясло.

— Вы… вы это не всерьез! У вас м-м-мания величия! Моя дочь… моя прекрасная девочка… умерла в этой войне! Вы пожертвовали ее жизнью.

— Многие умерли в той войне, — спокойно возразил Юла.

Чистотец увидел, как подергивается Шериф, и подумал о зеленых глазах Кокомо, от взгляда которых унималась душевная боль. Буквы у него на спине жгли огнем. Юла же сидел неподвижно и не пытался защищаться. Шериф медленно закипал, изо всех сил стараясь не взорваться.

— Так, значит, это заговор? Огромный заговор?

— Очень хорошее слово, но я предпочитаю произносить его с другим ударением: «заговóр», то есть чары, — ответил Юла. — Я взвесил потенциальную выгоду и потенциальный ущерб и принял стратегическое решение.

— От имени целого народа, мать вашу! Целой планеты! — задохнулся от возмущения Шериф. — Кто дал вам право?

— Я считал тогда и считаю сейчас это ответственностью, моей Великой Задачей. И сущности наделили меня полномочиями. Они избрали меня. В точности как избрали Лимонного Спайро.

— Кого?

— Моего наставника и архиврага. Первого Укротителя Циклонов, исконного энигматиста. Я искал запретное знание, которое стало бы оружием в моей борьбе. В борьбе, которую я начал еще ребенком. Вы говорите про войну, так вот я воевал всю свою жизнь. Воюет сама цивилизация, и это война ценностей, война между просвещением и невежеством. Я терял друзей и членов семьи. Я претерпел одиночество, какого вы даже вообразить не можете. Пока другие стремились выйти на сцену истории, я держался в тени. Все эксперименты я ставил сперва на себе самом. Вы считаете меня беспринципным чудовищем? Я

вернулся из урагана, Шериф. Я мог бы преобразиться, уйти на высший уровень, сбежать. Я вернулся, чтобы не дать втянуть веревочную лестницу — чтобы не дать закрыться воронке.

В столовой с шумом перевернулся во сне с боку на бок Уолт Уитмен. Шерифа раздирали чувства слишком сложные, чтобы дать им выход. Наконец он сказал:

— Как только рассветет, я ухожу. Зная то, что знаю теперь, я не останусь тут ни минуты. Вы двое вольны ко мне присоединиться, — кивнул он своим спутникам. — Но мы попали сюда не из-за меня. Мы прилетели, чтобы помочь нашему другу найти ответы. Вы назвали его Последней Надеждой. Хорошо, пусть вы такой великий и могучий, пусть вы ведете свою тайную войну, но давайте пока вернемся на землю.

Глубоко вздохнув, Юла поглядел на Чистотца.

— Я собирался обсудить это наедине.

— Они мне как родные, — сказал Чистотец. — Они моя семья. Рассказывайте при них.

Юла поморщился, но сел прямее.

— «Витесса» выскользнула у меня из рук. Уже довольно давно. Как и мой старый наставник и враг Спайро, я в некотором смысле был вынужден бороться с самим собой. Тягаться силами с АППАРАТУСОМ — как играть в шахматы с противником, который может не только съесть твои фигуры, но и обратить их против тебя. За последние полтора века мне пришлось многократно заново изобретать себя и биотехнически поддерживать мое тело, лишь бы продолжать борьбу. Мне приходилось делать копии себя, чтобы не попасть в ловушку. На каждом шагу мои создания и стратегии обращались против меня или разрабатывали собственные творения и методы. Но если сомневаешься, испей до дна неуверенности, ибо в ней Надежда, а сейчас мы погружены во тьму особого рода. У меня есть еще один козырь в рукаве. Это не прямой покер. А спиральный. И разыграть мне осталось лишь одну карту. Тебя. Ты — туз.

— Ну вот, опять его занесло! — простонала Мэгги.

— Чтобы вы поняли, я должен вернуться к «Макропотамии», первому в мире парку аттракционов в современном смысле, который я спроектировал в середине семидесятых годов позапрошлого века в Питтсбурге. Тогда я верил в успех моего честолюбивого замысла и думал, что одержал большую победу над тем, что воспринимал как силы коррупции и хаоса в современном мире. Мне хотелось создать царство не просто чудес и сюрпризов, а истинного просвещения, не место фантазий, а воссоздание моей мечты о том, чего могла бы достичь Америка, если объединить искусство и науку, религию и страсть. Так вот я

недооценил силы, сплотившиеся против меня, и того, насколько могуч АППАРАТУС. Моя мечта рассыпалась в прах. В конце концов мне пришлось пойти на стратегическое отступление. Но я осознал, что единственным выходом станут еще более честолюбивые замыслы.

Я взял в привычку гулять по парку в чужом обличье. Так я мог узнать, что думают посетители и насколько хорошо играют свои роли служащие. Однажды я подслушал, как маленькая девочка спрашивает папу, почему на улицах Питтсбурга грязнее, чем в парке аттракционов, и внезапно понял, что мое творение — мирок, которым владеет и который контролирует горстка богатых магнатов, а ведь и сам город в руках все тех же магнатов. Граница между парком и городом — психологическая, это вопрос восприятия. А поскольку любое восприятие есть иллюзия, я догадался, как можно переиначить границы, чтобы создать новый вид тематических парков, где я перестану зависеть от своры баронов-разбойников[97], парк, в котором все будут участниками, и поддержание новой реальности будет возложено на всех. Я понял, что мне необходимо работать не в масштабе города, а в масштабе всей Америки.

— Вы решили превратить Америку… в тематический парк?

— Тема определяет суть парка, Шериф, в точности как идея определяет разум.

— Вы пытались контролировать…

— Толпу и так контролируют! Я пытался поставить балет цивилизации. Я думал, что если сумею перепрограммировать Америку, то смогу защищаться против АППАРАТУСА, ведь именно АППАРАТУС погубил Спайро.

— Вы безумны! — пробормотал Шериф.

— Я велик. Я вобрал в себя множества. Дайте мне вивисекцию и соборы! Как я и пытался объяснить, не я выбрал эту задачу, она выбрала меня.

— Ладно. Предположим, мы вам верим. Что вы сделали? Как вы захватили Америку?

— Заставил ее исчезнуть.

— Как это? — Лицо Мэгги застыло.

— Я сделал так, чтобы некоторые части Америки исчезли, и заменил их собственными версиями.

— Вы что, про города и штаты?

— Сказать по правде, я и такое в паре случаев провернул. Возьмем Южную Дакоту. Вы, наверное, заметили, что время тут течет медленнее?

— Никто не может изменить ход времени! — крикнул Шериф.

— Я говорю про историческое время, Шериф, про ход культуры. Неужели сады рептилий и походные кухни ничего вам не подсказали! А ведь именно ими я подменил элементы американской культуры. Если я смогу заставить вас поверить, что вы видите слона там, где его нет, я могу заставить вас увидеть целое стадо слонов. А где лучше всего спрятать слона, как не в стаде?

— Значит, на самом деле вы ничего не…

— Напротив!

— Вы дурачите людей…

— Ага! Вы сами-то поняли, что только что сказали? — обрадованно оборвал его Юла. — Вы задействуете очень сложное программное обеспечение. Оно называется риторика. Вы использовали слово «дурачить», у которого исключительно негативные коннотации. Вы не продемонстрировали и не доказали, что я совершил нечто дурное, вы просто навесили на мои поступки ярлык и считаете, что привели убедительный аргумент. Для тупиц это зачастую срабатывает. Вам следовало бы познакомиться с Выводом Мулруни: если не можете дурачить людей все время, вам нужно быть крайне честными с теми, кого вы пытаетесь одурачить в любой данный момент.

— Выходит, технология, про которую вы говорите, всего лишь слова!

— ВСЕГО ЛИШЬ СЛОВА! — воскликнул Юла, подавшись вперед, и кресло изменило форму, подстраиваясь под его тело. — В словах нет ничего «всего лишь». Не бывает «всего лишь слов». Есть только СЛОВА. Могущественные и ловкие. Вы — слова, Шериф. Слова, идеи и, осмелюсь сказать, точка зрения на мир. Программное обеспечение определяет развитие компьютерных технологий. Вам тоже нужно думать о себе как о плоде технологий, и тогда, возможно, вы начнете ценить «реальность» идей.

— Значит, вы перешли на их сторону.

— Я заключил союз. Я понял, что для победы над АППАРАТУСОМ мне понадобится поддержка союзников более могучих, чем я. Сотрудничая с сущностями, я изобрел собственную сущность, которую назвал РЭТ — Разумная Эволюционирующая Технология. РЭТ позволила мне спроектировать моих информационных потомков и контролировать биологических. Вы, возможно, помните историю с НЛО в Росуэлле в сорок седьмом году. Так вот это не военные облажались и никакой инопланетный звездолет там не приземлялся — это рухнул один из моих ранних спутников, который я запустил в конце Первой мировой.

— У вас уже тогда были собственные спутники?

— Конечно. Но они быстро устаревали. Проблема заключалась в том самом элементе, который делал столь грозным самое лучшее мое оружие, а именно: до известной степени они были биологическими, то есть непредсказуемыми. Мне казалось, что именно непредсказуемости АППАРАТУС не в силах ничего противопоставить. К сожалению, очень скоро мои создания заинтересовались духовной стороной бытия.

— Вы хотите сказать, уверовали в бога? — спросил Чистотец.

— Во всяком случае, искали его, — отозвался Юла. — Изучали все, от сочинений Якоба Беме и Майстера Экхарта[98] до гностических евангелий. Но они пали жертвой острого фракоционализма. Их собственная демократия веры допускала столь широкий спектр конфессий, что ничто не удерживало их вместе. С точки зрения кибердуховности раса Разума превратилась в убежище талибов. Интегрированные системы, которые разработала РЭТ, создали собственную более крупную сущность, которую назвали Даэмон…

— Вы говорите про машины или компьютеры, которые создавали другие умные машины? — переспросил Шериф. — И еще до того, как они появились у нас?

— Не просто машины или компьютеры. Метачеловеческие формы жизни. У которых, разумеется, были собственные устремления и цели. Помните, я говорил про Савуар Фэра? Так вот Савуар Фэр создал Мистера Прикля.

— И кто такой этот Мистер Прикль?

— Интегрированная система, способная видеть все стороны любой проблемы. Чем умнее он становился, тем медленнее функционировал. В конечном итоге он замер, созерцая чудо. Не смогла помочь даже миссис Дарлинг.

— А это еще кто?

— Телепатическая система дефрагментации, которую сконструировал Дядя Уолдо. Названа по имени мамы в «Питере Пэне», которая умела заходить в сны детям и «убираться» у них в голове.

— Дядя… Уолдо? — спросил Чистотец.

— Я забегаю вперед, — ответил Юла, беря материализованный креслом напиток. — Я решил Загадки Спайро и — если хотите — победил его в физическом поединке, но натолкнулся на ту же преграду, что и он. На моей стороне был его опыт, поэтому я запустил новые протоколы, которые начали формировать культурные системы и управлять ими, а также непосредственно определять скорость и направление технологических открытий, а ведь Спайро даже в голову бы не

пришло попытаться. На ключевые посты я поставил дублеров — тела, захваченные подчиненным мне разумом. Иногда я просто вкатывал кому-нибудь инъекцию «Вдохновения», но подбор дозы здесь связан с большим риском. Можно спровоцировать латентный невроз, а в особо неудачных случаях — неизлечимый психоз. А вот дублеры спроектированы так, чтобы слушаться команд, но им не хватает инициативы и способности к импровизации, поэтому для управления ими требуется огромное время. Даже мелкий чиновник вроде госсекретаря превращается в административный кошмар.

— Мы тут про людей говорим? Про президентов и прочих шишек?

— На президентов я махнул рукой после Кеннеди. Он мой самый большой провал. Пришлось разработать целую серию заговоров, лишь бы скрыть вышибленные мозги!

— То есть?

— Он слишком наглел и, насколько я видел, двигался прямиком к клиническому психозу. Ему полагалось тихо умереть во сне, но система удаленного управления рухнула, и пришлось придумывать что-то с наемными убийцами.

— Так вы стояли за убийством Кеннеди?

— А вы что думали, Освальд в одиночку действовал? Столько мороки, откровенно говоря. Тогда я решил снова сосредоточиться на бизнесменах и знаменитостях. Это было…

— На каких знаменитостях?

— Уже в эпоху Эла Джолсона[99] я понял, что индустрия развлечений окажется важнее политики и социальных проблем. А это означало, что самыми влиятельными людьми в Америке станут актеры и звезды спорта.

— И что?

— Первым моим большим экспериментом — и неудачей — был Бинг Кросби[100].

— Кто?

— Бинг Кросби! — повторил Шериф. — Предположительно первая современная сверхзвезда. Но он-то не был неудачником!

— Он позволил себя развратить, им завладели силы, которые выпустил на волю Даэмон, а затем захватил АППАРАТУС. Но я многому научился. Я уверовал в то, что остальные лишь предчувствовали: ключ к исцелению Америки лежит в синтезе белого рационализма и бурлящих страстей африканского народа. В то время полем битвы была исключительно музыка, и потому я взялся изучать блюз, джаз и в конечном итоге рок-н-ролл. Я возлагал большие надежды на одного музыканта, но его замкнуло на Рождество пятьдесят четвертого, когда он якобы играл в

русскую рулетку за сценой в Хьюстоне. К тому времени семейство Даэмона настолько усложнилось, что попыталось украсть негритянскую музыку, выдавая «разбавленные» белые версии. Джонни Эйс[101] был черным певцом с притягательным белым голосом. Он изменил бы ход истории, если бы не взорвался как суперновая.

— Так вы утверждаете, что люди вроде Бинга Кросби и Джонни Эйса… были вашими созданиями?

— Ну конечно, все крупные звезды были моими, но значимые тенденции в поп-культуре можно рассматривать с точки зрения битвы между мной интегрированными системами, которые остались мне верны, и теми, которые принадлежали Даэмону и силам, слившимся с АППАРАТУСОМ.

— Господи, надеюсь, Элвис все-таки сам по себе появился! — застонал Шериф.

— О нет! — отмахнулся Юла. — Элвис был нейтральным, как и, должен добавить, Фрэнк Синатра, Нат Кинг Коул, Джеймс Браун и Слай Стоун. Но Элвис стал полем ключевого сражения. Полковник Паркер был оперативником Даэмона, засланным, чтобы внедриться в доверие к Королю и стать его менеджером. Боюсь, он слишком уж хорошо выполнил свою задачу. К Фэтсу Домино и Чаку Бери я тоже не имел никакого отношения, но оказал кое-какое влияние на Джерри Ли Льюиса. И основательно занимался Литтлом Ричардом.

— Литтлом Ричардом?!

— Это было непросто, смею вас заверить! Можно подумать, будто гомеостаз, одновременное восприятие и параллельное программирование способны решить эту задачу. Но пришлось взвинтить эго, добавить животного магнетизма, заряд чувственной ауры, сексуальную амбивалентность и манию… Вот так!

— А что «Битлы»? — спросила Мэгги. — Про них я много слышала.

— Господи, — вздохнул Юла. — Если бы вы хотя бы половину знали! На одного Ринго Старра уходила целая ночь. А что до «заговоров», то вот вам, пожалуйста, убийство Хэнка Уильямса, смерть Сэма Кука и история с Бобом Диланом.

— Бобом Диланом? — задохнулся Чистотец.

— А как насчет «Роллинг стоунс»?

— Не думаете же вы, что Кейт Ричардс сам продержался бы так долго? И приходится принять на себя ответственность за Брайана Уилсона, хотя не я его разработал. «Вдохновение» разжижило ему мозги.

— Подождите, — прервал его Шериф. — Вы хотите сказать…

Если у вас были такие возможности, технологии и так далее, как вы утверждаете, значит, вы могли бы остановить… ну, например, взрыв ядерной бомбы в Хиросиме или войну во Вьетнаме? А вы тем временем играли в поп-звезд?

— Разуйте глаза, Шериф. Проблема Бинга Кросби была тесно связана с Хиросимой, нужно просто уметь видеть взаимосвязи. В шестьдесят шестом песня «Винчестерский собор» получила премию «Грэмми», а Мао Цзедун развернул культурную революцию в Китае. Совпадение? Не обманывайте себя. В шестьдесят восьмом продюсер Дон Киршнер, один из самых влиятельных оперативников Даэмона, дал зеленый свет «Арчис», мультипликационному хору, который он контролировал целиком и полностью, — этот урок он усвоил после того, как распоясались «Монкис». На тот же год приходятся дебют Слая и семьи «Стоун». «Детройтские тигры» выиграли первенство, Джо Неймет и «Нью-Йорк джетс» выиграли у «Балтимор колтс» первенство по футболу, а Ричарда Никсона избрали президентом. Неужели вы думаете, что эти события не связаны напрямую с убийством Мартина Лютера Кинга и Кеннеди? Разве вы не видите взаимосвязи?

— А Денни Маккейн тоже ваша работа? — вырвалось у Чистотца.

— Гм… Да, но до него добрался АППАРАТУС.

— Вернитесь-ка немного назад. Как быть с крушением самолета Бадди Холли?

— Большой Боннер взорвался. Знаешь песенку про ощипывателя фазанов? Так вот Боппер был снабжен более ранней версией, которая называлась «Кружева шантильи», система аудио-гипнотического оружия, расстраивающая нервную систему. Холли и Ритчи Вейленсу просто не повезло.

— И Дженис Джоплин вы сделали? — спросил Чистотец, вспоминая Дастдевил.

— Дженис, Джимми Хендриксон и Джимми Моррисон обернулись для меня горьким поражением. После того, как они сгорели, я был так измучен, что уже не мог защищать и продвигать «фанк», как следовало бы. А в результате возникло идиотское «диско», поэтому пришлось врубить панк, а это в свою очередь дало откат к «блэнду» и проложило дорогу «взрыву хип-хопа», который вначале обещал так многое, а потом выродился и был захвачен врагом. По ходу я испробовал все… Принц… Курт Кобейн… рэп Эминема… я запутался.

— Похоже, вы основательно напортачили, — вырвалось у Шерифа.

— Напортачил?! — зарычал Юла. — Вот с такой

неблагодарной, узколобой чушью мне приходится мириться всю жизнь!

— Хватит пустословия, — не унимался страж закона с Дикого Запада. — Разве все ваши креатуры не сошли с ума или не взорвались на старте, а союзники не превратились во врагов?

— Послушайте, Шериф, если у меня были неудачи и поражения, то лишь потому, что противник был слишком силен. Я хотя бы не сдался. Вы понятия не имеете, какая могучая и коварная сила этот АППАРАТУС. Я рассчитывал, что поп-культура интегрирует, объединит Америку, а она начала пожирать другие культуры по всему миру. Враг становился все сильнее, скопировал мою стратегию и бил меня на каждом шагу. В качестве ответной меры я создал корпорацию «Витесса». Я сделал Уинна Фенсера своим протеже и выбросил на рынок кое-что из своих секретных разработок, так мы проникли в «Майкрософт», «Дисней», «Макдоналдс», «Дженерал Электрик» и ряд крупных фармацевтических концернов. Благодаря своей деловой хватке, Фенсер быстро сделался любимцем акционеров, поэтому я поставил его председателем совета директоров. Мы приобрели могущество и власть, а джихад дал нам беспрецедентную свободу для консолидации.

Тогда я женился на Фелации, она была моделью и кинозвездой. Однажды я застукал ее в постели с Фенсером и понял, что меня предали. Хуже того, он отдал ключевые позиции в империи дублерам, которых создал Даэмон. Между нами тремя разразился тяжелый и непримиримый конфликт, и от ярости и горя я утратил контроль над «Витессой». Фелация обвинила меня в том, что я сексуально покушался на ее приемное племя африканских детей-мутантов, и в конечном итоге убила их всех, а после покончила с собой. Фенсер попытался сделать то же самое, когда обнаружил, какую совершил глупость. Его изолировали на вершине пирамиды, превратили в марионетку, подчиненную разумам, недоступным его пониманию. Я спас его и заменил дублером, но и тот бессилен сделать что-либо, ведь «Витесса» теперь организация АППАРАТУСА. У дублера только что случилось кровоизлияние в мозг, от которого он скорее всего не оправится. А настоящий предатель, которого я спас, сейчас в Каньоне, отбывает пожизненное наказание за измену и уничтожение моей семьи.

— Ага, — мрачно улыбнулся Шериф. — Сдается, великого создателя тематических парков не пускают в его собственное творение! Ну, разве это не самая ловкая и настойчивая метафора жизни?! Так какое же место в вашем плане занимает наш друг и ваш якобы сын?

— Я много думал и копался в себе, — вздохнул Юла. — И поверьте, говорю совершенно серьезно. Я вернулся в вихревую воронку. Я обнаружил причину, почему мои креатуры и планы давали сбой. Технологии в их основе объединились с АППАРАТУСОМ, иными словами — на глубинном уровне я сам заражен. Как и Спайро до меня, я встраивал скрытый дефект во все, что создавал. И представьте себе мой ужас, когда я понял, что был самым могущественным катализатором эволюции АППАРАТУСА. Вообразите себе: так долго и упорно сражаться и обнаружить, что придал сил своему врагу, извращенно помогая его росту.

— Господи Иисусе! — рявкнул Шериф. — Вы сами-то слышите, что несете?!

— Мне нужна была технология иного рода. Нечто, чего не смог бы захватить АППАРАТУС. У меня уже не хватало сил поддерживать приходящую в упадок сеть креатур. АППАРАТУС использовал почти всю имеющуюся физическую энергию. Вы, наверно, заметили, что у меня бывают спады, что непрерывность пространства нарушается. Энергетические затраты феноменальны!

— И какую новую технологию вы вытащили у себя из задницы? — язвительно уколола Мэгги.

— Палингенез, разновидность реинкарнации. За счет простого метемпсихоза, то есть переноса одной души в иное тело, или более сложного — за счет засевания одного тела многими душами.

На это заявление Шериф фыркнул, но смешался и посмотрел на Чистотца.

— Выходит, я действительно Осанна Освобожденный, — сказал более молодой из двух безволосых.

— Да, ты был Осанной Освобожденным, сиротой, психбольным, начинающей порнозвездой, главой культа и мучеником, — отозвался Юла. — Твое тело регенерировали из ампутированного пениса Осанны, но твои разум и душа состоят из всего, что я смог найти и спасти, всего, что не заразил АППАРАТУС. Я собирал тебя по всей истории последних двух столетий, и в этом ты уникален. Также я передал тебе кое-что из моих собственных способностей. Последнее Преосуществление еще предстоит совершить, и тогда ты, нет, мы станем Отцом, Сыном и Святым Духом. И да помогут нам всем небеса.

— А что будет с тобой?

— Я сгружу себя в тебя, сын мой. Будем надеяться, я достаточно очистился.

— Тпру! Вы говорите, он — член? А я думала, он его откусил.

— Зубки резались. Дисфункция Воскресения. Концентрация силы в одном объекте привела к мелким сбоям и срывам на разных уровнях. Но мы это исправим.

— Кое-что подремонтировать, подкрутить, и порядок, — буркнул Шериф.

— Опять этот самоуверенный фарисейский тон, дружище…

— Но почему я? — спросил Чистотец. — Почему ты избрал меня?

— Закон естественного отбора: выживает сильнейший, — ответил Юла. — Ты Человек Горестей и Человек Штормов.

Твоя стойкость перед лицом страдания, твоя храбрость среди одиночества, твоя способность привлекать к себе людей, заставлять их рисковать собой, лишь бы тебе помочь, — это и есть великая сила духа. Как в Слепом Лемоне, в тебе есть нечто, что нельзя умалить, испортить или осквернить. В своей предыдущей инкарнации ты рос среди порока и боли, но не поддался безумию и жажде крови. Ты всегда искал любви. Ты искал душевной полноты, хотя на нее и не было надежды. Христос позволил себя распять, веря, что Отец спасет его. Будда стремился очиститься от мира, лишь бы подняться над коловращением и борьбой, которые есть Жизнь. А ты продолжал сражаться и бороться вне зависимости от того, помогали тебе или нет. Ты не отступишься там, где другие потерпели поражение, и никогда не отвернешься от Жизни. Ты вернешься помогать другим. В точности как вернулся помочь мне. Потому что, видишь ли, ты меня выбрал. Что-то притянуло тебя в Дастдевил, к страданиям Ллойда Мидхорна Ситтурда. Я был занят другим, когда тебя убили, но твоя смерть заронила зерно будущего в мою жизнь.

— Ух ты… а как же его хрен?

— Опять эта приземленная практичность, миссис Кейн. Из вас вышел бы великолепный собеседник, который подавал бы реплики старому эсхатологу вроде меня.

— У меня был папик, который такой фигней занимался. Я с него вдвое брала.

— И поделом, — отозвался Юла. — Что до означенного органа, то благодаря многим странным обстоятельствам, он был удален и сохранен, и тут не последнюю роль сыграла афера тогда еще молодого доктора Хью Сколько-Даша из Техаса. В конечном итоге он оказался в руках федералов, потом его потеряли в зарождающейся «Витессе», и нашелся он лишь случайно, когда доктор Тад напился с Олли Подридой.

— Помнишь, как Миз-младший упоминал про тяжкую религиозную фазу? — спросил Юла у Чистотца. — Это побочное действие моего влияния. Короче говоря, много лет спустя он

обнаружил, что орган попал к Олли, поэтому мы с Лемоном попытались его купить, а когда Подрида отказался от сделки, мне пришлось его выкрасть.

— Но откуда у вас вообще такая мысль взялась? — спросил Шериф.

— Ее подал мне доктор Тад. Вот что происходит, когда создаешь людей с нуля или инъекцией «Вдохновения»: они, в свою очередь, изменяют тебя самого. Он придавал большое значение объединению сексуального начала человека с ангелическим началом духовного существа, а я понял, что как раз к этому и ведут мои труды над Слепым Лемоном. Свою силу эта инкарнация Лемона черпает из душ Роберта Джонсона и Бесси Смит[102]. А еще в нем много от колдовства. Боюсь, письмена у тебя на спине вызваны как раз темной, магической составляющей уравнения.

— О чем вы? — удивился Чистотец, чувствуя, как буквы жгут ему спину.

— Твое новое тело было без всяких отметин, но твоя сила, твой внутренний огонь заключены именно в этом увечье. Бог живет в деталях, — улыбнулся Юла.

Глава 2
Конфликт реинкарнаций

— Поэтому вы так со мной поступили? — прошептал Чистотец, оттягивая балахон, чтобы стали видны неровные буквы, вырезанные у него на спине.

— Ух ты! — присвистнула Мэгги.

— Да вы сумасшедший! — охнул Шериф. — И еще называете его своим сыном!

Юла сидел с каменным лицом.

— Я и не надеялся, что вы с миссис Кейн поймете. У вас нет необходимого программного обеспечения, чтобы меня понять, ведь вы только загружаете его, пока мы разговариваем. Поэтому не стану говорить, как мне это было мучительно. А что до тебя… — Он повернулся к Чистотцу. — Ты со временем поймешь, если уже отчасти не понял. Изначально отметины оставил твой приемный отец в твоей прошлой жизни. Боль глубоко в тебя въелась, но эту муку ты превратил в источник энергии. Я не смог бы принести твою душу из Урагана и вселить в это тело, не вернув отметины, чтобы ты получил доступ к той же энергии.

— Что за суеверная чепуха! — воскликнул Шериф.

— Вы говорите как косный старик, Шериф. Всегда есть место для науки и религии, а еще для магии. Наша война — серьезный конфликт, который требует объединения старого и нового и не позволяет пренебрегать даже малостью.

— Так вы покалечили меня, — прохрипел Чистотец, буквы жгли ему спину, — чтобы превратить в оружие? И в моей прошлой жизни…

— Тебя родила юная проститутка. Ей было приблизительно столько же, сколько миссис Кейн сейчас, отец неизвестен. Это было в Питтсбурге. Тот город тоже у нас общий. Она связалась со священником-расстригой. У него была пара-тройка маний. И ты послужил фокусом для его психоза. Он убил ее и пытал тебя. Но ты выжил, а потом нашел свою дорогу в мире — и ко мне.

— Надо же, какое счастливое, защищенное детство! — фыркнул Шериф. — Один квазиотец тебя терзает, другой над тобой экспериментирует!

— Вам лучше не дразнить меня, Шериф. Как вы сами сказали, вы пришли сюда за ответами для своего друга. Я даю их. Держите себя в руках.

— А почему вы назвали меня Элроем?

— Новое имя для новой жизни. Тогда это мне показалось

удачной идеей. Если предпочитаешь, чтобы тебя звали Элайджа, давай буду звать тебя так. Как указала наша практичная миссис Кейн, Элрой и Элайджа звучат почти одинаково.

— Но где дядя Уолдо и тетя Вивиан? — спросил Чистотец. — Их-то я помню! Дядя Уолдо любил собирать головоломки-паззлы. Тетя Вивиан решала кроссворды. В солонке она держала зернышко перловой крупы. Она подарила мне светящийся в темноте зеленый череп с жевательной резинкой и гробик с прыгающим мексиканским бобом! Они подарили мне собаку по имени Лаки!

На сей раз Юла дрогнул, и сами стены как будто заколыхались.

— Дядя Уолдо и тетя Вивиан — это не люди, сынок. Это созданные мною интегрированные системы. Они внутри тебя. Они лучше всех сопротивлялись наступлению АППАРАТУСА, но мне все равно пришлось их разъять, дабы очистить все, что возможно. Мне нужны были их мощности, чтобы…

— Вы разобрали их… чтобы сделать его?

— Остыньте, Шериф. Все на свете было частью чего-то. Это называется трансформацией. Ростом. Это ритм жизни. Не делайте из этого драмы.

— Я их помню, — повторил Чистотец. — Не лица, но…

— Их душу? Ну, тут нет ничего удивительного.

— У компьютеров есть душа? — простонал Шериф и потянулся за стаканом.

— Перестаньте наконец называть их компьютерами! — заорал Юла. — Гораздо точнее будет считать их искусственным интеллектом, если хотите, хотя и это будет далеко не точно.

— Но я их помню! — не унимался Чистотец. — Их веранду. Летние каникулы. Они дарили мне подарки.

— Да, — согласился Юла. — Дарили. Вижу, они наделили тебя кое-какими счастливыми воспоминаниями. Они дарили тебе любовь. Шериф сейчас снова примется стонать и закатывать глаза, а бедная миссис Кейн — дуться как тролль, но дали они тебе именно любовь. Я им не приказывал. Эти воспоминания — их собственные творения и самые настоящие дары, столь же реальные, как предметы и мгновения, о которых ты только что говорил. На самом деле они еще более ценны, потому что до сих пор с тобой, и всегда останутся.

— Но как…

— Я все пытаюсь тебе объяснить, что граница между одухотворенным и неодухотворенным сама по себе живая — хрупкая и неуловимая. Если ты вынужден взаимодействовать с материей, лучше считать ее живой. Тетя Вивиан и дядя Уолдо

были формами жизни, которые продолжают существовать в тебе. Они — твоя семья.

— Но это нереально… они не…

— Не реальны? Почему? Ведь воспоминания кажутся тебе реальными, верно? Они были реальны для Уолдо и Вивиан. Думаю, перловка в солонке — очень милый штрих.

— А разве вы…

— Я же сказал, что ничего про это не знал! Воспоминания — их идея. Я даже не знаю, как они у тебя появились. Но знаю почему. Уолдо и Вивиан старались дать тебе что-то теплое и счастливое, на что ты мог бы опереться. В твоей жизни было слишком много страданий. Не отвергай их дары. Они были скромными, но от чистого сердца.

— И теперь дяди Уолдо и тети Вивиан больше нет?

— В их прежней форме. Поколения уходят. Сейчас они часть тебя. В грядущие времена они дадут тебе силу. Разве ты не понимаешь, сколько форм жизни рассчитывают на тебя?

— А чего они от меня ждут?

— Пожалуй, я не готов обсуждать это в присутствии Шерифа и миссис Кейн. Их как будто выводит из себя все, что бы я ни сказал, и, судя по их лицам, они не верят ни единому моему слову.

— Ловко вы впариваете ему чувство вины, — вставил Шериф.

— Но что я делал в Питтсбурге? Как я там оказался? Что со мной случилось?

— Успокойся, — сказал Юла. — Я отправил тебя с пробной миссией. С целью разведки и проверки всех боевых систем. К несчастью, случился сбой, вызвавший потерю памяти, кое-какие системные ошибки. Не буду утверждать, что они стали такой уж неожиданностью, но они достаточно значимы, чтобы потребовалась доработка. Откровенно говоря, я даже не знал, насколько серьезные возмущения в поле социума ты способен вызвать. К тому же мне было интересно, как тебя воспримет «Витесса».

— Но что я делал в Питтсбурге? Зачем заново переживать ужас прежней жизни? Это было каким-то уроком?

— Если да, то, уверяю, я ничего подобного не планировал, — возразил Юла. — Я устроил так, чтобы тебя отвезли в Нью-Йорк, думая, что если ты вызовешь беспорядки, то там для этого самое место. Потом ты — по собственной инициативе — связался с ячейкой сопротивления, которую я там основал. Думаю, тебя, возможно, привлекло искажающее поле вокруг их базы, которое ее укрывает. А руководство ячейки послало тебя на запад.

— Они дали мне карту?

— Похоже на то. Хотя не знаю, по какой причине. Реинкарнация — такой сложный проект, что трудно отличить причину от следствия. Как бы то ни было в этой лояльной группе нашелся предатель. Как я теперь понимаю, он уже некоторое время что-то замышлял, но до срока никаких шагов не предпринимал. С твоим появлением он увидел свой шанс снискать расположение «Витессы», сдав им тебя или тебя саботировав.

— Вот черт! — Чистотец поерзал в кресле, которое попыталось подсунуть ему стакан с выпивкой.

— Он устроил так, чтобы тебе ввели опасный нейрохимический препарат и три психозонда. Один ты уничтожил. Еще два находятся в тебе — один доброкачественный, другой смертельный, но я не могу определить, какой из них какой.

— Что? У меня в мозгу какая-то штуковина? И она меня убьет?

— Да, но не волнуйся. Я считаю это наукой низшего уровня. Смысл в том, что для сатьяграхов ты стал слишком опасен, поэтому они тебя отослали, хотя и с большим сожалением.

— Значит, вы… вы позволили мне скитаться по стране, а я не знал, что и думать, как ко всему относиться…

— В настоящий момент Шериф и миссис Кейн не знают, что и думать, и так с самого своего прибытия. Если не рисковать, никогда ничего не поймешь. И вообще ты вполне в состоянии о себе позаботиться. Вопрос был в том, какой ущерб причинишь ты, а не в том, какой урон нанесут тебе.

При мысли о Лос-Вегасе Чистотец съежился.

— А как же придорожные щиты? — спросил он. — Я постоянно видел их вдоль трасс. После них вспыхивали воспоминания.

— Ах, эти, — отмахнулся Юла. — Создавая тебя, мы решили обойтись без системы наведения, и никаких команд «отмена» или «аварийное отключение» на случай чрезвычайной ситуации у тебя тоже нет. Но есть несколько каналов Вдохновения, не путай их с препаратом, который мы вводили поп-звездам. Они, так сказать, удаленные помощники. Одни из них — слуховые или голосовые, другие — визуальные, третьи заложены на уровне инстинктов. Когда завершится окончательное Преосуществление, это даст тебе несколько разных возможностей доступа в вихревую воронку. Придорожные щиты — просто система передачи сообщений. Причем самая простая: основанная на тексте. Вероятно, была уйма искажений, поскольку АППАРАТУС пытался выставлять помехи. Сейчас вся система забита статикой. Блюзы и

фанк еще пробиваются, а также японская поэзия и загадки, но все остальное пошло псу под хвост.

— Значит, вы не заставляли меня вернуться? — спросил Чистотец.

— Я ни к чему не могу тебя принудить, — ответил Юла. — Мне нужно было полевое испытание, чтобы понять, как ты поведешь себя во внешнем мире. Ты вернулся по собственной воле.

— Выходит, я просто повторил свою прошлую жизнь, — простонал Чистотец. — Механически! Как машина, как бессмысленный…

— Я бы так не считал, — возразил Юла. — Во-первых, большинство из нас забывают одну важную вещь: прошлое — единственное, что возможно повторить. Во-вторых, ты отправился на поиски смысла. Ты следовал за ключами. Ты приносил жертвы. Ты вовлекал в свои поиски других и защищал их в момент опасности. Ты узнал неприятные истины и превозмог ложь. Ты встречал и побеждал чудовищ. Ты завел друзей и перенес боль. Ты рискнул повлиять на жизнь людей, чтобы принести им надежду. Или ты не машина, или машина — совсем не то, что тебе кажется.

— Но я сеял разрушения и смерть!

— Я не говорил, что тебе не в чем себя винить. Но ты инстинктивно берешь на себя ответственность за свои действия, понимаешь ты их или нет. Это признак сильной души. Души, которая верит, что лучше потерпеть поражение, чем бездействовать.

— Откуда мне знать, что я действовал по собственной воле?

— Нам не дано знать, кто говорит через нас. Кем каждый из нас является — лучше всего рассматривать с точки зрения того, к какому племени мы относимся. Ты — циклонщик из племени Локо Фоко. Дитя времени.

— Что это такое, черт побери? — вмешался Шериф.

— Название происходит от самозажигающейся сигары, популярной в тридцатых годах восемнадцатого века. Чудесная, кстати сказать, идея — эта самозажигающаяся сигара. — Юла улыбнулся, и кресло материализовало ему как раз такой предмет. — Самозажигание. Освещение. Радикальные члены демократической партии достали их, когда их противники в Тамани-холл однажды попытались прикрутить газ в рожках, чтобы сорвать важное голосование. Радикалы, которые ратовали против рабства, зажгли в темноте свои локо-фоко, и голосование пошло своим чередом. Они победили. Их находчивость вошла в легенду, и на какое-то время отколовшаяся «Локо Фоко» стала

самостоятельной партией[103]. Ее поддерживали Торо, Уитмен и Мелвилл. Это был важный момент в истории Америки, и мне хотелось взять частицу их изобретательности для серьезной битвы, в которую мы вот-вот вступим.

— Какой битвы?

— Войско собрано. Самая устрашающая армия в истории Америки.

— Вы имеете в виду своих неандертальцев и кучку говорящих роботов?

— Нет, Шериф, я говорю про души, про армию душ. Всю мою магию, научные знания и веру я вложил в этот последний бой.

— Души? Чьи души?

— У меня есть, например, солдаты Седьмого кавалерийского полка, погибшие при Литл-Бигхорн. Храбрые люди, но слуги предательства и контаминации, герои и злодеи одновременно.

— Вы собираетесь послать Кастера…

— Генерала Джорджа сместили раз и навсегда. Их поведет Неистовый Конь. На коне из ветра, величайший воин, какого только видел этот континент, поведет души изувеченных завоевателей. Бок о бок с ними будут маршировать мертвые куклуксклановцы в горящих белых балахонах, а перед ними пойдут Эммет Тилл[104] с петлей на шее и Хэтти Ля-Круа, чернокожая Мата Хари Гражданской войны, которую четвертовали на рыночной площади Чарльстона на глазах у благородных господ и дам Юга. Понимаете, в канун духовного затемнения неустрашимые и проклятые должны сомкнуть ряды и выступить заодно.

— Вы говорите, что призраки выйдут на улицы?

— Не на улицы, Шериф. Битва пойдет в умах и сердцах. Мои отряды готовы оккупировать Американскую Душу. Они войдут в сны Америки. И поведет их всех мой Сын, я сам. Результатом станет или величайшее исцеление, какое только знал род человеческий, или пронзительный насекомый вой Суверенитета. Гибель богов. Рагнарёк-н-ролл. Вундед-Ни ждет всех нас[105]!

— Про вас только одно можно сказать: вы не в своем уме.

— Так *это* моя миссия? Вы *это* мне предназначили? — удивился Чистотец.

— Что это за шум? — насторожился вдруг Шериф.

— А как же Кокомо? Кем… чем она была? Я смогу…

— Слушайте! — прервал их Шериф. — Разве вы не слышите? Это же…

— Проклятие! — крикнул Юла, срываясь с кресла, чтобы бежать в столовую. — Это Уолт! Я совсем про него забыл! СВОЛОЧЬ!!!

Гигантский скунс Уолт Уитмен стоял лапами на столе, его черная морда была перемазана в ванильном мороженом. Пирога не осталось ни крошки. Юла согнал зверя со стола, и никогда раньше гости не видели столь виноватого или обожравшегося выражения на физиономии какого-либо существа.

— Мне просто противно, Уолт! — завывал Юла. — Подобного поведения я ожидал бы еще от Витгенштейна, но от тебя!..

Гигантский скунс попытался потереться о руку Юлы, но хозяин и знать его не хотел. Провинившемуся осталось только рыгнуть и прилечь.

Мэгги это показалось забавным, а вот Юле испортило настроение.

— Эта прожорливая тварь лишила нас десерта, но, честно говоря, я устал от вопросов. Давайте выспимся и поговорим на свежую голову.

— Меня по крайней мере здесь уже не будет, — сообщил всем Шериф.

— И меня тоже! — согласилась Мэгги. — Свалю, вот увидите, свалю!

— Нам еще надо многое обсудить, — настаивал Юла.

Потом на богомольем языке он обратился к роботу, который привез их сюда, и тот пошел за каретой, чтобы доставить гостей в гостиницу.

— Очень вам не рекомендую пускаться в какие-либо ночные приключения, — заявил Юла.

— Да я ни за какие деньги тут гулять не стану!

— И завтра поосторожнее ходите.

— Это угроза? — ощетинился Шериф.

— Я про Уолта. После такого количества пирога и мороженого у него скорее всего начнется понос.

Глава 3
Ночь всех душ

Чистотец никак не мог заснуть. Он все думал про дядю Уолдо и тетю Вивиан. Раньше они казались ему реальными. Пусть размытые и обрывочные, воспоминания о них сопровождали его, вселяя надежду и даря утешения в мучительном пути. А теперь, оказывается, их никогда не существовало или они часть него — от такой мысли голова шла кругом. «Но они-то считали себя реальными, — думал он. — И они верили в мою реальность. Они принесли себя в жертву, чтобы мне помочь. Что еще может сделать семья? Вообще кто угодно?»

Сердцем (или что там у него заменяло сердце) он чувствовал их любовь, их простую, как колыбельная, убаюкивающую заботу. Чем бы они ни были, частица их сохранилась. Она пустила корни в нем и продолжала питать его силой. «Возможно, мы всегда воскресаем, — думал он. — Потому что частица нас никогда не умирает».

Эта мысль настолько его утешила, что он задремал, но и во сне его преследовали сцены прошедшего дня. Безумные картины войн призраков и разумов-ульев. Судьба человечества. Но больше всего не давали ему покоя мутанты, которых он мельком увидел в дальнем конце Каньона, и то одно существо, более исковерканное, чем остальные. В этом месте таился темный секрет, который пугал его. Он чувствовал, что величайшая задача ему еще только предстоит: нужно будет принять решение, что делать дальше. Остаться ли с человеком, утверждающим, будто он его отец и изобретатель (на которого он, сам о том не ведая, оказал влияние в прошлой жизни), уже передавшим ему часть себя и сейчас предлагающим еще более тесное единение. Или уйти с Шерифом и Мэгги. Вернуться в большой мир, и плевать на последствия.

Что будет, если он откажется от Преосуществления? Юла умрет, а все, сотворенное им, просто растворится? Но что, если Юла-Ситтурд действительно ведет тайную войну невиданного масштаба? Может ли он, Элрой, Элайджа, Осанна (да и есть ли разница?), покинуть этого одинокого героя, отец ли тот ему или нет?

Юла, наверно, в состоянии извлечь боевой зонд из его мозга, возможно, даже восстановить ему член. Его разум прояснится. Исчезнут раздвоенность и странные голоса. Он станет един духом, разумом и плотью. Его мучения и духовные скитания

приобретут смысл. Необходимость принять решение давила тяжким грузом. Ему нужно было найти ответ, а лежа в постели без сна, его не отыщешь. Чистотец встал и оделся.

Шериф тяжело дышал во сне, а Мэгги свернулась калачиком и позой мучительно напомнила ему Кокомо. Он бесшумно спустился вниз. На улице еще горели фонари, но слабо, становясь то тусклее, то ярче — будто в такт дыханию спящих. Живая архитектура зданий тоже изменилась. Из отдельных построек лишь конюшня и мельница остались прежними. Он заглянул в конюшню. Явного источника света он не нашел, но в пульсации фонарей с улицы разглядел каркас пробитого «Билли Коннолли», а еще гору стоек для микрофонов и колонок. В одном стойле поблескивал бок какого-то автомобиля. Присмотревшись внимательнее, Чистотец разглядел автобус «Духокрузер», переделанный под гастрольный автобус рок-группы — сплошь вороненый металл и серебро, на капоте — эмблема с пылающей тачкой, на боку — слово «Духокрузер» клубами и завитушками, а в табличке с указанием маршрута — слова «ЗА ГОРИЗОНТ».

Дверца была открыта, в замке зажигания торчал ключ. Юла, наверно, отправлялся на нем в гастрольные поездки, решил Чистотец, хотя ему показалось странным, каким чистеньким и аккуратным выглядел автобус сейчас. Точно ухоженный музейный экспонат. Он снова вышел на улицу.

По дневной прогулке он помнил, что Каньон походит на лабиринт — расходится все более мелкими каньончиками. Сами скалы и земля под ним, вероятно, прорезаны туннелями, совсем как в Дастдевиле. Но это не объясняло странного места у одной стены, где играла Джейн Стихийное Бедствие. И почему ему вдруг показалось, что девочка-ленивец исчезла? Ему очень хотелось внимательнее осмотреть эту часть скалы. Потом он увидел, как в воздухе перед ним парят три китайца, белесые и яркие, как бромистое серебро.

Стоило ему подойти ближе, как они заколебались, закружились завитками яичного белка в кипятке. Всякий раз, когда он останавливался, они снова обретали плотность. Он чувствовал, что они зовут его, но не слышал голосов. Наконец они затрепетали и исчезли, и он что-то услышал. Вибрация воздуха? Но нет, звук был упорядоченным. Музыка! Но какая? Он шел и шел, пока не оказался перед хижиной «КРМА». Внутри горел свет, и всем своим существом Чистотец ощутил волнение. Он заглянул в пыльное окно. Там, где раньше стояло лишь затянутое паутиной кресло-качалка, сейчас открылась гигантская студия.

Стены были увешаны подписанными плакатами и

рекламными постерами за всю историю поп-культуры. Тут сидели Юла и Слепой Лемон — наигрывали блюзы. Между окном и ними словно бы сновали другие люди. Чистотец чувствовал их присутствие, но когда постарался на них сосредоточиться, они растворились. Слепой Лемон был одет как и раньше и играл на обычной с виду электрогитаре, но Юла, сменивший светоотражающий костюм на фосфоресцирующий балахон, устроился за пультом диковинного синтезатора, который менял форму под пальцами Юлы. Если Чистотец не пытался сосредоточиться на происходящем, то явственно ощущал присутствие людей на площадке для музыкантов. Они появлялись и исчезали как мысли — два негра-саксофониста, трубач… Оркестр, преображающийся, как цветок в ускоренной съемке… Старинные музыканты в париках, хор в длинных балахонах, исполнители госпелов и барабанщики. Тут были чернокожие музыканты, создатели спиричуэлса и фанка, сексапильные певицы и оркестры латиноамериканской маримбы. И повсюду кружили тени мелодий, пока наконец все не смолкло, помещение вновь не съежилось и остались лишь Юла и Слепой Лемон.

— Добро пожаловать в Церковь Добрых Трофеев и Призрачной Литургии, — сказал Юла. — Не спится?

— Ага, — отозвался Чистотец. — Наверно, вам тоже.

— Я вообще больше не сплю, — ответил его отец. — А скоро и ты перестанешь. Это вопрос восстановления системы. Когда часть системы спит, напряжение во всей сети уменьшается, поэтому ночь — хорошее время для работы в студии.

— Тут кто-то еще был? — спросил, оглядываясь по сторонам, Чистотец.

— Да. У нас гостило множество выдающихся музыкантов. Чарли Паркер, Джон Колтрейн и Майлс Дейвис, члены семейства Бахов. Внушительный список.

— Вы имеете в виду то, о чем я подумал?

— Истинная музыка для души. За электросинтезатором постояли Моцарт и Ахмад Джамаль. Джеймс Браун — на ритм-, а Боутси Коллинс — на бас-гитаре. А ты что подумал?

— Не знаю… — качнул головой Чистотец.

— Я не спрашиваю, понравилась ли тебе музыка. Ты все равно не сможешь сказать ничего умного. Я спрашиваю, о чем ты подумал, когда ее слушал, что почувствовал?

Чистотец помедлил, старясь выразить в словах пережитое.

— Такое чувствуешь, засыпая или просыпаясь. Я одновременно растворялся и проскальзывал в реальность.

— Что-то конкретное?

— Еда… горячая пряная еда. Головы лангустов и виски.

Чувственные женщины рожают на свет зубаток и скрипки… звездный свет… потом печаль и прохладным ранним утром аромат влажной травы и розовых кустов… и запах девушки сразу после поцелуя, а потом клубящийся над рокочущим водопадом туман. Это правильно?

— С музыкой не бывает правильно или неправильно. Но в данном случае это тем более верно, потому что музыка не звучала для тебя, а ее вызвали из тебя.

— Что?!

— Новаторская концепция. Духоремикс моего шедевра «Плацебо Домино», сыгранный «Звездным Оркестром Всех Душ», а после смикшированный в реальном времени на «Литургинууме». Этот аппарат я изобрел для передачи психоволн. В результате композитор, музыканты, слушатели и инструменты сливаются, различия исчезают.

— И мелодия была во мне?

— Ага, начинает въезжать. Башка у нашего мальчика не пустая, — улыбнулся блюзмен. — Приятно слышать.

— И эти… люди… Это все призраки?

— Скоро все поймешь. Когда завершится Преосуществление, у тебя будет нечто большее, чем знание. А с вкладом Лемона…

— О чем это вы?

— Слепой Лемон тоже к нам присоединится.

— Вы хотите сказать, он умрет?

— «Те, кто лишится жизни, обретут ее». Разве не так, Лемон?

— Аминь. — Старик выдал рыдающий риф.

Чистотец уловил запах жареной бамии и скипидарное тепло соснового леса.

— Все дело в вере, — сказал Юла, отводя Чистотца к двери. — Увидимся утром, Лемон.

Снаружи воздух был прозрачен, как глицерин, и мир снова казался плотным. Некоторое время они шли молча.

— Ты хочешь знать про нее, — наконец сказал Юла. — Про Кокомо. Ты чувствуешь, что вы были связаны, но не понимаешь как.

Сердце у Чистотца екнуло.

— Да. Я просто хочу знать.

— Просто знать? — печально улыбнулся Юла. — Не увидеть? Не обнять?

— Разве я могу на что-то надеяться?

— Пойдем, — сказал Юла и вдруг свистнул.

Из темноты выехал старый «форд» с эмблемой пылающей тачки на передней дверце. За рулем сидел хариджан. Антикварный автомобиль остановился, и Юла жестом предложил

Чистотцу сесть впереди. Они поехали к конторе гробовщика, которая оказалась заставлена гробами, пахло здесь пылью и старым деревом. На карнизе над стойкой сидел белоголовый орлан, которого Чистотец уже видел утром. К задней стене был прислонен гроб, «зарезервированный для Ибена Флуда»[106]. Открыв дверь, Юла махнул Чистотцу заходить. Приподняв крышку гроба, они оказались перед эскалатором, который привез их к длинному узкому проходу, похожему на пищевод какого-то зверя. Путь им освещали прозрачные сферы, наполненные переливчатыми желатиновыми завитками — точь-в-точь голубые диатомовые водоросли. Юла шагал молча, но у Чистотца возникло ощущение, что на него сыплются вопросы.

— Ты прав, — сказал вдруг Юла. — Я вхожу в ту часть твоего мозга, которая у нас общая. Но ты набрал слишком большую мощь, и даже мне теперь трудно считывать у тебя информацию. Ты — как неподатливый код или книга на забытом языке. Я знаю, ты беспокоишься, тебе хочется уйти с Шерифом и Мэгги, но ты все глубже проникаешь в реальность, скорость твоего восприятия растет. Вскоре твои друзья могут показаться тебе прозрачными. Ты будешь знать не только то, что они думают, — у тебя будет довольно четкое представление обо всем, что они когда-либо смогут узнать.

— Звучит… ужасно, — промямлил Чистотец.

Они вышли к ржавому подъемнику, какие можно встретить в старых шахтах.

— Ницше дал знаменитый совет: «Кто сражается с чудовищами, тому следует остерегаться, как бы самому не стать чудовищем». Вот только он упустил добавить, что, если победишь чудовище, непременно уподобишься побежденному.

Подъемник задрожал на цепях, и они стали спускаться в черный каменный колодец.

— А другого пути нет?

— Это и есть другой. Без тьмы нет и путешествия.

— Но я не хочу их терять! — застонал Чистотец.

— Как я и сказал, — нахмурился Юла, — не я выбрал мою задачу, она выбрала меня. И тебя тоже.

Спустившись по затянутой стальной сеткой шахте, подъемник остановился на каменном островке посреди подземной заводи. Тускло поблескивала вода, а за ней переливался калейдоскопом огней парк аттракционов, жутковатая музыка каллиопы эхом отдавалась от сводов.

Юла вывел его из подъемника.

— Есть одна старая пословица, которую я изобрел: «Господь дал нам потери, лишь бы наполнить нас». Я должен вот это

потерять, — сказал он, указывая на разукрашенные лампы, льющие слезы света по стенам пещеры. — Мою науку, мою магию, мои изобретения. Ты должен потерять свою человечность, свою способность к сочувствию и сопереживанию, свою мужественность и свою смелость. Лемон должен потерять целительную силу блюза, свой гений импровизатора и свой дар бытия. Разум, сердце и душа — вместе мы станем чем-то большим, окончательным синтезом.

Юла подвел Чистотца к кромке воды, и на мгновение Чистотцу показалось, что он пойдет прямо по ней, но Юла остановился.

— Знаешь пароль? — спросил он.

— А должен? — ответил вопросом на вопрос Чистотец.

— Опустоши свой разум. Расплавься, как свет на воде.

Чистотец закрыл глаза и сосредоточился на музыке каллиопы.

— «Placebo Domino in regione vivorum»[107], — нараспев произнес он.

И когда открыл глаза, вода забурлила. Из глубин поднимались, выстраиваясь по спирали вокруг островка, опаловые лица, точь-в-точь камни на переправе. Все лица были его собственные.

— Браво. А теперь, когда ты научился слову, посмотрим, сможешь ли ты идти.

Все лица, кроме первого, канули под воду. Юла ступил на него, потом сделал следующий шаг прямо на воду, и всякий раз очередное лицо возникало у него под ногой. Так он пересек заводь, ни разу не помешкав и не оступившись. Как только он оказался на причале карнавала, лица снова скрылись под водой.

— Верь в себя, — крикнул Юла. — Верь в то, что ступенька будет под ногой.

Чистотец прищурился на фигуру Юлы, черным силуэтом проступавшую на фоне огней. Он посмотрел на воду, где разглаживались морщинки последних волн. Потом снял мокасины, подобрал балахон и прыгнул.

Глава 4
Дым и зеркала

Отфыркиваясь и пуская фонтанчики воды, Чистотец видел, что Юла злится, но к тому времени, когда он достиг островка, властелин Лабиринта уже совладал с собой.

— Обязательно надо делать все по-своему, да? — сказал Юла, подавая ему руку, чтобы помочь выбраться на берег.

Запрыгнув без его помощи, Чистотец ответил:

— Я прямо-таки видел, как, идя по лицам, падаю или, еще хуже, замираю на каком-нибудь камне, как перепуганный ребенок.

— Так, значит, самый большой твой страх — уязвимость, зависимость?

— Если уж на то пошло, я внял твоему совету. Ты сказал, верь в себя. Когда я над этим задумался, мне стало очевидно, что лица-камни тут скорее декорация, чем для переправы.

С видом одновременно довольным и обиженным Юла указал на царство заводных игрушек.

— Ты как будто не удивлен, — сказал он. — Можно подумать, ты такого ожидал.

— Я ожидал, что ты захочешь, чтобы я удивился.

— Я себя выдал, — сказал Юла и поспешно пошел вперед мимо фарфорового полицейского с головой «сохатого»[108] и стеклянной матроны на шарнирах, гулявших по саду из граммофонных труб. — Но, думаю, ты еще удивишься.

— У вас тут прекрасный парк аттракционов, — признал Чистотец.

— Скорее уж бессмыслиц, — отозвался Юла. — Единственный в своем роде.

Чистотец знал, что от него ожидают вопроса, но был слишком занят собственными мыслями. Скользя взглядом по каруселям и аттракционам, он на сей раз испытал лишь печаль, пропитавшую фантазии, — горечь, вычурную, как музыка каллиопы. Подобный мирок создается, чтобы люди получали от него удовольствие. Но кому предназначено это царство диковин? Или это механическая версия Мирного Дола, золотая клетка для развращенных марионеток?

Юла провел его через группку роботов-клоунов на другой конец Срединного пути. Меж молодыми деревцами здесь торчали трости со вкладными шпагами, а в палатках на всеобщее обозрение были выставлены останки болотных людей из

Скандинавии и скелеты членов экспедиции Доннера[109]. Вывески зазывали: «Пристрели переселенца! Приз — настоящая индейская трубка мира», «Забрось сигару в рот Моники Левински — и получишь куклу-перчатку Билли Клинтон!»

Наконец они вышли к Залу зеркал, расставленных как спираль в раковине-наутилус. Пульс Чистотца участился. Он знал, что Кокомо мертва. Он ведь пережил этот ужас. Никакие слова Юлы ее не вернут. Есть же пределы даже для науки и магии, для великого Ллойда Мидхорна Ситтурда!

Или нет? Да, Кокомо послужила бы причиной остаться здесь, каковы бы ни были обитатели или тайны Каньона. Причиной жить. Она могла бы толкнуть его на битву. Она была надеждой… на собственного ребенка. На будущее. Внезапно перед глазами у него возникла ладанка с песком на шее Кормилицы… с останками его неродившегося сына. Сердце Чистотца ухало в такт музыке кружащихся каруселей.

— Не обольщай себя надеждой, — вмешался в его мысли голос Юлы, в который вкралась вдруг нотка нежности. — Ты хотел понять, а не потрогать.

— Почему ты мне не скажешь сразу?

— Ты должен увидеть своими глазами. Но кое-что я тебе скажу: молодая женщина, с которой ты познакомился, на самом деле была очень старой. В некотором смысле она была вариантом тебя — как первый набросок романа. Она была эмпатом. Она умела перенимать опыт и чувства и в особенности боль других людей — но она была ущербной. Ты ее пробудил. И ее способности росли пропорционально твоим. Сами по себе ее разум и мозг не могли функционировать, но, какой бы неполноценной она ни была, когда ты ее встретил, она приносила счастье и ясность другим. Я отпустил ее, как отпустил тебя. А потом, когда она дала сбой, я решил оставить ее во внешнем мире, нашел людей, которым мог бы доверить заботу о ней.

— Выходит, ты знаешь… Лепесток Ликорицы?

— Ну да! Самые лучшие защитники получаются из вредных ведьм.

— И ты знаешь, кто такая Парусия Хид?

— Это я, — с напускной скромностью отозвался Юла.

— Что?

— Ты бы назвал ее мифом или легендой. Я считаю ее стратегией меметической дезинформации[110]. Она возглавила моих сторонников, дала им цель, в которую они могли бы верить, а «Витессе» — еще один источник беспокойства.

— Но зачем?

— Всегда оставляй обманки, чем больше, тем лучше. В

союзников это вселяет уверенность и надежду, а врагам позволяет вволю палить по теням.

— Значит, в Индианаполисе…

— «Дамский клуб Кикапу» — моя ячейка сопротивления. Если бы все пошло по плану, от них ты попал бы прямо сюда.

— А Кокомо…

— Осталась бы у них. На самом деле ты вообще бы с ней не встретился. Разумеется, если бы все пошло по плану, ты никогда не попал бы в Индианаполис. Если бы все пошло по плану, трудно сказать, как бы все обернулось. Самое интересное в истории с «Кикапу» — что мой план не предусматривал желания Карны тебе помочь, равно как и того, что ты ощутишь свое родство с Кокомо. Со стратегами моих масштабов вечно возникают такие проблемы: измени хотя бы маленькую деталь в одном месте — в другом возникнет переворот.

— Почему бы просто не остановиться?

— На первый взгляд, это так просто и иногда даже привлекательно. Но невозможно. Предположим, ты отвергнешь или сотрешь самого себя, чтобы оборвать цепную взаимосвязь поступков, но подумай, каковы будут последствия для остальных. Чем более запутанной становится твоя жизнь, тем больше твое воздействие на мир и, следовательно, возможный вред. В глобальном масштабе в этом и заключается проблема с АППАРАТУСОМ. Его цель — сродни достижению нирваны за счет уничтожения мироздания. А я вижу просветление в том, чтобы стараться не подняться над игрой, а уйти в нее еще глубже.

— И какая из сущностей тебя на эту мысль натолкнула?

— Думаю, самым важным из всех моих учителей был маленький мальчик по имени Пол Сайтио, который позднее сменил имя на Осанна Освобожденный. А теперь войди в Зал зеркал и найди… Ну, что найдешь.

Чистотец зашагал по завивающемуся спиралью проходу, но тут же понял, что с зеркалами что-то не так — в них не было отражений.

— В чем дело? — спросил он.

— Присмотрись внимательнее, — посоветовал Юла. — Реальность вынуждена прятаться.

Чистотец заглянул в серебристую поверхность зеркала и увидел… Сначала ему показалось, что перед ним гигантский, бесконечно сложный муравейник.

— Вот черт! Не хочешь же ты…

— Иди дальше, — говорил Юла, уводя его все глубже в зеркальный лабиринт. — Смотри внимательней.

Лабиринт вился как живое существо. Чистотец почувствовал,

как в нем нарастает уверенность. Его немного тревожило, что он не отражается в зеркалах… но он все шел… и с каждым шагом стеклянная поверхность стен менялась.

— Это не Зал зеркал, — сказал он.

— Нет, — покачал головой Юла. — Ты смотришь в вихревую воронку. В спиральную дверь. И за этой дверью… моя сестра… мой близнец…

Юла снял очки с синими стеклами, и стали видны глаза головокружительной изумрудной зелени.

— Ты хочешь сказать…

— Зеркало — это окно, загляни в туман за ним.

Они достигли самого внутреннего завитка спирали. Чистотец заглянул в последнее зеркало, больше похожее на пленку вспененной ртути, чем на стекло. С мгновение в нем колыхалась тьма, как в пустом аквариуме ночью, но медленно из отсутствия красок сложилась тень, и… Чистотец почувствовал присутствие Кокомо. Она словно бы застыла в медленном, но могучем урагане, в котором кружились, сплетаясь, свет и тьма. И стоило ему увидеть ее, как она изменила облик, ускользая все глубже в вихревую воронку.

— Я ее вижу…

— Но она не здесь, — закончил Юла. — Попытайся поймать ее, и она поблекнет. Она живет глубоко в воронке, и даже я когда отправился туда, растворился в том поле… Она остается недосягаемой.

— Девушка в городе циклонов. Она мне помахала.

— Какой еще «город циклонов»? — недоуменно переспросил Юла, а после пробормотал себе под нос: — Гм… наверно, ты достаточно силен, чтобы воспринимать сущности и воронку напрямую.

— Выходит, Кокомо… твоя сестра?

— Нет! Та женщина, которую ты мельком видел в урагане воронки, та, которую ты называешь Кокомо, лишь проекция моей надежды вернуть назад частицу души сестры. Проблема в том, что моя сестра родилась уже мертвой. Кокомо — плод моей фантазии: такой стала в моем воображении сестра, если бы выросла, а не умерла, чтобы спасти меня.

— Как она тебя спасла?

— Я родился живым. Она — нет.

— Но это же не твоя вина!

— Кто может это знать?

Чистотец собрался уже было отмахнуться от этой дилеммы, но вдруг понял, как глубоко пустила корни эта мысль в самом Юле. Здесь, в сердце Лабиринта, он заглянул вдруг прямо в

воронку его души. Чудеса и тяга к запретному знанию родились из бесконечного раскаяния, сожаления об утраченных возможностях и не дающейся в руки надежде.

— Ты видел, что творится в воронке. Ты почерпнул из нее силу. Но тебе выбирать, сольешься ли ты с ней.

— Думаю, ты не оставишь мне выбора, — сказал Чистотец.

— Иначе ты не был бы тем, на чей приход я рассчитывал. Из нас двоих зависимый и уязвимый — я. Какое бы решение ты ни принял, я в твоих руках. Отчасти мне хотелось бы укрепить Каньон и просто раствориться в его реальности. Да, я молодо выгляжу, но я очень стар. Я устал. Если бы ты остался со мной… Иногда мне кажется, что это было бы лучше Преосуществления и Битвы… и пусть внешний мир сам заботится о себе.

— А что с ним может случиться? — спросил Чистотец.

— Честно говоря, не знаю. Возможно, катастрофа начнется прямо здесь. А возможно, без нашего вмешательства какое-то время жизнь будет идти своим чередом. АППАРАТУС почти неподвластен времени. Мы можем состариться и умереть, и наши кости будут лежать рядом с костями других животных, деталями машин…

Чистотец не знал, что сказать. Они вернулись на Срединный путь, к павильону, выходящему на «чертово колесо» из ромбов, и на сей раз Чистотец заметил, что на аттракцион ведет пандус для очень маленьких инвалидных кресел.

— Знаешь, — сказал вдруг Юла, садясь под полосатым тентом кафе, — какова истинная причина того, почему федералы напали на Осанну Освобожденного и его последователей?

— Кажется, должен бы, — ответил Чистотец, — но нет, не знаю.

— Не потому, что они вели уединенный образ жизни, который шел вразрез с истеблишментом или угрожал ему. Даже если они обосновались в Техасе, штате, который подарил нам Джордж Буш. Проблема была в том, что Осанна собирался проповедовать массам. Его секта купила большой автобус и намеревалась путешествовать по Америке, повсюду распространяя свою благую весть. В том, что назвали «Обелисковой проповедью», Осанна призвал свою общину последовать за ним во внешний мир. Он сказал, что легко веровать в стенах монастыря или в крепости, но истинное испытание заключается в том, чтобы выйти с пустыми руками к врагам и безразличным.

— Звучит неплохо, — согласился Чистотец.

— За это его убили, — указал Юла. — За это тебя убили. Твое тело разорвали на части пули большого калибра, а когда тебя не

стало, федералы осквернили твой труп.

— И что ты хочешь этим сказать? Лучше прятаться?

— Я хочу сказать лишь, если останешься со мной, не лезь на рожон понапрасну. Чтобы завершить Преосуществление, чтобы пойти на битву… когда я сделаю последний шаг… — Юла словно бы заговаривался. — Мне страшно… А теперь доверять самому себе означает довериться тебе.

Юла сейчас словно бы съежился, казался разбитым, и мысль об инвалидных креслах сбивала Чистотца с толку.

— Расскажи мне про Дастдевил, — попросил он наконец. — Ты построил метеостанцию, турбины от ветряков и флюгеров? Туннели и подземные убежища?

— Туннели я построил там давным-давно, но про ветряки и метеостанцию слышу впервые. Я стараюсь не думать об этом месте. С ним связано слишком много болезненных воспоминаний. Мне казалось, ты понимаешь.

— Ты туда не возвращался? Не был там…

— Конечно, не возвращался! Это было так давно, что я уже и не помню когда. До убийства Осанны, наверное.

— А с тех пор ни разу?

— Ни разу.

«Странно, — подумал Чистотец. — Если это сделал не Юла, то кто?»

— Один последний вопрос.

— Ну, если смогу, то отвечу. Между нами не должно быть тайн… Скоро их все равно не будет, если, конечно, ты согласишься на Преосуществление.

Чистотец достал потускневший шарик из слоновой кости, который носил в кармане с того самого момента, как пришел в себя в автобусе «Грейхаунд».

— Ты знаешь, что это?

Юла покатал его на ладони, а потом повел рукой, как фокусник, и шарик исчез.

Чистотец ахнул. Юла сомкнул пальцы, потом снова разжал кулак, и шарик опять оказался у него на ладони.

— Тебе нужен подробный ответ?

— Да!

— Тогда ответ отрицательный. Я не знаю, что это. Я многого не знаю, вот почему мне многое приходится делать. Я вижу, что он для тебя важен — диспропорционально важен. Наверно, он волшебный.

— Я не понимаю.

— Ты наделил шарик смыслом.

— Ты хочешь сказать, никакого смысла в нем нет?

— Я только сказал, что ты веришь в то, что смысл в нем есть.

— Но ты только что…

— Не мучай себя вопросом, откуда берется смысл. Иначе погрязнешь в вопросах, что есть реальность, а что символ, и за ними потеряется тот факт, что нет ничего могущественнее символа. Этим он и является.

— То есть ничего…

— Научного? А что ты хотел? Экзотической панацеи или миниатюрного устройства антигравитации? Ты все еще мыслишь как Шериф.

— И что символизирует шарик?

— Вот это уже вопрос поинтереснее, — отозвался Юла. — И потруднее.

— Не ты мне его дал?

— Нет. Возможно, кто-то из сатьяграхов в Нью-Йорке, откуда мне знать? Он наделен личностным смыслом, который, думаю, известен тебе одному. В пользу такой догадки говорит сама его простота. Как по-твоему, что он значит?

— Не знаю, — пробормотал Чистотец. — Что-то, что было со мной с самого начала, уцелело со мной во всех бедах. Нечто неизвестное и одновременно знакомое. Нечто простое и одновременно сложное.

— Вот видишь, — пожал плечами Юла. — Тебе и так все известно. Думаю, ты описал один из самых древних и священных символов на свете. Драгоценность в цветке лотоса. Лотос — это Вселенная. Драгоценность — талисман Индивидуального.

— И что мне полагается с ним делать? — спросил Чистотец.

— Храни его, дорожи им. Или отдай. Со временем сам поймешь. Я уверен, ты знаешь больше, чем тебе кажется, и знаешь нечто гораздо более ценное, чем нанотехнологии или нейрохимия. Как Слепой Лемон, ты знаешь то, чему нельзя научить. Но теперь пора отдохнуть. Возвращайся в гостиницу. Нас ждет испытание.

Чистотец не знал, что сказать, и потому неловко пошаркал прочь: ему казалось, он чем-то нагрубил Юле, да и вообще чувствовал себя не в своей тарелке. На поверхность его вывел робот в золоченом экзоскелете, вместо головы у него красовалась золотая же посмертная маска молодого царя Тутанхамона. Юла остался сидеть под тентом.

Почти у самой гостиницы Чистотец снова увидел загадочное трио: яркие и прозрачные, как лунный свет, китайцы покачивались, не касаясь ногами земли.

— *Мы уже встречались,* — сказали, не шевеля губами, хором три маленьких человечка. — *У нас послание для тебя. До тебя*

нелегко достучаться. Ты идешь рябью, точно поверхность воды. Слушай внимательно, потому что больше мы тебе не покажемся. Помнишь маленького мальчика, которого видел в ванной со свечами?

— Да, — прошептал Чистотец, чувствуя, как его снова заливают стыд и страх.

— В прошлой жизни тебя преследовал этот образ. Мы пришли снять с тебя этот груз. Тебе не нужно бояться. Не ты совершил проступок, а над тобой надругались. Ты — тот мальчик. Образ в тебе — проекция из памяти запуганного ребенка, желание бежать. В той ванной, при свете ритуальных свечей, приемный отец прежней жизни изнасилует тебя. Во тьме и боли ты повзрослеешь, но никогда не позволишь муке и ненависти уничтожить тебя, какими бы страшными ни становились кошмары.

— Я не причинял вреда детям? Я не…

— Нет. Этот страх ты должен отдать нам. Ты слишком долго носил его в себе.

— А как же свет солнца… ослепление, удушье?

— Санитар в приюте, куда тебя отправили. Его импотенция не помешала ему надругаться над тобой фонарем. Когда он взялся за другого мальчика, ты его ударил. Он едва не умер от той раны, а тебя отправили в заведение с более строгим режимом. Мы пришли освободить тебя от воспоминании. Отдашь их нам?

— Да, — сказал Чистотец.

И человечки закружили вокруг него. Он услышал слабое щелканье и треск, точно на шелковице возились шелкопряды.

— Скажите мне… что мне делать? Остаться или пойти с…

— Мы не можем советовать. Наше послание тебе из Прошлого, а не из Будущего.

— Но я же причинял людям боль. Сотни погибли в Лос-Вегасе. Я потерял рассудок!

— Ту боль мы не можем облегчить. Мы забрали ношу, за которой пришли.

— Но как мне обрести прощение? Как освободиться? Мне нужно принять решение.

— Старайся продлить свои сомнения, и из них вырастет уверенность.

— Что это значит?

— Чтобы найти дверь, сперва посмотри на стену. Ищи нас снова, но даже ты не в силах нас найти.

С этими словами китайцы исчезли — словно лунный свет на досках веранды в городке на Диком Западе.

Глава 5
Спиральный каньон

Той ночью Чистотцу снилось, что он свернулся калачиком на топчане рядом с теплой собакой. В темноте он не мог разобрать, какой она породы, но знал, что это хороший друг. Проснувшись, он понял, что совесть его чиста, а решение принято. Шериф и Мэгги завтракали в столовой гостиницы, подавал им хариджан.

— Когда доедим, вернется Юла, — сообщил ему Шериф. — И мы с девочкой сразу отправимся в путь. Будем очень рады, если ты к нам присоединишься, хотя понимаю, это не простой выбор.

— Я с вами, — объявил Чистотец, набрасываясь на яичницу. — Понятия не имею, куда мы двинем или что нас ждет по дороге, но мне нужно уйти.

— Вот как? — раздался голос с порога, и, повернувшись, Чистотец увидел Юлу в белом балахоне. Синие очки исчезли, и зеленые глаза хозяина поблескивали как лизергиновая кислота. — Значит, признаешь поражение человеческой цивилизации? Бросаешь своего старого сломленного папу?

— Я не собираюсь тебя бросать, — сказал Чистотец. — Я не смогу быть верен себе, если останусь — не важно ради чего: чтобы заботиться о тебе или чтобы возглавить твою армию.

— Понимаю, — скрестил руки на груди Юла. — После всего, что я для тебя сделал, ты струсил.

— Я так не считаю. Что бы ты тут ни построил, Небеса или тюрьму, я их отвергаю. И божественную битву тоже. Моя битва — в повседневности. Там меня ждет достаточно врагов — и нежданных союзников. Мне не нужны ни гипноз, ни телекинез. Какой смысл в сверхъестественных способностях, если ты их не понимаешь, или в оружии, если не можешь на него положиться, даже хуже — не обладаешь мудростью, чтобы правильно его использовать? Я постиг диагональное мышление, у меня есть яростивость, и, если повезет, мне их хватит. Возможно, ты с самого начала мне помогал, держал за руку. А возможно, и нет. Возможно, мой настоящий поход только начинается. Так или иначе, я собираюсь уйти с моими друзьями. Ту часть тебя, которая уже во мне, я заберу с собой — и постараюсь чтить. Но мы уходим из Каньона и как-нибудь справимся с последствиями.

— Или погибнете.

— Смерть слишком уж разрекламировали, поверьте мне на слово.

— Говорить-то ты научился, — улыбнулся Юла, извлекая из

воздуха раскуренную «локо-фоко». — Наверное, злокачественная опухоль мозга и обрубок тебя уже не беспокоят.

— Обрубок у меня не маленький. А что до опухоли, тут придется поверить тебе на слово. После всего, что я пережил, бомбы в голове я не боюсь.

— Вот-вот! — подхватила Мэгги.

— Успокойтесь, миссис Кейн, — посоветовал Юла, выдувая череду колец, которые сложились в рисунок мозга. — Мне остается только надеяться, что, когда это случится, лимонного чизкейка под рукой не окажется. Но если ты так уверен в себе и отказываешься от моей помощи, может, подумаешь о Шерифе?

— А при чем тут он?

— Сказать ему, Шериф? Или сами это сделаете?

— О чем он? — спросил стража порядка Чистотец, которому внезапно стало очень не по себе. Он так был занят собой…

— В одной из психиатрических больниц, где меня держали — я попал туда на реабилитацию после смерти жены, — я принял участие в эксперименте «Эфрам-Зева» и подцепил лихорадку Башрода. Все эти годы она оставалась в дормантном состоянии, но сейчас…

— Что вас ждет?

— Спроси у гения, — проворчал Шериф.

— Меня не вините. «Витесса» перекупила «Эфрам-Зев» уже после того, как меня отстранили, — пояснил Юла. — Но болезнь приводит к потере контроля надо всеми функциями тела. Разум у вас останется совершенно ясным, ваши интеллектуальные способности и возможности даже возрастут. Но вам потребуется круглосуточный уход. Скоро вы будете ходить под себя, как вчера во сне, но каждую ночь.

Уязвленный Шериф прикусил нижнюю губу.

— Об этом могли бы не упоминать.

— Мог бы, но испачканные простыни очень сильный аргумент, вы не находите? Так вот исцелить вашу лихорадку я не могу, зато сумею на многие годы задержать развитие болезни, а со временем почти гарантированно найду лекарство. Не такая уж дурная сделка, Винчестер. Достоинство и долгая жизнь.

— Разве не достоинством мне придется поступиться?

— Интересно, так ли вы будете считать, когда вам каждый день будут подтирать задницу другие. А как насчет вас, миссис Кейн? Согласитесь ли вы мыть Шерифа, когда он наделает в штаны четвертый раз за день? — С этими словами Юла выдул кольцо в форме судна — в точности как у старого Джадда в Техасе.

— Сволочь!

— Да и вы не в лучшем положении, — улыбнулся Юла. — У вас гепатит Е, и почки начинают сдавать. Вы ведь заметили, что от вас пахнет, верно? Это проявление того, что уремия зашла довольно далеко. Да и ваш ребенок скорее всего родится с дефектами.

— Что-что?

— Вас это удивляет? Вы же с подросткового возраста были уличной проституткой, а наркотики принимали с детства.

— Не-а… я про…

— Про то, что вы беременны и вынашиваете черного, ущербного ребенка?

— Врете!

— Никогда не поверите на слово, да? — Нахмурившись, Юла выдул серию колец, которые сложились в трехмесячного эмбриона, напомнившего Чистотцу маленькую мумию Кормилицы.

— Вот что в данный момент находится внутри вас, — взвизгнул вдруг Юла. — Не слишком похоже на человека, да? Вообразите себе, какие у него будут проблемы!

— Не слушай его, Мэгги! — рявкнул Шериф. — Ни один младенец в этом возрасте не похож на человека. Он просто пытается тебя одурачить.

— Наша классная девчонка уже сомневается. В обычных обстоятельствах врачи настоятельно советуют сделать аборт, но не бойтесь, — сказал Юла, рукой разгоняя ребенка. — Вы здесь. Так как, джентльмены? Стоит ли разбрасываться собственным здоровьем, не говоря уже про то, что вы обрекаете на гибель миссис Кейн и ее беспомощного, еще не родившегося ребенка?

— Сволочь вы, Юла, — буркнул Шериф. — У вас нет ни грана порядочности. И чести тоже.

— Зато, когда доходит до дела, Шериф, у меня крепкие нервы. Я дам вам минуту посовещаться. Подожду вас на улице.

Как только Юла вышел из столовой, Чистотец спросил:

— Нам нужна минута?

— Ни хрена нам не надо! — заорала Мэгги.

— Ни в коем случае, — отозвался Шериф. — Но оружие я с собой прихвачу. Может, толку от него никакого, зато мне будет спокойнее.

Сходив в свои комнаты, они через минуту спустились при оружии. Перед гостиницей их ждал Юла в обществе Уолта Уитмена. Над зданием суда хлопал на ветру флаг «ЛОКО ФОКО». При полном безветрии.

— Ладно, — пожал плечами Юла, стараясь скрыть раздражение. — Вижу, что вам кажется, будто вы решились. Ну,

тогда пора сообщить вам кое-что. Хотя вам, возможно, крайне трудно будет это принять.

— Крайне трудно? — усмехнулся Шериф. — Валяйте, говорите.

— Вы не можете уйти из Каньона. Потому что я и есть Герметический каньон. Прибегая к так любимому вами слову, он нереален и вы тоже. Вы у меня в голове.

— Вот черт, — задохнулась Мэгги. — Вы что, никогда от нас не отстанете?!

— Прошу прощения, но все, что вас окружает, психопроекция.

— Чушь!

— Подумайте. Разве это не самое простое объяснение внезапным изменениям архитектуры, тому, что бок о бок существуют неандертальцы и роботы, мифологические существа и чудеса науки?

— А что же тогда мы? — спросил Чистотец.

— Психоактивные препараты, разновидность сложных биопрограмм, которые я изобрел. Это эксперимент для перепрограммирования меня самого. Все мои попытки побороть АППАРАТУС пошли прахом. Проблема заключается в том, что его вирус проник в меня самого. Я пытаюсь выиграть войну, ведя последнюю битву в собственной голове, в собственном мозгу.

Лицо Мэгги перекосилось от гнева.

— Вы говорите, я какая-то там таблетка?

— Скорее средство глубинной терапии сознания. Считайте себя конструктом, персонажем.

— Пирсажем? Как в кино?

— Почему нет? Верит же Шериф, что когда-то был персонажем телесериала. Кинозвездой.

— Но я был не просто персонажем, но еще и реальным человеком, — парировал Брубейкер.

— Я думал, раз став звездой, никогда не перестаешь ею быть, а?

— Ну…

— Откуда мне знать эту фразу, если не я вас придумал?

— И в какой же сказочке я персонаж? — взвилась Мэгги.

— Вы — голос необразованного, но проницательного и трезвого прагматизма. Вы — гуляш с картофельным пюре, болты и гайки, Мать-Земля в обличье уличной беспризорницы.

— Но откуда у нас тогда воспоминания? — спросил Шериф.

— Блаженный Августин сказал, что реальность таится в памяти. Я дал вам ровно столько, чтобы вы верили в собственную реальность. Вот как измеряется действенность лекарства. Я знаю, что оно сработало, потому что сейчас мы ссоримся.

— Мы еще даже не начали, мистер, — подняла повыше обрез Мэгги.

— Давайте попробуйте, — пожал плечами Юла. — Тело перед вами — не более чем конструкт. Если спустите курок, конструкт среагирует как обычное тело, но это ровным счетом ничего не значит. Я вне данной системы, или, точнее, вы — внутри меня. Почему бы вам не застрелиться и не посмотреть, что получится?

— Тогда чего вы побледнели, когда я на вас пушку наставила?

— Это только видимость, — улыбнулся Юла. — Для поддержания иллюзии конструкт будет вести себя в точности как обычный человек.

— Хватит, мистер. Думаете, у меня кишка тонка вам голову снести?

— Мэгги, нет! — крикнул Чистотец. — Это взаправду он. Это не сон, а мы не конструкты. Но не усложняй все, убив его. Пожалуйста.

— Почему, черт побери? Он же лучшего не заслуживает!

— Не тебе судить или казнить его. Мир, возможно, больше не увидит ему подобных. Если он запутался в собственных талантах, или употребил их во зло, или просто провалил великое дело, я все равно не хочу причинять ему вред. Ведь есть надежда, что он найдет способ спастись.

— Браво, — усмехнулся Юла. — Один за всех… а у вас только девка. Как, по-вашему, вы собираетесь добраться до цивилизации? Думаете, вас подбросят, как обычных автостопщиков?

— Вы собираетесь нас остановить? — спросил Чистотец и вдруг поймал себя на том, что сжимает «хеклер-кох».

— Я бы пренебрег своими обязанностями хозяина, не заметив, что вы уходите, не взяв с собой пресной воды. До ближайшей забегаловки под названием «Вопящий орел» путь неблизкий. Не забывайте, вы нездоровы.

Чистотец прицелился.

— У меня есть свобода воли?

— О, полная! — улыбнулся Юла. — Лучшая, какую только можно было прописать в программном обеспечении. Но знаешь ли, концепцию свободы слишком уж разрекламировали.

— Сомневаетесь, что я выстрелю?

— Откровенно говоря, нет. Но должен сознаться, что полной уверенности у меня нет. Если бы я мог на сто процентов предсказывать твои действия, ты был бы не в силах хоть чем-то меня заинтересовать.

— Значит, мы зашли в тупик, — сказал Шериф.

— Гм… — отозвался Юла. — Прошу прощения за каламбур, но, возможно, есть способ превратить это безвыходное положение в рискованное предложение.

— Вы говорите про перестрелку? — поинтересовался Шериф.

— Отличая мысль! — воскликнул Юла. — Ну конечно, у Шерифа как у истинной телезвезды тут передо мной преимущество. Мне, вероятно, понадобится поддержка друга.

Обернувшись, друзья увидели посреди главной улицы фигуру, отбрасывающую гигантскую тень. Это был старик, но очень высокий, в ковбойских кожаных штанах, при сапогах и шпорах. Низко на бедрах у него сидел пояс с серебряными заклепками, с которого свисали два длинноствольных «кольт-карабина». За ленту из кожи техасского гремучника на невероятно высокой черной шляпе было заткнуло орлиное перо. Рядом с ним стоял светящийся белый койот размером со взрослого волка.

— Господи! — ахнул Шериф. — Это же Дедвудский Дик[111]!

— Кто-кто? — переспросил Чистотец.

— Легенда. Он был навязчивой идеей Дикого Билла Хикока. Только подумайте: стрелок, который умел так быстро выхватить оружие, что дожил до старости. Но не может…

— Покажи им свое фирменное, — приказал Юла, подбрасывая вверх серебряный доллар.

Лицо древнего стрелка ожило. Глаза загорелись, рука неподвижно зависла над оружием. Тонкий луч света вырвался из его зрачка и поразил монету в воздухе. Чистотец поймал ее: она была горячей на ощупь, а ровно посередине зияла круглая дырка. Белый койот тявкнул.

— Неплохо стреляет, а? — усмехнулся Юла. — Поэтому давайте внесем ясность. Если побеждаете вы, Шериф, все трое вольны уйти. Если нет, мы закапываем ваше тело — обещаю ни для каких экспериментов его не использовать. Миссис Кейн и ее друг, мой неблагодарный сын, остаются. Идет?

— Нет! — сказал Чистотец. — Сделки не будет. Мы уходим, пусть даже вы пошлете андроидов и волков-оборотней. Мы не купимся на ваши глупые махинации.

— Боишься, что твой драгоценный Шериф проиграет? Вы сами-то боитесь, Шериф?

Пока он говорил, старый стрелок приближался, огромный койот крался рядом. Мэгги расставила ноги пошире, чтобы дать залп из ружья, но перед ней заступил Шериф.

— Нет, — сказал он. — Это мой поединок.

— Но у вас же нет ни шанса! — возразила Мэгги.

— Так что, Юла? — спросил Шериф. — Честная игра?

— Конечно! — согласился Юла и кивнул роботу.

Внутри стрелка что-то зажужжало, он неуловимым движением выхватил из кобуры один из «кольт-карабинов» и прицелился в Шерифа.

— Не делайте этого! — взмолился Чистотец, но понял, что просить бесполезно. Слова Юлы о страхе скрепили сделку.

— Придется, малыш, — отозвался старик, вообразивший себя шерифом.

Дедвудскому Дику оставалось пройти меньше двадцати ярдов, и свой «карабин» робот заткнул за пояс. Светящийся койот преданно шел у ноги хозяина.

— Пора, — объявил Юла. — На счет «три». Один. Два…

Шериф сорвал с пояса громоздкий револьвер и выстрелил в голову огромному белому койоту. Бледно-голубой пьезоэлектрический огонь прокатился по телу зверя, которое затем взорвалось огненным кустом оптоволокна, графита и микросхем. Стрелок как будто замер, покачнулся… и упал лицом вниз в собственную длинную тень.

— Великолепно! — пискнул Юла, выдавливая улыбку. — Ба, если бы вы не смухлевали, сгорели бы до сапог! Но как вы догадались пристрелить койота?

— Не знаю, — пожал плечами изумленный Шериф. — Просто мне пришло в голову, что передо мной не два существа, а одно, и что мозги здесь у койота.

Юла повернулся к Чистотцу.

— Ты ему сказал?

— Ничего он не говорил! — рявкнула Мэгги, защищая доблесть Шерифа.

— Возможно, не вслух. Но у него есть способности, о которых он даже не подозревает. Как бы то ни было, вам пора признать, что здесь мы или играем в мою игру, или вообще не играем.

— Значит, не играем, — крикнул Чистотец. — Пошли!

Глава 6
Я — дверь

Чистотец повел Мэгги и Шерифа за рудодробилку, направляясь туда, где стена Каньона поднималась отвесно вверх. Он надеялся добраться до веревочного моста, по которому переходили хариджаны, когда они только-только прибыли сюда, но понятия не имел, что делать дальше. Учитывая неандертальцев и еще бог весть каких тварей, которые могут заступить им дорогу, их шансы вырваться отсюда не слишком высоки. Разве что он пустит в ход свои способности. Только вот он не знал, как это сделать. А мысль причинить вред кому-либо из обитателей Каньона совсем его не радовала.

К тому времени, когда они вышли на кладбище трейлеров, Шериф и Мэгги уже задыхались. Чистотцу вспомнились слова Юлы о том, что они больны. Шериф сжимал «кольт-карабин» Дедвудского Дика, Мэгги держала на плече ружье, а сам Чистотец нес старый поврежденный «винчестер». Пистолет он оставил на дощатом настиле у гостиницы, когда Шериф протянул ему винтовку. И все равно Чистотец не мог решить, будет ли от него прок. Теоретически им предстоит схватиться с армией, и ручное оружие их не спасет.

Тут их нагнал Юла на запряженной двумя саблезубыми тиграми коляске рикше. Безумие поблескивало в его суженных зрачках, которые теперь походили на два озерца фосфора, куда бросили камень. Следом за ним сопел и отдувался Уолт Уитмен, вид у скунса был такой, словно его одновременно и подташнивало, и распирало от газов и раскаяния.

— Фи, какая неотесанность! — воскликнул Юла. — Я разочарован и, правду сказать, обижен. Нам столько предстоит сделать.

— Извините, — ответил Чистотец. — Я делаю то, что считаю нужным.

— Вот как? — отозвался Юла. — Гм… может, проголосуем?

Он захлопал в ладоши, и из руин возникла целая толпа его двойников — голых, если не считать кроссовок «Найк». При виде клонов Мэгги охнула, а потом едва не рухнула на колени, когда они строем зашагали вперед, ведь с каждым шагом они словно бы меняли пол и размеры. У мускулистых «Юл» вдруг вырастали гигантские груди, а сами они превращались в красивых женщин, затем из роскошных красавиц становились коренастыми бодибилдерами.

— Я же вам говорил, что не следует меня сердить. Видите… я чуточку нестабилен!

— Господи Боже! Что же это такое?

— Плоды неудачной гормонотерапии, — захихикал Юла. — Разве я не рассказывал, что экспериментирую на самом себе?

— Это же… это же… — Чистотец заикался, пытаясь сообразить, что же они такое.

— Доказательство того, что старые легенды об оборотнях, вероятно, основаны на фактах. Я обнаружил тайную способность к мутации. Проблема в том, что ее не удается контролировать.

БУХ! Мэгги спустила курок ружья двенадцатого калибра и снесла полтела ближайшему существу. Несмотря на то что клон буквально разваливался на ходу, он продолжал надвигаться. Мэгги выстрелила снова, но клоны все наступали. Мэгги перезарядила, и три беглеца отступили назад в призрачный городок. Продравшись сквозь заросли чахлых креозотных кустов на окраине, они выбрались к станции, где их уже ждало собрание чудиш.

— Познакомьтесь с остальными членами моей семьи! — просиял вновь появившийся со своими тиграми Юла.

— Матерь Божья! — вырвалось у Шерифа.

— Это ваши приемные дети? Те, кого Фелатия…

— Она полила бедняжек бензином и подожгла, когда узнала, что, хотя суд отдал их под ее опеку, они все равно хотят жить со мной. Я смог спасти их лишь при помощи биоинженерии на клеточном уровне, но ущерб был слишком велик. Но с ней я поквитался — как видите.

— Извращенец! — выплюнула Мэгги, с ужасом глядя на несчастные создания в инвалидных креслах-внедорожниках. А потом вдруг увидела тварь, которая притащилась за ними следом, то самое существо, которое Чистотец мельком заметил ночью в поселке.

— Бр-р-р!

— Познакомьтесь с великим Уинном Фенсером! — объявил Юла, когда омерзительное существо надуло ярко-оранжевый пузырь горла. — Простите, что он с вами не здоровается, поскольку уже много лет у него нет голосовых связок. Зоб — его единственное средство общения, что очень ему досаждает, правда, Уинн? Особенно с тех пор, как пропали двое его слуг, единственные, кто умел его понимать. Мы подозреваем, что до них добрался Витгенштейн.

— Но… кто… что… там в нем еще?

— Слегка подправленные или, лучше сказать, покореженные останки Фелатии, которые я вживил Уинну, чтобы в своем

наказании он не чувствовал себя одиноким, а длиться оно будет столько, сколько смогут гарантировать мои наука и магия.

— Но… она же дохлая! — простонала Мэгги.

— Давным-давно. — Юла улыбнулся. — Великое техническое достижение.

Мэгги сбежала. Чистотец бросился за ней. Шериф заковылял следом. Далеко уйти они не успели — путь им отрезали сдвинувшиеся стены Герметического каньона. Сзади подтянулись клоны Юлы и его гадкие приемные дети, а впереди дорогу им заступили колонны, которые стояли на страже вокруг поселка типи. Сейчас омерзительные женщины из песчаника ожили и тяжело затопали на беглецов.

— Еще одна моя дань памяти покойной супруги, — сообщил, вылезая из кресла рикши, Юла. — Видите внешнее сходство с Фелатией? Я же вам говорил, бежать вы не сможете. Поэтому бросьте свою глупую затею, давайте вернемся домой, выпьем кофе с вкусным пирожным.

— Срань господня! — возопила Мэгги и снесла выстрелом голову одной из статуй.

— Все на каком-то уровне живо, — заметил Юла. — Фокус в том, чтобы узнать, как и на каком. А теперь вы их рассердили.

— Плевать, — рявкнул Шериф. — Мы и так в ловушке.

Чистотец обвел глазами стены Каньона. Неприятно кровожадный гомон пробежал по рядам неандертальцев, собравшихся на уступах посмотреть на схватку. Хлюпающие клоны и женщины-монолиты надвигались. Над головой громоздился выступ скалы, через который тянулась отчетливая трещина.

Твари подобрались уже совсем близко.

— Дай мне обрез! — крикнул Чистотец, бросая «винчестер», чтобы вырвать у Мэгги двенадцатидюймовый.

Он выстрелил прямо в трещину, и во все стороны полетели осколки камня, заклубилась пыль. Он выстрелил еще раз. Скала дрогнула, посыпались камни покрупнее — а потом навес вдруг рухнул.

Гранитная плита сломала хребты женщинам из песчаника, подняла облако пыли и песка, которые смешались с запекшейся кровью гормонных солдат. И те, и другие замельтешили в слепящем облаке, намертво закупорив узкое горло Каньона.

— Бегите! — крикнул Чистотец, когда сверху посыпались валуны, раздавливая мутантов.

Они с Мэгги проскочили под наихудшей лавиной, но ковылявшего за ними Шерифа сбило с ног и засыпало.

Мэгги взвизгнула, Чистотец бросился разгребать завал,

бешено разбрасывая камни в попытке найти Шерифа. Слишком поздно. Вся нижняя часть его тела была раздавлена, грудная клетка проломлена. Когда Чистотец его вытащил, старик был еще жив и дышал, но едва-едва. Остальные твари остались под завалом щебня — лишь меж валунов вяло трепыхалась чья-то чрезмерно гибкая конечность.

— Посмотрите, к чему привел ваш глупый мятеж! — закричал Юла.

Но тут вдруг грудная клетка у него словно бы взорвалась. Он закашлялся кровью, лицо у него сделалось бесконечно удивленным, потом он стал хватать руками воздух — и рухнул на колени.

За ним, дико раздувая зоб, стоял Уинн Фенсер с брошенным «хеклер-кохом».

Балахон хозяина Каньона был запачкан кровью, но Юла все равно сумел подняться на ноги и повернулся.

— А, Уинн, — просипел он. — Браво, браво, кое-какой порох в пороховницах все-таки остался…

Фенсер словно бы колебался между гнусным возбуждением и полнейшим неверием — впрочем, долго радоваться собственной меткости ему не пришлось, поскольку на него яростно набросился Уолт Уитмен. Юла пошатнулся и упал. Из дыры в белом балахоне сочилось невероятно тонкое органическое оптоволокно и что-то, похожее на кишки. Его изумрудные глаза потускнели. Чистотец услышал шипение, точно воздух проникал в вакуумную упаковку, и глаза безумца открылись, но из них вырывались лишь два луча бледного света, из которых сложился крошечный эйдолончик. Размытый и нестабильный эйдолончик встал на груди Юлы.

— Дерьмо! — взвизгнула Мэгги, указывая на гадкую кучку мяса и печатных плат, которая исцелялась прямо у них на глазах.

Чистотец запустил руку в голограммку с низким разрешением, которая распалась, но сложилась снова. Потом он поспешил к Шерифу.

— Мне очень жаль…

— Нет, малыш, — просипел Шериф. — Все… в порядке.

— Помоги ему, — рыдала Мэгги.

— Я не знаю, что делать, — признался Чистотец.

— Разве у тебя нет магии?

— Не знаю… Я же не…

— Тогда на что ты годишься? — заорала она, когда Шериф закашлял кровью, и из угла его рта вытекла струйка крови.

— Не надо… — Шериф попытался поднять руку. — Так было задумано… Я победил… в реальной перестрелке. И сейчас я… со своей семьей… с друзьями.

Неизвестно откуда взявшийся хариджан привел вдруг Слепого Лемона. Перебирая струны гитары, старый блюзмен запел песню из фильма «Улицы Ларедо». Дыхание Шерифа замедлилось, потом остановилось. Чистотец бережно закрыл ему глаза. А после в ярости повернулся к Юле, почти ожидая, что он вот-вот встанет, а рана от пули закроется.

— Что ты такое? — рявкнул он.

— Не знаю, — ответил прозрачный маленький Юла. — Я думал, что я одно. А оказывается, нечто совсем другое. И я мертв.

Слепой Лемон тихонько тянул «Больница святого Иакова»[112]. Мэгги плакала. Шериф лежал без движения.

Хлопая крыльями, прилетели вороны, чтобы напиться из лужи флуоресцентных водорослей вокруг Юлы. Эйдолончик лилипутски затрепетал над гулливеровым телом мертвого киборга, который, как начал верить сейчас Чистотец, дал ему жизнь.

Неужели это все-таки правда? Разве Юла не говорил про машины, которые порождают машины сложнее себя? Неужели его воскресил биомеханоид, которого в свою очередь сотворило другое механическое же существо?

Чистотец оттянул ткань, проверяя, нельзя ли сделать что-нибудь с раной, но нет.

— Извини, — сказал он. На глаза у него навернулись слезы. — Я не хотел причинять тебе вред. Я просто хотел уйти.

— Я тебя не виню.

— Это была ошибка.

— Мы все их совершаем. И люди, и монстры… Но если этот Вонючка Юла биомеханоид, то где же настоящий?

— Возможно, Ситтурд спрятался в лабиринте, который построил из себя или своей сестры. Что теперь?

Внезапно земля у них под ногами дрогнула, сверху снова посыпались камни.

— Не знаю, — проскрипел миниатюрный Юла. — Преосуществление не завершено. Тебе нужно уходить. Наверно, тут все рухнет. Спасайся, если сможешь… но подожди… подойди поближе… я должен кое-что тебе сказать.

— Я могу чем-то тебе помочь?

— Слишком поздно… но слушай… ты должен узнать.

Чистотец опустился на колени возле шепчущей голограммы.

— У тебя есть сын.

— Нет, он умер. Его прах был у Кормилицы!

— Нет! — воскликнул голос прежнего Юлы. — У тебя есть сын… приблизительно твоих лет. Динглер. Джулиан… Динглер.

— Новый глава «Витессы»? — охнул Чистотец.

— Я не знаю, как… или что это значит. Вмешались какие-то другие силы.

— Но что будет теперь со мной?

— Ближе… еще ближе.

Чистотец подхватил на руки тело киборга и увидел, как по искусственной коже ползут, оживая, знаки и письмена. Буквы, руны, коды, забытые алфавиты, химические символы, модели сложных молекул и математические формулы. Знаков, рисунков и иероглифов было слишком много, они сплетались и налезали друг на друга, так что исходного замысла было уже и не распознать.

Он осторожно опустил голову Юлы. С трупа поднялся смерч светящихся лиц. Одни были животными и уродливыми, другие — перекошенными от страдания или горя, третьи улыбались. Кружа, они поднялись на несколько метров над землей, и на мгновение показалось, будто возникшая над ним воронка вот-вот примет человеческий облик, но они закружились быстрее, исказились, потеряли очертания и исчезли.

Воцарилась тишина, Чистотец не слышал даже печальных переборов гитары Слепого Лемона. Мэгги перестала плакать и свернулась калачиком у тела друга, который доказал, что был героем, о котором мечтал.

Земля содрогнулась снова. Уступ неандертальцев дал слабину. Уолт Уитмен и запряженные в рикшу саблезубые тигры в ужасе бежали. Закачались и заискрили хариджаны.

— Пошли! — крикнул Чистотец и схватил за руку Слепого Лемона. — Тут все сейчас рухнет.

— Но куда? — взвыла Мэгги.

— Я знаю только один выход. Скорей! — крикнул он и за руку повел старого негра, по лицу которого катились слезы.

Его целью была конюшня и голубой с серебром автобус в стойле. Автобус стоял на прежнем месте, и буквы у него на боку по-прежнему светились. «Духокрузер».

— Но не можем же мы просто уехать! — завопила Мэгги.

Колокол в церкви отчаянно звонил, индрикотеры и прочие гигантские млекопитающие неслись отчаянным стадом, роботы и неандертальцы катались в пыли, а поросшие мхом скалы обваливались, сами здания словно бы теряли плотность и распадались.

— Можем! — крикнул в ответ Чистотец, вспомнив напутствие трех китайцев: «Чтобы найти дверь, посмотри сперва на стену». На ту самую стену, возле которой играла Джейн Стихийное Бедствие. Там лежала дверь в вихревую воронку, там — выход из Герметического каньона.

Затолкав Лемона на сиденье, Чистотец его пристегнул. Потом настала очередь Мэгги. Пока он заводил мотор, камни проломили крышу конюшни. Улица была завалена гробами и музыкальными инструментами, увечные приемные дети Юлы гибли под копытами кентавров.

Чистотец не помнил, умеет ли водить машину и уж тем более автобус, но сейчас знание пришло к нему легко — особенно когда он снес хлипкие дощатые стены. Воздух был полон дыма. Кругом исчезали лаборатории, подопытные животные и таинственные механизмы. Запульсировала череда взрывов, по черным клубам дыма и пыли пробежала вереница искр — как на «американских горках». Дождем посыпались светящиеся бубны, червы и золотые посмертные маски, когда подземное царство бессмыслиц Юлы провалилось еще глубже во тьму Дакоты.

Стараясь не глядеть по сторонам, Чистотец погнал автобус прямо на стену, у которой играла Джейн Стихийное Бедствие. Сквозь пыль и пламя он увидел, что гигантская девочка-ленивец застыла в ужасе от хаоса и разрушений, но не собирался останавливаться. Он не знал, как работает «дверь». Но если она не сработает, то лучше набрать скорость. Лучше налететь на скалу, чем погибнуть от рук потерявших голову существ и испортившихся механизмов. Он вдавил в пол педаль газа — отчаяние нивелировало горе. Раздался оглушительный визг статики.

Глава 7
В ветре

В хаос вихревых воронок, взъяренных оголенными нервами, прямо на стену света…

С ревом «Духокрузер» пронесся сквозь скалу. В момент ожидаемого столкновения Мэгги закричала, а потом еще раз, когда вокруг них взвилось облако красной пыли и белого порошка, и автобус остановился. Как только пыль осела и стала видна голая земля, она снова заорала, решив, что у нее выкидыш. Но нет, всего лишь понос. Мэгги побрела в уборную в хвосте.

— Чтоб я сдох! — воскликнул вдруг Слепой Лемон. — Кажется, я прозрел!

— У тебя же нет глаз, — возразил Чистотец, радуясь, что старик способен подать голос.

Скала казалась самой настоящей и неприступной. До последней секунды он боялся, что они разобьются в лепешку. А потом вдруг вспомнил забавный звук, какой издала Стихийное Бедствие Джейн, когда слилась с камнем, — почти хихиканье, и у него самого вырвался такой же. Но камень точно обернулся дверью, растворился в туман, словно тончайшие частички хлорида алюминия. Раздался треск рвущегося шелка, и автобус очутился вдруг в огромной пещере, стены которой затянул зеленый лишайник и которая превратилась в ветровой туннель. Автобус несся вперед и одновременно проваливался в пустоту, распадался на частицы и молекулы. Реальность завибрировала сотканной из света музыкой и снова воссоздалась в материи, и белая ледяная звезда взорвалась в красной земле Техаса.

— Сколько пальцев я держу?

— Три, — ответил старый блюзмен.

Чистотец испытал облегчение: он вообще руку не поднимал. И хотя внезапное прозрение — это не так уж плохо, оно может свидетельствовать о молекулярном распаде.

Вернулась смущенная Мэгги, она еще не оправилась от страха разбиться о скалу и горя по Шерифу. Чистотец нашел ей старый комбинезон. Взяв его с несчастным видом, она пошла мыться и переодеваться. Оставив Лемона перебирать гитарные струны, Чистотец вышел осмотреться. Кругом никого. От домов не осталось ни щепки, но он не сомневался, что, если понадобится, найдет их. Выжженные ковыли и красная пыль были устланы белым порошком с едким запахом вроде хлорной извести. Ни птиц, ни насекомых, даже памятник на могиле сестры Ситтурда

уничтожен. Он был прав, предположив, что, как только они с Кокомо сбегут, сюда вернется «Витесса». В поисках ответов ее оперативники прочесали здесь каждый дюйм, а после применили тактику выжженной земли. На месте разбомбленных туннелей и убежищ зияли ямы и кратеры. Если кто-либо или что-либо уцелело в схватке смерчей, их прикончила «Витесса».

— Ну и в какую дыру нас занесло? — услышал он за спиной голос Мэгги. Выглядела она больной и бледной, но довольно милой в рабочем комбинезоне.

— В Техас.

— Чего?

— Милях в восьмистах оттуда, откуда уехали.

— Врешь! За минуту столько не одолеть.

— Сложновато будет объяснить тебе техническую сторону.

— Только лапшу мне на уши не вешай. С меня хватит! Правду скажи!

— Знаю, в это трудно поверить, но мы действительно в восьмистах милях от Южной Дакоты.

— Вот черт! — У Мэгги глаза на лоб полезли.

— Все не так страшно, — крикнул ей Чистотец, заметив, что, перебравшись на место водителя, Слепой Лемон снова перебирает струны — на сей раз слышались аккорды «Унылого блюза», печальной, но утешительной мелодии Бесси Смит.

— Ты что, не понял? Это значит, старикашка был прав! Мы не настоящие! Мы просто у него в башке!

Слепой Лемон извлек из гитары долгую пронзительную ноту — точно ребенок заплакал.

— А девчонка права.

«Замечательно, — подумал Чистотец. — Уже двое в этом походе считают себя иллюзиями».

— Но… — продолжал блюзмен, — если мы не реальны, то почему бы нам не прыгнуть назад в Каньон?

— Меня не спрашивай! — задохнулась Мэгги. — Я просто какой-то там пирсаж. Эй, Юла! — заорала она, запрокинув голову в небо. — Что нам, черт побери, теперь делать?

Небо было синим, как Кришна, и пустым, словно облака попадали в поля. Голос Мэгги прозвучал одновременно потерянно и истошно громко. А когда она умолкла, они услышали другой звук.

— Слышали? — спросил Чистотец.

— Вон оттуда, — указал Лемон, выбросив руку наподобие флюгера.

— Жду не дождусь, когда он опять забросит нас в какую-нибудь дыру.

От ее слов Чистотец навострил было уши, но потом улыбнулся — ведь теперь звук стал совсем ясным. Это был собачий лай, и вскоре на унылом горизонте появился худой как линейка пес, которого он видел тут раньше. Чистотец пронзительно свистнул, и изголодавшаяся животина бросилась к нему по выжженной земле.

— Знаешь этого пса? — шмыгнула носом Мэгги.

— Какого пса? — сделал невинное лицо Чистотец. — Мы же в голове у Юлы.

— Ну, может, он сейчас пса себе воображает!

— А может, это реальный пес? Готов поспорить, пес считает себя реальным и по-настоящему голодным. Так что и нам придется считать себя реальными.

Слепой Лемон пустил ветры.

— Прошу прощения. Слишком быстро сожрал с утра овсянку. Подумать только, блюзмен — и любит овсянку. Но я-то не люблю. Правда не люблю.

— Заткнись, похабник! — вскипела Мэгги. — У нас терки поважнее овсянки. Мы в чужом мозгу! И Шериф мертв!

— Разве ты не понимаешь, что если мы действительно в голове Юлы, то нам не о чем волноваться? — спросил Чистотец. — И Шериф не может быть мертв, потому что он и жив-то не был!

— Тогда как мы сюда попали? И так быстро?

— В Каньоне была уйма тайных люков и невидимых дверей, — сказал Лемон.

— Пожалуй, да, — согласился Чистотец. — Вихревая воронка лежит вне нашей реальности и связывает различные точки в пространстве и, вероятно, во времени тоже. Ну, понимаешь, как коридоры соединяют комнаты в доме.

— Ладно, умники. Если вы правы, то почему он просто не сцапал тебя, когда ты попал сюда в первый раз? Ты же тут был, да?

Слепой Лемон снова погладил гитару.

— А девчонка права.

— Вот заладил, — тряхнул головой Чистотец. — Но, кажется, я знаю, в чем дело. Юла забыл про дверь. Вот что бывает, когда строишь столько тайных ходов. А кроме того, у него был психологический блок на Дастдевил. Ведь в некотором смысле его тоже тут убили. Его мечта умерла. А впрочем, мы тут, и как бы мы сюда ни попали, надо двигаться дальше.

— Что ты напоследок там нес? — спросила Мэгги. — Когда обнимал его?

— Он просил прощения.

— И ты его простил?

— Ага, — отозвался Чистотец, а худой как линейка пес подобрался совсем близко.

— Но он же псих! Он джихад начал!

— Он и хорошего много сделал. Замечательного. Кто знает, как его рассудит история? Но хотел он моего прощения. И я его простил.

— Но он же даже настоящим не был. Вообще не человек.

— Ну вот, опять завела про реальность и человека, — проворчал Слепой Лемон. — И чего это ты так гордишься, что ты человек? Сама ведь себя изводишь, реальная ты или нет.

— А девчонка права, — улыбнулся Чистотец и наклонился почесать пса за ухом.

— Заткнись. И тебя тоже слушать не хочу.

— Если создания и машины, которых ты считаешь нереальными, способны просить прощения, то, возможно, ты неправильно понимаешь реальность, — сказал Чистотец. — Но в чем-то ты недалек от истины. Мы видели не настоящего Юлу, а обманку. Запасной вариант.

— Я был с ним, сколько себя помню, — возразил Лемон.

— Для нас это ничего не меняет. Он считал себя реальным Юлой. И потому был реальным для нас. Думаю, в этом и смысл хорошей обманки.

— Ты хочешь сказать, мы снова с ним встретимся? — спросил Лемон.

— Не знаю. Часть его в нас… и останется с нами, куда бы мы ни отправились. Но еще часть вовне. В ветре.

— Поверить не могу, что Шерифа больше нет! — сказала Мэгги.

— Знаю… Но он умер настоящим героем. Мне тоже его не хватает, но, наверно, оно к лучшему. Нам бы не помешала сейчас его смелость. Давайте не подведем его.

— Я ребеночка в честь него назову. Шериф Кейн.

— Ему бы понравилось, — сказал Чистотец. — Не бойся, я тебя не брошу. Все будет хорошо.

Слепой Лемон извлек несколько аккордов, которые повисли в воздухе.

— Что значит не бросишь? — удивилась Мэгги.

— Помогу вырастить ребенка.

— Секундочку! Ты что? Про друга, ну или там мужа?

— Ага.

— Но у тебя же только обрубок.

— Большой обрубок. Плюс у меня есть яростивость. И неплохие связи на самом верху. Друзья мне помогут.

— С какой стати?

— Потому что я им помогал. Для того люди и существуют. Знаю, тебе страшно, ты растеряна. И я тоже. Но все обойдется. Нам нужно держаться вместе.

— И что будем делать?

— Двинем в Питтсбург, а по дороге заскочим в парк «Сады Эдема» в Лукасе, штат Канзас. Мне про них один друг рассказывал. Лемон, я хочу, чтобы ты тоже поехал. Есть у меня подозрение, что из тебя выйдет звезда, а ты поможешь Профессору Цыпе. Как насчет того, чтобы поиграть перед настоящей аудиторией?

— Серьезно?

— Серьезно.

— А машину-то ты вести можешь?

— Наверно, — пожал плечами Чистотец.

Дорога — лучший способ избавиться от тоски и растерянности. Он был уверен, что Уилтон и Человек из Стали ему обрадуются, пусть даже он привезет с собой неприятности. А дальше можно будет подумать, как связаться с Джулианом Динглером.

Пес снова тявкнул. Старый немощный Гинефорт что-то нашел — в том месте, где когда-то был сад вертушек. Чистотец пошел посмотреть, в чем дело. В побелевшей пыли лежала книга-альбом с обложкой из неведомого материала. Обложка была зеленая, как ураган, а на ней поблекшими золотыми буквами стояло:

Вихревые воронки

Мемуары и мутации,

раскрывающие секреты, мечты,

изобретения и неблагоразумие.

Ллойда Мидхорна Ситтурда

Сердце у Чистотца екнуло, когда он прочел название, но,

открыв тяжелую книгу, он ошарашенно обнаружил, что ее страницы пусты.

— Что там? — спросила, заглядывая ему через плечо, Мэгги.

— Значит, вот что она украла… — выдохнул Чистотец.

— Кто?

— Джейн Стихийное Бедствие. Она забрала эту книгу из библиотеки Юлы и просунула ее за стену. Она со многими предметами так делала.

— Ленивец книгу сюда забросила? — Лемон приковылял посмотреть на книгу.

— Люди, которые тут жили, хранили вещи, которые она прятала. Считали их дарами Бога.

— Ух ты, ну и сели же они в лужу!

— Сомневаюсь, — вздохнул Чистотец. — Из всех книг, какие она могла украсть, мне, наверно, больше всего хотелось бы получить вот эту.

— Почему? Чертова штуковина же пустая. Каждая страница!

— Возможно. А возможно, она с секретом.

Слепой Лемон потянулся потрогать страницу.

— Вот черт! Она же не пустая. Тут уйма слов всяких и символов. Никакая она не пустая!

Чистотец закрыл книгу.

— Ладно. Нам предстоит долгий путь. Собаку возьмем с собой.

— Имя-то у нее есть? — спросила Мэгги.

— Не помню. Почему бы тебе не дать ей новое?

— Ну, не знаю…

— Тогда давай назовем его Лаки. Идет?

— Первые нормальные слова, какие я от тебя слышала.

Чистотец повел их назад к автобусу, где соорудил Лаки кормежку из «Баранины с бобами», а после стал искать, во что бы переодеться. Когда он стянул через голову балахон, Мэгги слабо пискнула.

— В чем дело?

— Твоя спина! Буквы… шрамы исчезли!

Посмотревшись в зеркало в уборной, он увидел, что она права. Зловещие письмена поблекли. Остался лишь слабый шрам на месте последней «О», как раз в том месте, куда ему в грудь вошла стрела флюгера. Никакого больше жжения. Никакой ноши воспоминаний или вины.

Они двинулись через выжженную равнину пыли и химических ядов. Если бы требовалось отыскать самый безнадежный и голый участок пустыни на Земле, можно было смело утверждать, что это он и есть. А Чистотец вдруг понял, что

сделает с маленьким шариком слоновой кости, который носил с собой. Остановив автобус, он отыскал то место, где, как ему казалось, стоял памятник Лодеме Ситтурд. И опустился на колени.

— Это дар всем вам, — сказал он, разгребая руками землю. — Всем, кто помогал мне в моем пути. Сим мы сажаем зерно, чтобы исцелить прошлое. Мы сажаем это зерно в надежде на будущее. Чтобы помнить и чтобы забыть.

Он опустил тусклый белый шарик в мертвую красную землю, присыпал пылью и послал безмолвную молитву за Кокомо. Сердце у него на мгновение зашлось от боли, но к тому времени, когда он вернулся за руль, он почувствовал прилив сил. У них нет денег. В любой момент у него может случиться кровоизлияние в мозг. Ребенок Мэгги может появиться на свет с родовой травмой. И хуже всего, он узнал, что он не только сам наполовину человек, наполовину машина, но и тот, кто его сотворил, был таким же. Он — неудачный технологический и теологический эксперимент. И все равно он ничего не мог с собой поделать. Он радовался, что жив. Что бы это ни значило…

Включив радио, он едва не съехал в канаву, когда услышал голос Вонючки Юлы, но это лишь передавали композицию. Поэтому он настроился на новости.

«Американское пиратское радио» сообщало о мощном землетрясении, которое вызвало катастрофу в Южной Дакоте и которое окрестили Неистовый Конь. Недоумение ученых вызывал тот факт, что ущерб носил избирательный характер. От Блэк-хиллс на западе и по всему штату были стерты с лица земли треки картинга, закусочные и забегаловки, казино, мотели и киоски, а остаточные толчки почувствовали даже в «Витессалите» в Миннеаполисе. И что самое примечательное, Головы Президентов на горе Рашмор потрескались и осыпались кучей — которая, по описанию многих очевидцев, походила на составной бюст, с тех пор называемый Скрытым Президентом.

К другим новостям. Минсон Фиск, отныне самый богатый атлет мира, вновь появился после своего странного исчезновения во время «Покраснения» Лос-Вегаса (так стали известны тамошние события). По всей видимости, гея-тяжеловеса лечили от некой раны в голову в ветеринарной клинике, самом лучшем заведении, какое удалось найти, учитывая беспорядки в городе. Считалось, что чемпиона сбили с ног и неумышленно покалечили его собственные обожающие поклонники. Впрочем, средства массовой информации не подозревали, что истинной причиной ущерба был шок, который испытал Минсон увидев, как его давно потерянный и предположительно покойный отец-гомосексуалист

в шоколадного цвета вечернем платье занимается любовью с его матерью на столе китайского ресторанчика. Не знали средства массовой информации и того, что, когда Минсон пришел в себя, первая его мысль была о трех китайцах, которых он видел в забытьи и которые предупредили его о том, как наберет силу движение геев-задир, малоприятное побочное следствие его победы. Что до будущего, то журналисты могли только гадать, но, внезапно разбогатев, Минсон вскоре отправит родителей на остров на Карибах, где Эрата Прауд станет могущественной мамбой.

Арета так и не вернулся в Манхэттен. Он отказался от мечты о социальной революции и заново придумал себя — стал жить в доме на пляже с Эратой и неопрятной игуаной по имени Флип Уилсон и преподавать в школе для местных ребятишек, временами совершая вылазки в мир высокой моды, чтобы сделать наброски для пары-тройки ансамблей. Дни, проведенные им у сатьяграхов, стерлись из его памяти так же полно, как его карьера адвоката. Лишь изредка, рано утром, он снова видел во сне туннели и Чистотца, и только однажды ему довелось лицезреть великих эйдолонов: Селезень Дули и Убба Дубба прогуливались по залитому лунным светом пляжу в сопровождении ребенка, который был наполовину орангутангом, наполовину селезнем. Но он почти ежедневно ощущал их присутствие, свое единение со всем миром, какое испытал на бульваре Рональда Рейгана. Он так и не узнал правды про Ищейку, но, может, оно и к лучшему.

А вот про Уинна Фенсера — или, во всяком случае, о его официальных выступлениях — журналисты знали. Мультимиллионер, чей мозг умер, скончался в частной клинике в Сен-Поле. Согласно голографическому завещанию, его пост в «Витессе» и полный контроль над его имуществом переходили к Джулиану Динглеру, который как раз подумывал о переносе штаб-квартиры корпорации в Питтсбург — в новый комплекс, построенный на месте старого парка «Макропотамия».

По возвращении из стремительной инспекционной поездки по отделениям «Витессы» в Европе Динглер задержался в Нью-Йорке, чтобы дать пресс-конференцию, на которой вкратце изложил суть своих коренных реформ. Выбранный для конференции стадион «Янки» был забит до отказа. Среди прочего Динглер пообещал закрыть все секретные лаборатории корпорации и предоставить общественности доступ ко всем новым исследовательским проектам. «Мы проветриваем лабиринт, в который превратилась „Витесса“, — заявил он. — Мы накладываем запрет на производство любых новых психотропных препаратов, выпускаемых любыми нашими дочерними

предприятиями, и приглашаем группу независимых экспертов для составления доклада о полезности или опасности всех находящихся в данный момент в обращении лекарств. Также мы серьезно пересмотрим структуру нашего бизнеса. Мы намереваемся вернуть различие между бизнесом и правительством и стереть различия между бизнесом и общечеловеческими ценностями. У „Витессы“ достаточно человеческих и финансовых ресурсов, а также интеллектуальной собственности, чтобы разработать новое определение Качества Жизни, которого возможно достичь в масштабах всей планеты. Будет положен конец неуемной алчности. Прекратятся уничтожение на корню экосистем и порабощение народов. Мы собираемся доказать жителям этой планеты и самим себе, что человечество — это не конец, а только начало. И теперь в память об этом обете и чтобы возглавить нас в своего рода молитве, с которой, думаю, согласятся все присутствующие, Селезень Дули и Убба Дубба выступят с очень важным сообщением».

Огромных мультяшных существ встретил гром аплодисментов (по слухам, слышный от парка «Палисейдс» до Флэтбуша[113]), когда они завели стадион хором спеть старую добрую рэп-версию песни протеста «Будь у меня молот», а после объявили, что вот-вот станут гордыми родителями нового биологического вида и что приглашают людей всего мира помочь выбрать имя младенцу. Предложение может внести кто угодно. Все имена будут участвовать в лотерее, которая состоится 4 июля, а исключительно важную бумажку вытянет Ариэль Струг, храбрый глава детского движения «Хрен Селезню», парализованный от талии и ниже в результате увечья, нанесенного в ходе нападения на мирную демонстрацию христианских фундаменталистов.

Следя за церемонией по радио в катящем на север «Духокрузере», Чистотец спрашивал себя, может, он тоже обманка, запасной вариант? Может, истинной программой мессии, если таковая существовала, были Селезень Дули и Убба Дубба и мутантный дар, который они вот-вот произведут на свет?

Праздник на стадионе «Янки» закончился салютом из артиллерийских орудий, после которого Джулиан Динглер, исполняя свое обещание стать более доступным, отказался от лимузина и вертолета и на подземке поехал в Гарлем, чтобы пешком пройтись до Центрального парка. Его телохранители яростно противились такому решению, а секретные службы «Витессы» вывели на улицы своих оперативников, но Динглер предпочел гулять в обществе одного Дули, и это зрелище — миллионер и огромный синий селезень, который, отдуваясь,

шагал бок о бок с ним, — жители Нью-Йорка никогда не забудут.

Сами о том не зная, Динглер и Дули свернули к Форту Торо, где у Зеркального Поля на них собрались посмотреть все его обитатели. Сатьяграхи устроили праздник в честь заявления Динглера, уверенные, что здесь не обошлось без Парусии Хид — особенно если учесть, что после долгого молчания она наконец вышла на связь и назначила новой главой общины Баулу Шварцчайлд. Это решение было воспринято сперва с недоумением, а после с неподдельным энтузиазмом — в духе новых надежд на исцеление.

Но Джулиану Динглеру эта прогулка открыла глаза. Многое из увиденного он не скоро забудет, но дольше всего его станет преследовать образ белого мужчины, который бормотал в толпе чернокожих; и битого стекла, сияющего, как битое стекло на солнце. Худой бомж был одет в обноски, смеялся себе под нос, а рядом с ним сидел огромный безобразный пес. Задние ноги полукровки были встроены в коляску для гольфа с ржавыми колесами. При их виде Динглеру подумалось, что этот трясущийся человек и его искалеченный пес на самом деле единое существо, которое, хихикая и скрипя, вот-вот исчезнет в недрах города.

А тем временем мысли Чистотца были столь же чисты, как страницы книги Юлы, так же открыты, как трасса, которая привела их к мосту через реку Симаррон.

Бак «Духокрузера» был заправлен под завязку, а сам сверкающий серебром голубой автобус гудел на мерной скорости мимо расстрелянного из обреза старого придорожного щита, который одиноко стоял посреди неряшливого ячменного поля.

> «Претерпевший же до конца спасется»
> (Мф 10:22)

Перебирая струны гитары, Слепой Лемон напевал «Я встал утром, блюз шел как человек…».

— Ты в порядке? — спросила Мэгги.

— Просто голова болит, — отозвался Чистотец. — Слушай, а знаешь что? Мы в Канзасе.

notes

Примечания

1

Текумсе — вождь шауни, объединивший племена долин реки Огайо и района Великих Озер для сопротивления колонизации и передачи земли белым поселенцам. Собранные им силы были разбиты в его отсутствие в битве на р. Типпекану. В войне 1812 года Текумсе воевал на стороне англичан в чине бригадного генерала, погиб в 1813 году в битве при Чатаме. — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Торо Генри Дэвид (1817–1862) — философ, писатель, один из столпов американской литературы и активный участник кружка трансценденталистов; в своем творчестве опирался на идеи Ральфа Уолдо Эмерсона о необходимости во всем полагаться на свои силы и искать опору и утешение в близости к природе.

3

Евангелие от Иоанна 6:38.

4

Последователи «Сатьяграха» (санскр.), выдвинутой Махатмой Ганди философии и политики «пассивного сопротивления» и «гражданского неповиновения» британскому правлению в Индии.

5

Арета взяла себе фамилию самой известной медсестры — Флоренс Найтингейл, героини Крымской войны.

6

Композиция из альбома Джонни Кэша «Обида», перевод К. Егоровой.

7

Католический университет в Бронксе.

8

Сборные модули полуцилиндрической формы из гофрированного железа, используемые в качестве временной армейской казармы или хозяйственной постройки.

9

В математике множество Мандельброта — это фрактал, определенный как множество точек на комплексной плоскости. Наглядно выражается в компьютерной графике в виде «расплывающихся» абстрактных рисунков.

10

Цитата из «Пиратов Пензаса», одной из самых известных комических опер Гилберта и Салливана (конец XIX в.).

11

«Поскольку мы больше не дети, мы уже мертвы» (фр.). Афоризм румынского скульптора Константина Бранкуси.

12

Фантом, привидение (греч.).

13

Улица трущоб в Нижнем Манхэттене.

14

От немецкого «скрытый».

15

Популярная поп-звезда 1950-х годов.

16

Крупнейшая многоуровневая маркетинговая компания США, которую часто сравнивают с «пирамидой» и называют основоположником сетевого маркетинга.

17

Бюро по контролю за продажей алкогольных напитков, табачных изделий и оружия.

18

Шахматный термин, обозначающий ситуацию, в которой любой ход игрока лишь ухудшает его положение (нем.).

19

Нейрофизиолог, получивший Нобелевскую премию по медицине за исследования в области раздельного функционирования долей человеческого мозга и лечения эпилепсии посредством блокирования сигналов между ними.

20

Название экспедиции, предпринятой в 1803–1806 гг. для изучения «Луизианской Покупки» (земель, проданных США правительством Наполеона Бонапарта, которые вдвое увеличили территорию штатов); самая грандиозная экспедиция в освоении Северной Америки.

21

Протеин, вырабатываемый иммунной системой для нейтрализации вирусов и бактерий.

22

Второе пришествие Христа (греч.).

23

В греческой мифологии имя слепого пророка, которому Зевс и Гера предоставили решать их спор, кто получает больше удовольствия от секса, мужчины или женщины.

24

Самый крупный в мире вокзал междугородных автобусов; расположен в Нью-Йорке на Восьмой авеню между 40-й и 42-й улицами, находится в ведении порта.

25

Индейское племя, населявшее земли на юго-западе современного штата Канзас, или по названию города Вичита в Канзасе.

ПБ — пропавший без вести; ЕП — еще не прибыл.

27

Заглавная песня со второго альбома певца Мита Лоуфа (1977).

28

Сеть придорожных ресторанов быстрого питания в США.

29

Распространенное название Пенсильвании.

30

Введенное Махатмой Ганди вежливое обозначение неприкасаемого в индуистской кастовой системе; буквально означает «дитя бога».

31

Я говорю по-испански; я говорю по-португальски, я говорю по-французски.

Американская медицинская ассоциация.

33

Джеки Глисон — комедийный актер, популярный ведущий телепрограммы «Шоу Джеки Глисона», шедшей в 1950–1960-х гг.

34

Канонизированный в XVII в. монах-иезуит Алоизий умер от чумы и потому почитается как покровитель ее жертв, а в наше время — больных СПИДом и тех, кто за ними ухаживает.

35

Святой Николай Толентинский считается покровителем святых душ.

36

Бойцовая порода собак, отличающаяся врожденной агрессией и невероятной силой; запрещена к разведению и ввозу во многие страны.

37

Дьявол (исп.).

Здесь: Навались! (исп.)

39

Международная благотворительная организация «Врачи без границ».

40

Историческое укрепление, некогда построенное на месте современного Питтсбурга, часть укреплений, возведенных индейцами и французами в 1754 г. в долине р. Огайо.

41

Эдвард Торндайк — американский психолог-бихевиорист.

42

Город в географическом центре Северной Америки.

43

«Мы не берем пленных и поедаем раненых» — расхожая гипербола американских частей во время войны во Вьетнаме.

Рок-н-ролл Роя Орбисона (1976).

45

Плодовитый автор авантюрных вестернов о Диком Западе (1872–1939), один из основоположников этого жанра; Зейн — псевдоним, взятый от названия его родного города Зейнсвилл, штат Огайо.

46

Американская актриса с талантом широкого спектра (от канкана до ролей добродетельных женщин), получила премию Оскар за роль в фильме «Условия нежности».

47

Самый известный американский психолог-экзистенциалист, подчеркивавший трагичность человеческого бытия.

48

Чарльз Артур «Милашка» Флойд (1904–1934) — грабитель банков и предполагаемый убийца, героизированный прессой и фолк-певцом Вуди Гатри в «Балладе о Милашке Флойде».

49

Уайат Берри Ирп (1848–1929) — погонщик мулов, охотник на бизонов, игрок, шериф и содержатель салунов на Диком Западе и на Аляске; легендарная фигура Дикого Запада, герой десятка кинофильмов (в частности, «Тумстоун» с Куртом Расселом) и романов в жанре вестерн.

50

Американский психолог и писатель, один из гуру движения «помоги себе сам»; автор ряда книг, в том числе «Разбуди в себе гиганта».

51

«Большой босс кампуса» — голливудская комедия на тему «Собора Парижской Богоматери» (1989); Квазимодо здесь живет в башне Калифорнийского университета. Кикапу — одно из племен американских индейцев, остатки которого на данный момент сохранились в Канзасе, Оклахоме и Техасе.

52

Название альбома группы панк-группы «Оф деф».

53

Из текста мессы: «Яви нам, Господи, милость Твою… И спасение Твое даруй нам… Господи, услышь молитву мою».

54

Красный огненный муравей, или муравей Рихтера, завезенный в США случайно в начале 1900-х гг. из Южной Америки, — одна из самых опасных разновидностей муравьев, яд которых вызывает болезненные воспаления и которые наносят огромный ущерб из-за своей тяги к электропроводам, выводя из строя противопожарные системы, светофоры и другое оборудование.

55

Национальный мемориал «Маунт-Рашмор» — гранитная скала в Блэк-хилс, штат Южная Дакота, на которой скульптор Г. Борглум высек профили четырех президентов — Дж. Вашингтона, Т. Джефферсона, А. Линкольна, Т. Рузвельта. Неистовый Конь — выдающийся вождь народности сиу, является символом непреклонности в борьбе за интересы своего народа.

56

Средневековый итальянский гимн на искаженной латыни.

Массачусетский Технологический университет.

58

«Disjecta Membra» — буквально: «Рассеянные члены». Выражение пошло из «Сатир» Горация, где говорится, что рассеянные останки поэта все равно останутся поэтом, иными словами, что перепутанные части стихотворения все равно остаются стихотворением; употребляется в основном в отношении фрагментов поэзии или цитат.

59

Лемон Джефферсон (1893–1929), по прозвищу Слепой Лимончик, влиятельный блюзмен и гитарист из Техаса. Один из самых популярных блюзпевцов 1920-х гг. «Лимончик» — на языке негров «светлокожий мулат».

Полк знаменит своим участием в различных войнах с индейцами; в 1876 г. был разбит в битве на реке Литл-Бигхорн; это был последний случай, когда индейцам удалось одержать победу над армейским подразделением, уничтожив всех его солдат.

61

«Нас всегда тянет к запретному» (лат.) Овидий.

62

Многоуровневая маркетинговая компания, занимающаяся производством и продажей косметики, бытовой химии и других потребительских товаров; первой стала применять сетевой маркетинг, ее название стало, по сути, синонимом маркетинговых и финансовых пирамид.

63

Псалтирь 17:8–11, 15.

64

Корпорация «Оскар Майер & Ко», основанная в 1911 г., поставляет на американский рынок более трехсот наименований расфасованной мясной гастрономии.

65

Дорога, впоследствии автострада, соединяющая Восточное и Западное побережья США и идущая от Чикаго до Лос-Анджелеса; увековечена в американской литературе и поп-культуре.

66

Американская сеть супермаркетов, торгующих мелким оптом со склада, наподобие «Метро» или «Икеи».

67

Американский литератор и редактор, еще при жизни стал классиком американской литературы, завоевав популярность сочетанием диккенсовского мелодраматизма и сентиментальности и грубоватого цинизма Дикого Запада.

68

Джеронимо — вождь Племени чиркуа, возглавивший сопротивление индейцев в 1885–1886 гг. Билли Кид — прозвище легендарного главаря калифорнийской банды Уильяма Боуни, на основе биографии которого сняты десятки вестернов.

69

Неофициальное название района калифорнийского города Лонг-Бич с многочисленными камбоджийскими ресторанчиками, магазинами этнической одежды и ювелирных изделий.

70

Традиционное название легендарно крепкого сорта марихуаны, произрастающей в Мексике.

71

Национальный мемориал генерала Гранта — мавзолей в Риверсайд-парке в Нью-Йорке, где похоронены 18-й президент США Улисс Симпсон Грант и его супруга.

72

Бриэм Янг — религиозный деятель-мормон, неоднократно конфликтовавший с властями по поводу существования у мормонов многоженства. Мэй Уэст — актриса и сценаристка, легенда американской индустрии развлечений, секс-символ 1930-х гг., получившая прозвище Крошка Вамп.

73

Культ груза — религиозное течение в Меланезии, последователи которого считали, что промышленные западные товары (груз) были созданы духами предков для меланезийцев, а белые просто присвоили себе эти предметы. Пляска духа — обряд мессианского культа, распространенного среди индейских племен на западе США; создан пророком Джеком Уилсоном, проповедовавшим ненасильственное окончание евроамериканской экспансии и межкультурное сотрудничество.

74

Система самозащиты и контактного боя, разработанная спецслужбами Израиля.

75

Реальный город Янгстаун находится в штате Огайо.

76

Традиционное норвежское и шведское блюдо из трески.

77

Хикок Джеймс Батлер, по прозвищу Дикий Билл — легендарный герой периода освоения западных территорий США; был кучером на маршруте ряда дилижансов, по легенде, успешно отразил нападение гризли, а в другой раз — банды грабителей; во время Гражданской войны был разведчиком у северян; сражался с индейцами, был судебным исполнителем и игроком в покер. Легенды приписывают ему множество подвигов.

78

«Брубейкер» — название фильма 1980 г., в котором новый смотритель небольшой фермы-тюрьмы пытается навести в ней порядок и борется с коррупцией, выдав себя за заключенного.

79

«Бутхил» — название ряда кладбищ на Западном побережье США; в XIX в. распространенное название захоронений тех, кто «умер в сапогах», т. е. насильственной смертью.

80

Роберт Бернс, «Ода шотландскому пудингу Хаггис». Перевод С. Маршака.

81

Заповедник к северо-востоку от Лас-Вегаса.

82

Джесси Джеймс и Зерельда — персонажи вестерна «Американские герои» режиссера Лес Мейфилда; фильм основан на реальных событиях, которые, однако, пропущены через призму Голливуда, а потому сюжет несколько далек от действительности. Бритт Рейд — персонаж криминальной драмы «Зеленый шершень», в которой герой борется с преступностью; прототип фильмов о «Супермене», «Человеке-Пауке» и т. д. Одинокий ковбой — персонаж популярного сериала в жанре вестерн, шедшего сначала на радио (в 1930-х гг.), а после, в 1940–60-х гг., на телевидении.

83

Национальный парк по обе стороны границы штатов Колорадо и Юта; известен многочисленными останками динозавров, открытыми здесь в 1909 г.

84

Я? (фр.)

Буквально: умение, сноровка (фр.).

86

Персонаж одноименной книги для подростков Джулии Лоусон о временах клондайкской золотой лихорадки.

87

Разновидность оркестра, возникшая в Мексике, иногда в него может входить до двадцати музыкантов.

88

Набор карт для теста, разработанного Карлом Зинером; в колоде двадцать пять карт с пятью символами, участнику теста предлагается угадать символы на закрытых от него картах при помощи телепатии.

89

Товарный знак попкорна в карамели.

90

Марта Джейн Берк — известная личность времен освоения Западных территорий; рано осиротела, научилась прекрасно скакать на лошади и стрелять; одевалась, пила и ругалась, как настоящий ковбой; прозвище «Джейн Стихийное Бедствие» заработала за резкость и частые угрозы в адрес мужчин, которые, как ей казалось, были с ней не слишком вежливы.

91

Вымышленный персонаж, детектив, расследующий преступления в популярном подростковом детективном сериале 30-х гг.

92

Традиционная английская фольклорная баллада, согласно легенде, написанная английским королем Генрихом VIII для Анны Болейн.

93

Божество индуистской мифологии, судья и царь мертвых.

Украшены мудростью (лат.).

95

Американский математик венгерского происхождения, внесший значительный вклад в квантовую физику и квантовую механику и разработавший теорию игр как попытку понять процесс принятия решений в реальном мире, где в переговорах участвуют несколько сторон, обладающих разными ресурсами и информацией.

Перевод Б. Пастернака.

97

Прозвище американских капиталистов XIX в.

98

Якоб Беме (1575–1624) — немецкий теолог и мистик; Майстер Иоганн Экхарт (1260–1328) — немецкий схоласт и философ-мистик, провозглашавший познание и деятельность разума как промысл Божий внутри человека.

99

Актер, певец, звезда Голливуда 1920–30-х гг.

100

Певец и актер; снялся во многих фильмах, ставших классикой Голливуда; получил премию «Оскар» за фильм «Иду своим путем» (1944); с 1931 г. выступал на радио; в 1940–1950-х гг. много снимался на телевидении.

101

Американский певец ритм-н-блюза (1929–1954).

102

Роберт Лерой Джонсон (1911–1938) — один из самых известных и влиятельных блюзменов; считается «дедушкой рок-н-ролла», чей стиль игры на гитаре оказал влияние на многих музыкантов, включая «Лед Зеппелин», Боба Дилана, «Ролинг стоунс» и Эрика Клэптона. Бесси Смит (1898–1937) — певица, одна из лучших исполнительниц блюза за всю его историю.

103

Тамани-холл — неофициальное название штаб-квартиры демократической партии штата Нью-Йорк в конце XIX–первой половине XX века. В действительности «Локо-фоко», или «Спичечная партия», — уничижительное прозвище радикальной фракции отделения демократической партии в Нью-Йорке в годы администрации Э. Джексона. Фракция выступала за отмену бумажных денег и в защиту профсоюзов. Она получила свое прозвище после того, как 29 октября 1835 г. самочинно продолжила партийное собрание, в то время как ее противники прекратили выступления и покинули зал заседаний, выключив осветительные газовые рожки. Радикалы при помощи фосфорных спичек (loco-foco matches) вновь зажгли свет и продолжили заседание.

104

Кастер Джордж Армстронг (1839–1876) — офицер, отличился в ходе Гражданской войны. В решающем наступлении 1876 г. Кастер во главе южной колонны приблизился к лагерю индейцев на реке Литл-Бигхорн и, нарушив инструкции, немедленно ввязался в бой. В лагере находилось несколько тысяч воинов под руководством вождей Сидящий Бык и Неистовый Конь. Небольшой отряд Кастера был почти полностью уничтожен, сам Кастер убит. Эммет Тилл — четырнадцатилетний подросток, замученный и убитый в штате Миссури в 1955 г. за то, что заговорил с белой женщиной; его белые убийцы были оправданы, а приговор суда послужил мощным толчком движению в защиту гражданских прав в США.

105

Бойня на ручье Вундед-Ни — истребление большой группы индейцев сиу в Южной Дакоте отрядами федеральных войск под командованием полковника Форсайта в 1890 г. Случайный выстрел при разоружении пленных индейцев спровоцировал схватку, превратившуюся в истребление индейских воинов, женщин и детей. Эта бойня, которой завершилась история войн с индейцами, стала одной из позорных страниц истории США.

106

Персонаж стихотворения американского поэта Эдварда Арлингтона Робинсона (1869–1935) «Вечеринка мистера Флуда».

107

Латинская фраза, встречающаяся в «Вульгате» (Псалтирь, 114:9), может быть переведена как «Благоугожду пред Господом во стране живых»; в русском синодальном переводе Псалма 114 дана очень приблизительно: «Буду ходить пред лицом Господним на земле живых» (114:9).

108

Имеется в виду член партии, основанной в 1912 г. Теодором Рузвельтом и получившей прозвище «партии сохатого».

109

Группа из восьмидесяти семи переселенцев под предводительством Дж. Доннера, 1846–1847 гг. отрезанная от мира снегами в горах Сьерра-Невада зимой; когда у переселенцев кончились припасы, больше половины их умерли от голода, а оставшиеся в живых стали каннибалами.

110

Меметика — подход к эволюционным моделям передачи информации, основывающийся на концепции мемов (существовании единиц чистой информации). В данный момент многими учеными выделяется как самостоятельная научная дисциплина.

111

Легендарная фигура, персонаж романов в жанре вестерн Неда Бунтлина, первый из которых был опубликован в 1877 г.; по меньшей мере пять человек претендовали на сомнительную славу носить это прозвище.

112

Фольклорный американский блюз, наиболее известен в исполнении Луи Армстронга.

113

«Палисейдс» — парк на границе штатов Нью-Йорк и Нью-Джерси вдоль реки Гудзон. Флэтбуш — район Бруклина.